

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

23

1927

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Типограф. и Словол.
„Красная Пресня“
(3-я Мосполиграф)
Москва, М. Грузинск.
Столярный пер., 5/7.

СОДЕРЖАНИЕ

I. — Статьи

	<i>Стр.</i>
Милютин, В. Итоги экономического развития СССР и перспективы социалистического строительства	5
Угаров, А. Проблема мирового хозяйства	23
Блюмин, И. Теория Вальраса	68
Эйдельмант, А. Кантильон как теоретик воспроизводства (К истории «Экономической таблицы» Кенэ)	120
Цейтлин, З. Математический метод в политической экономии и в естествознании	149
Карев, Н. Гегелевская диалектика в оценке молодого Маркса	166
Фогараши, А. Философия фикции	184

Розенцвейг, Б. Основные вопросы неврдинамики	190
Серебровский, А. V Интернациональный Генетический Конгресс	212

II. — Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии

Боровский, В. Головной мозг и поведение человека	227
--	-----

III. — Критика и библиография

Асмус, В. Философия языка Вильгельма Гумбольдта в интерпретации проф. Г. Шпета	250
Ленциер, Н. Яковини, Г. «Политическое развитие современной Германии». «Прибой». 1927	266
Блюмин, И. Alfred Ammon «Grundzüge der Volkswohstandslehre Erster Teil. Его же. Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie.	275
Михайлов, А. Большая Советская Энциклопедия. 1—VII т.т. Отдел искусства	279
Цейтлин, З. Ворг, М. «Vorlesungen über Atommechanik». Berlin, 1925. Его же. Probleme der Atomdynamik. Berlin. 1926.	284

I.—СТАТЬИ

ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

I

Итоги экономического развития СССР в настоящее время с полной очевидностью дают возможность установить основные достижения в области социалистического строительства и характеризовать те закономерности экономического развития в условиях диктатуры пролетариата, которые принципиально отличны от закономерностей развития капиталистического хозяйства. Законы экономического развития не являются раз навсегда данными законами для всех времен и всех условий. Каждая эпоха развития общества имеет особые законы экономического, политического и идеологического развития. Те, кто не понимает этого, не смогут верно понять и оценить настоящий исторический период, носящий переходный от капитализма к социализму характер, и в нашей стране, стране диктатуры пролетариата, выявляющий закономерности нового порядка, отличные от закономерностей капитализма. *Законы развития обобществленного сектора нашего народного хозяйства являются определяющими в наших условиях для других секторов нашего народного хозяйства и для всего народного хозяйства в целом.* Само собой разумеется, эти особенности нашего экономического развития находят свое выражение в деятельности прежде всего органов диктатуры пролетариата: усиление плановых начал нашего народного хозяйства, укрепление социалистических форм хозяйства, изменения, происходящие в социальной структуре нашего общества, являются результатом этой деятельности, выражающей новую ступень общественного развития. Этого не понимают не только буржуазные и мелко-буржуазные идеологи, но этого не поняли и некоторые из наших товарищей, составляющих оппозицию, оперирующих по существу построениями, относящимися к капиталистическому строю, (в частности это нашло свое выражение в работах Преображенского, Смилги и др.). Результатом этого должно было явиться не только искажение существующей действительности, непонимание социалистического строительства, но и путанная мелко-буржуазная экономическая программа нашей оппозиции.

Октябрьская революция, свергнувшая власть капиталистов и помещиков, освободив от гнета рабочих и крестьян, осуществив диктатуру

пролетариата, поставила задачей коренное изменение и переустройство всего общественного строя на социалистических началах.

Тов. Ленин в первый день после Октябрьского переворота сказал:

«Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого-либо участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый буржуазный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советской организации. Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма» (Речь на Петроградском Сов. Р. и К. Д. 26 X—17 г., том XV).

В целях общественного переустройства необходимо было прежде всего создание материальной основы для осуществления задач, поставленных Октябрьской революцией. Поэтому в первую очередь встало задачей разрешение *земельного вопроса в деревне и национализации средств производства—в городе*. Национализация земли и национализация банков, средств передвижения и предприятий, явившись, с одной стороны, мероприятиями, связанными с уничтожением власти капиталистов и помещиков в стране, с другой стороны, дали в руки трудящихся материальные средства для развития общественной жизни на новых социалистических основах. Превращение средств производства в собственность советской республики, т.-е. в общую собственность всех трудящихся, было основой основ для экономического развития, направленного в интересах рабочих и крестьянских масс, для непрерывного повышения и улучшения их положения и для последовательного и неуклонного создания новых социалистических форм хозяйства.

Следующей, огромной важности, экономической задачей, явилось *всемерное повышение производительных сил страны*. Практические успехи в этом отношении являются одним из лучших доказательств того, что рабочие и крестьянские массы, свергнув власть капиталистов, сумеют дальше идти по пути экономического развития и, создавая новые формы хозяйства, развивая производство, улучшая положение трудящихся масс, покажут трудящимся всего мира возможность построения на практике социалистического строя.

В противоположность началу разобщенности, борьбы, конкуренции, беспощадной эксплуатации многих миллионов трудящихся и хищнического использования колониальных и полуколониальных стран, народное хозяйство советских республик, реализующих братский союз национальностей на пространстве, охватывающем одну шестую поверхности земной суши, должно было организовываться по единому общегосударственному плану, имеющему обеспечить наиболее рациональное и экономическое использование всех материальных и живых ресурсов страны. Первой попыткой создания такого плана явился доклад об электрификации страны, рассмотренный и принятый VIII и IX С'ездами Советов.

Осуществление всех задач, поставленных Октябрьской революцией, реализовавшей диктатуру пролетариата, могло быть достигнуто только

в союзе пролетариата с основной массой крестьянства и в решительной борьбе против разного рода попыток буржуазных и мелко-буржуазных элементов восстановить старые отношения и условия. Основным залогом успехов в деле дальнейшего развития страны и всего социалистического строительства являлся поэтому тесный союз, смычка города и деревни, рабочих и крестьян, промышленности и сельского хозяйства и все прогрессирующее вовлечение все более и более широких масс трудящихся к активному участию в государственном и хозяйственном руководстве и управлении страной. Организационный план строительства всей промышленности должен был опираться в первую голову на профсоюзы; в сельском хозяйстве, в деле организации крестьянских хозяйств и вообще во всей организационной работе по всему сектору разобщенных производителей ведущим началом должна была явиться кооперация, приобретающая свое новое социалистическое лицо в условиях пролетарской диктатуры.

Первой советской республике приходится развиваться в условиях окружения капиталистическими странами. Отсюда крупнейшие тормозы в деле хозяйственного развития страны. Техническая отсталость всего нашего довоенного хозяйства, недостаток необходимого оборудования и разнообразных видов сырья—все это делает развитие нашего внешнего товарооборота, расширение наших экономических отношений с другими странами, использование их опыта и их технических достижений одной из самых существенных предпосылок подъема производительных сил советского хозяйства. Однако, такое использование неизбежно наталкивается на враждебные противодействия со стороны капиталистических стран, усматривающих в подъеме нашего хозяйственного строительства прямую угрозу собственному бытию. Монополия внешней торговли при таких условиях является нашим наиболее надежным и мощным оружием, и вместе с тем эта монополия не может не вклиниваться как чужое звено в систему сложившихся в капиталистическом мире международных хозяйственных отношений.

Революционный разрыв всех прежних хозяйственных связей и отношений, труднейшие задачи хозяйственного и планового строительства, гигантское напряжение сил военной полосы революции, преодоление трудностей периода восстановления нашего хозяйства в условиях капиталистического окружения, непрестанная борьба с пережитками прошлого, огромные жертвы на всех этих первых этапах, выпавшие на долю первой в мире страны пролетарской диктатуры,— все это было преодолено борьбой рабочих и крестьянских масс под руководством закаленной в исторических испытаниях ВКП(б).

Дело строительства социализма стало, таким образом, основной практической задачей, основной руководящей идеей всей государственной, хозяйственной и плановой работы советского Союза. Опыт борьбы рабочих и крестьянских масс Союза наших республик за реализацию этой идеи, за фактическое строительство социализма, становится лучшей школой для всего мирового пролетариата, рвущего оковы старого мира.

II. Итоги первого десятилетия

Только после победы в гражданской войне, только после перехода на новую экономическую политику создались условия, которые дали возможность восстановить народное хозяйство. К концу первого десятилетия экономическое развитие страны по количеству продукции достигло довоенного уровня. По всем основным экономическим показателям, как-то: в области производства промышленности и сельского хозяйства, по производительности промышленного труда, уровню зарплаты и т. д. мы уже перевалили в общем и целом за довоенный уровень при решающей тенденции быстрого темпа преодоления этого уровня.

Общий темп восстановления народного хозяйства в условиях пролетарской диктатуры показывает, что наше экономическое развитие шло *более быстрыми шагами*, чем даже в окружающих капиталистических странах, которые не испытали на себе развернутого фронта гражданской войны и которые в своих внутренних взаимоотношениях тесно связаны между собой при одновременно растущем антагонизме по отношению к нам.

По основным линиям экономического развития мы к концу первого десятилетия можем констатировать укрепление социалистических форм хозяйства. Этими результатами определяется как степень осуществления задач, поставленных Октябрьской революцией, так и основы дальнейшего развития народного хозяйства по пути социалистического строительства.

Первой задачей, вставшей перед нами, явилось развитие производства, упавшего вследствие империалистической и гражданской войн, в силу чего создались необычайно тяжелые условия и тяжелое положение для рабоче-крестьянских масс. Победоносное окончание гражданской войны, установление новой экономической политики дали возможность восстановить быстрым темпом народное хозяйство до довоенного уровня. С начала нэпа, 1921—22 г., начинается подъемное движение национализированной промышленности, носящее характер все более и более ускоряющегося процесса. Если принять валовую продукцию цензовой промышленности 1913 г. за 100, то валовая продукция по довоенным ценам за последнее пятилетие представляет такой ряд цифр: 33,7, 40,4, 61,3, 89,7 и, наконец, в 1926—27 г. *валовая продукция цензовой промышленности превышает уже валовую продукцию 1913 г. и равняется 103,8*, а по контрольным цифрам на 1927—28 г. она будет равняться 118,8. Подобный рост производства в промышленности явился стимулирующим для всех других отраслей народного хозяйства, и к концу десятилетия удалось в значительной степени ослабить товарный голод на продукцию промышленности. Промышленная продукция, поступающая на широкий рынок в розничных ценах в 1924—25 г., составила 4,9 миллиарда рублей, в 1925—1926 г.—7,2 миллиарда рублей, в 1926—27 г.—7,9 миллиарда рублей и по контрольным цифрам Госплана в 1927—28 г. составит 8,2 миллиарда рублей. Таким образом, в течение двух лет количество пром-

товаров, поступающих на широкий рынок, несмотря на некоторое снижение цен, возросло за последние 2 года почти в 2 раза¹. Соответствующим образом увеличилось количество занятых рабочих. В 1921—22 г. число рабочих в цензовой промышленности равнялось 1.244 тыс. чел.; в 1922—23 г.—1.381 тыс. чел.; в 1923—24 г.—1.600 тыс. чел.; в 1924—25 г.—1.874 тыс. чел.; в 1925—26 г.—2.347 тыс. чел. и в 1926—27 г.—2.483 тыс. чел. Таким образом, за последние пять лет количество занятых рабочих возросло также в 2 раза. Вместе с тем росла и заработная плата, и в настоящее время реальная заработная плата превышает довоенную. Если взять реальную заработную плату 1913 г. за 100, то в 1926—27 г. реальная заработная плата выражается в 105,3, а с учетом коммунальных услуг даже 115. Производительность труда на 1 рабочего в 1926—27 г. на 8,8% превышает норму 1913 г. На ряду с этим количественным успехом в области положения труда следует указать также и на рост профессиональных организаций. Численность профсоюзов за последнее время из года в год увеличивалась: в 1924—25 г. профессиональные союзы объединяли 7 млн. чел.; в 1925—26 г.—8,7 млн. чел.; в 1926—1927 г.—9,9 млн. чел., охватив 80% всех лиц наемного труда, включая безработных.

Восстановление народного хозяйства, в частности промышленности, происходило в общем на старой технической базе. Уже 1925—26 г. показал, что бывшее техническое оборудование почти на 100% использовано, и дальнейшее значительное расширение производства может происходить лишь при условии решительной реконструкции техники, путем обновления оборудованных предприятий и нового строительства. Наши капитальные вложения в промышленность в 1924—25 г. едва покрыли износ, но уже с 1925—26 г. удалось приступить к более широкой реконструкции промышленности и значительно увеличить капитальные вложения. За последнее трехлетие—1924—25 г., 1925—26 г. и 1926—27 г.—в промышленность, планируемую ВСНХ, было вложено около 2.100 млн. руб. Указанное вложение дало возможность, с одной стороны, произвести значительное переоборудование предприятий, с другой—приступить к новому строительству.

Основной задачей реконструкции народного хозяйства является проведение электрификации страны. В области электрификации нами достигнуты, несомненно, серьезные результаты. Годичный отпуск электрической энергии с крупных станций общественного значения составлял в 1913 г. 431 млн. кВт. часов, в 1927 г. отпуск электроэнергии с крупных районных станций общественного пользования уже составил 1.900 млн. кВт. часов, т.-е. мы имеем увеличение почти в пять раз при одновременном, почти удвоенном, отпуске энергии с фабрично-заводских станций. Количество крупных электростанций с 1924—1925 г. возросло почти вдвое. Построено 13 районных электростанций,

¹ Все эти цифровые данные, как и последующие, взяты из опубликованных данных Госплана.

представляющих из себя сооружения первой очереди (Волховстрой, «Красный Октябрь», Шатурстрой, Штеровская, Балахнинская, Саратовская, Земоавчальская и др.). Помимо этого, ассигновано 24 млн. для приступления к работе по сооружению 9 новых электростанций: Новороссийской, Иваново-Вознесенской, Челябинской, Свирской и др. Но в особенности необходимо остановиться также на достижениях в области электрификации сельского хозяйства. Вопрос об электрификации сельского хозяйства дореволюционной Россией не ставился. Только крупные помещики иногда строили маленькие установки для нужд своего имения. Таких установок в 1917 г. имелось 75 на общую мощность в 1.036 квт. часов. За истекшие десять лет число установок возросло до 858 и мощность—до 17.500 квт. часов. Таким образом, число установок возросло в 11 раз и мощность в 17 раз. Около 90 тыс. крестьянских дворов уже электрифицировано. Указанные данные показывают, что начало в деле электрификации сельского хозяйства положено.

На ряду с вышеуказанными основными достижениями в области промышленности необходимо отметить ряд существенных *недостатков*. Прежде всего, достигнутый довоенный уровень промышленного производства является неудовлетворительным в отношении требований развития народного хозяйства, и основная задача индустриализации страны, в результате разрешения которой могут быть удовлетворены как производственные, так и потребительские нужды, является еще неразрешенной; разрешение указанной задачи лежит в перспективах экономического развития предстоящего периода. В области самой промышленности имеется ряд диспропорций. Прежде всего, необходимо отметить недостаточное производство металла. Производство металлической промышленности не достигает еще довоенного уровня.

Так, выплавка чугуна в 1926—27 г. составляет 70,7% уровня 1913 г. и прокат металла—73,8%. Имеется, несомненно, недостаток в производстве топлива и напряженное состояние с топливными резервами.

В области легкой индустрии мы по ряду важнейших промтоваров имеем дефицит, даже по сравнению с 1913 г. Так, например, в 1926—1927 г. продукция хлопчато-бумажных тканей на душу населения составила лишь 81% и по сахару—77%, по сравнению с 1913 г. Крупнейшим недостатком является дороговизна. По розничному индексу Кон'юнктурного Института Наркомфина несмотря на снижение розничных цен, мы все же имеем дороговизну, и средний уровень цен в 1927 г. почти в 2 раза выше 1913 г. Таковую же картину мы имеем и по себестоимости производства, каковая значительно выше себестоимости довоенного производства. К наиболее болезненным явлениям народно-хозяйственной жизни страны необходимо отнести безработицу. Несмотря на рост количества занятых в промышленности рабочих, безработица является крайне значительной и тяжело отзывается на экономическом положении страны. Таковы основные недостатки в области промышленности.

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, общий рост и укрепление промышленности усилили ее ведущую роль во всем народном хозяйстве и создали базу как для преодоления вышеуказанных недостатков, так и для разрешения задачи индустриализации страны, для дальнейшего увеличения продукции промышленности, удешевления себестоимости производства и обновления технической базы всего народного хозяйства.

Сельское хозяйство. Сельское хозяйство в меньшей степени пострадало в годы империалистической и гражданской войны. Валовая продукция сельского хозяйства в 1921—22 г. сократилась приблизительно на 40—45%, посевная площадь в 1922 г. составляла 78,8%, по сравнению с 1913 г. Но указанные потери, хотя и меньше чем в промышленности, тем не менее, крайне тяжело сказывались на всем народном хозяйстве.

С 1922—23 г. начинается восстановление сельского хозяйства, и к 1927 г. сельское хозяйство достигает по основным показателям довоенного уровня. В 1927 году мы имеем уже 95,1% посевплощади по сравнению с 1913 г. (в 1913 г. посевы равнялись 108,1 млн. десятин, в 1927 г.—102,8 млн. десятин земли); по количеству скота мы имеем даже некоторое превышение в 1927 г., по сравнению с 1916 г.—102,7 (в 1916 г.—84,3 млн. голов, если весь скот взять в переводе на крупный, и в 1926—27 г.—81,7 млн.). Таким образом, в течение последних пяти лет было восстановлено более 30% посевов и около 40% скота. Валовая продукция сельского хозяйства дошла в 1926—1927 г. до 97,2% довоенного времени.

Одновременно с восстановлением сельского хозяйства происходила и производственная реконструкция сельского хозяйства, выражающаяся в его интенсификации. Эта реконструкция находит свое выражение в изменении пропорции технических и зерновых культур и в росте удельного веса животноводства.

Зерновые культуры к 1927 г. по сравнению с 1913 г. составляли в процентах 92,2; хлопок составлял 115,6; сахарная свекла—107; конопля—130,8; подсолнух—215,3; картофель—138,8. И только по льну наблюдается отставание, и посевы под льном составляют 94,1%.

В области животноводства мы видим, что в 1927 г. лошади составляли 87% к 1913 г. Весь крупный рогатый скот составлял 110,7%, в том числе вола—129%, коровы—113%, овцы и козы—106%.

Таким образом, мы видим рост тех отраслей сельского хозяйства, которые показывают на заметную его интенсификацию. Борьба с засухами в сельском хозяйстве, являющаяся результатом периодических неурожаев, возможна только при дальнейшем подеме продуктивности сельского хозяйства, при его дальнейшей коренной реорганизации. С этой точки зрения имеют значение произведенные работы по землеустройству, мелиорации, по организации растениеводства и по переселению.

Землеустройство поставлено широко лишь с 1923 г. Межселенное землеустройство произведено на площади около 75 млн. десятин, внутриселенное охватило до 50 млн. десятин. Указанные величины

показывают недостаточность произведенных землеустроительных работ. Мелиоративная деятельность, начатая фактически с 1924 г., дала прирост орошаемых земель почти в $2\frac{1}{2}$ раза: с 1,5 млн. гектаров в 1923 г. до 3,5 млн. гектаров в 1927 г.

В области мер, предпринятых по повышению урожайности, необходимо отметить приступ к более широкому переходу на базу селекционных семян. Создание фонда в 15 млн. пудов селекционных семян и введение культурных семян на двух третях площади хлопка и свеклы являются серьезным достижением в деле повышения урожайности.

В связи с ростом сельского хозяйства и его производственной реконструкции, стоит усилить снабжения его сельско-хозяйственными машинами и инвентарем, причем следует отметить, что обеспеченность сельского хозяйства сел.-хоз. машинами и инвентарем происходит все в большей и большей степени за счет внутреннего производства. В 1926—27 г. за вычетом амортизации, наличность капитала в машинах и тракторах достигает уже сейчас *900 млн. рублей против 970 млн. рублей довоенных*. Производство сел.-хоз. машин и орудий повышается на 40% довоенного производства. Капитальные затраты по организации территории сельского хозяйства за последнее трехлетие удвоились: в 1925—26 г. они составляли 276 млн. руб., в 1926—27 г. — 418 млн. руб. и в 1927—28 г. — составят 570 млн. руб.

Таким образом, по основным элементам сельского хозяйства и валового сел.-хоз. дохода мы не только подошли к довоенным размерам, но и наметили план производственной реконструкции сельского хозяйства.

На ряду с этими достижениями, необходимо отметить основные недостатки. В числе этих недостатков основными является отсталость сельско-хозяйственной техники и низкая урожайность, каковая, например, в 2 раза меньше, чем в окружающих капиталистических странах. Недостаточная интенсификация сельского хозяйства обуславливает и аграрное перенаселение в ряде районов. Отсталость техники выражается в недостаточном применении удобрений, каковых применяется раза в три меньше по сравнению даже с довоенным временем, что является одной из причин, обуславливающих низкую урожайность сельского хозяйства. Недостаточное развитие отраслей перерабатывающей промышленности точно так же является причиной, тормозящей темп развития сельского хозяйства.

Все эти недостатки обуславливают относительную слабость сельско-хозяйственного производства, слабую товарность, что отражается крайне тяжело на нашем экспорте и приводит к избыточности рабочих рук, отлив которых из деревни в город служит основным источником роста безработицы в городе.

Только более тесная связь сельского хозяйства с промышленностью, только переход на новую техническую основу сельского хозяйства, дальнейшая производственная его реконструкция могут повести к дальнейшему увеличению сельско-хозяйственного производства и тем самым к дальнейшему улучшению положения крестьянских масс.

В течение 10 лет в деревне произошли определенные сдвиги. Основным фактором этих сдвигов является рост середняцкой массы, уменьшение бедняцких слоев деревни, частично переходящих к середняцким и частично отливающим в города. По посевным площадям, по скоту и по инвентарю происходит наибольший рост основной массы крестьянства. Однако, наряду с ростом основной массы крестьянства необходимо констатировать и рост кулацкой верхушки, каковая составляет в среднем до 4—5% всех крестьянских хозяйств. Но удельный вес всех кулацких элементов значительно уменьшился по сравнению с довоенным временем (в довоенное время кулацкая верхушка деревни составляла от 6 до 15% по отдельным районам в среднем). Таким образом, особенностью дифференциации крестьянства является то, что наряду с ростом кулацких элементов произошел экономический подъем и других крестьянских слоев деревни, и середняцкая масса крестьянства, пополняющаяся экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается попрежнему главной силой земледелия.

Это условие создает возможность не только борьбы с эксплуататорскими стремлениями кулачества, но и возможность дальнейшего вовлечения крестьянской массы на путь развития новых форм сельского хозяйства, новых форм общественных отношений в деревне — на путь социалистического строительства.

Экономическое развитие страны в течение десятилетия с полной несомненностью показало на практике преимущество социалистической формы хозяйства. Социалистический сектор народного хозяйства СССР развивался быстрее частного-хозяйственного сектора, это относится как к частному хозяйству в целом, так и к отдельным его частям — простому товарному и капиталистическому хозяйству.

Основные фонды всего народного хозяйства возросли (по ценам 1925—26 г.) с 49.311,4 млн. руб. в 1924—25 г. до 53.078,2 млн. руб. в 1926—27 г., при чем фонды обобщественного сектора в 1926—27 г. равнялись 30.343 млн. руб.

Если темпы нарастания всех основных фондов по всем социальным секторам составляли в 1925—26 г. — 3,1 по отношению к предшествующему году, а в 1926—27 г. — 4,4, то по социалистическому сектору мы имеем соответственный темп в 1925—26 г. — 3,5; в 1926—27 г. — 5,5.

Валовая продукция социалистического сектора нарастала следующим образом: в 1924—25 г. она составляла в червонных рублях — 7,2 миллиарда руб., в 1925—26 г. — 10,4 миллиарда руб., в 1926—27 г. — 11,8 миллиарда руб. и в 1927—28 г. она должна составить 12,9 миллиарда руб. Ежегодное нарастание здесь 44,6%, 13,0% и на будущий год 9,9%. Темп нарастания валовой продукции социалистического сектора выше темпа нарастания всех секторов вместе взятых. До 1926—27 г. мы имели картину медленного нарастания валовой продукции частного сектора, однако, в 1926—27 г. кривая развития валовой продукции частного сектора падает вниз и дает сокращение в абсолютных размерах. Это падение составляет в 1926—27 г. —

2,9%, по отношению к размерам 1925—26 г. Такое падение объясняется как снижением цен, так и сокращением физического объема продукции частного сектора.

В торгово-посредническом обороте мы видим аналогичную картину: до 1926—27 г. происходит процесс нарастания в абсолютных размерах как социалистического, так и частно-посреднического товарооборота, причем это нарастание частного товарооборота является замедленным, с 1926—27 г. замечается падение абсолютных размеров частного торгово-посреднического оборота. Если частный торгово-посреднический оборот возрос с 4 млрд. в 1924—25 г. до 5,7 млрд. в 1925—26 г., то в 1926—27 г. он снижается до 5,2 млрд. руб.

Совершенно противоположную картину развития представляет обобщественная торговля. Она возросла с 10,6 млрд. руб. в 1924—25 г. до 23,6 млрд. руб. в 1926—27 г. При этом наиболее быстрый рост давала кооперативная торговля в отличие от государственной. Государственная торговля возросла в 1925—26 г. на 52,5%, а кооперативная—на 84%. В следующем году государственная торговля увеличивается на 19,3% при росте кооперативной на 43%.

Данные о развитии основных фондов, валовой продукции и товарооборота определяют собой и динамику обобществления человеческого труда. Наемный труд по обобщественному сектору возрос с 6.087 тыс. в 1924—25 г. до 7.694 тыс. в 1926—27 г. В частном хозяйстве наемный труд возрос с 1.495,9 тыс. человек в 1924—25 г. до 1.855 тыс. человек в 1926—27 г. Основная масса наемного труда, занятого в частном секторе, приходится на сельское хозяйство, в котором наемный труд носит характер временного подсобного труда.

Что касается наемного труда в частной промышленности, то он упал с 141 тыс. человек в 1925—26 г. до 122 тыс. в 1926—27 г.

Удельный вес обобщественного сектора в области рыночных отношений возрос с 72,6 в 1924—25 г. до 81,9 в 1926—27 г. К концу 1924—25 г. основные фонды социалистического сектора составляли 56,8, а в 1926—27 г. они составляют 57,2%.

Развитие кооперации является показателем успехов социалистического строительства как в городе, так и, особенно в деревне. Развитие кооперации за последнее время показывает быстрый темп роста. Процент охвата всего населения потребительской кооперации, составлявший в 1913 г. 3,5%, в 1927 г. определяется в 47% по городу и 38% в деревне. По всем видам кооперации—и потребительской и сельско-хозяйственной и промысловой—число пайщиков в 1913 г. было 2.075 тыс. человек, на 1-е октября 1924 г.—6.989,9 тыс. человек, на 1-е октября 1925 г.—15.213 тыс., на 1-е октября 1926 г.—19.479 тыс. и на 1-е октября 1927 г.—23.069 тыс. Сельско-хозяйственная кооперация охватывает в среднем 32% всех крестьянских дворов.

Одновременно с ростом кооперации наблюдается большое возрастание кооперативных оборотов. В довоенное время участие потребительской кооперации в обще-розничном обороте страны определялось в 4%; в 1916 г. это участие дошло до 22%, в настоящее время,

по данным 1926—27 г., кооперативный оборот уже составляет 51,5 всего рознично-торгового оборота Союза.

Таким образом, более быстрый рост национализированной промышленности, возрастание роли кооперации в области товарооборота страны являются показателями роста социалистических форм хозяйства, при одновременном оттеснении всех частно-хозяйственных форм.

Дальнейший количественный и особенно качественный рост социалистических форм народного хозяйства является основной задачей, вытекающей из опыта и практики первого десятилетия.

Индустриализация страны, обновление техники сельского хозяйства, дальнейший подъем основной массы крестьянства и коллективизация сельского хозяйства, усиление роли кооперации, ее удельного веса, первые, пока еще слабые шаги реконструкции, улучшение качества работы,—таковы выводы, которые необходимо сделать из опыта и практики первого десятилетия.

Но опыт и практика первого десятилетия одновременно показали и трудности социалистического строительства, которые не могут не вызвать некоторого колебания в отдельных группах пролетариата и коммунистической партии. Эти колебания отражают в себе мелко-буржуазное влияние на некоторые части пролетариата и коммунистической партии. Эти колебания особенно ярко обнаружались в лице образовавшейся за последние годы объединенной оппозиции под руководством Троцкого. Главнейшим выражением мелко-буржуазного характера идеологии объединенной оппозиции является отрицание возможности организации социалистического общества в СССР из-за технической отсталости; отрицание социалистического характера наших достижений, недооценка роли и значения крестьянства в деле социалистического строительства и кооперации, как основного пути обобществления сельского хозяйства.

Неверие оппозиции в возможность организации социализма в СССР, в творческую способность рабочего класса и в возможность вовлечения крестьянства в дело социалистического строительства, непонимание того, что новая экономическая политика, в условиях СССР, является единственно возможной базой для успешного продвижения по пути социалистического строительства и преодоления буржуазных элементов в СССР—приводит ее к требованию частичного возвращения к методам военного коммунизма и ко взглядам на деревню, как на объект колониальной эксплуатации, что исключает возможность сколько-нибудь прочной хозяйственной политики союза рабочего класса с бедняцкой и середняцкой массами крестьянства.

В своей основе оппозиционная платформа находится в резком противоречии со всем тем, что в громадном творческом порыве осуществляет рабочий класс на территории СССР.

В борьбе с оппозиционными колебаниями, стремлением совлечь с правильного ленинского пути, партия своей экономической политикой сумела обеспечить быстрый рост производительных сил в направлении социализма и заложить основу для окончательного разрешения задач, поставленных Октябрьской революцией.

Пятилетний план народного хозяйства даст нам возможность установить настоящие перспективы развертывания социалистического строительства.

III. Пятилетний план народного хозяйства

Пятилетний план народного хозяйства должен быть построен на учете опыта и практики первого десятилетия и на учете внешних и внутренних условий экономического развития страны и основных задач экономической политики, какие ставит партия и Советская власть¹.

Точный учет имеющихся ресурсов, сбалансирование развития отдельных частей народного хозяйства должны лечь в основу разрешения на практике тех вопросов, какие ставит перед нами наступающий пятилетний период в области социалистического строительства.

Плановое построение народного хозяйства и проведение плановой политики в жизнь должно обеспечить и на будущее время бескризисное и бесперебойное экономическое развитие, и в этом отношении должны быть также учтены те ошибки и просчеты, какие были сделаны на практике прошлых лет и каковые должны быть избегнуты при намечении пятилетнего плана народного хозяйства.

Настоящий период экономического развития характеризуется, с одной стороны, изменившимися внешними условиями, с другой — постановкой в центре экономической политики страны реконструкции всего народного хозяйства страны. В области внешних отношений СССР с капиталистическим миром наступил переломный момент, характеризующий политическими обострениями с капиталистическим миром, с одновременным увеличением роли и значения СССР в мировом хозяйстве. В связи с этим наша экономическая политика, с одной стороны, должна предусмотреть опасность войны и те последствия для нашего экономического развития, которые таит в себе эта опасность. Наши экономические расчеты должны быть построены не только на случай мирного развития, но и на случай войны. Возможность войны и нападения на нас капиталистических держав, несмотря на нашу мирную политику, делает поэтому условными с этой точки зрения наши плановые перспективы развития. Но, с другой стороны, наша экономическая политика должна быть направлена на дальнейшее укрепление и расширение экономической связи с другими странами. Эти связи должны базироваться на сохранении незыблемости монополии внешней торговли, что являлось в прошлом и является для будущего основой для этих отношений. Само собой разумеется, что это расширение экономической связи с другими странами, как в виде развития внешней торговли, так и в виде укрепления концессионной практики, зависит не только от тех ресурсов и естественных богатств, которыми обладает СССР, но также от увеличения кредита и улучшения условий экономических взаимоотношений с нами со сто-

¹ Директивы по составлению пятилетнего плана, вносимые ЦК ВКП(б) на XV съезд партии, уже опубликованы.

роны капиталистических стран. Расширение экономической связи с капиталистическими странами должно сопровождаться дальнейшим развитием мероприятий, направленных на освобождение от иностранной зависимости в решающих для индустриализации областях. Должны быть приняты все меры к тому, чтобы в области производства средств производства в каждый годовой отрезок пятилетия делались реальные шаги в сторону дальнейшего развития собственного производства средств производства, в особенности машиностроения, а также и в области тех видов сырья, которые мы до сих пор принуждены выпивать из-за границы.

В области внутреннего экономического развития мы должны учесть, прежде всего, имеющиеся ресурсы в области производства, темп развития производительных сил страны и изживание имеющихся диспропорций в народном хозяйстве, главным образом диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью и дальнейшее укрепление социалистических форм хозяйства.

Достигнутый уровень производства и состояние производительных сил позволяют наметить дальнейшее значительное развертывание производства как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве. Но это развертывание производства, необходимое для удовлетворения растущих потребностей крестьян и рабочей массы, возможно лишь при осуществлении реконструкции народного хозяйства, при обновлении его технической базы, при осуществлении индустриализации страны.

Ближайшие пять лет должны быть годами практического осуществления и значительных шагов вперед в направлении этой реконструкции народного хозяйства. Поэтому, при выработке пятилетнего плана народного хозяйства должно быть положено в основу, прежде всего, разрешение основной задачи нашего экономического развития — индустриализации страны.

IV. Индустриализация страны и изживание диспропорции

Развитие промышленности за последние годы дало результаты в области изживания диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством и тем самым повело к возможно большему удовлетворению потребностей как городского, так и сельского населения в продуктах промышленности. И вместе с тем дало больше возможности для удовлетворения производственных нужд страны, в частности сельского хозяйства, путем большего количества производства средств производства, различного рода машин и орудий производства. Превращение страны из аграрно-промышленной в промышленно-аграрную остается важнейшей задачей в области нашей экономической политики. Поэтому, при намечении пятилетнего плана народного хозяйства необходимо обратить внимание на дальнейшее усиление промышленности, на дальнейшую индустриализацию страны, в целях дальнейшего изживания противоречий как в отдельных областях народного хозяйства, так и, в особенности, между сельским хозяйством и промышленностью. Результатом должен явиться рост удельного веса

промышленности и достижение большей согласованности в потребности на продукты промышленности и их производстве. Только путем устранения диспропорции в нашем народном хозяйстве возможно добиться его равновесия и дальнейшего бесперебойного развития.

V. Индустриализация и сельское хозяйство

Одной из основных задач нашей экономической политики в области социалистического строительства является изживание разницы между городом и деревней. В этом отношении связь между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, между рабочим и крестьянином является залогом возможности изживания противоположности города и деревни и согласованности их материального и культурного развития.

Более тесная связь между промышленностью и сельским хозяйством, как по линии производства, так и по линии организации потребления, даст возможность большего осуществления указанной политики в жизни.

Пятилетний план народного хозяйства должен поэтому увязывать взаимную потребность города и деревни с целью их наилучшего разрешения как со стороны производства, так и со стороны потребления.

Последние годы показывают, что одной из наиболее отрицательных сторон в нашем хозяйстве является несоответствие между предложением и предъявляемым деревней спросом на продукты промышленности. Развитие производства в промышленности должно быть сбалансировано со спросом города и деревни, при чем эта задача должна быть разрешена как путем увеличения продукции промышленности, так, с другой стороны, путем удешевления себестоимости и снижением отпускных и розничных цен.

VI. Реконструкция народного хозяйства

Но подобного рода увязка между растущими потребностями населения страны, рабочей и крестьянской массы, с одной стороны, и развитием производства, с другой, в перспективе экономического развития на ближайшие пять лет возможна лишь при проведении реконструкции народного хозяйства и при развитии капитального строительства в стране. Реальной основой для значительного повышения продукции в стране может явиться лишь дальнейшее развертывание капитального строительства и пуск новых предприятий. Развертывание капитального строительства должно быть полностью увязано с темпом развертывания производства и ростом накопления в стране. Развитие производительных сил СССР стоит в полной зависимости от размеров капитального строительства. Принятый темп капитального строительства отнюдь не должен быть снижен. Вместе с тем, капитальное строительство в стране (переоборудование фабрик и заводов, постройка новых предприятий и т. д.) должно основываться на последних достижениях техники и науки, и поэтому должно быть уси-

лено использование технических и научных достижений в других странах как путем дачи соответствующих заказов, так и путем привлечения квалифицированных специалистов и деятелей науки других стран. Основные черты начавшегося реконструкционного периода будут заключаться в мощном увеличении темпа электрификации страны, роста производства средств производства, в техническом перевооружении всей промышленности и транспорта, в постройке новых технически совершенных предприятий и в усилении плановости в народном хозяйстве и—на этой базе—в уменьшении себестоимости продукции, удешевлении цен и значительном увеличении общей массы продукции. Таким путем будет ускорен темп индустриализации страны, повышен удельный вес промышленности во всем народном хозяйстве и произойдет дальнейшее усиление ее ведущей роли во всем народном хозяйстве, при одновременном усилении развития сельского хозяйства.

VII. Развитие экономических районов

Экономическое развитие вызывает специализацию отдельных районов в силу их экономических особенностей. Подобного рода специализация отдельных районов народного хозяйства является чрезвычайно важной для успешного развития всего народного хозяйства. Поэтому при намечании пятилетнего плана народного хозяйства с особым вниманием необходимо остановиться на поднятии и развитии экономических особенностей отдельных районов страны. Развитие районов, производящих промсырье, хлопок, лен, шерсть и т. п., имеет колоссальное значение не только с точки зрения нашего внутреннего экономического развития, но и с точки зрения наших внешних экономических отношений, с одной стороны, ослабляя нашу зависимость от других капиталистических стран, а с другой стороны, увеличивая наши экспортные возможности.

Развитие районов животноводства и районов зерновых культур имеет особое значение в области регулирования нашего внутреннего потребительского рынка и точно так же для дальнейшего развития нашего экспорта.

В области промышленности точно так же учет особенностей районов, их естественных богатств сможет дать мощный толчок дальнейшему развитию всей нашей промышленности. В зависимости от учета экономических особенностей районов может быть поставлен и организован целый ряд новых производств и может значительно развернуться местная промышленность.

Поэтому, строя пятилетний план народного хозяйства, необходимо его развешивать не только в вертикальном разрезе, в разрезе отдельных частей народного хозяйства, но и в горизонтальном, в разрезе поднятия и развития экономических особенностей отдельных районов. Поэтому должно быть обеспечено дальнейшее экономическое развитие районов на основе учета их экономических особенностей и должна быть обеспечена согласованность этого развития с общим развитием промышленности и сельского хозяйства.

VIII. Укрепление социалистических форм хозяйства

Обеспечение развития производительных сил страны, обеспечение роста продукции, обеспечение реконструкции народного хозяйства— эти задачи, согласованные и увязанные между собой в пятилетнем плане, могут быть разрешены только путем дальнейшего укрепления и усиления социалистических форм, дальнейшего роста социалистического сектора народного хозяйства. Как мы видим, практика последних лет полностью подтвердила факт роста социалистических форм хозяйства и вытеснение частно-капиталистических форм. На вопрос: «кто кого?»—практика за истекшие 10 лет дала ответ в смысле укрепления и усиления социалистических форм хозяйства, заменивших частное хозяйство и частно-капиталистическую форму. Курс партии и советской власти, взятый на укрепление социалистических форм хозяйства, полностью оправдался.

При намечении пятилетнего плана народного хозяйства необходимо учесть дальнейший рост и дальнейшее увеличение роли и значения социалистических форм хозяйства. Индустриализация страны, означающая увеличение удельного веса в народном хозяйстве национализированной промышленности, знаменует собою и увеличение ведущей роли национализированной промышленности, являющейся, по определению Ленина, последовательно социалистической формой народного хозяйства.

В области торговли в настоящее время кооперация стоит на первом месте. В ближайший год необходимо дальнейшее увеличение удельного веса кооперации с одновременным ограничением капиталистических предприятий. Из оптовой торговли частный капитал должен быть вытеснен полностью. В области розничной торговли удельный вес кооперации должен быть значительно повышен.

Особое значение приобретает сельхозкооперация, являющаяся основной дорогой вовлечения крестьянской массы в дело социалистического строительства. Поэтому, при намечении пятилетнего плана народного хозяйства, особое внимание необходимо обратить на дальнейшее развитие сельхозкооперации и на усиление ее роли в деле реконструкции сельского хозяйства, в деле механизации земледелия и в деле перехода от индивидуальных форм сельского хозяйства к коллективным. Должен быть обеспечен не только количественный рост кооперации, но и ее качественный рост. Особое значение приобретает связь кооперативных органов с промышленностью в целом, развитие и распространение системы договоров, как, с одной стороны, на продукты промышленности, так, с другой стороны, на продукты сельского хозяйства. (Практика договоров между сахарными заводами и поставщиками свеклы должна быть использована и по линии маслосемян и по другим продуктам сельского хозяйства). Этим путем будет еще больше усилена связь сельского хозяйства с промышленностью и откроются новые перспективы для вовлечения крестьянских масс в дело индустриализации страны и в дело социалистического строительства. Одновременно в пятилетнем плане народного хозяйства должно

быть предусмотрено развитие кустарной промышленности и кооперативной промышленности.

Развитие этих областей явится одним из способов борьбы с аграрным перенаселением, и поэтому учет этого развития имеет огромное значение при намечении пятилетнего плана народного хозяйства.

IX. Улучшение положения рабочих и крестьян

Весь план народного хозяйства, как в области роста продукции, так и в области реконструкции народного хозяйства, должен быть построен под углом зрения дальнейшего улучшения положения рабочих и крестьянских масс. Указанное улучшение стоит в прямой зависимости от возможностей дальнейшего поднятия и развития нашего народного хозяйства. Дальнейшие достижения в области техники, производительности труда, снижения себестоимости должны обеспечить дальнейшее снижение рабочего дня. Указанные меры смогут повести к увеличению количества занятых рабочих и к изживанию безработицы. Поэтому уменьшение рабочего дня стоит в прямой зависимости от темпа реконструкции промышленности и проведения технических усовершенствований, поднимающих производительность труда. Дальнейший рост производства должен также обеспечить и дальнейший подъем зарплаты. Реальное повышение зарплаты должно быть достигнуто как по линии увеличения зарплаты в денежном выражении, так и по линии удешевления продуктов и товаров, необходимых для рабочих. В области улучшения жизни рабочих особое место должно занимать жилищное строительство. С ростом количества занятых в промышленности рабочих этот вопрос получает особое значение, и необходимо учесть все возможности для его разрешения. Особо болезненное явление представляет собою в настоящее время безработица. Безработица в СССР носит иной характер, чем в капиталистических странах; в то время как в капиталистических странах безработица растет за счет уменьшения количества занятых в промышленности рабочих, у нас безработица имеется наряду с ростом количества рабочих, занятых в промышленности, растет, главным образом, за счет прилива рабочих рук из деревни и сокращения служащих в госаппарате. В пятилетнем плане должны быть намечены и предусмотрены меры изживания безработицы, что может быть достигнуто путем проведения интенсификации в сельском хозяйстве, путем усиления переселения, путем организации общественных работ и путем увеличения количества рабочих, занятых в промышленности. В пятилетнем плане необходимо предусмотреть все меры, могущие ослабить безработицу и повести к ее изживанию. Таким образом, изживание безработицы в пятилетнем плане должно быть увязано с ростом промышленности и с реконструкцией сельского хозяйства.

В деревне политика партии остается направленной на дальнейшее поднятие и улучшение положения бедняцких и середняцких масс. Данные о расхождении деревни показывают, что в условиях общего подъема народного хозяйства произошел экономический подъем основной

крестьянской массы, в том числе в значительной части бедняцких слоев, сокращение безлошадных и беспосевных крестьян. Особенностью дифференциации крестьянства является то, что на ряду с ростом кулацких элементов произошел экономический подъем и других слоев деревни. Главной силой деревни продолжают оставаться середняцкие массы крестьянства. В пятилетнем плане народного хозяйства необходимо предусмотреть, при проведении мероприятий в сельском хозяйстве, меры, способствующие, прежде всего, улучшению положения бедняцкой массы крестьянства. В этом отношении наиболее быстрое проведение землеустройства, в первую очередь для бедняцких слоев деревни, освобождение от платы по землеустройству, большее предоставление льгот по сельскохозяйственному налогу, больший процент освобождения бедняцких хозяйств от налога, способствование дальнейшей коллективизации сельского хозяйства бедняцких слоев деревни должно повести к дальнейшему улучшению положения бедняцких слоев деревни. На ряду с этим в пятилетнем плане должны быть предусмотрены меры производственной реконструкции сельского хозяйства в области механизации его, интенсификации, более широкого применения агрикультурных улучшений, более широкой организации переработки сельхозпродукции, что должно повести к улучшению положения всей основной массы крестьянских хозяйств. Вместе с тем должны быть предусмотрены меры, ограничивающие рост капиталистических элементов в деревне. В области улучшения положения рабочих и крестьянских масс важнейшее значение имеет удешевление продуктов и предметов потребления; поэтому, необходимо предусмотреть меры дальнейшего снижения оптовых и розничных цен и дальнейшего снижения накладных расходов в торговле. Реальные успехи в этой области явятся наиболее действительными мероприятиями улучшения положения рабочих и крестьян. Поэтому в пятилетнем плане народного хозяйства должна быть намечена генеральная линия на снижение себестоимости и на понижение как отпускных цен, так и розничных. Этим путем должна быть разрешаема и задача дальнейшего сжатия «ножниц», дальнейшего улучшения расхождения между ценами на промтовары и ценами на сельхозпродукты. Путем уменьшения цен на продукты промышленности можно будет добиться более правильного соотношения между ценами на сельхозпродукты и на промтовары.

Таковы задачи народного хозяйства, которые могут быть достигнуты лишь при продолжении полностью оправдавшей себя политики партии на союз между рабочим классом и бедняцко-середняцкой массой крестьянства, при одновременной борьбе против эксплуататорских стремлений кулацких элементов в деревне.

Разрешение пролетариатом и его государством указанных выше задач в области экономической политики будет являться практическим осуществлением строительства социализма в нашей стране.

В. Милютин

ПРОБЛЕМА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

(Методологический этюд)

«Каждый теперь говорит о мировом хозяйстве, но немногие отдают себе отчет в том, что собственно следует понимать под мировым хозяйством» (Р. Кальвер—«Введение в изучение мирового хозяйства». Берлин 1906 г.).

«Талант и остроумие, с которыми истолковываются цифры торговой статистики, к сожалению, возрастают не всегда в одинаковой степени с ростом ввоза и вывоза» (В. Зомбарт—«История экономического развития Германии в XIX столетии»).

Введение

Обстоятельный методологический анализ проблемы мирового хозяйства чрезвычайно необходим в силу целого ряда причин.

1) Со второй половины XIX столетия «мировое хозяйство» стало крылатым словом; газеты, журналы, толстые научные издания непрерывно обсуждают *проблемы мирового хозяйства*, выпускаются «обозрения», «ежегодники», «архивы мирового хозяйства», возникают «институты мирового хозяйства», накопилась огромная литература, а между тем приведенное выше замечание Кальвера как нельзя лучше определяет степень научной определенности и договоренности в вопросах «мирового хозяйства».

2) Сложилось особое «учение», «наука о мировом хозяйстве», существуют различные «школы», которые трактуют проблемы мирового хозяйства, принимая тот или иной круг явлений за отправной пункт и приходя, естественно, к разнородным выводам.

3) Марксистская экономическая наука еще не формулировала в развернутой форме свою теоретическую позицию в анализе «мирового хозяйства». В то же время настоятельная потребность изложения марксистской точки зрения по данному вопросу вытекает хотя бы и из того факта, что в вузах нашего Союза введен «курс мирового хозяйства» без сколько-нибудь единообразной программы, не говоря уже о том, что марксистская теоретическая мысль, которая всегда отличалась смелой теоретической инициативой и бесстрашием в анализе «до конца» экономики современного общества, должна и на этом участке исследования сказать свое слово.

Задача методологического анализа заключается в том, чтобы, во-первых, дать логическую и историческую характеристику «мирового

хозяйства», во-вторых, подвергнуть тщательному разбору *структуру мирового хозяйства, тенденции его развития*, в-третьих, решить вопрос о научной, целесообразности создания новой дисциплины «учения», «науки» о мировом хозяйстве.

Автор держится того взгляда, что современное мировое хозяйство, являясь продуктом капиталистического развития, представляет собой конкретно-историческое *выражение законов ценности и капиталистического накопления*—иными словами, перед нами *мировое капиталистическое хозяйство*. Этим устанавливаются как историческая физиономия, так и хронологические рамки возникновения мирового хозяйства. Самое понятие «мирового хозяйства» логически и исторически вырастает из противоположения *определенного комплекса хозяйственных связей* (прежде всего, но не только хозяйственных) *связей, лежащих за пределами «национальных», «народных хозяйств»,—отдельным народным хозяйствам.*

Поэтому, анализ структуры *мирового хозяйства* упирается в изучение народно-хозяйственных, «национальных организмов» и всей совокупности отношений, выходящих за их границы и охватывающих пространственно весь мир. «Народные хозяйства»—суть капиталистические хозяйства. «Мировое хозяйство» наших дней включает не только капиталистические «народные хозяйства», но и подлинное «народное хозяйство» СССР, с другой стороны, колониальные и полуколониальные страны только еще выходят из состояния феодальной раздробленности, не вышли еще из докапиталистической стадии. Тем не менее, историческая характеристика «мирового хозяйства», употребляемая нами, остается правильной, ибо *исторические истоки миро-хозяйственных связей* были расположены в передовых капиталистических странах, руководящая роль в мировом хозяйстве до сих пор принадлежит еще небольшой группе сильнейших капиталистических стран.

Бесспорно, однако, что существование СССР образует «прорыв» в мировом капиталистическом хозяйстве и знаменует собой «начало конца» современного «мирового хозяйства». Мировое социалистическое хозяйство будет в корне отличным от «мирового хозяйства» наших дней.

Мировое капиталистическое хозяйство не остается неизменным в течение всего периода его жизни. Накопляются структурные изменения, не меняющие принципиальной его природы, зарождаются новые элементы, отрицающие «современное мировое хозяйство». Динамическая точка зрения поэтому обязательна в изучении мирового хозяйства. Движение товаров, людских масс, капиталов в международной сфере, образование международных картелей, трестов, мировая конъюнктура, мировое денежное обращение вот решающие миро-хозяйственные процессы. На их основе вырастают международные торговые соглашения, почтово-телеграфные, железнодорожные конвенции, «монетные союзы» и т. д.

Все перечисленные здесь явления черпают свое теоретическое объяснение в законах *политической экономики*. Описание подавляющей

части их можно встретить в руководствах по *экономической географии*. Тем не менее, на наш взгляд, *необходимо особое учение о мировом хозяйстве*, так как теоретическая экономия ограничивает свое исследование анализом *системы производственно-меновых связей капиталистического общества*, абстрактного капитализма, а экономическая география—описательная дисциплина, нащупывающая лишь *эмпирические закономерности*. Между тем, теоретические законы политической экономии преломляются в *конкретно-исторической среде*, действуют в рамках «национальных», «народных хозяйств», в международном обороте, связывающем отдельные «народные хозяйства» между собою, в экономических отношениях между капиталистическими странами и колониями и полуколониями («докапиталистические хозяйственные формации»), в обмене капиталистических продуктов и услуг на продукты и услуги хозяйства СССР.

Теоретические законы приобретают своеобразную конкретно-историческую формулировку, возникает ряд любопытных проблем, которых не существует для политической экономии и экономической географии и освещение которых берет на себя «учение о мировом хозяйстве»¹.

Проблемы мирового хозяйства и контуры «учения о мировом хозяйстве» удобнее всего наметить путем *исторического обзора* наиболее значительных и ценных попыток исследования «мирового хозяйства». Наш обзор охватывает экономическую литературу от классиков до современных авторов. Мы не придерживаемся хронологической последовательности и объединяем авторов в группы соответственно *логическому составу* их воззрений. При таком подходе само собой напрашивается деление на *абстрактно-теоретические и конкретно-исторические направления*. Синтетическую концепцию мирового хозяйства дает марксизм. Буржуазно-экономическая наука в исследовании мирового хозяйства бесплодна. И немудрено. Боязливо избегая анализа внутренних сил и законов капиталистического хозяйства даже в абстрактно-теоретических построениях, она с тем большей опаской обходит *клубок реальных, конкретно-исторических противоречий—противоречий мирового капитализма*—в рамках мирового хозяйства.

Методологический этюд предвяряет изложение положительного содержания учения о мировом хозяйстве, мотивируя необходимость его построения, намечая основные его разделы и место в системе экономических наук.

¹ *От редакции.* Утверждение автора насчет необходимости «особого учения о мировом хозяйстве» является довольно сомнительным. Никакой науки ни о хозяйстве вообще, ни о мировом хозяйстве вообще не может существовать. Речь может идти лишь либо о капиталистическом, либо о социалистическом мировом хозяйстве. О последнем говорить преждевременно. Дело идет, следовательно, только о первом. Теоретической основой для изучения мирового капиталистического хозяйства является Марксова политическая экономия. Теоретической экономии, плюс экономическая география недостаточна, разумеется, для изучения мирового капиталистического хозяйства. Для полного изучения последнего в каждый данный момент необходим анализ, сочетающий изучение конкретного материала с его теоретической проработкой на основе политической экономии.

Абстрактно-теоретический аспект мирового хозяйства

КЛАССИКИ

Мирового хозяйства в качестве конкретного исторического целого в эпоху основоположников классической политической экономии еще не было. Оно возникло несколькими десятилетиями позже. Поэтому на первый взгляд представляется вообще странным искать не только решения, но и постановки проблемы мирового хозяйства у классиков. К тому же надо отметить, что новейшие исследователи мирового хозяйства в оценке значения классиков для построения учения о мировом хозяйстве расходятся. В. Нартв подчеркивает: «То, что мы сегодня называем *Weltwirtschaft*, находится в очень слабой связи с универсальной экономией классической литературы»¹. *Böhler*, швейцарский экономист², утверждает прямо противоположное: «Легко показать, что классики развили и обосновали понятие мирового хозяйства в современном смысле слова». *Böhler* аргументирует оригинальным способом: «Можно было бы с известным основанием защищать тот взгляд, что понятие «мировое хозяйство» существовало до понятия «народное хозяйство», если бы не было речи о соотносительных понятиях» (стр. 1). Словом, так как лишь в противоположности к «народным хозяйствам» образуется понятие «мировое хозяйство», то с известным основанием можно думать, что понятие «мировое хозяйство» возникло раньше понятия «народного хозяйства». В этой формулировке *Böhler*'а логическая тарабарщина бьет в лицо. Однако в данном случае нас интересуют взгляды классиков, а не самого *Böhler*'а. Итак, у классиков мы имеем законченное, логически выработанное понятие мирового хозяйства (*Böhler*), «современное понятие мирового хозяйства стоит лишь в слабой связи с классической универсальной экономией» (Гармс). К слову сказать, с этим совершенно не вяжется другое признание Гармса: «Исторически образованный человек не может начать исследование проблемы мирового хозяйства, без того, чтобы не вспомнить о том, что было время, которое обнаруживало больше понимания сущности и значения мирового хозяйства, чем наше. Просвещенный XVIII век... видел также выдающихся экономистов..., которые почти совершенно отвлекались от нации и анализировали посредством дедуктивного и изолирующего метода огромное здание человеческого общества, не заботясь о политических границах» (там же).

Обе характеристики позиции классической политической экономии в вопросах мирового хозяйства ошибочны. Они вытекают из непонимания сущности мирового хозяйства и полной, благодаря этому, неспособности проникнуть в теоретические построения классиков. Смещение абстрактно-теоретического и конкретно-исторического аспектов в анализе мирового хозяйства — тому причина.

¹ „Probleme der Weltwirtschaft“. Schriften des Instituts für Weltwirtschaft und Seeverkehr an der Universität zu Kiel.

² „Понятие мирового хозяйства в классической школе“ — Арх. Мир. Хоз. 22 т., 1925 г., II).

В абстрактно-теоретическом определении мировое хозяйство представляется системой капиталистических производственно-менных отношений в мировом масштабе. В свою очередь можно избрать двоякий путь в изучении этой системы: первый—мы отвлекаемся от вопроса—как она сложилась, под действием каких сил и законов? Для нас достаточно признания того, что капитализм овладел общественным производством и распределением на всем земном шаре. В этом смысле мировое хозяйство совпадает с *объектом анализа теоретической экономики.* Разумеется, верно, что «совершенно безразличным является для чистой теории—насколько велик объем, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства» (Н. Бухарин—«Экономика переходного периода»). С другой стороны, безусловно правильно и то, что только арена всего земного шара является адекватной пространственной сферой для «неорганизованного социального хозяйства», т. е. капиталистического хозяйства, и как раз поэтому Маркс и издевался так над названием «национальная экономия», которое «облюбовали патриотические немецкие профессора».

Мы исследуем имманентные капитализму законы—закон ценности и закон накопления—условия их наиболее полного проявления и развития, исключаем конкретно-историческую обстановку, в которой рождается и зреет капитализм. Экономический человек, движимый лишь узко-эгоистическим интересом, не стесняемый в своей деятельности никакими конкретно-историческими рамками, персонифицированный носитель мощной безличной силы капитала, властно требующей «свободы торговли» или «свободы своего собственного движения», выступает на сцену. Весь мир рассматривается, как внешнее поле неустанной деятельности капитала. Перед нами космополиты-классики. Для них «мировое хозяйство»—система производственно-менных связей в мировом масштабе, возникающая в результате беспрепятственного действия законов ценности и накопления и служащая необходимой предпосылкой их полной реализации. Общество, управляемое этими законами, рисуется им, как мировая организация, «семья народов». «Свобода торговли» равнозначна в их концепции вечному миру и братскому союзу всех наций. Эта картина мира непосредственно отражает абстрактно-теоретический аспект в анализе мирового хозяйства у классиков. Элемент утопии в ней частично того же корня, хотя отсюда до заключения об отсутствии реального исторического чутья и правильных исторических масштабов у вождей классической школы—«дистанция огромного размера».

Мысль классиков движется в абстрактно-теоретической плоскости, игнорирует конкретно-исторические условия возникновения и развития капитализма. Занятая исследованием роста «богатства народов», движущих сил этого процесса, она теоретически открывает базу для развертывания и проявления основных законов капиталистического общества в мировом хозяйстве. Разбор произведений отдельных представителей классической школы доставляет наглядное доказательство приведенного положения.

А д. С м и т

У Ад. Смита мы находим интересующий нас материал в IV книге «Богатства народов», трактующей о «системах политической экономии». В острой и подчас изумительно остроумной полемике с меркантилизмом Ад. Смит выдвигает ряд положений, которые помогут нам уяснить его точку зрения в вопросе о «мировом хозяйстве». Попутно надо заметить—термина «мировое хозяйство» у классиков нет, вопрос у них обсуждается под рубрикой «внешняя» или, как у Кэрна, «международная торговля». Термин «мировое хозяйство» утвердился в экономической литературе с 70-х годов XIX столетия; впервые, если мы не ошибаемся, его употребил Neumann-Spallart в своих «Обозрениях мирового хозяйства».

Стержнем рассуждений Ад. Смита является обычный у классиков анализ норм поведения «экономического человека и объективного эффекта, обусловленного взаимодействием хозяйственных субъектов при допущении ничем неограниченной свободы их хозяйственной деятельности». Индивидуум, побуждаемый лишь собственным интересом, действует, по Смицу, в интересах всего общества,—результат, который вовсе не входит в его намерения. Следовательно, «естественный порядок вещей», не возмущаемый никакими посторонними влияниями, приводит к самым лучшим результатам. Ад. Смит поясняет свою мысль следующим примером. Что является максимумом поведения разумного главы семьи? (стр. 243, кн. IV). Ничего не выделять дома из того, что можно купить дешевле. Портной не пытается приготовить для себя ботинок; сапожник не шьет себе платья. Вывод Смита: «Что является разумным в поведении отдельной семьи, вряд ли может быть неразумным в поведении и великого королевства» (стр. 244, кн. IV). Всякие естественные ограничения в сфере движения капитала нарушают «естественный порядок» вещей и понижают «общую сумму ценности продукции всей индустрии» (стр. 244, кн. IV).

Под этим *абстрактно-теоретическим* углом зрения Смит исследует «значение и роль внешней торговли». «Интересы нации,—продолжает Смит,—в ее торговых отношениях с другими нациями подобны интересу купца в его торговых отношениях с различными контрагентами—покупать дешево и продавать дорого... но он будет покупать наиболее дешево тогда, когда при совершенной свободе торговли он побуждает все нации доставлять ему продукты, в каких он нуждается, и, соответственно, дороже всего сможет продать, когда на рынке представлено наибольшее число покупателей» (стр. 254). Ограничения суть продукты «национальной вражды и национальных предрассудков».

«Торговля, которая естественно должна быть в отношениях между нациями, равно как и в отношениях между индивидуумами—*узлами союза и дружбы, стала наиболее плодотворным источником раздоров и ненависти*» (стр. 298, подчеркнуто нами. А. У.). «Нация, которая хотела бы обогатиться во внешней торговле, могла бы это наиболее

вероятным образом сделать тогда, когда ее соседи все являются богатыми промышленными и торговыми нациями» (стр. 300).

В приведенных положениях содержится в зародыше законченная абстрактно-теоретическая концепция мирового хозяйства. Ее важнейшие элементы у Смита: 1) «Мировое хозяйство» рассматривается в качестве системы экономических связей, вырастающих на почве обмена. 2) Эта система экономических связей возникает благодаря беспрепятственному действию внутренних законов менового общества, законов ценности и накопления, как условие их существования и развития. 3) Поскольку эта система мыслится как выражение законов ценности и накопления, ее пространственные рамки совпадают с поверхностью земного шара, ибо лишь в этом случае закон ценности приобретает свою полную значимость. 4) Поскольку «мировое хозяйство» у Смита определено абстрактно-дедуктивным путем посредством анализа «умножения богатства» и его законов при «свободной торговле», само «мировое хозяйство» предстало перед нами в виде *абстрактной совокупности меновых отношений*, т.-е. лишенное всякой исторической физиономии, в виде *идеального мирового хозяйства*, где «народы» фигурируют только в качестве крупных составных частей идеально-слаженного механизма международного разделения труда. 5) Вопросы мирового хозяйства, исследуемого конкретно-исторически, Смитом не ставятся вовсе за отсутствием исторического материала, за отсутствием объекта такого исследования.

После сказанного понятно, что у Смита не следует искать дефиниций «мирового хозяйства», логических его определений, постановки методологических вопросов, неразрывно связанных с конкретно-историческим анализом мирового хозяйства.

Иногда пытаются (Бюлер, напр.) открыть в замечаниях Смита о вложениях капитала внутри капиталистических стран и «за границей» обоснование учения о мировом хозяйстве. Конечно, верно, что там, где Смит устанавливает известные различия в движении капитала в «национальной» и «интернациональной» сфере («необеспеченность заграничных помещений»), его мысль перебегает с абстрактно-теоретических рельс исследования на конкретно-исторические, и в «мировом хозяйстве» проглядывают некоторые исторические черточки, но этим и исчерпывается правильность утверждений приведенного типа, так как для Смита задача сводилась к тому, чтобы показать на частных примерах искривление действия установленных им законов, отметить «возмущающие влияния», нарушающие эти законы, а отнюдь не к логическому и методологическому обоснованию существования особой сферы мирового хозяйства, как объекта учения о мировом хозяйстве.

Д. Рикардо

Рикардо со свойственной ему манерой устанавливает ряд абстрактных формул, относящихся к «внешней торговле». Он более точен, чем Смит, его анализ острее, законченнее, но его теоретические посылы и заключения ~~совпадают~~ с постановкой проблемы у Смита.

Абстрактно-теоретический угол зрения в вопросе «мирового хозяйства» выдается еще резче, нежели у Смита. Вот несколько положений Рикардо.

Глава о внешней торговле открывается тезисом: «никакое расширение внешней торговли не может увеличить непосредственно сумму стоимостей в стране, хотя оно и будет очень сильно способствовать увеличению массы товаров и, следовательно, суммы житейских удобств» (стр. 77).

Значение внешней торговли определяется Рикардо следующим образом:

1) При наличии внешней торговли возможно лучшее распределение труда, при котором каждая страна производит блага, соответствующие ее положению, климатическим и другим естественным или историческим преимуществам «Принципы полит. экономии и налогового обложения». Изд. Лондон, 1815 г., стр. 135).

2) Внешняя торговля поощряет сбережение и накопление капитала. Достаточны ли эти посылки для изучения конкретно-исторического процесса возникновения и роста «мирового хозяйства»? Не являются ли посылки Рикардо только *абстрактной формулой* наивысшего развития производительных сил в обществе, где верховные экономические законы—закон ценности и накопления—реализуют сполна присущие им потенции?

Рикардо, подобно Смигу, подчеркивает благодетельность принципа «свободной торговли».

Нетрудно заметить, что «страны», в данном случае, это—не конкретно-исторические тела с индивидуальной физиономией, а лишь отдельные части этого механизма, который называется «системой наилучше распределённого труда» в мировом масштабе. Принцип «свободной торговли» стимулирует развитие индустрии, поощряет изобретательность и доставляет возможность «наиболее полного использования разнообразных сил, дарованных природой; он распределяет труд наиболее экономно и производительно, в то же время увеличивая общую массу продуктов; он распространяет всеобщее благосостояние и с помощью тесных уз выгоды и сношений сплачивает цивилизованные нации в общую всемирную общину» (стр. 144).

Именно этот принцип объясняет, почему вино должно производиться во Франции, Португалии, хлеб—возделываться в Польше и Америке, а продукты металлургии и обрабатывающей промышленности вообще—в Англии. Этот «рай», где утихают все человеческие страсти и лишь гений человеческой изобретательности победоносно продолжает свое шествие, отливает всеми цветами богатой человеческой фантазии. Между тем, Рикардо не был фантазером. Ключ к этому построению Рикардо—в общем характере его экономических взглядов и задач экономического исследования, которые он ставил перед собой. Не мечтатель, а провозвестник грядущего капитализма, которому суждено завоевать весь мир, говорил его устами.

Абстрактная природа логических определений «мирового хозяйства» (напоминаем, что этого термина у классиков встретить нельзя) как

будто нарушается установленным Рикардо законом обмена в международном обороте: «Тот принцип, который регулирует относительную ценность благ в одной стране, не регулирует относительной ценности благ в обмене между двумя или несколькими странами» (стр. 143). Причина тому неодинаковая степень подвижности капитала в национальной и интернациональной сфере. Все развитые выше положения опирались на посылку свободы и одинаковой подвижности в обращении капитала на всей поверхности земного шара. «Опыт однако показывает, что мнимая или действительная необеспеченность капитала, когда он уже не находится под непосредственным контролем своего владельца, естественное нерасположение всех людей покидать родину, рвать старые связи и вверять себя чужеземному правительству... затрудняют выселение капитала. Эти чувства, на ослабление которых я бы смотрел с печалью, побуждают большинство лиц со средствами скорее довольствоваться низкой нормой прибыли у себя на родине, чем искать более выгодного помещения для своего богатства в чужих странах» (стр. 83—84).

Различие регулятивного принципа во внутренней и международной торговле получает свое выражение в *норме прибыли*. «В одной и той же стране прибыль (норма прибыли. А. У.), говоря вообще, в данный момент держится на одном уровне. Не так между различными странами» (стр. 144). Рикардо иллюстрирует свою мысль следующим примером. Пусть перед нами две страны—Португалия и Англия. На производство x ед. вина в Португалии необходимо затратить 80 ед. труда в течение года. На производство y ед. сукна в Португалии необходимо затратить 90 ед. труда в течение года. В Англии производство x ед. вина требует 120 ед. труда, производство сукна—100 единиц в течение года. *Абсолютные* предпосылки производства вина и сукна в Португалии благоприятнее, нежели в Англии; *относительно* для Португалии выгоднее производить x ед. вина, которое обладает ценностью в 80 трудовых единиц, и обменивать вино на сукно ценностью в 100 ед., производимое в Англии. Торговля приносит выгоды обоим контрагентам, но управляется уже не тем принципом, что внутренняя торговля.

«Количество вина, которое она отдает в обмен на английское сукно, не *определяется относительными количествами труда, затрачиваемого на производство того и другого, как было бы, если бы оба товара изготавлялись или в Англии, или в Португалии.*

Таким образом, Англия отдавала бы продукт труда 100 человек за продукт труда 80. Такой обмен не мог бы иметь места между гражданами одной и той же страны» (стр. 82--83. «Нач. полит. эк. Изд. 1908 г. Подчеркнуто нами. А. У.).

В чем причина этого явления? «Разница в этом отношении между отдельной страной и несколькими легко объясняется, если мы примем во внимание трудность перемещения капитала из одной страны в другую в поисках более прибыльного занятия и легкость, с какой он неизменно перемещается из одной области в другую в пределах одной и той же страны» (стр. 83).

Разумеется, развивает свою мысль Рикардо, «как для английских капиталистов, так и для потребителей обеих стран было бы выгоднее, чтобы при таких обстоятельствах и вино и сукно изготовлялись в Португалии и, следовательно, чтобы английский капитал и труд, занятые в производстве сукна, переместились для той же цели в Португалию» (стр. 83). Исчезло бы различие в *норме прибыли* в различных странах; и «относительная стоимость» этих товаров определялась бы точно так же, как если бы один из них производился в Йоркшире, другой в Лондоне (стр. 83).

Переходя к критической оценке взглядов Рикардо, заметим:

1) Тот факт, что даже в рамках одной страны закон ценности непосредственно не регулирует обмена, и что у классиков опущены «цены производства»—решающее звено для понимания механики действия закона ценности,—мы оставляем в стороне, ибо в последующем анализе мы не нуждаемся в этом.

2) Рассуждения классиков о «внешней и внутренней торговле» не следует понимать так, что они затрагивают в анализе исключительно «торговлю» в узком смысле. Под этой рубрикой у них исследуется весь процесс общественного производства и распределения капиталистического общества и их законы.

Нетрудно видеть, что проблему мирового хозяйства Рикардо обсуждает, подобно Смиту, *абстрактно-теоретически*. В схеме его рассуждений «внешняя торговля» рассматривается *под углом зрения накопления капитала*. «При системе свободной торговли каждая страна, естественно, затрачивает свой капитал и труд на такие отрасли промышленности, которые доставляют ей наибольшие выгоды». «Удивительным образом такой порядок вещей соответствует выгоде всех».

Действием этого принципа Рикардо объясняет «естественное» распределение труда. В наше время нет нужды доказывать, что разделение труда между Англией и остальным миром, на которое ссылался Рикардо, отнюдь не было «естественным», а было целиком обусловлено исторически. Однако это историческое соображение ни в малейшей степени не подрывает взглядов Рикардо, ибо его ссылка играет только роль исторической иллюстрации абстрактно-теоретических выводов. «Страны» в примере Рикардо—не конкретно-исторические образования, это лишь отдельные экономические области, специализирующиеся, вследствие каких-либо «естественных или искусственных» (т. е. исторических. А. У.) преимуществ, на производстве особого рода товаров, благодаря чему дары, отпущенные человеку природой, используются с максимальным эффектом, и накопление капитала протекает наиболее интенсивно.

«Мировое хозяйство» Рикардо—это «всемирная община», построенная на основе идеально организованного разделения труда между всеми странами, принцип «свободы торговли»—идеальная основа проявления закона ценности и накопления. Закон ценности реализуется тем полнее, чем, во-первых, пространственно значительнее сфера его распространения (интенсивный момент), во-вторых, чем

полнее он проникает во все поры общественного производства на данном отрезке пространства (интенсивный момент).

Идея «всемирной семьи народов»—в абстрактно-теоретическом анализе—необходимо примыкает к тезису о «свободе торговли», свободе движения труда и капитала в мировом масштабе в качестве фундамента «естественного порядка вещей». В самом деле, с высот абстрактной теории, «всемирная община», «союз народов» венчает достижение совершенного мирового разделения труда. Свободное проникновение капитала в новые области сулит им расцвет и подъем производительных сил, его движение «вглубь» в старых странах повышает их доход и богатство. Волшебным прикосновением капитала «мертвые» до сего дары природы во всех уголках мира как бы «одухотворяются», и человеческая изобретательность справляет триумф над природой, поставленной на колени. Материальные производительные силы в распоряжении всего человечества поднимаются на небывалую высоту, а само человечество сплывается в одну «братскую общину».

В этом пункте абстрактно-теоретическая мысль Рикардо достигает предела, а абстрактная формула «мирового хозяйства»—своего классического выражения.

Рассмотрим теперь другую цепочку положений Рикардо, которые могут создать впечатление, что Рикардо вовсе не замыкается в абстрактной сфере исследования «мирового хозяйства», что в его суждениях пробивается другая—конкретно-историческая—струя. Плодом конкретно-исторического изучения явился, якобы, «закон международной торговли»—фундаментальный принцип,—по мысли некоторых авторов,—для любой «теории мирового хозяйства».

«Закону сравнительной стоимости» подчинено, по мнению Рикардо, движение товаров в международном обороте. Прежде всего необходимо указать, что этот «закон» ни в какой мере не определяет пропорции меновых отношений в мировой торговле; его содержание исчерпывается определением *достаточных предпосылок и необходимых условий возникновения и существования международного товарообмена*. Что это так, в этом нас убеждает изложение сущности теории Рикардо у Кэрнса, который принимает (с несущественными поправками) и обстоятельно комментирует ее. «Сущность теории Рикардо... может быть выражена следующим образом: *для возникновения торговли между различными странами существенным и вполне достаточным условием является то, чтобы в этих странах сравнительные стоимости производства обмениваемых продуктов были различны*». (Курсив Кэрнса. Д. Э. Кэрнс—«Некоторые основные принципы полит. экономии». «Межд. торговля», стр. 17. Изд. Солдатенкова, 1898 г.). И это—весь «закон Рикардо». Всей гаммы вопросов «международной торговли» в ее реально-исторических формах—образования мирового рынка, мировых цен, конкурентной борьбы, ее пружин, эксплуатации «передовыми» капиталистическими странами стран колониальных и до-капиталистических стран вообще, «сверх-прибыли», извлекаемой передовыми техническими государствами из мировой торговли,

«поощрительных мероприятий», экспортных премий, таможенных рога-ток—он попросту не касается. И по вполне понятным соображениям.

Закон сравнительной ценности Рикардо—абстрактная теория международной торговли, формула наилучшего распределения производительных сил человечества. Ограничения в перемещениях капитала по поверхности земного шара вырастают из «мнимой или действительной необеспеченности капитала» за границей, из «естественного нерасположения всех людей покидать родину и рвать старые связи» и т. д.

Нет даже намека на своеобразие функционирования капитала в пределах так называемых «народных хозяйств» или, лучше сказать, государственно-территориальных капиталистических хозяйств. Рассмотрения неразрывной связанности капитала с данным «народным хозяйством» и анализа его выступления на мировой арене, как экспансии данного «народного хозяйства», мы у Рикардо не встречаем. Другими словами, конкретно-историческая характеристика деятельности капитала в одной стране и в мировом хозяйстве у Рикардо отсутствует.

Кэрнс пытался истолковать посредством закона Рикардо историческую действительность—австралийский импорт после открытия в Австралии золотых россыпей в 1851 г., когда Австралия стала ввозить дерево и масло, хотя то и другое было возможно с меньшими трудовыми затратами получить в самой Австралии. Историческое развитие подорвало утверждения Кэрнса, а тем самым и попытки из абстрактного закона Рикардо сделать теорию международной торговли.

К абстрактной концепции мирового хозяйства Рикардо применимы все выводы, сделанные после разбора Ад. Смита. По сравнению со Смитом—Рикардо делает шаг вперед в том смысле, что разработка темы у него шире, богаче по содержанию. Дальнейший шаг в обсуждении проблемы в классической школе связан с именем Кэрнса, к которому мы и переходим.

К э р н с

Кэрнс—одна из светлых голов классической школы. По интересующему нас вопросу у него содержится богатый материал. Кэрнс предложил методологический анализ мировой «международной торговли» и ее законов. Этому мы и посвятим наше внимание. Общее, что объединяет Кэрнса со Смитом и Рикардо, мы, во избежание повторения, опускаем.

Кэрнс берет «быка за рога». До сих пор было обычным в трактатах по политэкономии рассматривать проблемы международной торговли и международной ценности отдельно от общей теории обмена и меновой ценности, как отдельную ветвь экономической науки («Some Leading Principles» и т. д. London, 1874 г., Part III). Методологическая правомерность выделения и особого анализа международной торговли или несостоятельность такого подхода устанавливается в зависимости от ответа на следующие вопросы: действительно ли природа

явлений мирового обмена такова, что их теоретическое объяснение можно найти «в той же самой теории обмена, которая доставляет объяснение фактов внутренней торговли» (стр. 298). Кэрнс отвечает на этот вопрос отрицательно. Аргументируя, он развивает известные положения Рикардо об условиях движения капитала в рамках отдельных государств и на мировой арене. Они различны. Это различие и образует логический фундамент для особой теории мировой торговли.

Для методологического оправдания отдельной теории международного оборота необходимо, чтобы ограничения свободного перехода капитала и труда в мировой сфере достигли такой степени трудности перехода их (труда и капитала. *А. У.*), которая будет препятствовать систематически и постоянно, так сказать, по всей «линии обмена благ проявлению промышленной конкуренции» (стр. 303). (К. понимает под промышленной конкуренцией, в отличие от торговой (*commercial*),—конкуренцию, выравнивающую нормы прибыли и заработную плату в различных отраслях приложения капитала).

В одной и той же стране «промышленная конкуренция реализует тенденцию к общей норме прибыли и среднему уровню заработной платы по всей поверхности данного хозяйства. Она «эффективна» для капитала в большей, для труда—в меньшей мере. Совсем не то—в интернациональном масштабе. Миграция труда и капитала происходит и тут, но не в такой степени, чтобы установить равенство прибылей (нормы прибыли. *А. У.*) в различных странах, и прибыль, следовательно, постоянно держится на более высоком уровне в одних странах, нежели в других», (стр. 304).

Несмотря на значительную миграцию капитала в мировой сфере, его сумма, которую можно было бы обозначить как «космополитическую», остается по сравнению с капиталом, занятым в отдельных странах, весьма малой величиной. «Она в действительности ограничивается долей того, что называется «оборотным капиталом» страны, той частью фонда капиталиста, непосредственное наблюдение за которой для него не имеет значения и которую он ссужает в форме займа» (стр. 304). Ее абсолютная величина не в состоянии чувствительно воздействовать на «общую норму прибыли» в стране, куда экспортируется капитал.

Каковы помехи свободному движению «труда» и «капитала» на мировой арене? Как «наиболее важные из них» Кэрнс называет следующие: 1) географическая отдаленность друг от друга различных частей мира; 2) различный характер политических учреждений в различных странах; 3) различие в языке, религии, социальном быте, словом, в «формах цивилизации». «Удельный вес» социально-политических моментов гораздо выше удельного веса физических моментов. Провести точно демаркационную линию между «внутренней и международной торговлей—нельзя». Колониальная торговля, по Кэрнсу,—относится к международной торговле. Пока Кэрнс не идет дальше Рикардо. Закон «сравнительной стоимости» Р. правильно указывает основания решения проблемы (международной торговли. *А. У.*) и

выясняет самые важные факты. («Некоторые основные принципы полит. экономии», стр. 17. Русск. изд.).

Однако он на этом не останавливается и пытается развернуть полное логическое содержание этого закона. Его интересует вопрос о том, «какой принцип определяет пропорции, в которых различные нации взаимно обменивают их продукты» (стр. 342). В этом зерно «специальной проблемы международной ценности» (стр. 343).

Руководящий принцип международной ценности—не издержки производства (в силу отсутствия промышленной конкуренции), а «взаимный спрос».

В международном обмене «взаимному спросу» принадлежит «определяющая», а принципу «издержек производства» (трудовая затрата, воплощенная в продукте)—«контрольная роль». Отсюда понятно, что эффект внешней торговли может быть самым разнообразным для отдельных стран. Кэрнс иллюстрирует эту мысль. Если Англия и Америка обменивают блага ценностью в 1000 фунтов стерлингов и если при этом заработная плата и норма прибыли выше в С.-А. Соед. Штатах, чем в Англии, то совершенно очевидно, что пропорции обмена определяются не принципом «издержек производства», т.-е. реальными трудовыми затратами производителя. «В коммерческих отношениях отдельных наций между собой продукт одного дня труда работника С. Шт. доставляет ему возможность располагать продуктом круглым счетом $1\frac{1}{8}$ дня труда в Англии, $1\frac{1}{2}$ дней в Бельгии, 2 дн. в Германии и Франции, 4—5 дн. в Китае и Индии» (стр. 348).

Мы привели в основном все, что важно для понимания позиции Кэрнса в вопросах «мирового хозяйства». Удалось ли К. обосновать принципиально особую природу явлений международной торговли? Думается, что нет, и вот почему. Закон спроса и предложения не есть отрицание закона ценности и вовсе не самостоятельный закон, который можно ставить на одну доску с законом ценности. Закон ценности либо реализуется в полной мере (предпосылка—«свобода торговли» и «свобода движения капитала»), либо ущемляется вследствие ограничений, возникающих в силу тех или иных причин для свободного движения капитала и труда. Лишь в «идеальной среде»—мыслимой абстрактно—осуществляется «свобода торговли», конкретно—такой свободы нет ни в рамках национальных хозяйств, ни за их пределами.

Закон «спроса» и «предложения»—форма проявления закона ценности. Динамическое равновесие в обществе, покоящемся на законе ценности, поддерживается путем постоянных изменений в строении «спроса и предложения». В одних случаях («полная свобода торговли») колебания спроса и предложения выражают колебания товарных цен и отклонения их от ценности (в смысле классиков, от цен производства—в смысле марксистской политической экономии), в других (связанность движений труда и капитала)—«спрос и предложение» определяют норму отклонений цен от ценности в обмене различных товаров.

Подчиненное значение закона «спроса и предложения» состоит в том, что сам по себе он совершенно неспособен объяснить отноше-

ний обмена, корнями своими он уходит в «закон ценности»; без последнего повисает в воздухе. К. прав, когда он полагает, что известные постепенные количественные приращения могут создать новое «качество», которое в свою очередь нуждается в новом принципе объяснения.

Между тем, «международная торговля», по сравнению с «внутренней торговлей», не содержит в себе принципиально новых элементов. Вместо того, чтобы говорить о конкретно-историческом преломлении и выражении абстрактных законов политической экономии, К. пытается сформулировать якобы «новый теоретический принцип», который всего-навсего является «законом ценности» в своеобразно исторической среде. Что К. принципиально уравнивает закон ценности и принцип спроса и предложения, показывает следующее место: «мы уже видим, что нормальная ценность определяется одним из следующих двух принципов: когда господствует промышленная конкуренция—стоимостью производства, а при отсутствии промышленной конкуренции—взаимным спросом» («Некоторые осн. пр. пол. эк.», Русск. изд., стр. 53).

Всем сказанным мы не хотим ослабить серьезного значения для проблемы «мирового хозяйства» исследования К. о формах проявления закона ценности во взаимных отношениях «народных хозяйств». В данной связи особый интерес представляет для нас анализ различного типа «монопольей» в мировой торговле. «Промышленная монополия может существовать при разных условиях, из которых могут произтекать и различные результаты монополий». Во-первых, промышленная монополия может являться в *абсолютной форме* (курсив наш. А. У.), когда отдельная личность или нация обладает исключительной способностью производить известные продукты, и, во-вторых, монополия может иметь ограниченный характер, основанный на наличности в одном месте производительных преимуществ, которых не имеется в других местах; примером этого являются особенности климата и почвы, благодаря которым известные страны имеют преимущества перед другими в производстве известных предметов.

Далее, в коммерческих сделках монополия может быть односторонняя или взаимная... В международной торговле можно найти примеры монополий всех указанных родов, и сила взаимного спроса может быть в большей или меньшей зависимости от того, в какой именно форме является монополия («Нек. осн. пр. пол. эк.» Русск. изд., стр. 60).

Три исторических наиболее значительных случая выдвигает Кэрнс: 1) Торговля между тропическими и полярными странами. «Абсолютный и взаимный характер монополии». Сила взаимного спроса абсолютна, неограниченна. 2) Торговля тропических и умеренных стран, или стран, производящих золото, с другими странами. «Монополия абсолютная, но односторонняя». 3) Самый распространенный случай. Двухсторонняя, но не абсолютная монополия, когда каждая торгующая нация обладает не исключительной способностью производства данного продукта, но сравнительными преимуществами производства по

отношению к тем продуктам, которые она вывозит... Примеры—торговля между различными странами Европы и еще более—торговля между Европой и Сев. Америкой («Нек. осн. пр. пол. эк.» Русск. изд., стр. 62).

Мировая торговля, исследуемая К., выступает у него исторически обезличенной, без исторической физиономии и выполняет (поскольку ей предоставляется свобода) следующие функции: вызывает если не самое выгодное распределение производительных сил между разными странами мира, то, по крайней мере, практически самое выгодное, поскольку таковое допускается «распределением населения на земном шаре и условиями жизни в каждой стране» (там же, стр. 53). Международная торговля, по Кэрнсу, развивается *гармонически*, принося выгоды всем, пусть неравномерно распределяемые между всеми участниками; иногда не исключается даже возможность, что «все выгоды достанутся одной обменивающейся стране» (там же, стр. 53). Однако с точки зрения «всего человечества» международная торговля принесит практически достижимое идеальное распределение производительных сил на земном шаре. Словом, абстрактная характеристика международной торговли у К. не подлежит сомнению. Ожесточенные торговые войны между капиталистическими странами, «борьба за рынки», эксплуатация и экономическое порабощение колоний—спутники реальной исторической международной торговли эпохи капитализма—бесследно исчезают в абстрактной схеме К., где «закон сравнительной стоимости» управляет международной торговлей, где все страны мира по мере своих сил и способностей творят дело прогресса всего человечества.

Что мысль К. целиком движется в абстрактной плоскости, показывает его анализ моментов, ограничивающих свободное движение «труда и капитала». Все исчерпывается ссылкой на разность социально-политических институтов. Экономические основы «мирового хозяйства» в его конкретно-исторических очертаниях—материальные процессы, протекающие в нем: мировое товарообращение, экспорт капитала, миграция населения, мировая конъюнктура во всем их историческом своеобразии—остаются за рамками работы К. К. верен духу и традициям классической школы, хотя к его времени уже сложилась новая система экономических связей, именуемых «мировым хозяйством».

Д. Милля мы не касаемся, ничего любопытного мы у него для нашей темы не находим.

В заключение обзора мы даем сводную формулировку позиции классической школы в вопросах «мирового хозяйства».

1) «Классики» обсуждают проблемы «мирового хозяйства» *абстрактно-теоретически*, с точки зрения реализации законов ценности и капиталистического накопления.

2) «Мировое хозяйство» представляется им пространственной сферой, где явнее всего выявляются потенции этих законов.

3) Если поверхность земного шара образует пространственные рамки действия закона ценности и закона накопления, то принцип «свободной торговли» есть внутреннее условие наиболее полного развертывания заложенных в них тенденций.

4) Попытки исследования конкретно-исторического воплощения законов ценности и накопления (анализ международной торговли) не вносят изменений в общий облик теоретических построений классиков и сами по себе очень далеки от конкретно-исторического анализа «мирового хозяйства», который призван объяснить процессы: а) возникновения, б) роста, в) тенденций «мирового хозяйства» в исторически-конкретных формах. Отсутствие необходимого исторического материала лишало классиков возможности конкретно-исторической разработки проблем.

5) Универсальная политическая экономия классиков не означает ничего другого, кроме признания земного шара адекватной духу и природе капитализма, пространственной ареной деятельности капитала.

6) Определение «мирового хозяйства» в духе классиков может иметь только следующий вид: *мировое хозяйство—это система производственно-меновой связей капиталистического общества в мировом масштабе.*

7) Выяснение внутренних потенций закона ценности и закона накопления (тем самым невольное подчеркивание исторической обусловленности современного мирового хозяйства)—неувядаемая заслуга классиков. Как высоко поднялась после классиков волна научной реакции—показывает пример многочисленных авторов, для которых успехи техники создают «мировое хозяйство». Забвение общественной формы производства, присущих ей экономических законов обрекает на неудачи все такого рода исследования. Классики были тоже «внеисторичны». Капиталистический порядок вещей они принимали за «естественный порядок», законы капитализма—за законы «естественного развития», но они не грешили против самой капиталистической действительности: она была объектом их анализа. Новейшие исследователи поворачиваются задом к исторической действительности, рождая утопию за утопией.

8) Анализ классиков—чисто экономический, без примеси чужеродных элементов. Абстрактность его подтверждает и эта свойственная ему черта.

Конкретно-историческая формулировка мирового хозяйства

В этом разделе мы подвергнем анализу многочисленные теории мирового хозяйства—как нового образования, возникшего во второй половине XIX столетия, на ряду с «народными хозяйствами».

Конкретно-историческая формулировка мирового хозяйства—общее, что сближает всех исследователей данной группы. Однако именно с этого пункта начинаются серьезнейшие разногласия. Поток мнений разделяется на два основных рукава: одна часть исследователей ставит ударение на экономическом фундаменте «народных хозяйств» соответственно и «мирового хозяйства», другая ищет конститутивный элемент «народных хозяйств» и «мирового хозяйства» во внеэкономической среде. Кроме того, каждый исследователь как первой группы, так и второй обладает индивидуальной физиономией и фантазией (что

в построении утопий имеет немаловажное значение). Поэтому, найти упорядочивающий принцип не всегда легко. Существуют также исследователи, которые под указанный выше «упорядочивающий принцип» не подходят и заслуживают индивидуального внимания. К числу таких принадлежат, по разным основаниям, Г. Леви и Шильдер.

Отправляясь от общего исходного пункта и разбредаясь в разные стороны в логических скитаниях, все исследователи этой группы находят утешение в однородных логических заключениях. Утопия венчает логическое здание почти всех исследователей этой группы. Далее для этой группы исследователей имеет силу «закон убывающего плодородия». Чем ближе тот или иной исследователь стоит к нашему времени, тем более чужды его теоретические изыскания современной действительности. В некотором смысле предваряя последующие характеристики, мы доставляет этими замечаниями ключ к пониманию всех дальнейших рассуждений.

НЕМОТИВИРОВАННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Нейманн-Шпалларт, В. Зомбарт, А. Вагнер

«Обозрения» Нейманна-Шпалларта представляют собой богатый источник конкретных материалов по мировому хозяйству в 70-х и 80-х годах. (Исследователи мирового хозяйства не пройдут мимо этого пионера в разработке нового участка экономических явлений).

Нейманн был не только собирателем конкретных данных. В его работе мы находим первое более или менее глубокое теоретическое выражение нового строя экономической жизни. Последним мы и займемся. В введении к «Обозрениям» за 1878 г. Н. говорит: «С непредвиденной быстротой с половины нашего (XIX. А. У.) столетия развивалось *мировое хозяйство* (подчеркнуто всюду нами. А. У.), *контуры более высокого организма*, обнимающего все культурные государства мира, выступают все отчетливее... Интернациональные отношения всех народов мира создают *совершенно новую* жизненную область, в которой отдельные народные хозяйства сохраняют функцию членов, в пределах которой они сами снова *объединяются в хозяйственные группы*. Торговля и мореплавание, ж. д., почта и телеграф образуют внешние условия для этого объединения; рука об руку с ними идет разделение труда, которое приводит к массовому производству в *отдельных особо благоприятных для этого частях* мира... С массой и с дешевой производством происходит такое расширение потребности, и потребление предметов мировой торговли возрастает так, что более не существует рамок, которые были бы достаточно упруги, чтобы оказать сопротивление этим всесторонним процессам. *Административные и народно-правовые институты должны приспособляться к ним*, тем самым в законодательстве находят выражение стремления эпохи, они имеют в последних свою прочную основу. Так возникли и возникают многочисленные государственные договоры, которые большей частью пытаются направить *экономическое развитие в духе общих интересов*;

при чем они *все более устраняют односторонние таможенные розетки*, различие меновых учреждений, правовой защиты и законодательства.

На основе экономических государственных договоров покоится введенное с чрезвычайной быстротой облегчение мировой торговли, однородность мер длины, веса, денежного устройства для *всей семьи народов*, соединение отдельных стран посредством ж.-д., почтовой и телеграфной связи, наконец, из них вытекает дальнейшая космополитическая организация менового оборота, благодаря специальным конференциям (ж.-д. конгрессы, всемирный почтовый конгресс, европейская телеграфная конференция). Однородное в мировом масштабе правотворчество... и государственные договоры делают все более возможным использование капиталов и кредита независимо от нации и страны. *Из всех этих форм объединений народов образуется сила, далеко выходящая за политические границы отдельных (стран) государств*, неодолимая сила «мирового хозяйства» (стр. 1—2).

Описание процесса образования «мирового хозяйства» — совсем неплохое. Определены хронологические рамки его возникновения, объем, характер, сила и тенденции развития. К этой характеристике для полноты мы прибавляем следующее замечание Н. («Обозрения» 1880). «Не более, чем сто лет тому назад, хозяйства отдельных местностей, городов, государств противостояли друг другу, как изолированные и чужеродные единства... *В настоящее время они образуют солидарное целое*» (стр. 3)... После перечисления всех процессов, содействующих формированию «мирового хозяйства», Н. продолжает: «*Мировое хозяйство представляется*, поэтому, как организм самого высокого порядка, который не только не должен, как многие могли бы думать, подавить национальное хозяйство, но, наоборот, должен повести к более полному развертыванию его сил, который по своей внутренней природе становится неодолимой и далеко выходящей за политические границы государств силой, от действия которой напрасно пытались бы освободиться отдельные хозяйства» (там же).

Воззрения Н. и близко к нему стоящего В. Зомбарта мы обозначаем, как *сплошную немотивированную экономическую характеристику мирового хозяйства*. Логическое содержание этой точки зрения состоит в том, что она, во-первых, констатирует круг новых явлений, выходящих за пределы «народных хозяйств», и далее, не ограничиваясь этим, некритически устанавливает тенденции «мирового хозяйства».

Суммируем взгляды Нейманна: 1) прогресс техники связывает отдельные «народные хозяйства» в одно целое «мировое хозяйство»; 2) это «целое» — *более высокий организм*, по сравнению с частными «народными хозяйствами», — совершенно новая сфера; 3) Оно гармонично, «народные хозяйства» в мировом хозяйстве образуют части, связанные в солидарное целое; 4) «народные хозяйства» не утрачивают своей независимости и самостоятельности, наоборот, получают от мирового хозяйства новый стимул развития; 5) массовое производство в наиболее благоприятных для того условиях — положительный эффект «мирового хозяйства»; 6) в свою очередь массовое производство служит рычагом, приводящим в движение все новые и новые

массы товаров, поступающих в каналы мирового хозяйства; 7) на этом новом экономическом базисе возвышается административно-правовая надстройка, воплощающая дух новой эпохи; 8) в пределах «мирового хозяйства» происходит новая группировка «народных хозяйств».

Что приведенная формулировка «мирового хозяйства» остается абсолютно немотивированной и методологически необоснованной, легко обнаружить. Если «мировое хозяйство» следует рассматривать, как более высокий организм, то само собой очевидно, что в ближайших логических определениях нуждаются «народные хозяйства» и «мировое хозяйство». Поскольку вся постановка проблемы пропитана конкретно-историческим содержанием—надлежало с возможной полнотой дать конкретно-историческое изображение «народных хозяйств» и новой, более высокой по качеству, сферы «мирового хозяйства». Без анализа конкретно-исторических условий образования и роста «мирового хозяйства»—как все более тесного переплетения отдельных «народных хозяйств» между собой—всякие рассуждения о «более высоком организме» лишены почвы.

Из чего вытекает, будто принцип связи между «народными хозяйствами» есть принцип солидарного участия в работе... «всех на всех»?.. «Мировое хозяйство» у Нейманна выступает в качестве «необходимой силы», разрушающей национальную ограниченность и создающей новую базу для политических отношений народов. Два основных и ничем не доказанных пункта подрывают значение формулировки Нейманна:

1) он рассматривает «народные хозяйства», как субъекты «мирового хозяйства»,—требуется показать, почему необходимо избрать этот исходный пункт, а не иной, скажем, определить «мировое хозяйство», как систему экономических отношений индивидуальных хозяйств в мировом масштабе. Другими словами, надо показать, что «народное хозяйство» в конкретно-историческом смысле представляет собою целостный организм—вскрыть экономический его фундамент и политическую оболочку;

2) принцип солидарного развития всех частей мирового хозяйства есть принцип гармонического развития, который предполагает определенную структуру мирового хозяйства, определенный тип связи между отдельными его частями, что необходимо показать и доказать. Мы оставляем за пределами исследования все неэкономические факторы.

Далее несомненное противоречие заключается в утверждении, что неодолимая сила «мировое хозяйство» объединяет все народы в одну семью, и в то же время в подчеркивании частичных отдельных группировок народных хозяйств в мировом хозяйстве. Постановка Нейманна допускает еще одно толкование. Более высокий организм складывается лишь в результате долгого исторического развития, которое постепенно подготавливает его основы. Но тогда мы сходим с данной конкретно-исторической почвы. Современное мировое хозяйство в его конкретно-исторической трактовке—есть нечто со-

относительное «народным хозяйствам». Если допустить наличие тенденции «поглощения» «народных хозяйств» более высоким организмом, «мировым хозяйством», то в результате мы получим *совершенно иной тип мирового хозяйства*, отличный от исторически данного, который требует особого логического рассмотрения. В силу чего оно станет более высоким организмом, каковы силы и законы его развития—таковы ближайшие вопросы.

Все это нас убеждает в том, что постановка проблемы у Нейманна чрезвычайно поверхностна; ударение на экономических моментах развития мирового хозяйства, конечно, важно, но без логического их исследования оно приносит немного пользы. Воззрения Нейманна можно рассматривать как *фотографический снимок миро-хозяйственных отношений того времени*. «Принцип» свободной торговли еще не успел потерять своего обаяния. Его историческая обусловленность и ограниченность не выявились вполне. Мир еще только предстояло «поделить». Арена деятельности капитала казалась свободной и открытой для всех «народов». Отсюда неумирающая с тех пор утопия «семьи народов». Вопреки закону изменений и превращений, в потоке времени идея «семьи народов» на капиталистическом базисе остается неизменным спутником исследования «мирового хозяйства». Даже мировая война не подорвала этой идеи. Социологически ее живучесть понятна. Она—одно из средств самозащиты капиталистического общества.

Зомбарт

Зомбарт стоит близко к Нейманну в том смысле, что у него «мировое хозяйство» остается без подробных логических определений. В качестве определения может служить следующее место («История экономического развития Германии в XIX столетии», стр. 340). «Если под всемирно-хозяйственной организацией разумеется состояние прогрессивной дифференциации и интеграции отдельных «народных хозяйств» между собою, растущий перевес интернациональных отношений над национальными, то и т. д.»... Методологические вопросы, подлежащие решению: 1) почему «народные хозяйства» выступают как субъекты «мирового хозяйства»; 2) почему определение «мирового хозяйства» должно включать непременно динамические процессы, протекающие в мировом хозяйстве, притом в определенном, заранее установленном направлении; 3) каков круг вопросов, относящихся к «мировому хозяйству» и требующих решения.

Мы тем более в праве поставить эти вопросы Зомбарту, что он выдвинул закон убывающего значения миро-хозяйственных связей и относительного роста значения национального рынка. К этому закону мы в свое время вернемся. Пока-что лишь отмечаем: Зомбарт дает: а) экономическую формулу мирового хозяйства, в) определяет его конкретно-исторически, с) дает определение немотивированное.

К этой же группе исследователей принадлежит А. Вагнер, который характеризует «мировое хозяйство» следующим образом. «Мировое хозяйство» является совокупностью индивидуальных, между

собою связанных хозяйств многих, в завершении всех народов—или народных хозяйств мира».

Одновременно у Вагнера мы встречаем: «Развитие средств сообщения имеет тенденцию объединить народные хозяйства в один охватывающий весь земной шар мировой хозяйственный организм» (там же).

Методологическая беспечность у Вагнера выступает из приведенных определений. Субъектами мирового хозяйства у него в одинаковой мере являются «индивидуальные» и «народные» хозяйства. Единый мировой хозяйственный организм логически совершенно не исследуется. Силы, законы и тенденции его развития—также. Постановка вопроса—немотивированная.

МОТИВИРОВАННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Если мы говорим о мотивированной постановке проблемы, то этого не надо понимать так, что в произведениях всех ниже названных авторов приводится законченная логическая мотивировка. Так, например, Сарториус весьма немногим отличается от Нейманна, логическое обоснование проблемы у него в зачаточном состоянии и тем не менее уже одно это требует проведения разграничительной линии между ним и первой группой. С другой стороны, Ф. Лист и Визер не столь беззаботны по части методологического анализа проблемы. Несомненно обладающий теоретическим чутьем и знанием конкретно-исторических фактов, Визер дает любопытный и ценный материал для понимания мирового хозяйства. Ф. Лист в своей борьбе против классицизма развил довольно стройную систему воззрений. Работы, на которые мы опираемся в нашей критической систематике: 1) *Сарториус*— «Введение к изучению мирового хозяйства», «Народно-хоз. система вложений капитала за границей». 2) *Ф. Визер*—«Очерки социальной экономики», ч. II. и 3) *Ф. Лист*—«Национальная система политической экономии».

Ф. Лист с его «национальной системой политической экономии», в противовес «универсальной классической экономии», формулирует основные принципы «национальной политической экономии». Будучи исторически одной из первых попыток преодоления «универсализма классиков», работа Листа заслуживает тем большего внимания. С нее мы и начинаем.

Ф. Лист

Лист упоминается в экономических исследованиях чаще всего как проповедник «воспитательных пошлин». Странники высоких ставок таможенного тарифа в новое время ищут для себя опоры в «национальной» системе политической экономии, не вымершие фритредеры отдают дань уважения Листу за его принципиально-теоретическое обсуждение этой темы, но указывают своим противникам на то, что современный протекционизм ничего общего не имеет с «протекционизмом» Листа. Критерием для оценки Листа служат в обоих случаях

практические интересы тех или иных «народных хозяйств» в данную полосу их развития, различно понимаемые участниками дискуссии.

Нас в системе Листа будет занимать другая сторона, не содержит ли она в себе ценные логические элементы, которые пригодились бы в построении учения о «мировом хозяйстве». Лист выступил на арене экономической науки горячим противником классического «космополитизма». «Беспочвенная теория» — вынес свой суровый приговор Лист классической школе. Реальная действительность, по мнению Листа, вытеснена у классиков «космополитическими требованиями будущего». Поэтому Лист круто, под углом 90°, меняет направление экономического анализа. *Исторически-конкретное во всем его своеобразии — объект системы Листа.* Задача политической экономии в области «международной торговли», думает Лист, сводится к пристальному изучению конкретно-исторических отношений и к построению ее учения на базе исторического опыта. «Мероприятия, рекомендуемые политической экономией, должны соответствовать требованиям *данного момента* (всюду подчеркнуто нами. А. У.), настоящего, заключать в себе *понимание особенностей, присущих каждой нации, не импортировать требований будущего и всего человечества*». Словом, «политическая экономия должна быть построена на основах философии, политики и истории» (Вв., стр. 3).

В каких взаимоотношениях эти три «кита» политической экономии находятся между собою? Лист отвечает: Философия представляет интересы *будущего и всего человечества*, она требует сближения наций, создания международного права, свободы международного оборота в материальной и духовной сфере, наконец, объединения всех наций в Универсальный Союз. Политика представляет интересы нации, требует гарантий самостоятельности нации, содействия ее культурному прогрессу, материальному прогрессу, росту ее политической мощи и гармоническому развитию всех сторон ее общественного бытия. История — двулика, в ней сплетаются интересы настоящего и интересы будущего. Она учит тому, что благосостояние страны растет в связи с политическими и коммерческими отношениями ее с другими странами; в то же время — показывает, как нации, неспособные создать свою культуру, гибнут. Только такая *синтетическая политическая экономия* может быть адекватна исторической действительности. Этот исходный пункт Листа уясняет нам внутреннюю логическую структуру его учения о «народном» и «мировом» хозяйстве.

Его теория хочет заполнить пропасть между теорией и практикой в экономической науке. «Меркантилизм — воплощение практики, исторической узости и ограниченности, классическая школа — воплощение беспочвенных теоретических абстракций».

Подвергнув жестокой критике классиков с их идеей «свободной торговли», Л. формулирует итоги ревизии «господствующей» классической теории примерно следующим образом: 1) в интересах совместного действия индивидуумы объединяются в многообразные группы; 2) самый высокий тип человеческого объединения в настоящее время — объединение в пределах государства, нации; 3) предельный

тип общественного объединения—союз, охватывающий все человечество, «сама природа толкает нации к этому высшему типу объединения» (стр. 91). Лист отмечает растущее сближение наций на почве международной торговли и видит в международной торговле «один из могущественных рычагов цивилизации и национального благосостояния» (стр. 10). Однако союз наций на почве «интернациональной торговли» непрочен, нередко прерывается войной. Отсюда необходимость теоретического определения *солидной* *базиса для международных отношений*.

Мы достигли самого интересного пункта в рассуждениях Листа. «Важнейшей заботой нации в настоящее время, которая должна быть *поддержана*, является развитие и совершенствование национальности».

Каждая нация пробегает пять стадий в своем экономическом развитии: а) дикое, в) пастушеское, с) земледельческое, d) земледельческо-мануфактурное, е) земледельческо-мануфактурно-торговое состояния. Отрезок пути—дикое земледельческое состояние—может быть скорее всего пройден при свободе торговли с мануфактурно-торговыми нациями. Дальнейший этап требует ограничения этого принципа, так как преуспевание «всех наций» в «мировом хозяйстве» на основе свободы торговли было бы возможным только при допущении *одновременности и однотипности преобразовательных процессов в различных странах*. Однако характернейшей чертой исторического развития является *неравномерность развития отдельных народных хозяйств*. Таможенная стена—средство, ограждающее экономическую независимость нации. Для теоретической экономики мыслим двоякий угол зрения: 1) либо она интересуется персональными, общественными и материальными силами, создающими богатство; 2) либо меновой ценностью материальных благ. Сообразно этому существуют две экономических науки: «космополитическая и политическая экономия», «теория меновой ценности» и «теория производительных сил»—доктрины, существенно отличные одна от другой и требующие самостоятельного анализа. Объект первой—*человечество и его благосостояние*, объект второй—*нация и ее благосостояние*. Универсальная республика реально, полагает Лист, *возможна только как союз экономически и политически равных наций*.

Итак: 1) конкретно-историческая постановка проблемы «мирового хозяйства» у Листа—лишь частное применение конкретно-исторического принципа, положенного в основу системы. 2) «Национальные хозяйства»—экономические субъекты «мирового хозяйства», одаренные волей и сознанием. 3) Несовпадение во времени этапов длинного исторического пробега—дикое земледельческое, мануфактурно-торговое, земледельческо-мануфактурно-торговое состояния—и разность в темпе движения объясняют исторические особенности отдельных «народных хозяйств» и принципы, отстаиваемые ими в сфере «мирового хозяйства» (свобода торговли—знамя английского, покровительственная система—американского и германского капитализма). 4) В процессе втягивания «национальных хозяйств» в мировой оборот происходит

экономическая и политическая консолидация народных хозяйств. 5) Как «идеал», как цель в туманной дали брезжит Универсальная Республика—Конфедерация Народов. Увлеченный борьбой с «классицизмом», Ф. Лист «выплеснул из ванны вместе с водой и ребенка». Вместо того, чтобы заняться исследованием проявления законов классической политической экономии в конкретных исторических условиях, он объявил теории классиков «беспочвенной абстракцией». После этого ему не оставалось ничего другого, как рекомендовать «политической экономии» ограничиться выяснением моментов, способствующих росту и процветанию *данной нации в данной обстановке*. В учении о «мировом хозяйстве» заслуга Листа—*в формулировке конкретно-исторического своеобразия образования земледельческо-мануфактурно-торговых национальных хозяйств и их неравномерного развития*. Мы увидим позднее, насколько плодотворным может быть этот подход при его более полном и точном определении в теории мирового хозяйства. Определения мирового хозяйства у Листа нет, но дух системы позволяет его конструировать. Оно представляется Листу *системой экономических отношений производства и обмена между национальными хозяйствами, упорядочиваемых международными торговыми и политическими соглашениями*. Постановка проблемы у Ф. Листа далека от методологической законченности—абстрактно-теоретический аспект мирового хозяйства от него ускользает вовсе, из конкретно-исторических тем он затрагивает лишь немногие. Методологическая правомерность «национального хозяйства», как отправного пункта в анализе «мирового хозяйства», подробно не мотивируется. Тенденция к консолидации «национально-хозяйственных организаций», также тенденция к «Универсальной Республике»—в кричащем противоречии со всей системой взглядов. Мотивированным является ее конкретно-исторический подход к проблеме мирового хозяйства, что и позволяет рассматривать Листа как представителя «мотивированной точки зрения в конкретно-историческом анализе «мирового хозяйства».

Сарториус

Сарториус бегло останавливается на характеристике «мирового хозяйства» в «Народно-хозяйственной системе вложений капитала за границей» и с большей обстоятельностью говорит о нем в «Введении к изучению» и т. д.

«Мировое хозяйство в его настоящем виде представляется нам прежде всего лишь совокупным обозначением, суммы связей, которые протекают из переселений и путешествий, обмена товаров, услуг оборота денег и взаимных требований на земном шаре и которые получают ясное выражение в транспорте, торговле и платежах» («Народно-хоз. система вложений капитала за границей». Введение). Однако оно нечто большее. «В нем, конечно, нет такого расчленения, которое делает для него возможным сознание собственных строго очерченных задач, но оно все же так далеко уже продвинулось вперед, что в нем тенденция к *более совершенной организации становится заметной*» (там же).

В развернутой форме Сарториус излагает свое понимание в «Введении к изучению мирового хозяйства» следующим образом: «Мировое хозяйство», объективно рассматриваемое, есть социальное образование или общество в социологическом смысле» (стр. 27). Широкое социологическое определение, кроме путаницы, ничего не вносит. Ибо вместо видовых признаков «мирового хозяйства» оно оперирует родовым признаком «социального образования», в котором все «кошки серы». «Отвергнув сравнение «мирового хозяйства» с организмом, Сарториус продолжает: «Мировое хозяйство тем самым является социально-экономическим образованием, которое существует в эпоху, в которой мы живем и которую мы наблюдаем».

Самое совершенное определение мирового хозяйства Сарториуса гласит: «Мировое хозяйство»—это образование, покоящееся на массовых потребностях, массовом обороте, на расчленении производства между отдельными областями и государствами и определенных правовых установлениях; исторически возникшее из единоличных хозяйств, хозяйственного оборота между ними, охватывающее весь мир пусть даже только в слабой форме, которое государственно оформленные все более и более односторонне развивающиеся, вследствие зависимости друг от друга, образующие взаимную опору народные хозяйства пытаются в равной мере поддержать и приспособить совокупными политическими мероприятиями к осуществлению их *Macht-zwecke*» («Введение», стр. 99). Сарториус признает, что определение его страдает обилием слов. Но наука требует точности, а Сарториус полагает, что его определение—«вклад в науку». Насколько это справедливо, мы сейчас увидим.

Во-первых, остается загадкой, надо ли понимать «мировое хозяйство» как «образование», в котором в качестве составных частей разумеются «народные хозяйства»—целостные комплексы, или «мировое хозяйство»—это лишь сеть связей единичных хозяйств на территории вселенной, выходящих за пределы «национальных хозяйств»? Что это разные исходные пункты, сам Сарториус недурно показал на примере Вагнера. «Его (Вагнера. *А. У.*) определение ставит ударение на междугосударственном обороте единичных хозяйств. Это недостаточно и представляет собою остаток индивидуалистического понимания хозяйственной жизни» («Введение», стр. 90). «Мировое хозяйство» равным образом (как и народы. хоз.) нельзя понять без правовой основы и народно-хозяйственной связанности единичных хозяйств» («Введение», стр. 91). Или в другом месте: «Теперь существует связь между отдельными народными хозяйствами всего мира, которая называется «мировым хозяйством» («Народно-хозяйственная система» и т. д., стр. 194). «Миро-хозяйственная точка зрения есть точка зрения целого, частями которого являются отдельные народные хозяйства» («Введение», стр. 95). Если с этими положениями сравнить определение Сарториуса, то кроме логической мешанины в нем ничего распознать нельзя.

Во-вторых, Сарториус утверждает—когда полагают, что «мировое хозяйство» не содержит ничего своеобразного, то налицо заблуждение,

так как целое—нечто иное, нежели его части» (стр. 25). Сарториус даже допускает возможность создания особой ветви экономической науки в духе Гармса, хотя высказывается значительно осторожнее последнего. «Мировое хозяйство» заключает в себе нечто своеобразное по сравнению с чем: «индивидуальным» или «народным хозяйством»? В чем состоит *своеобразие*? Именно *своеобразие* «мирового хозяйства»—его несходство в принципе построения и деятельности с «народным хозяйством»—дало бы толчок новой науке. Вместо этого исследования Сарториус изрекает следующую мудрость: «чтобы различать «народное» и «мировое хозяйство», следует найти то общее, что они имеют между собой» (стр. 90. «Введение»). Станный способ открывать своеобразие.

В-третьих, «целевой момент», который входит в социологическое определение «образования» и имеет не последнее значение для Сарториуса, совершенно затушеван и никакой роли в определении «мирового хозяйства» не играет.

В-четвертых, принцип «солидарности», заложенный в природе «мирового хозяйства», никакого выявления в определении не получает.

В-пятых, в одну кучу в определении сваливается разделение труда между областями и государствами, что одинаково изображается как основа «мирового хозяйства».

Куда бы мы ни взглянули—по всей линии полнейшая методологическая беспомощность и растерянность, прикрытая социологическими рассуждениями. После общего принципиального введения он исследует *мировое производство*, мировое распределение, междугосударственные балансы. Без прочной принципиальной базы все его рассуждения не имеют руководящей нити, отдельные ценные замечания беспорядочно толпятся, расплываясь в бесформенное изображение частичных процессов «мирового хозяйства». Все же в историческом чутье Сарториусу отказать нельзя. Его критика «международного разделения труда», анализ экспорта капитала и конъюнктурных движений в рамках мирового хозяйства, международных балансов—несомненно ценны для построения учения о мировом хозяйстве. Беда в том, что у самого Сарториуса все рассуждения на тему о мировом хозяйстве выглядят, как звенья оборванной цепи. Ни логического порядка, ни системы, а следовательно, и понимания целого—нет.

Отмечаем лишь самое важное: 1. Сарториус выразительно подчеркивает *историческую обусловленность разделения труда по поверхности земного шара*, даже в создании особых отраслей производства в тропическом поясе. По сравнению с пространными рассуждениями о наилучшем использовании даров природы, наилучшем распределении труда и т. п.—это значительный шаг вперед.

2. Обстоятельный анализ экспорта капитала—процесса накопления в индустриальных и аграрных странах, форм и направления экспорта, значения экспорта для «народных хозяйств» и «мирового хозяйства»—бесспорная заслуга Сарториуса.

3. Подчеркивание того, что объединение народных хозяйств в мировом хозяйстве еще не достигло такой степени, «чтобы это повело

к одновременности изображенного экономического цикла» (кон'юнктурных колебаний. А. У.). Скорее отдельные крупные народные хозяйства развивают частичные фазы в основном самостоятельно из внутренних условий, пусть даже осуществляется передача воздействий, ослабляющих или усиливающих колебания в народном хозяйстве от одного народного хозяйства к другому. Факт, что отрезки времени наступления отдельных фаз кон'юнктуры в различных странах не совпадают вовсе или только в редких случаях. Факт, далее, что интенсивность циклического движения во всех этих странах не одинакова. Наконец, для того, чтобы достигнуть понимания периодических подъемов и депрессий в мировом масштабе, следует установить, что большее число областей обладает преимущественно аграрной продукцией, и капитализм в них не пропитал еще всей экономической жизни, поэтому из внутренних условий они не могут развить промышленного подъема и кризиса, так как они зависят от спроса на промышленное сырье и продовольственные продукты стран-потребителей; следует постоянно считаться с обратными воздействиями, исходящими из отдельных, не всегда параллельных, фаз промышленного развития в этих последних («Народно-хозяйственная система», стр. 54).

4. Детальное рассмотрение международных балансов у Сарториуса также пригодно быть одним из камней учения о мировом хозяйстве.

Ф. Визер

Работа Визера,—«Очерки социальной экономики», ч. II, любопытна во многих отношениях; 1) она содержит законченный круг идей австрийской школы, систему политической экономии с точки зрения принципа «предельной полезности»; 2) включает в теоретический анализ новые исторические факты (монополия); 3) отличается стройностью изложения и внутренней логикой (конечно, «логикой предельной полезности»); 4) развивает теорию мирового хозяйства. Книга разбивается на 4 части: а) теория единичного, простого хозяйства—общие принципы хозяйства, пригодные для всех времен и народов; б) теория «народного хозяйства» в основном охватывает сумму идей классической экономии, с дополнительным анализом монополий, при чем стремится избежать чрезмерных абстракций классиков; в) теория «государственного хозяйства» исследует «всеобщие формы государственной деятельности в народном хозяйстве», конкретно занята анализом расходной части государственных бюджетов; г) четвертая часть трактует теорию мирового хозяйства. «В современной теории,—говорит Визер,—учение о мировом хозяйстве не может отсутствовать» (стр. 15). «Проблемы, которые сюда относятся... всегда причислялись к важнейшим из всех экономических проблем» (стр. 14). Обращаемся к теории Визера.

Теория мирового хозяйства у Визера вытекает из логического противопоставления «народного хозяйства» и «мирового хозяйства». Последуем за ним. Какова природа «народного хозяйства»? «В государстве народное хозяйство получает свой верховный объединяю-

щий орган» (стр. 303 назв. выше работы). «Оно (государство. А. У.) охраняет общественный правовой порядок, охраняет общий интерес против частных интересов, распоряжается общественными средствами» (стр. 303). «Единство его хозяйственного руководства и управления» в свою очередь покоится на чувстве общественного интереса, живущем в народе, более могучем, нежели личный интерес, и обусловленном единством исторических переживаний. Факт единства «в архитектонике народного хозяйства находит наиболее отчетливое выражение в центральном положении столицы» (стр. 303). Однако это единство «народного хозяйства» воплощается не только в государстве и центральном положении столицы и во всей его конфигурации. Оно получает и локальные формы проявления. В отдельных хозяйственных зонах, на которые распадается «народное хозяйство», сложившихся под действием естественных и исторических условий, повторяется *один и тот же* хозяйственный тип, характерный для данного «народного хозяйства», тип крупного промышленника, рабочего, крестьянина и т. д. «Поэтому выравнивающие тенденции без помех распространяются по всему народному хозяйству—экономические идеи, продукты, капиталы, люди всех слоев странствуют повсюду, при этом они равномерно всюду распространяют элементы прогресса или регресса» (стр. 304). «В мировом хозяйстве недостает верховного руководящего политического органа. Поскольку государственная власть вмешивается в ход мирового хозяйства, это совершается посредством договоров» (стр. 304). Но надо помнить: 1) в договорах государства-контрагенты придают общее выражение своей автономной воле; 2) число вопросов, относящихся к международному обороту, урегулированных путем договоров, хотя бы между несколькими государствами, совершенно незначительно.

«Ввести государственное регулирование мирового хозяйства путем системы договоров в историческом смысле столь же несвоевременно, как попытка установить политическое единство мира путем всеохватывающих договоров о дружбе» (стр. 304). Продолжая параллель, Визер говорит: «В конфигурации мирового хозяйства недостаток единства выражается отчетливо в том, что не существует мировой столицы» («Очерки социальной экономики», стр. 304). «Равным образом мы замечаем в мировом хозяйстве отсутствие глубоко идущего районирования, локализации областей производства под миро-хозяйственным углом зрения» (стр. 304). Международное разделение труда далеко отстало от национального. Визер дает картину исторического образования мирового хозяйства. «Долгое время спустя после того, как народно-хозяйственный организм в более развитых странах полностью сформировался, только «излишек для приобретения необходимого» обменивался в международной сфере» (там же). Разумеется, это была только начальная стадия. Интернациональное разделение труда далеко продвинулось вперед, об'ем и плотность интернациональных связей увеличились. Тем не менее в общем и целом «народно-хозяйственные связи значительно их перевешивают, сумма дохода, приобретаемая во внутреннем обороте, значительно больше соответственной

суммы, извлекаемой из международного оборота. Характеризованное различие не есть только «различие в степени плотности хозяйственных связей, оно принципиального порядка». «Каждое народное хозяйство благодаря связующим общественным силам является в себе единством, мирового хозяйства, как целое, нет» (стр. 304). Народные хозяйства различного типа стоят одно подле другого, отделенные друг от друга расовыми и культурными моментами. Больше того, даже народы одной и той же культурной семьи, расы чувствуют постоянно дистанцию, отделяющую их от остальных народов. Как ни велики классовые противоречия, однако опасность *экономической гражданской войны* не угрожает народному хозяйству. «Экономические войны между народами заполняли собой все последнее столетие и заполняют текущий период, как ясный симптом несравненно более резких противоречий, которые отделяют народные хозяйства друг от друга» (стр. 304). Типы хозяйствующих субъектов в мировом хозяйстве индивидуальны, неповторяемы. «Из этого различия в типических особенностях индивидуумов, так же как из чувства национальной вражды возникают чрезвычайно крупные препятствия для интернационального нивелирующего движения» (стр. 350). Перемещение продуктов затрагивается ими меньше, движение капиталов в большей и движение людских масс и идей в наибольшей мере. Отдельные народные хозяйства стоят в принципиально ином отношении к мировому хозяйству, чем экономические районы, зоны к народному хозяйству. Здесь перед нами вывод и зерно всей концепции Визера. «Каждое народное хозяйство—единство в себе, в которое включены отдельные экономические районы, по отношению же к мировому хозяйству народные хозяйства—решающие единицы, они суть крупные единые тела общественного хозяйства, которые относительно слабо связаны посредством международного оборота и интернационального производственного единства» (стр. 305.) «Мировой экономический порядок следует описать как сосуществование единых народных хозяйств, которые благодаря отношению оборота только в известной степени связаны между собой; народные хозяйства, напротив, хотя они также не являются единым хозяйством всего народа, обнаруживают, однако, единство всех связанных оборотом единичных хозяйств, совершенно отвлекаясь от единого государственного хозяйства, единого государственного представительства, общих интересов, как единства господствующих исторических сил. Это единство покоится на единстве рынка, соответствующим образом ценообразования и меновой ценности, вследствие чего дана единая база для построения общественного производства, которое во всех его подразделениях внутренне связано и районировано. Мировое хозяйство так же и в этом ограниченном смысле не есть единство, и т. к. оно не является таковым, то целый ряд фактов принимает другой вид, начиная от ценообразования и кончая построением интернациональной промышленной деятельности» (стр. 305). Логический состав теории мирового хозяйства отсюда вытекает сам собой. Она включает следующие проблемы: 1) Интернациональное ценообразование. 2) Меновая ценность и курсовая ценность денег в международном

обороте. 3) Выравнивание интернационального платежного баланса и динамика торгового баланса. 4) Народно-хозяйственное и миро-хозяйственное развитие (международное райсирование производства, теоретические основы внешней торговой политики, промышленно-воспитательные пошлины, сельско-хозяйственные пошлины и т. д.).

Теоретическое решение этих проблем у Визера в методологическом анализе нас будет интересовать лишь постольку, поскольку в их решении сказывается методологическая недостаточность и незаконченность постановки проблемы мирового хозяйства. В общем и в целом Визеровский подход к проблеме—наиболее продуманный и проработанный, нежели во всей буржуазной экономической литературе. Тем пристальнее к нему следует приглядеться. Центр тяжести построения Визера лежит в обосновании принципиального отличия «мирового хозяйства» от «народного хозяйства» и характеристике их природы. Формулировка этого различия конкретно-историческая: «Всякое народное хозяйство благодаря связующим общественным силам является в себе единством». «В государстве народные хозяйства получают верховнейший, объединяющий орган» и т. д. Если бы Визер выдержал до конца эту постановку проблемы, он пришел бы к целостной концепции и то лишь при одном условии: при строгой размежевке абстрактно-теоретического и конкретно-исторического исследования и понимании их значения. В духе его системы построение должно было бы принять следующий вид: первая часть—теория простого хозяйства, вторая часть—теория «менового общества». Или, иначе, говоря словами самого Визера: «После того, как теория простого хозяйства показала, как хозяйство и калькулирует свои операции отдельный субъект, теперь объясняется, как многие правовые субъекты, которые, преследуя свои хозяйственные выгоды на основе частной собственности, встречаются в обмене—измеряют цены «и соответственно уровню цен строят хозяйство», можно сказать «меновое хозяйство» (стр. 13). У Визера вместо «хозяйство» стоит «народное хозяйство». Эта незаконная подстановка влечет за собой трагические противоречия. Нельзя противопоставлять «народное хозяйство» в качестве «менового хозяйства» «мировому хозяйству». «Меновое общество», или «меновое хозяйство», как его конструирует Визер, есть логическое отрицание и противоположение его «простому хозяйству» («простое хозяйство»—по определению Визера—такое, где «субъект хозяйства—одно лицо»). Визер предостерегает от Робинзонады, субъектом его «простого хозяйства» может быть народ, человечество, понимаемые как единство. Другими словами, «простое хозяйство» есть организованное хозяйство в отличие от менового. Что «меновое хозяйство» в принципе—иное образование, нежели организованное хозяйство, следует из самого определения, что они управляются поэтому иными законами, вытекает из теоретического их изучения. (В этом пункте Визер, с большой похвалой отзывающийся о классической школе, считающий лишь ее анализ неполным, по сравнению с классиками делает шаг назад, полагая, что «законы простого хозяйства» образуют фундамент для исследования «законов менового

хозяйства»). Если «простое хозяйство» не нуждается в Робинзонах, то «меновое общество» — для теоретического изучения его — не нуждается в государственных границах. По аналогии можно сказать: «меновое хозяйство» одинаково мыслимо в рамках отдельной области, целой страны и мировом масштабе. Оставаясь в плоскости абстрактно-теоретического анализа, Визер обладал бы двойным рядом экономических законов: законами «простого хозяйства» и «законами менового хозяйства», при чем, по его мнению, первые служили бы базой для вторых (кстати сказать, термин «простое хозяйство» ничего абсолютно не выражает, не содержит и намека на его типические особенности). Полученные таким образом законы были бы абстрактными законами. Меновое хозяйство в развитом его виде — капиталистическое общество, развитый капитализм — мировой капитализм. Конкретно-исторически капитализм складывается на определенной территории, на основе определенного территориального рынка, экономическое единство территориального рынка находит политическое выражение в единой государственной власти, т.-е. капиталистическое хозяйство мыслится, как «государственно-территориальное хозяйство» — «народное хозяйство». Но экономические силы, присущие капитализму, развиваясь на основе внутреннего рынка, черпая из него необходимые питательные соки, быстро перерастают через его голову и ищут выхода за его пределы. Создается ткань новой системы связей, именуемая «мировым хозяйством». Верно ли, что «мировое хозяйство» в принципе отлично от «народного хозяйства»? Положительный ответ возможен в двух случаях:

1) если будет доказано, что экономические законы, регулирующие «народное хозяйство», в принципе другие законы, нежели законы «мирового хозяйства»,

2) или, если будет доказано, что внеэкономические моменты придают «народному хозяйству» принципиально иной характер по сравнению с «мировым хозяйством».

На оба вопроса, следуя Визеру, надо ответить положительно. Между тем в пределах «народного» и «мирового хозяйства» действуют одни и те же законы менового хозяйства, «менового общества». Правда и это решающее конкретно-историческое воплощение их в пределах «народного» и «мирового хозяйства» отличается своеобразием. Большой простор и свобода для проявления (в силу исторически возникших экономических и социальных условий), нивеллирующие моменты внутри «народных хозяйств» создают тенденцию единой на всей поверхности народного хозяйства нормы прибыли, средней заработной платы, единой нормы %, общий уровень цен и т. д. Нивеллирующей тенденции нельзя отрицать и в «мировом хозяйстве» — однако та не достигает такой силы и размаха, как в «народных хозяйствах», и потому не производит соответствующего эффекта. Норма прибыли, %, высота заработной платы в мировом масштабе остаются различными по отдельным странам. Именно здесь следует искать разграничительную линию между «народным» и «мировым хозяйством». Неправильно утверждение Визера, будто перед нами «различие в принципе», —

принципы остаются одинаковыми в обеих сферах. Законы «менового общества» управляют «народным» и «мировым хозяйством». (Удачны ли открытые Визером законы—совсем другой вопрос).

Форма конкретно-исторического выражения и преломления их в «народном» и «мировом хозяйстве» образует конкретно-историческое своеобразие каждой из них. Откуда возникла ошибка Визера? Ее источник—смещение абстрактно-теоретической категории «меновое общество» с реальным воплощением «менового общества» в капиталистических «народных» хозяйствах. В свою очередь, это объясняется тем, что в современном капиталистическом «народном» хозяйстве реальные тенденции его развития представляют собой как бы приближение к абстрактно-теоретическим посылкам. Свобода движения труда и капитала в народном хозяйстве—на фоне международного движения труда и капитала—выглядит как реальный прообраз теоретической аксиомы и т. д. Тем не менее отождествлять абстрактно-теоретические посылки с конкретным их выражением нельзя. Той идеальной свободой движения труда и капитала, той эластичности всех экономических категорий, которой оперирует теоретическая экономия, в реальном народном хозяйстве, разумеется, нет. Визер сравнивает «свободу движения труда и капитала» в «народном» и «мировом хозяйстве»—и ложно принимает различие в степени за принципиальное. Правильное сравнение гласит:

1) Идеальная свобода движения труда и капитала (абстрактно-теоретическая точка зрения).

2) Реальные исторически-относительные различия между «народным» и «мировым хозяйством». Поэтому расчленение ею труда на такие части: 1) «простое хозяйство» (организованное), 2) меновое хозяйство, 3) теория госуд. хоз., 4) мировое хозяйство... внутренне непоследовательно. Первые два раздела суть теоретический костяк системы, теоретическая экономия. Исследование же «народного хозяйства», «государственного» и «мирового»—приложение абстрактно-теоретических форм к конкретной исторической действительности. Визер ставит знак равенства между «меновым обществом» и «народным хозяйством»—отсюда ошибочное принципиальное противопоставление «народного хозяйства» «мировому хозяйству». В результате—непоследовательность и неполнота в установлении логического объема и состава «науки» о «мировом хозяйстве».

Странным образом в теории мирового хозяйства отсутствуют проблема экспорта капитала и проблема эмиграции населения, «проблема тарифов». Таков первый из возможных двух вариантов. В его разборе мы опирались на предположение Визера о принципиально-особой природе движения труда и капитала в национальной и интернациональной сфере. Мы показали, что посылка—неверна, что подрывает связанные с ней заключения. Вариант второй—государство и государственная власть сообщают «народному хозяйству» такую форму его организации, какая исключена для мирового хозяйства. Государство—верховный, объединяющий орган народного хозяйства. Ударение поставлено на роли государства. Однако что же из этого следует? Необходимо дать

обстоятельное освещение роли государства: 1) в «пределах народного хозяйства» 2) и как органа общих, объединенных интересов капиталистов в «мировом хозяйстве». «Если бы вместо анализа расходной части бюджета Визер посвятил свое внимание этой проблеме, теория мирового хозяйства несомненно выиграла бы. В рамках мирового хозяйства ничего соответствующего аппарату государственной власти в народном хозяйстве нет. Казалось бы, что в этом отношении—бесспорное *принципиальное* различие. Лишь при одном условии, если государство и государственная власть с их системой экономических мероприятий внутри страны образуют конститутивный признак «народного хозяйства». Визеру такая постановка чужда. Он ищет, и правильно, основу народного хозяйства в исторических условиях формирования национального рынка, в процессах ценообразования и всей совокупности производственно-меновых связей. Так что и здесь принципиальное отличие «мирового хозяйства» от «народного хозяйства» вскрыть не удастся. Остается одно—исследование конкретных исторических особенностей возникновения, роста и развития народных хозяйств и соответственно мирового хозяйства. Другими словами, тщательное изучение конкретно-исторических фактов менового общества. При этом сразу обнаруживается серьезнейшее упущение Визера. Он характеризует мировое хозяйство—как сосуществование стоящих одно подле другого единых «народных хозяйств». Исчезают колонии и такие массивы, как Китай. Визер называет колонии «промежуточными формами». Дело не в названии, а в том, что описание и определение мирового хозяйства, по Визеру, *извращает* историческую природу мирового хозяйства. Далее, *солидарность*, чувство общности цементирует, по Визеру, «народное хозяйство», в то время как принцип борьбы и противоречий господствует на мировой арене. Тип противоречий, тенденции борьбы подлежат ближайшему исследованию, мимо чего проходит Визер.

Резюмируем: 1) методологически законченной разработки проблемы «мирового хозяйства» у Визера нет; 2) попытку принципиального размежевания «народного» и «мирового хозяйства» следует признать неудачной; 3) теория мирового хозяйства построена без методологического стержня, страдает от отсутствия внутреннего единства и не захватывает всех проблем мирового хозяйства; 4) определение мирового хозяйства не вмещает целой системы связей—колониальных связей и связей капиталистических народных хозяйств с некапиталистическими странами; 5) вне поля исследования лежат структурные моменты современного мирового хозяйства и его тенденций; 6) совершенно не исследуется под экономическим углом зрения роль государства в народном хозяйстве; 7) заслуга Визера—в характеристике экономической основы современных народных хозяйственных образований, создания внутреннего рынка. Характеристика, как мы увидим позднее, *неполная*. В итоге даже это наиболее продуманное и законченное построение среди груды книг и статей по мировому хозяйству, написанных буржуазными экономистами, страдает существеннейшими пробелами и недочетами. Обращаем внимание, что наши критические возражения имеют всюду лишь методологический аспект, логическая

критика теории Визера равнялась бы критике теории предельной полезности в развернутом ее виде. Благодарная, самостоятельная задача исследования. Несостоятельность теории Визера такое исследование показало бы еще рельефнее.

ВНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Б. Гармс

Гармс посвятил «мировому хозяйству» обстоятельное исследование, в котором систематически трактует относящиеся сюда темы. Сам Гармс оценивает свою работу очень высоко. Систематическое изложение и освещение вопросов «мирового хозяйства», кажется ему, не имело еще до появления его работы места в экономической литературе. После предшествующего изложения нетрудно будет видеть, насколько справедлив этот взгляд. По нашему мнению, одно несомненно— все, что есть нового у Гармса—ошибочно, а все правильное уже высказывалось до него. То, что не затронуто вовсе, в методологическом построении Гармса, представляется самым важным. Мы не претендуем на подробный критический разбор рассуждений Гармса. Наша задача сводится к рассмотрению основных исходных методологических позиций Г., на которых держится и вместе с которыми падает все методологическое здание.

«Центр тяжести настоящего очерка (какая скромность—книжка в 420 стр. А. У.)—в попытке обоснования учения о мировом хозяйстве». Тем самым он выдвигает на первый план два вопроса: «1) подтверждают ли социально-экономические факты и тенденции развития *новой времени воззрение, согласно которому за пределами ограниченного рамок государства—Verkehrsgesellschaft,—которое характерно для сущности и понятия народного хозяйства, сложилось образование, охватывающее экономическую жизнь всего мира*, для обозначения которого можно применить в смысле научно-экономического образования понятий—термин «мировое хозяйство»; 2) если это в самом деле так, то требует ли и оправдывает ли включение основных явлений этого «мирового хозяйства» в сферу исследования экономических наук *создание особото «учения о мировом хозяйстве» с самостоятельным полем деятельности или же изучение миро-хозяйственных фактов и их связей непосредственно относится к учению о народном хозяйстве*. Этот второй вопрос ведет само собой к дальнейшему, с ним связанному, каково в данном случае содержание такого учения о мировом хозяйстве» («Народное хозяйство и мировое хозяйство». Б. Гармс. Иена. 1912, подчеркнуто нами. А. У.). Вехи исследования намечены правильно. «Так как мировое хозяйство не вещь в себе, а представляется теснейшим образом связанным с народным хозяйством, и так как второе, как и первое, берут только начало в единичном хозяйстве, то исследование должно исходить из последнего, чтобы от него через народное хозяйство подняться к мировому хозяйству» (стр. 89). «Единичное

хозяйство», по Гармсу, уже содержит в себе всю экономику «народного» и «мирового хозяйства». Оно «есть такая же точка народного и мирового хозяйства», из которой в последнем счете выводятся все явления и проблемы хозяйственного оборота» (стр. 356).

Конститутивный признак *единичного хозяйства*—хозяйствующий субъект, возглавляющий хозяйство и действующий на основе *экономического принципа*. Цель единичного хозяйства—«создание, сохранение и применение благ» (стр. 94). От этого единичного хозяйства тянутся ниточки к другим «единичным хозяйствам», сеть связей в настоящее время охватывает весь мир. «Однако отношения между единичными хозяйствами всего мира подчинены известным ограничениям естественного и исторического порядка» (стр. 96). «Рассматриваемые чисто абстрактно единичные хозяйства будут развивать свои взаимоотношения на базе отчуждения одних благ взамен других, согласно экономического принципа в том смысле, что каждое хозяйство будет получать блага оттуда, где оно может получить их всего дешевле, и отдавать взамен их то, что приведет к наилучшему меновому отношению, в той мере, в какой делает успехи техническое и экономическое преодоление пространства» (стр. 96). Конкретно-исторически, однако, процесс протекает не в такой форме. «Поверхность земли покрыта сетью *государственных границ, которые объединяют единичные хозяйства мира в определенные комплексы и противопоставляют их друг другу*» (стр. 96). «Всякое единичное хозяйство есть таким образом составная часть политического образования, государства» (стр. 97). «Государство вмешивается в отношения *единичных хозяйств прежде всего к «загранице»* и, как правило, *в значительном объеме и сообщает* тем самым совершенно определенное *направление деятельности единичных хозяйств, прежде всего предприятий*» (стр. 96). Для нашего времени имеет силу «закон *возрастающей государственной деятельности*». Гармс описывает подробно круг хозяйственной деятельности современного государства.

Государство осуществляет «национально-экономическую политику». Экономическая политика государства управляется стремлением его обеспечить удовлетворение потребностей «народа, как совокупности жителей государства по возможности в пределах его границ» (стр. 96—97).

«Посредством целой системы мероприятий государство работает в таком направлении, чтобы производительные силы именно его области, если даже условия сами по себе неблагоприятны, достигли наиболее полного развертывания» (стр. 97). «Торговля и таможенная политика регулируют отношения единичных хозяйств к «загранице»; единые законы, единая система мер веса, длины, единое денежное устройство, торговое и промышленное право, организация платежного оборота эмиссионных учреждений, кредитных учреждений вообще, развитие средств сообщения на воде и на суше, постройка жел. дор., каналов, налоговая политика и т. п. суть проявления государственной деятельности в масштабе народного хозяйства». «Таким образом, по всему миру возникают более или менее замкнутые экономические области

определенных народов, которые содержат в себе двоякие комплексы отношений: отношения единичных хозяйств между собой и к государству». «Совокупность всех этих отношений мы называем народным хозяйством» (стр. 98). Государственно-правовой момент играет у Гармса решающую роль. Выше мы видели, что, по его мнению, «государственные границы» об'единяют единичные хозяйства в определенные народно-хозяйственные комплексы. Государство и его вмешательство сплачивают распыленные на определенной территории единичные хозяйства в народное хозяйство. «К сущности народного хозяйства, пишет Гармс, принадлежит народно-хозяйственное право. Тот факт, что отношения единичных хозяйств в пределах государственной области регулируются единым правом, есть, прямо-таки соопределяющий факт для сущности и понятия народного хозяйства» («Мировое хозяйство и миро-хозяйственное право». Отдельный оттиск из «Словаря международного права и дипломатии»).

В законченной форме формулировка гласит: «Народное хозяйство есть совокупность отношений и взаимодействий между единичными хозяйствами государственно об'единенного народа, возможных благодаря свободе оборота и техническим условиям сообщения, регулируемых едиными правовыми установлениями и стимулируемых хозяйственно-политическими мероприятиями» («Народное и мировое хозяйство», стр. 100). Народное хозяйство не является логическим продолжением и развитием понятия единичного хозяйства. Оно отнюдь «не реальное целое», но исключительно «абстрактное понятие совокупности связей между конкретными частями». Современное «народное хозяйство» — «продукт векового развития и в настоящем его виде не более старо, чем современное государство» (стр. 133). Между тем, замкнутых «народных хозяйств» в истории не было. Уже замкнутое «домашнее хозяйство» — продукт фантазии, тем паче «замкнутое торговое государство». Хозяйственные связи единичных хозяйств постоянно перерастали за пределы государства. Объем и интенсивность связей, конечно, в различные периоды были различны. Гармс ставит вопрос, действительно ли отношения единичных хозяйств на земной поверхности достигли такой плотности и интенсивности, чтобы можно было говорить «о хозяйственной общности всех единичных хозяйств мира». Материальный анализ внешней торговли, движения капиталов, людских масс убеждает Гармса в наличии «Weltverkehrsgesellschaft». Но для Г. это не решает дела. Остается еще основной вопрос: «является ли это общество, основанное на мировом обороте, таким образованием, для которого по аналогии к решающим моментам «народного хозяйства» представляется правомерным обозначение «мировое хозяйство» (стр. 103). «Мы формулировали четыре основных признака народного хозяйства: политически ограниченная область, множество единичных хозяйств, базой деятельности которых служит свобода оборота во всей области, развитые технические средства сообщения и содействие успешной деятельности единичных хозяйств посредством торгово-политических, хозяйственно-политических, вообще правовых регулятивно-политических и тому подобных мероприятий» (стр. 104).

Соответственно в мировом хозяйстве существует: 1) множество единичных хозяйств; 2) развитые средства сообщения. Отсутствует политическое единство мира. Однако, если помнить, что «политически ограниченная область образует только пространственные рамки деятельности народных хозяйств», и что «значение государства, как политически руководящего органа, заключается исключительно в воздействии на единичные хозяйства путем мероприятий, вытекающих из политического положения, то нечто подобное существует и в «Weltverkehrsgesellschaft» (стр. 104). *Пространственные* рамки «мирового хозяйства» — весь земной шар. Международные договоры облегчают взаимоотношения единичных хозяйств. «Почти все государства мира в наше время заключили договор между собой, так что оборот между единичными хозяйствами мира протекает под охраной государственных коллективных гарантий. Аналогия с народным хозяйством в этом пункте, следовательно, также налицо. К тому же принципиально тем самым уже признается и свобода оборота. Подобно тому, как для «народного хозяйства» решающим является *правовое регулирование*, «так же и мировое хозяйство по его сущности и понятию только тогда дано, если отношения в его пределах регулируются посредством миро-хозяйственного права» (стр. 6. «Мировое хозяйство и мир.-хоз. право»). Под «миро-хозяйственным правом» Г. разумеет «совокупность норм международного права, регулирующих международные хозяйственные отношения единичных хозяйств между собой и к соответствующим государствам» (там же, стр. 8). Его следует отличать от «внешнего народно-хозяйственного права». Их принципиальное различие в том, что источник миро-хозяйственного права — междугосударственные соглашения или международные обычаи, источник «внешнего народно-хозяйственного права» — внутреннее законодательство или обычаи отдельных государств, нормирующих их отношения к другим государствам.

Понятие «мирового хозяйства» не существует без «миро-хозяйственного права», «для современного Weltverkehrsgesellschaft обозначение его, как мирового хозяйства, оправдывается только тогда, если подлежит преимущественно регулятивному воздействию миро-хозяйственного права. До тех пор, пока международный хозяйственный оборот совершается преимущественно на основе «внешнего народно-хозяйственного права . . . он является мировой торговлей, но не мировым хозяйством» (там же, стр. 9). Следует поблагодарить проф. Гармса за то мужество и бесстрашие, с каким он продумывает до конца свои собственные идеи, и обнажает их внутреннюю пустоту. Об этом дальше. Новое образование «мировое хозяйство» — заключает Гармс после обстоятельного анализа налицо. Теперь перед ним задача создания нового учения о мировом хозяйстве. Оно свободно вытекает из всех его построений. Примыкая к Дитцелю, Г. *считает фундаментом учения о социальном хозяйстве* «чистое учение о социальном хозяйстве»; по логическому составу оно совпадает с классической политической экономией. Так как далее существует три круга хозяйственных явлений: а) единичное хозяйство, в) народное и с) мировое, то «прикладное учение о социальном хозяйстве распадается на 3 части —

а) учение о единичном, в) народном и с) мировом хозяйстве. Вся система выглядит так:

СИСТЕМА УЧЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

I. Чистое учение о социальном хозяйстве.

II. Прикладное учение о социальном хозяйстве.

- 1) Учение о единичном хозяйстве;
- 2) » о народном »
- 3) » о мировом » (стр. 339)

Итак учение о мировом хозяйстве принадлежит «прикладной социальной экономике» и соотносительно *учению о народном хозяйстве*. Последнее изучает конкретно-исторические «народные хозяйства», германские, английские и т. д. со всеми их особенностями, опираясь на «чистую экономику», «народ и земля» его объект. Для понимания учения Г. о мировом хозяйстве приведем его *важнейшие разделы*.

A. Всеобщее учение о мировом хозяйстве

Введение. *Человек и земля.*

I раздел.

1 гл. Естественные условия хоз. жизни мира (физическая поверхность земли, земля и вода, климат).

2 гл. Население земли (расы, языки, религии).

3 гл. Зоны первоначального производства (умеренная, тропическая субтропическая, полярная).

4 гл. Залежи минералов (каменный уголь, руды и пр.).

5 гл. Естественные пути сообщения.

II раздел. Общественное хозяйство в рамках государственной ограниченной территории, границы его развития.

1 гл. Государство и хозяйство (образование государств, госуд. и хозяйственная жизнь, сущность народного хоз.).

2 гл. Естественно-обусловленные границы первоначального производства в народном хоз. (климат, почва, закон убывающего плодородия).

3 гл. Распределение запасов минералов в народном хозяйстве.

4 гл. Естественные границы обработки веществ в народном хозяйстве (климат, диспропорция запасов благ и населения).

5 гл. Дифференциация культурных условий в различных странах (экономический состав населения, его культурный и образовательный уровень, техника, квалификация рабочих и т. д.).

III раздел—Мировое хозяйство.

1 гл. Значение средств сообщения для интернационального обмена.

2 гл. Эмансипация от естественных условий, возрастающее значение культурно-исторических условий.

3 гл. Народно-хозяйственное значение международного обмена благ (дифференциация народно-хозяйственного производства, эманси-

пация потребления от границ народно-хоз. производства, кризисы, ценообразование.

4 гл. Международное разделение труда (сущность, теория, обусловленность).

5 гл. Искусственные помехи международному разделению труда (теория развития всех производственных сил страны, протекционизм, экспортные премии и т. д.).

6 гл. Интенсивность международного обмена.

7 гл. Иные экономические международные связи (экономические поездки, эмиграция, вложение капитала).

8 гл. Теория торгового и платежного баланса.

9 гл. Колонии в мировом хозяйстве.

IV Раздел. Правовое и хозяйственно-политическое регулирование международного экономического оборота.

V Раздел. Мировое хозяйство как предмет научного исследования (универсальная экономика классиков, мировое государство и мировая экономика, задачи учения, методы исследования).

В: Специальное учение о мировом хозяйстве.

1. Мировое обращение (мореплавание, торговый флот, гавани, тарифы и т. д., почта, телеграф и т. д.).

2. Производство, обращение и потребление важнейшего сырья и промышленных продуктов в мировом хозяйстве.

3. Эконом. стремления мировых держав к экспансии.

а) Англия и Британское государство.

б) С. Штаты и панамериканская идея.

в) Средне-европейские державы.

г) Панславизм.

д) Восточная Азия, Китай, Япония, желтая опасность.

На этом мы заканчиваем изложение теории, предложенной Гармсом. Критическому разбору мы подвергнем ее под двойным углом зрения: сначала мы примем допущение о правильности исходных положений Гармса и постараемся показать его непоследовательность, неувязку исходной точки зрения со всей концепцией. Затем проверим путем логического анализа самые посылки для доказательства их полной несостоятельности. Итак, единственная реальность—единичное хозяйство, народное и мировое хозяйство—лишь абстрактная совокупность. «Народное» и «мировое хозяйство»—конкретно исторические тела. Государство и его правовые институты конституируют народное хозяйство, правовые нормы, возникающие из междугосударственных соглашений или международного обычая—мировое хозяйство. С этим не вяжется иная несколько трактовка вопроса, согласно которой «значение государства в качестве руководителя политического органа состоит исключительно в воздействии на единичные хозяйства посредством целой системы мероприятий». В обоих случаях для выделения особой сферы оборота, «миро-хозяйственного оборота», логических оснований нет. Если государство и его правовые

нормы создают «народное хозяйство», соответственно международные и правовые нормы—«мировое хозяйство», то параллель «народное—мировое хозяйство» не может быть проведена. В самом деле, что характерно для государственного регулирования: единый регулятивный центр, единые нормы по всей поверхности народного хозяйства. Ничего подобного нет в мировом хозяйстве. Мы готовы согласиться с Гармсом и сказать, что единый регулятивный центр на манер государства в масштабе мирового хозяйства—вовсе не обязательное условие для признания и характеристики существования «мирового хозяйства», если мы имеем *в нем принципиально тот же тип и объем регулятивных норм*. Ни того, ни другого на самом деле нет. Регулятивные нормы охватывают по правилу не все «мировое хозяйство», а его отдельные части. Сюда относятся все торговые договора между отдельными государствами; при наличии такого рода договоров нормы регулирования в отношении различных государств могут быть различными («дифференциальные пошлины»). Если значение *регулирующих норм* в рамках государства в общем и целом характеризуется как «содействие под'ему и развитию производительных сил страны, то совершенно ложным является представление, будто интернациональные нормы в том же смысле воздействуют на «мировое хозяйство» в качестве целой абстрактной совокупности («таможенные войны»).

В духе Гармса следовало бы говорить не о «мировом хозяйстве», а о «междугосударственных образованиях». «Мировое хозяйство», в таком случае, как целое, исчезло бы, но схема осталась бы, цельность ее не была бы нарушена. Умолчав о том, что интернациональные правовые регулятивные нормы никогда не охватывают *всей поверхности мирового хозяйства и никогда не бывают одного типа*, Г., по видимости, достиг законченного логического результата. «Народное» и «мировое» хозяйство—две самостоятельных области с одинаковыми логическими признаками. Путь к этому заключению—поверхностная аналогия. Далее лишь «интернациональное соглашение» или «интернациональный обычай», завоевавшие господствующее положение в сфере регулятивных норм, создают мировое хозяйство. Преобладание «внешних народно-хозяйственных норм» свидетельствует о «внешней торговле», но отнюдь не о «мировом хозяйстве». Мы приносим за это открытие искренние поздравления Гармсу и недоумеваем, к чему он потратил такую массу усилий на анализ материальных элементов миро-хозяйственного оборота, внешней торговли, движения капиталов, населения для доказательства наличия «новой миро-хозяйственной области». Все это абсолютно никогда и никем не оспаривалось. Полезнее и удобнее было бы заняться исследованием, с какого пункта времени «мировая торговля» превратилась в «мировое хозяйство». Что приобрела бы от этого наука, другой вопрос. Ради схемы Г. убивает живую действительность. Ведь согласившись с ним, мы должны согласиться с тем, что и по сию пору никакого мирового хозяйства нет еще. Всякие разговоры поэтому о новой науке—«преждевременные роды», результат—выкидыш. Доказательства, приводимые Гармсом в подтверждение его мысли о преобладании в международном обороте *норм миро-хозяйственного права*,

при всем их обилии никакой логической ценности не имеют. Первое: *все они не соотносительны* нормам народно-хозяйственного права ни по характеру ни по объему. Второе: если даже на самом незначительном участке до наших дней действуют не нормы миро-хозяйственного права, а внешние народно-хозяйственные нормы, очевидно, что «мировое хозяйство» сложилось еще не повсюду, что рядом с ним еще существует «мировая торговля». Так же очевидно, что ни то, ни другое образования в собственном смысле слова не являются «мировыми», ибо не охватывают всей поверхности земного шара. Мы сделали самое благоприятное для Г. предположение, что «мировая торговля» сохранилась на незначительном клочке земли. Тем не менее оно в корне разрушает его логическую постройку и обнажает ряд новых трудностей—исследование отношений между внешней торговлей и народным хозяйством, внешней торговлей и мировым хозяйством и т. д. Далее, безжалостно усиливая историческую действительность, Г. стоит перед следующим «пассусом»: как рассматривать «неравноправные договора, принцип «открытых дверей»? Источником «миро-хозяйственных правовых норм», основами мирового хозяйства являются *интернациональные соглашения* по принципу взаимности, что можно прочесть в определении мирового хозяйства у Гармса. «Неравноправные договора», «принцип открытых дверей»—тоже продукт интернационального соглашения. По Г., хотя он не всегда ясно по этому поводу выражается, тут не нормы «миро-хозяйственного права», а нечто другое, а следовательно, и не «мировое хозяйство», а какой-то особый тип связи. Спрашивается, какой? Наконец—вся область отношений *вложившихся* «народных» капиталистических хозяйств с некапиталистическими странами, только вступающими в мировой оборот, выпадает из «мирового хозяйства», ибо один из контрагентов не обладает еще нормами «народного хозяйства», нет еще субъекта «народно-хоз. права»—государства, объединяющего политически определенное территориальное хозяйство. Каков же окончательный результат? Заботливо возведенная схема—карточный домик, построенный на песке. Действительность и схема всегда лежат в различных плоскостях, но когда схема перестает быть вообще отражением действительности, от нее следует отказаться. Второе допущение—*государству и его правовым институтам* принадлежит не решающая роль в определении «народного хозяйства» (соответственно междугосударственные соглашения не решающий фактор в мировом хозяйстве). Допущение расходится со всеми рассуждениями Гармса, постоянно ставящими ударение на регулятивном правовом моменте, как на конститутивном элементе «народного и мирового хозяйства». Оно вклеено некстати в систему Гармса, и потому остается им совершенно необоснованным, неразвитым. Обосновать его и развить значило бы поколебать все логическое здание. Утверждение же об объединяющей, *сплачивающей* в один комплекс «народное хозяйство» разрозненные и рассеянные по определенной территории единичные хозяйства деятельности государства лишено у Гармса всякого обоснования, а без этого не доказано и наличие *конкретно-исторического* целого «народ-

ного хозяйства», без чего весь анализ мирового хозяйства рухнет. В заключение критического анализа по этой линии проследим сравнение «народного» и «мирового хозяйства» в четырех основных моментах. «Народное хозяйство» включает следующие признаки—политически отграниченная область, объединяющая множество единичных хозяйств, пользующихся свободой оборота, развитые средства сообщения, содействие успешной деятельности единичных хозяйств путем различного рода мероприятий со стороны *государства*. Все эти элементы имеются в мировом хозяйстве—думает Гармс. Рассмотрим по порядку: 1) «народное хозяйство»—политически отграниченная область. Гармс полагает, что в данном случае дело идет только о *пространственном* определении, соответственно этому пространственный базис мирового хозяйства—весь мир. Заблуждение очевидно. Политически-отграниченная область—отнюдь не пространственная характеристика, противоположение—«политически отграниченная область»—весь земной шар явно логически несостоятельно. Против географического поставлено историческое определение, как соотносительное. 2) «Единичные хозяйства», пользующиеся «свободой оборота» в «народном хозяйстве», такой же свободой в рамках мирового хозяйства не пользуются. Кроме того, как быть с монополистической стадией капитализма? Неужели образование монополистических организаций разрушает мировое хозяйство? 3) Технические средства сообщения имеются там и здесь, но вряд ли сам Гармс будет их рассматривать как элемент одинакового удельного веса на ряду с остальными. 4) Содействие деятельности единичных хозяйств со стороны государства путем хозяйственно-политических мероприятий в народном и путем интернациональных соглашений в мировом масштабе. Принципиальное несходство показано и доказано подробно выше. Оказывается, что нового образования того же типа, что и народное хозяйство, в мировом масштабе, следуя посылкам Гармса, открыть нельзя. Методологическая непродуманность и незаконченность были виной его заключения. Отсюда, разумеется, не следует, будто вообще не существует «мирового хозяйства». В методологической формулировке Гармса, при допущении правильности его посылок, нет места «мировому хозяйству», как соотносительному «народному хозяйству», образованию. Теперь переходим к доказательствам *методологической несостоятельности его посылок*. *Государство и государственную деятельность* лишь тогда можно было бы рассматривать, как основную признак «народного хозяйства», если бы государство определяло характер и направление деятельности «народного хозяйства», его внутреннюю структуру и его развитие. Подобные утверждения, правда в робкой форме, встречаются у Гармса. При этой посылке всю силу анализа необходимо было бы сосредоточить на исследовании *функций государства* в экономической жизни «политически отграниченной области». Отделаться законом возрастающего значения государства, регулирующих экономических мероприятий значит не решить, а устранить проблему. Сколько-нибудь удовлетворительное решение этой задачи исследования равносильно банкротству всей системы. Чем более глубоко госу-

дарство уходит корнями в экономическое образование «политически отграниченной области», в «народное хозяйство», чем неразрывнее связана его судьба с данным «народным хозяйством», тем меньше логического сходства между «народным» и «мировым хозяйством» в смысле Гармса. Другими словами, чем более его посылки приближаются к реальной действительности, тем опаснее они становятся для всей концепции. Ни объем, ни характер мероприятий государства даже и в отдаленной степени не соответствуют посылке Гармса.

К тому же, при роли, отводимой Гармсом государству, определение «народного хозяйства» как абстрактной совокупности реальных частей уже не годится. Абстрактной совокупностью можно именовать лишь отношения индивидуальных хозяйств между собой. Отношения государства к индивидуальным хозяйствам—принципиально другой ряд явлений в рамках народного хозяйства. Государство не конституирует «народное хозяйство». Наоборот, его элементы должны уже достигнуть известной высоты развития, внутренний рынок, складывающийся на определенной территории в определенной исторической среде, образует предпосылки создания единого государства. Внешние рамки, устанавливаемые государством для деятельности единичных хозяйств, скрадывают истинное значение государства. «Народное хозяйство»—прежде всего и это решающее—*комплекс экономических связей, возникающих, крепнущих и утверждающихся в некотором территориальном масштабе. Капиталистическое государство возникает как политическое выражение сформировавшегося территориального рынка новой экономической формации.* Определение «народное хозяйство» включает естественно политический признак—единая государственная власть, политически отграниченная область, но выводит «народное хозяйство» из единой государственной власти и единого регулирования—значит ставить вещи на голову. Вся система экономических государственных мероприятий—продукт своеобразия исторического возникновения и роста *территориального рынка*, замкнутого в политические границы. Нечего и говорить, что при всей этой логической путанице попытка построить «учение о мировом хозяйстве» кончилась неудачей. При всей подкупающей простоте деления социальной экономики на а) чистую и б) прикладную—оно никоим образом не вытекало из концепций Гармса. «Чистое учение о социальном хозяйстве» устанавливает *общие экономические законы* производства, распределения и обмена благ независимо от времени и пространства. Мы оставляем в стороне вопрос о том, что невозможно открыть *общие законы для явлений принципиально различной природы* (Гармс покрывает общим теоретическим колпаком единичное, народное и мировое хозяйство). Мы займемся другим. Приведенное деление указывает на то, что абстрактно-теоретические экономические законы реализуются в *конкретных экономических фактах*. По Гармсу, «прикладное учение о социальном хозяйстве» распадается на учение о единичном, народном и мировом хозяйстве. Прямой вывод отсюда: 1) для построения учения о единичном хозяйстве следует проследить проявление в нем абстрактно-теоретических законов, их своеобразие,

2) то же соответственно для народного хозяйства, 3) то же соответственно для мирового хозяйства. Все моменты внеэкономического порядка привлекаются лишь для объяснения своеобразных форм реализации абстрактных законов в конкретных хозяйственных образованиях—единичном, народном, мировом хозяйстве. На этом базисе размежевание их носило бы более глубокий характер, круг проблем, охватываемых учением о единичном, народном, мировом хозяйстве, не расплывался бы, как у Гармса, подобно масляному пятну на воде. В учении Гармса о мировом хозяйстве явственно проступает желание «об'ять необ'ятное». Его введение «Человек и земля» никакого касательства к «мировому хозяйству» в качестве конкретно-исторической сферы действия абстрактно-теоретических законов не имеет, целый кусок, трактующий «общественное хозяйство в рамках государственной ограниченной территории»,—также, явления такого порядка, как кризисы, ценообразование, закон убывающего плодородия, фигурируют на ряду с распределением запасами полезных ископаемых в мировом хозяйстве и т. д. Большой пестроты содержания придумать нельзя. Никакой логической оси, ни одного упорядочивающего элемента. Перечень глав нового учения—приговор пророку нового учения о мировом хозяйстве в предложенной им форме.

Мы подошли к концу. На всем пути мы убеждались, как неосновательна претензия Гармса возвести здание новой науки на зыбкой почве государственно-правовой деятельности в сфере «народного и мирового хозяйства». При таком подходе *ускользает* из поля зрения исследования решающий экономический аспект мирового хозяйства. Если бы кто-нибудь пожелал последовательно проводить программу нового учения, надежнейший путь для него—изучение архивов, хранящих международные соглашения по регулированию международного оборота. Живая ткань мирового хозяйственного оборота—закон обмена благ в мировом хозяйстве, закон движения капиталов и труда—исчезает в пыли архивов.

На этом мы заканчиваем разбор попыток построения учения о мировом хозяйстве в буржуазно-экономической литературе.

А. Угаров

ТЕОРИЯ ВАЛЬРАСА¹

1

Наиболее крупным представителем математической школы, несомненно, должен быть признан Вальрас². Он дал стройную систему отдельных теорем и положений, которые в той или иной форме повторяются другими представителями математического направления в политической экономии. Основным произведением Вальраса является «*Éléments d'économie politique pure*».

Метод изложения у Вальраса значительно отличается от метода Госсена и Джевонса. Джевонс первоначально дает анализ теории потребностей и лишь в результате длительного процесса приходит к рыночным ценам. Вальрас начинает свое исследование с другого конца. Он так формулирует основную задачу второй части своей книги, посвященной анализу обмена двух товаров. «Мы определим социальное богатство, как совокупность материальных или имматериальных вещей, которые имеют ценность и обмениваются, и мы докажем, что все вещи, которые имеют ценность и обмениваются, полезны и существуют в ограниченном количестве».

Для Вальраса характерна тенденция дедуцирования теории предельной полезности (которую он называет «редкостью» — *rareté*) из теории спроса и предложения. Следовательно, первичными элементами его исследования являются величины спроса и предложения, а производными — предельные полезности. Эта особенность изложения и исследования Вальраса является весьма характерной для экономистов-математиков. Необходимо, правда, отметить, что в начале своей книги, в 3 главе (§ 24), Вальрас пытается доказать, что все редкие и полезные блага имеют ценность и могут обмениваться. Но он ограничивается лишь несколькими словами и замечаниями. Основная идея, выраженная в § 24, заключается в том, что редкие и полезные блага могут быть и должны быть апроприированы. В связи с последним фактом, редкие блага приобретают свойство обмениваться на другие товары в совершенно определенных пропорциях. Всякий субъект, владеющий определенным количеством редких благ, может получить в обмен на последние определенное количество других благ. На этом

¹ Настоящая статья представляет из себя главу из печатающейся книги автора.

² Леон Вальрас — сын известного экономиста Августа Вальраса — родился в 1834 г., умер в 1910 году. Был профессором Лозаннского университета.

основании Вальрас считает вполне установленным существование связи между редкостью — полезностью и меновой ценностью. Мы не будем здесь останавливаться на критике этого положения. Помимо того, что это положение грешит против истории и повинно в превращении меновой ценности в логическую категорию, оно обходит самый вопрос о факторах, определяющих ценность. Ведь Вальрас ограничился лишь установлением того факта, что полезность и редкость благ являются предпосылками существования ценности. Но этого, как известно, не отрицали ни Рикардо, ни Маркс, ни какой-либо другой представитель теории трудовой ценности. Таким образом, весь анализ Вальраса взаимоотношений между полезностью — редкостью и ценностью ограничивается лишь утверждением трюизмов. Вальрас спешит приступить к анализу законов спроса и предложения, к анализу законов обмена и рыночной ценности, чтобы затем установить зависимость между всеми этими фактами и полезностью. Вальрас, таким образом, в отличие от австрийцев, своим исходным пунктом выбирает не изолированного потребителя — Робинзона, заброшенного на необитаемый остров, — он, с самого начала, имеет дело с меновыми связями, с ценами, с рынком, с товарами.

В этой попытке Вальраса начать свой анализ с рассмотрения явлений обмена проявляется характерная особенность методологии математиков. Математическая школа характеризуется значительно большим эклектизмом, чем австрийская школа. Этот эклектизм у Джевонса проявлялся в скрытой форме, — последний начинает свое экономическое исследование с анализа потребностей, но удовлетворение последних увязывается с существующей системой рыночных цен. Джевонс, таким образом, имеет дело не с потреблением вообще, а с потреблением в товарном обществе, которое зависит не только от абсолютных потребностей, но и от рыночных цен. Фактически, таким образом, исходная точка зрения Джевонса лежит в области рыночных взаимоотношений, но формально он стоит на строго последовательной психологической позиции. То, что было в скрытой и неявной форме у Джевонса, становится совершенно явным у Вальраса. Последний открыто начинает свой анализ с менового общества. Правда, и Вальрас не смог освободиться от уз психологизма. Вальрас рассматривает первоначально обмен в примитивных условиях простого товарного обмена; за исходный пункт он берет тот случай, когда сталкиваются два участника обмена, владельцы 2 товаров. У героев Вальраса существует еще потребительский подход к обмену; для них обмен есть, прежде всего, операция, которая должна увеличить общую сумму полезности, имеющуюся в распоряжении отдельных субъектов. Если Бем-Баверк имеет дело с Робинзоном, то Вальрас предпочитает иметь дело с Робинзоном, который находится в меновой связи с Пятницей.

Однако, если сопоставить работы Госсена, Джевонса и Вальраса (хотя все они пришли к своим выводам совершенно независимо друг от друга), то мы приходим к выводу о существовании определенной логической зависимости между теориями этих 3 экономистов. Госсен

ближе всех стоит к австрийцам; он последовательнее других (хотя не так последовательно, как австрийцы) рисует натуральное хозяйство, его формулировка так называемого 2 закона Госсена не предполагает наличия рыночных цен. Джевонс молчаливо предполагает существование обмена при анализе своей теории потребления. Вальрас открыто начинает свой анализ с рассмотрения обмена; но первоначально рассматривает простейший обмен и предполагает, что психология участников обмена немногим отличается от психологии членов натурального общества. Отсюда один шаг к позднейшим экономистам-математикам (Парето, Касселю и друг.), которые совершенно открыто начинают свое рассмотрение с более сложных форм обмена, которые отвлекаются от полезности. Вальрас, таким образом, стоит на распутии. Он ярко выражает переходный момент в субъективной школе. Он еще не отрешился совершенно от психологизма, от признания решающего значения предельной полезности, но он сделал уже первые шаги в этом направлении. Поэтому изучение теории Вальраса представляет особый интерес. Переходный характер теории Вальраса выражается также в его колебаниях по вопросу о взаимоотношении между ценой потребительских и производительных благ. С одной стороны (в отличие от австрийцев), он количество производительных благ рассматривает, как самостоятельный фактор, влияющий на уровень цен. С другой стороны, он ставит цену производительных благ в зависимость от цены потребительских благ.

Весьма характерным для методологии Вальраса является также следующий факт. Прежде, чем приступить к анализу простейшего обмена, он в 5 главе рассматривает действие закона спроса и предложения на бирже. Интерес представляют не те выводы, к которым приходит Вальрас, ибо он повторяет всем давно известные трюизмы. Основное значение имеет сам факт рассмотрения биржевых явлений. Вальрас обвиняет других экономистов в том, что они, большей частью, рассматривают не общие случаи обмена, а — обмен в исключительных условиях. «Экономисты¹, — пишет он, — в общем ошибочно, почти всегда рассматривают его (обмен), как происходящий в исключительных условиях. Они всегда говорят нам лишь об алмазах, картинах Рафаэля, вечерах, даваемых модными тенорами и певицами».

Правда, Вальрас не отрицает, что теория ценности должна быть универсальной и объяснять все явления в области цен. «Безусловно, — пишет он², теория должна иметь в виду все эти частные случаи; общие законы рынка должны быть применимыми к рынку алмазов, к рынку картин Рафаэля, к рынку теноров и певиц. Они должны даже быть применимыми к рынку, подобному рынку де-Кинсея, состоящему из единственного продавца, единственного покупателя и единственного объекта торговли в единственный момент для производства обмена. Однако, согласно здравой логике, следует идти от общего случая к частному, а не от частного к общему, что напоминало бы физика,

¹ «Éléments d'économie politique pure», стр. 47.

² ibid, стр. 47.

который, с целью наблюдения неба, выбрал бы заботливо облачную погоду вместо того, чтобы воспользоваться ясным вечером».

Экономическая теория Вальраса состоит из 3 основных частей— теории обмена, теории производства и теории капитализации. Мы будем критически рассматривать отдельные части Вальрасовской системы в том же порядке, в каком они излагаются у самого автора. Начнем с теории обмена. Исходная предпосылка теории обмена Вальраса состоит в отсутствии производства. Запасы существующих благ рассматриваются, как имеющие фиксированную величину. Теория обмена Вальраса, в свою очередь, состоит из двух частей. Первоначально Вальрас рассматривает обмен двух товаров, а затем он переходит к рассмотрению более сложных форм обмена с n товарами. В виду того, что основные положения обеих частей теории обмена являются аналогичными, мы будем рассматривать их одновременно¹.

2

Вальрас начинает свое исследование с рассмотрения функций спроса и предложения. Прежде всего он дает определения основных понятий— меновой ценности, эффективного (платежеспособного) спроса, эффективного предложения.

«Меновая ценность² есть свойство некоторых вещей не быть получаемыми или уступаемыми даром, но быть *покупаемыми* и *продаваемыми*, приобретаемыми и отдаваемыми в известных пропорциях за другие вещи». Цены Вальрас определяет, как³ «отношения меновых ценностей или относительные меновые ценности». Если V_a означает меновую ценность a , а V_b — меновую ценность b , то

$\frac{V_b}{V_a} = P_b = \frac{m}{n}$ (отношения обмениваемых количества обратно пропорциональны ценам), $\frac{V_a}{V_b} = P_a = \frac{n}{m}$, откуда можно получить

$$P_b = \frac{1}{P_a}; P_a = \frac{1}{P_b}.$$

Иными словами, при наличии 2 товаров, P_b , согласно символике Вальраса, будет обозначать ценность b , выраженной в ценности a ,— принятой за единицу; P_a будет обозначать обратное— ценность a , выраженную в ценности b . Эти условные обозначения нужно запомнить, ибо они играют важную роль в дальнейшем исследовании Вальраса.

¹ Краткое изложение теории обмена Вальраса дают: Винярский—«Математический метод в политической экономии» (журн. «Научное обозрение», 1897, XII), Дмитриев—«Экономические очерки» (очерк III), Шор—«Теоретическая проблема спроса и предложения», 1918, стр. 232—242. См. также Waffenschmidt—«Léon Walras und die mathematische Wirtschaftstheorie», Weltwirtschaftliches Archiv, 26 Band. 1 Heft (1927), стр. 12²²—24²².

² Eléments, стр. 44.

³ ibid, стр. 49.

Под эффективным предложением (*l'offre effective*) Вальрас понимает¹ «предложение определенного количества товара по определенной цене». Аналогично определяется и эффективный спрос (*la demande effective*)², как «спрос определенного количества товара по определенной цене». Здесь под спросом и предложением понимаются определенные количества товаров, которые можно купить при данных ценах. Этим самым устраняется непосредственное влияние абсолютной потребности. Вальрас, наоборот, с самого начала рассматривает спрос, как явление, обусловленное ценами.

Вальрас вводит следующие символические обозначения — D_a , O_a , D_b , O_b , под которыми он понимает спрос и предложение двух товаров A и B (Вальрас пока исходит из простейшего случая, когда имеются всего два товара). Дальше он пытается установить основные соотношения между этими 2 категориями. Ценностная величина спроса данного субъекта должна равняться ценностной величине его предложения (при условии простого товарного обращения)³. «Сказать, что имеется спрос D_a товара A по цене P_a , это значит сказать, что имеется предложение O_b товара B , равное $D_a P_a$ ».

Отсюда Вальрас получает уравнение $O_b = D_a P_a$. Это уравнение выражает лишь, что для сравнения спроса и предложения двух различных товаров (A и B) нельзя взять непосредственно их материальные массы, ибо последние не поддаются сравнению, а необходимо взять их ценностное выражение, т.-е. привести к одному знаменателю. Здесь за единицу взята ценность v . Для того, чтобы спрос на a сравнить с предложением b , необходимо первое выражение помножить на отношение меновых ценностей, т.-е. на $V_a: V_b$ или на P_a . В результате мы получаем два выражения, соединенные знаком равенства.

На этом же основании Вальрас устанавливает еще 3 соотношения между этими категориями. $D_b = O_a P_a$; $O_a = D_b P_b$; $D_a = O_b P_b$.

Эти формулы устанавливают основные соотношения между спросом и предложением. Последние величины, несомненно, являются переменными. Они, прежде всего, находятся в зависимости от цен. Поэтому свое дальнейшее исследование спроса и предложения Вальрас начинает с рассмотрения формулы, которая еще приводилась Курно, $D = F(p)$. Эта формула означает, что всякому изменению цены должно соответствовать определенное изменение спроса. Эта зависимость обратная, т.-е. чем больше цена, тем меньше спрос, и наоборот. Если бы характер этой зависимости мог быть ближе определен, если бы имели не $D = F(p)$, а точную математическую формулу, то по каждой величине P всегда можно было бы определить и величину D .

Так, например, существует знаменитый закон Кинга, выражающий зависимость между урожаем и ценой хлеба. Его формула (привожу

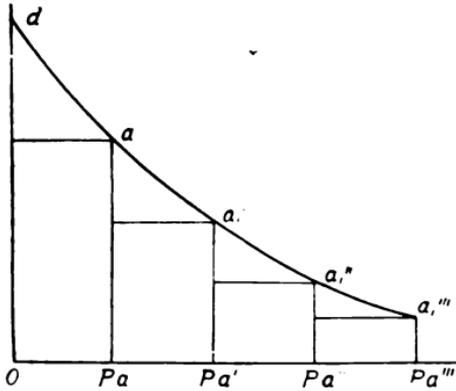
¹ *ibid*, стр. 46.

² *ibid*, стр. 46.

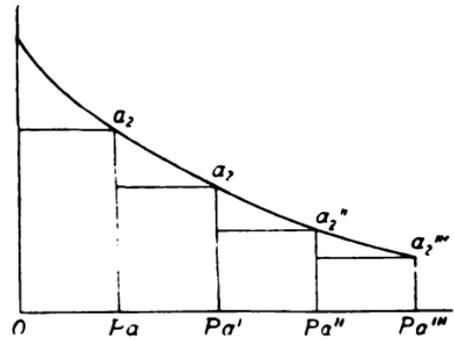
³ *Éléments*, стр. 50

по Wiksteed—«Alphabet of economic sciences») будет $60y = 1500 - 374x + 33x^2 - x^3$, где y обозначает количество хлеба, а x —цену¹.

Графически эта связь между D_a и P_a будет так выражаться. Возьмем координатную систему. Одна ось—абсцисс—будет обозначать цены, а другая—ось ординат—будет обозначать спрос. Чем меньше будет абсцисса, тем больше будет ордината. При цене P_a'' мы

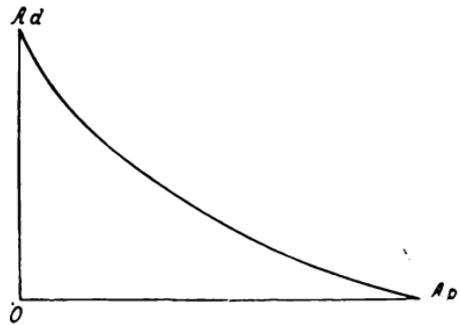

Черт. I.

Черт. II.

имеем спрос, равный P_a'' a''_1 или P_a'' a''_2 и т. д. У каждого индивида будет своя форма кривой спроса; II чертеж иллюстрирует форму кривой для другого индивида. Все эти кривые будут иметь одну общую черту—они все будут убывающими, но степень убывания функции может быть самая различная. Если суммировать все эти индивидуальные функции спроса, то мы получим общую функцию для целого народного хозяйства. Последняя выражает зависимость, существующую между изменениями цены и величины общественного спроса, а не индивидуального. Здесь кривая будет иллюстрировать соответствующие изменения всего общественного спроса (III чертеж). Аналитически эта общественная функция спроса будет так обозначаться

Черт. III.

$$D_a = f_{a,1}(P_a) + f_{a,2}(P_a) + f_{a,3}(P_a) + \dots + f_a(P_a).$$

¹ Вопрос о конкретном характере кривых спроса отдельных товаров пытался разработать Мур («Economic Cycles, their law and cause», стр. 73—76). Мур считает возможным говорить о новом этапе в развитии математической школы, который характеризуется разработкой не алгебраических, а арифметических формул (статья «A theory of economic oscillations», Quarterly Journal of economics», vol XLI, стр. 28).

На основании уравнений спроса и предложения, можно вывести функциональные зависимости и для предложения. С одной стороны, мы имеем $D_a = F_a(P_a)$; $D_b = F_b(P_b)$; с другой стороны, мы имеем $O_a = D_b P_b$ и $O_b = D_a P_a$. Отсюда легко вывести такие уравнения:

$$O_a = F_b(P_b) P_b \text{ и } O_b = F_a(P_a) P_a. \text{ А так как } P_a = \frac{1}{P_b}, P_b = \frac{1}{P_a}, \text{ то эти}$$

формулы можно заменить следующими: $O_a = F_b\left(\frac{1}{P_a}\right) \frac{1}{P_a}$ и

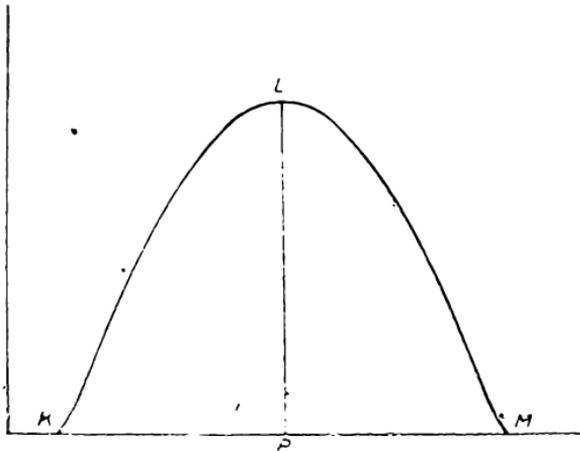
$$O_b = F_a\left(\frac{1}{P_b}\right) \frac{1}{P_b}. \text{ Здесь перед нами выражение функциональной за-}$$

висимости между предложением данного товара и ценой на этот товар.

Ближайшее сравнение функций спроса и предложения, в математической символике Вальраса, обнаруживает их резкое различие. Предложение выступает перед нами, как произведение спроса на цену. Отсюда следует, что графически предложение будет иначе выражаться,

в виде площадей прямоугольников со сторонами $F_a\left(\frac{1}{P_a}\right)$

и $\frac{1}{P_a}$ (или $F_a\left(\frac{1}{P_b}\right)$ и $\frac{1}{P_b}$). Эти кривые Вальрас изображает следующим образом. Их движение будет такое: «Она (кривая предложения) исходит из нуля для бесконечно большой цены (A), выраженной в (B), соответствующей бесконечно малой цене (B) в A. Она подымается по мере падения цен (A), выраженных в (B), соответствующих подымающимся ценам (B), выраженным в (A). Она достигает максимума L . Затем она падает, приближаясь все еще к началу, чтобы вернуться к нулю».

Черт. IV.

С первого взгляда может показаться, что метод построения Вальрасом кривых предложения основан на смешении материальных и ценностных явлений. Когда Вальрас говорит о величине спроса, он всегда понимает под последней определенное количество материальных благ. С повышением цены на данное благо, понижается спрос, т.е. данный субъект покупает меньшее количество этих благ. Когда же Вальрас переходит к определению величины предложения, он ма-

териальную величину спроса заменяет ценностной. Величину $D = F_a(P_a)$ Вальрас умножает на цену — P_a и получает величину предложения $F_a(P_a) P_a$. Последняя величина имеет, как будто, ценностный характер. Отсюда может получиться вывод, что кривые, иллюстрирующие, по мнению Вальраса, движение спроса и предложения, выражают два несоизмеримых явления, следовательно, пересечение этих кривых, определяющее, по мнению Вальраса, высоту цены, теряет свой смысл.

Однако такое возражение должно быть признано неосновательным. Необходимо учесть тот факт, что теория спроса и предложения Вальраса построена для простого товарообмена ($m - m$). В области денежного обращения ($m - l - m$) материальная величина спроса данного товара должна равняться его предложению. В противном случае данная цена не может удержаться. Каждая цена предполагает наличие равновесия (хотя бы неустойчивого) между спросом и предложением. В условиях простого товарообмена к предыдущему условию присоединяется новое дополнительное условие — ценность спроса на один товар, в пределах данного менового акта, равна ценности предложения другого товара.

Дело в том, что каждый участник обмена, пред'являя определенный спрос, должен в то же время пред'явить эквивалентное предложение. В противном случае был бы немислим обмен эквивалентов. Денежное обращение приводит к разрыву этих обеих категорий — данный субъект может выступить с весьма большим предложением каких-либо товаров и в то же время — пред'явить очень незначительный спрос. Но простой товарообмен не знает еще этого разрыва обеих категорий. Ценность спроса данного субъекта равна ценности предложения этого субъекта. Следовательно, если известна ценностная величина спроса для данного субъекта, то имеется возможность определить ценностную величину предложения этого субъекта. С другой стороны, если известно отношение цен, или правильнее — величина меновой пропорции между данными товарами, то имеется возможность определить материальную величину предложения. Предположим, что спрос на данный товар (a) равен n единицам. Ценность предложения (θ), следовательно, будет равна ценности n единиц a . Предположим, что отношение ценности товаров a к $\theta = m:n$. Тогда ценность n единиц товара a будет равна ценности m единиц товара θ . Следовательно, если данный субъект пред'являет спрос на товар a в количестве n единиц, то он должен пред'явить предложение товара θ в количестве m единиц. Следовательно, сопоставление ценностных величин спроса и предложения является необходимым средством для определения материальной величины предложения.

Характер кривой предложения, при таком понимании, получает определенный смысл. С изменением меновой пропорции в благоприятную для нашего субъекта сторону, т.е. с повышением ценности товара (θ), который предлагается, и с понижением ценности другого товара (a), на который пред'является спрос, наш субъект повысит свой спрос. Но увеличение материальной величины спроса не связано

в данном случае обязательно с повышением ценностной величины последнего и, следовательно, не связано обязательно с увеличением материальной величины предложения.

На основании своих формул спроса и предложения Вальрас пытается определить цену. Необходимыми условиями для определения цены являются, по мнению Вальраса, функции спроса. Последние выражают зависимость между изменениями цены и соответствующими изменениями спроса. Если известна кривая спроса на один товар для одного субъекта и кривая спроса на другой товар для другого субъекта, то можно построить соответствующие кривые предложения. Пересечение этих кривых, по мнению Вальраса, определяет уровень цен¹.

Алгебраически решение этой проблемы Вальрас выражает так:

1) $F_a(P_a) = P_a(P_b)P_b$; т.-е. спрос на a равен предложению a , которое выводится из величины спроса на b ; $P_a P_b = 1$ (т.-е. отношение ценностей a к b противоположно отношению ценностей b к a);
 2) $F_a(P_a)P_a = F_b(P_b)$; $P_a P_b = 1$ или, наконец, следующие уравн.

$$3) F_a(P_a) = F_b\left(\frac{1}{P_a}\right)\frac{1}{P_a}; F_a\left(\frac{1}{P_b}\right)\left(\frac{1}{P_b}\right) = F_b(P_b).$$

Во всех случаях мы имеем 2 уравнения с 2 неизвестными; в первых уравнениях можно элиминировать одно неизвестное путем замены P_a через $\frac{1}{P_b}$ и P_b через $\frac{1}{P_a}$. Тогда мы получим одно уравнение с одним неизвестным.

Экономический смысл этих уравнений состоит в том, что при данном характере кривой спроса, каждой цене соответствует строго определенная величина спроса. По величине спроса можно определить величину предложения. Следовательно, каждой цене соответствует определенная величина предложения. Величины спроса и предложения могут принимать всевозможные значения, но существует лишь одна цена, для которой величины спроса и предложения равны. Из всех возможных цен лишь одна может удержаться. Ее величина определяется на основании кривых спроса. Приведенные уравнения выражают лишь то положение, что цена определяется пересечением кривых спроса и предложения. Своеобразие Вальраса состоит лишь в том, что он—а) пытается кривые предложения дедуцировать из кривых спроса и б) кривые предложения рассматривает не как непрерывно возрастающие, а—как первоначально возрастающие, а затем убывающие кривые (т.-е. не всякое повышение цены вызывает рост предложения).

Необходимо отметить, что во всем этом рассуждении Вальраса речь идет исключительно об установлении методов исчисления цен, методов определения величины цены, на основании определенных данных. Отсюда еще нельзя сделать тот вывод, который делает Вальрас, а именно, что характер кривых спроса является фактором, обуславливающим уровень рыночных цен. Дело в том, что в усло-

¹ Éléments, стр. 92.

виях простого товарообмена высота спроса и высота предложения устанавливаются одновременно. В условиях денежного обращения ($m - D - m$) высота спроса устанавливается, как мы видели, независимо от кривой предложения. Поэтому кривая спроса имеет самостоятельный характер. В условиях простого товарообмена этой независимости кривой спроса нет. Раз данный субъект определил, какой спрос предъявить при данной цене, то это предполагает, что он учел также величину необходимого предложения.

Поэтому неверным является следующее утверждение Вальраса: «Как видно, две из этих четырех величин — D_a , O_a , D_b , O_b , — опре-

деляют две других. Мы будем пока держаться того взгляда, что именно предлагаемые величины O_b и O_a зависят от величин спрашиваемых D_a и D_b , а не наоборот. В самом деле, когда действительно обмениваются один на другой два товара, то спрос должен рассматриваться, как главное явление, а предложение, как явление придаточное. Не предлагают ради предложения, как такового, предлагают потому, что нельзя спрашивать, не предлагая; предложение есть лишь следствие спроса. Итак, мы удовлетворимся вначале лишь непрямым отношением между предложением и ценой и будем отыскивать прямое отношение лишь между спросом и ценой. По цене P_a , P_b спрашивают D_a , D_b , откуда следует, что предложение $O_a = D_b P_b$, $O_b = D_a P_a$ ».

Величина спроса в условиях простого товарообмена определяется на основании учета необходимых затрат, т.-е. величины предложения. Поэтому, хотя величина предложения может быть в условиях простого товарообмена математически исчислена на основании величины спроса (точно так же, как и величина спроса может быть выведена из величины предложения), но фактически обе кривые являются самостоятельными и устанавливаются одновременно, следовательно, нельзя говорить о примате спроса.

Кривая предложения, по мнению Вальраса, отличается от обычных изображений последней, т.-е. как непрерывно возрастающей¹. С повышением цен (или, вернее, меновых пропорций) происходит, по мнению Вальраса, увеличение предложения лишь до определенной точки, где предложение достигает своего максимума. После достижения максимума начинается понижение величины предложения. Этот характер кривой предложения, по мнению Вальраса, объясняется тем, что предложение является произведением двух величин, которые изменяются в противоположном направлении, т.-е. спроса и цены. Может встать следующий вопрос: почему увеличение спроса не возрастает всегда в такой степени, чтобы компенсировать уменьшение цены. Теоретически можно допустить такой случай, когда каждому изменению цены соответствует пропорциональное изменение спроса. Напр., увеличению вдвое цены соответствует уменьшение вдвое спроса и т. д.

¹ Вопрос о характере кривой предложения правильно разработан в «Очерках по теории стоимости Маркса» И. Рубина, 2 изд., гл. 17.

Если бы такое предложение осуществилось, то величина предложения оставалась бы все время неизменной. С другой стороны, можно допустить, что увеличение спроса более чем достаточно для того, чтобы компенсировать уменьшение цены. В этом случае величина предложения будет возрастать. Наконец, возможен случай когда увеличение спроса недостаточно для того, чтобы компенсировать уменьшение цены. Тогда величина предложения уменьшается. Встает вопрос — почему до определенного момента величина предложения повышается, а затем — начинает понижаться.

Лаунгардт¹ объясняет понижение кривой предложения после наступления максимума тем, что увеличение цены компенсируется понижением полезности покупаемого товара. Если бы полезность отдельной единицы последнего оставалась неизменной, то повышение цены создавало бы стимул к дальнейшему повышению спроса. Тогда кривая предложения была бы неизменно возрастающей. Лаунгардт, таким образом, исходит из представления, что люди производят и покупают исключительно для удовлетворения своих потребностей, что их интересуется исключительно потребительная ценность покупаемых и продаваемых товаров.

Общая оценка теории спроса и предложения Вальраса тесно связана с анализом его теории цены. Пока мы остановимся лишь на форме кривой предложения. Эта форма кривой предложения (т.-е. возрастание до определенного максимума и дальнейшее снижение) может иметь место лишь при строго определенных условиях. Прежде всего предполагается наличие простого товарообмена ($m - m$), которое связано с равноценностью спроса и предложения каждого участника обмена. Только последняя предпосылка дает возможность из ценностной величины спроса выводить материальную величину предложения. Следовательно, только эта предпосылка дает возможность рассматривать предложение, как произведение двух величин, которые изменяются в противоположном направлении. Роль простого товарообмена заключается также в следующем. Простой товарообмен связан с тем, что участника обмена интересуется преимущественно потребительная ценность, которую можно извлечь из обмена. Появление денег, в качестве орудия обращения, связано с разрывом первоначально целостного менового акта на два процесса — куплю и продажу. В связи с этим роль потребительной ценности, как стимула к совершению обмена, значительно сокращается. Так, продавец, в процессе отчуждения своих благ, абстрагируется от присущей последним потребительной ценности. Его основное внимание устремляется в сторону получения возможно большей суммы меновых ценностей. Следовательно, все соображения Лаунгардта об ослаблении стимула к увеличению предложения с повышением цен отпадают. Повышение цен связано с увеличением общей суммы меновых ценностей. Соображения о потребительной ценности никакого значения не имеют для продавца, ибо он обменивает товары, представляющие единство потребительной

¹ Die mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre, стр. 19—21.

и меновой ценности, на деньги, т.-е. на товар, не имеющий потребительной ценности. Следовательно, в лучшем случае кривая предложения имеет форму, указанную Вальрасом и Лаунгардтом, лишь при строго определенных условиях. Всякая попытка перенести эту кривую в другие условия является методологически недопустимой.

Между тем, Вальрас от таких попыток не отказывается. Так, первоначально он выводит кривые спроса и предложения для того случая, где обмениваются всего 2 товара, т.-е. для случая простого товарообмена. Затем Вальрас переходит к обмену n товаров. Последний связан с необходимостью введения денег. Сам Вальрас допускает наличие особого товара (*numéraire*), который выполняет функцию мерила ценности. Тем не менее, и для этого случая Вальрас принимает, что кривая предложения сохраняет свою прежнюю форму. «Функция O_p , пишет он¹, т.-е. предложение товара B , который обменивается на A_1, C_1, D_1 , есть постепенно возрастающая и убывающая функция». Следовательно, возможность модификации кривой для Вальраса отпадает.

Данная форма кривой предложения предполагает еще другие условия, а именно — отсутствие производства. Основная ошибка Лаунгардта (и Вальраса) заключается в том, что он изменение предложения понимает, как изменение распределения существующих благ между данными лицами, а не как изменение запасов этих благ, изменение в производстве последних. В связи с этим математики иначе рисуют состояние равновесия, чем Маркс. Для математиков состояние равновесия означает не отсутствие стимулов к переливанию труда (или капитала) из одной сферы в другую, а — отсутствие стимулов к перераспределению наличных запасов товаров, т.-е. к совершению меновых актов между отдельными товаровладельцами.

В противном случае неизбежно должен был бы встать вопрос — возможно ли производство при всякой цене. Производство связано с известными издержками (независимо от того, будут ли это просто трудовые издержки для простого товарного хозяйства или капиталистические издержки — $c + v$). Очевидно, что предложение, при *данных технических условиях*, возможно не при всякой цене, а только при той, которая равна этим издержкам. Отдельные отклонения возможны в течение коротких периодов, но конкуренция между отдельными сферами производства *всегда* будет приводить к тому, что предложение установится в размере, равном спросу, соответствующему стоимости, определяемой нормальными трудовыми издержками (т.-е. общественно-необходимым трудом).

Положение, лежащее в основе кривой предложения, что всякая цена может стимулировать предложение, основано на игнорировании производственных условий.

Основная методологическая ошибка Вальраса и Лаунгардта заключается в том, что положения, имеющие место лишь при строго определенных условиях, они пытаются обобщить и превратить в уни-

¹ *Éléments*, стр. 131.

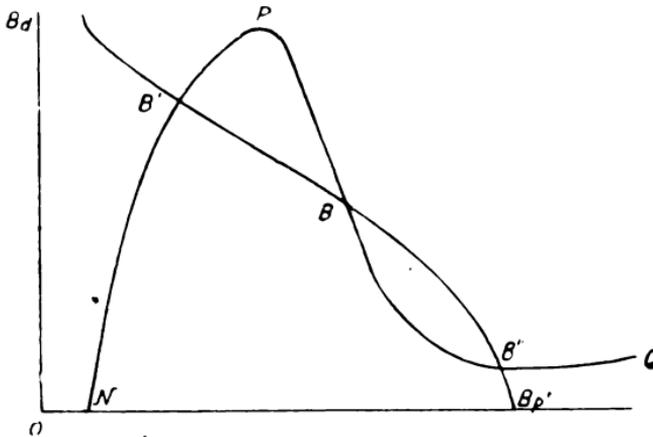
версальные законы. Благодаря этому методу, законы примитивного обмена навязываются высоко развитому обмену. Одновременно примитивному обмену приписываются такие условия (напр., наличие определенной устойчивой цены), которые имеют место лишь в развитом товарном хозяйстве (см. ниже).

Из теории спроса и предложения Вальраса вытекают некоторые интересные выводы. Познакомимся с его учением о 3 точках равновесия.

Вальрас берет такой случай, когда кривая предложения пересекает кривую спроса в трех точках B' , B и B'' ¹. Точки B' и B'' , по Вальрасу, не отличаются от случаев, которые прежде разбирались. Если предложение установится справа B' или B'' , это будет означать, что предложение превышает спрос; это вызовет понижение цены и сокращение предложения. Обратное будет, если предложение будет влево от B' и B'' . В этих случаях несоответствие между спросом и предложением вызывает противодействующие тенденции, которые

это несоответствие устраняют. Следовательно, нарушение равновесия вызывает тенденции к установлению равновесия.

Иное положение получится в точке B . Если предложение установится справа от точки B , то обнаружится не превышение предложения над спросом, а наоборот; цена будет двигаться не в обратном направлении, а в том же, т.-е. вправо. Если рав-

Черт. V

новесие окажется нарушенным, если выявится несоответствие между спросом и предложением, то это несоответствие будет расти. Мы будем констатировать не приближение точки равновесия, а удаление. «Равновесие это² в точности напоминает равновесие тела, точка подвеса которого находится по вертикальной линии—ниже центра тяжести; оно отходит от подобного равновесия все более и более и возвращается к нему само по себе и благодаря одной лишь силе тяжести, располагаясь ниже точки подвеса. Это—*нестойчивое равновесие*».

Этот случай резко расходится с обычным пониманием механизма отклонения цен, согласно которому нарушение равновесия вызывает

¹ *Éléments*, стр. 69—70.

² *Éléments*, стр. 69.

всегда противодействующие тенденции, устраняющие это нарушение. Противодействующие тенденции вытекают из того, что высокие цены стимулируют предложение и низкие цены—ограничивают предложение. Благодаря этому, в случае отклонения предложения от нормального состояния равновесия, предложение, в результате изменившихся цен, расширится или сократится, пока не установится нормальное состояние¹.

Интересную иллюстрацию таких случаев неустойчивого равновесия приводит Виксель²: «Если, к примеру, годовые хлебные цены, при неизменном урожае и размере запаса, по какой-либо причине поднялись выше обычного, а возможность ввоза хлеба исключается, то нельзя совсем а priori установить, что предложение этого товара должно при этом возрасти. Возможно, что сельские хозяева, которые ранее принуждены были во многом экономить, при теперешнем своем возросшем доходе захотят лучше питаться или вообще увеличат свое собственное потребление хлеба; предложение хлеба тогда частично уменьшится. Это, естественно, предполагает, что оценка денег со стороны сельских хозяев одновременно сильно понизилась, иначе повышение цены побудило бы их увеличить предложение и, следовательно, ограничить свое собственное потребление».

Этот пример чрезвычайно показателен для экономистов-математиков. Подтверждения своему учению они пытаются найти в тех случаях, когда существует еще неразвитое товарное хозяйство мелких производителей, преимущественно удовлетворяющих свои потребности с помощью производства. Если бы Виксель взял настоящее товарное производство, всецело ориентирующееся на рынок, то он должен был бы констатировать, что всякое повышение цены (конечно, не номинальное, вызванное падением ценности денег) действует повышающим образом на предложение.

Рассмотрим внимательно тот случай, который приводится Викселлем. Этот случай предполагает целый ряд условий: а) прежде всего данное хозяйство должно, в значительной степени, сохранить свой натуральный характер; на рынок поступают лишь излишки, остающиеся в данном хозяйстве; б) в связи с этим предполагается, что у данных производителей отсутствуют сильные стимулы к накоплению меновых ценностей, которые (стимулы) толкали бы на путь расширения предложения; в) кроме того предполагается, что в пределах данных хозяйств производство не может расширяться в такой степени, чтобы одновременно расширить собственное потребление и увеличить сбыт данных товаров, т.-е. предполагается отсутствие

¹ Мы здесь отвлекаемся от таких отклонений, которые имеют место в моменты глубоких потрясений хозяйственной системы, напр., кризисов, когда резкое понижение цены стимулирует рост предложения. (На это отклонение указывает Кольсон в своем «Cours d'économie politique—Libre I», стр. 253). Также мы отвлекаемся от таких отклонений, которые вызываются резким обесценением денег (на это указывает Гендерсон в книге «Supply and demand», стр. 34—35).

² «Über Wert, Kapital und Rente nach der neueren nationalökonomischen Theorien», стр. 65.

свободного воспроизводства в собственном смысле этого слова, и г) последнее, самое важное условие заключается в следующем. Предполагается, что данное хозяйство, при прежних, менее благоприятных условиях не имело возможности в достаточной степени удовлетворить свои потребности в тех продуктах, которые являются предметом их сбыта. Улучшившаяся рыночная конъюнктура, выражающаяся в повышении цены, ведет к расширению потребления. Вместо того, чтобы закупать чужие товары, данное хозяйство предпочитает потреблять свои собственные товары. Иными словами, предполагается, что данное хозяйство, под давлением целого ряда факторов (напр., налоговой политики, роста безземелья, обеднения, уничтожения домашнего промысла) вынуждено было перейти к продаже не излишков, а той части собственной продукции, которая оставалась от урезки своего потребления. Перед нами имеется факт не эволюционно развивающегося натурального хозяйства, постепенно перерастающего в товарное, на основе растущего производства и специализации. Перед нами факт разлагающегося натурального хозяйства под влиянием внешнего давления товарно-капиталистического мира. Проникновение рыночных элементов связано, в данном случае, не только с отмиранием натуральных производственных отношений, но и с гибелью целого ряда хозяйств, с пролетаризацией огромного количества производителей, с выживанием лишь наиболее сильных хозяйственных единиц. Рост товарности в данном случае есть также рост капиталистических элементов в народном хозяйстве.

В этих условиях возможны такие случаи, когда повышение цен, усиливая экономическую позицию гибнущих натуральных хозяйств, дает возможность последним расширить свое потребление и приводит к сокращению товарности. Отклонение законов предложения от общего правила, трансформация всего механизма спроса и предложения в данном случае связана с усилением натурального характера хозяйства. Эта трансформация связана также со специфическими особенностями развития натурального хозяйства. Последнее перерастает в товарное под сильным внешним давлением, а не в силу своего внутреннего развития. Основной стимул данного хозяйства попрежнему заключается в удовлетворении своих потребностей. Средством для этого служит сбыт своих товаров. Повышение цен может при этих условиях усилить потребительский характер данных хозяйств. Товарные элементы развиваются диалектически. Поэтому не исключается, что вслед за усилением товарности может начаться период ослабления последней.

Знаменитый «просчет» в наших производственных, экспортных, хлебофуражных планах осенью 1925 г. был, в значительной мере, основан на недооценке потребительского характера крестьянских хозяйств. Хороший урожай, конечно, вызвал усиление предложения хлеба, но в более слабой степени, чем предполагалось. Ибо крестьянство расширило свое собственное потребление. Ослабление того огромного давления, которое оказывало на нашу деревню царское

правительство, привело, на первых порах, к некоторому сокращению товарности крестьянского хозяйства.

Таким образом, нарушение механизма спроса и предложения требует, в качестве своих предпосылок, не только наличия сильно выраженного натурального элемента, неразвитости товарного хозяйства. На ряду с этим требуется другое условие — эволюция хозяйства в сторону усиления натуральных элементов, ослабления товарности. Только при этих исключительных условиях повышение цены может вызвать сокращение предложения.

Вальрас, таким образом, устанавливает следующие положения: а) закон спроса и предложения является важнейшим орудием объяснения ценообразования; б) кривые предложения могут быть выведены из кривых спроса; в) кривые спроса являются факторами, регулирующими уровень цены; г) предложение товаров первоначально возрастает по мере роста цен, а затем начинает сокращаться. Первое положение основано на том, что Вальрас рассматривает случай невоспроизводимых товаров (точнее благ), т.-е. на абстракции от производства. Второе положение основано на рассмотрении простого товарообмена, т.-е. на абстракции от денежного обращения и от разрыва актов купли — продажи. Третье положение основано на смешении функциональной и причинной зависимости. Из того, что кривые предложения можно вычислить на основании кривых спроса, Вальрас выводит, что последние обуславливают причинно кривые предложения. Четвертое положение основано на смешении примитивного натурального и товарного хозяйства. Теория спроса — предложения Вальраса, таким образом, ярко отражает его методологию. Этим самым разрешается вопрос о научной ценности данной теории.

3

Итак, Вальрас установил, что для объяснения уровня цен достаточно ограничиться рассмотрением кривых спроса. Дальнейшая задача состоит в объяснении кривых спроса. Почему функциональная зависимость между изменениями цены и спроса имеет такой характер, а не иной? Какие факторы регулируют эту функциональную зависимость? Дальнейшая задача Вальраса состоит в том, чтобы вывести кривые спроса из кривых полезности. Последняя выражает зависимость между изменениями в запасе какого-либо блага и интенсивностью полезности отдельных единиц этого блага. Кривые полезности, таким образом, превращаются в конечное основание цены. Связь между кривыми спроса и полезности Вальрас устанавливает на основании своей теоремы пропорциональности цен и пред. полезностей.

Этому вопросу Вальрас приписывает очень важное значение. Здесь он видит ключ к решению основной проблемы теории цен. Он пишет: «Исследование сущности явления обмена, которое мы до

¹ *Éléments*, стр. 82.

сих пор производили, делает возможным исследование самой причины этого явления. Действительно, если цены математически вытекают из кривых спроса, то причины и первичные условия, обуславливающие установление и изменение кривых спроса, суть также причины, обуславливающие установление и изменение цен».

Вальрас задается следующим вопросом: какое условие необходимо для того, чтобы участвующие в обмене субъекты получили максимум удовлетворения. Ответ Вальраса совпадает с ответом Джевонса: «Если два товара даны на рынке, то максимальное удовлетворение потребностей или максимум эффективной полезности для каждого участника будет иметь место, когда отношение интенсивности последних потребностей или отношение предельных полезностей равно отношению цен»¹.

Различие между формулировкой Джевонса и Вальраса заключается в том, что первый приравнивал отношения пред. полезностей меновым отношениям обмениваемых товаров, а второй — отношениям цен. Но так как отношения цен и выражаются в отношении количества обмениваемых товаров, то обе эти формулировки можно признать совершенно аналогичными.

Аналитически вывод, полученный Вальрасом, будет выражаться так — $r_{a,1} : r_{b,1} = P'_a$ (где $r_{a,1}$ — пред. полезность товара а для 1 лица, $r_{b,1}$ — то же для товара в, а P'_a — отношение меновых ценностей r_a к r_b).

Иначе, $r_{a,1} = P'_a r_{b,1}$; но $r_{a,1} = \varphi_{a,1}(d_a)$, и $r_{b,1} = \varphi_{b,1}(y)$ (поскольку Вальрас рассматривает пред. полезности, как функции имеющих запасов — купленного товара d_a — и оставшегося от продажи товара в — y); вставив эти выражения в предыдущее равенство, получим уравнение $\varphi_{a,1}(d_a) : P'_a \varphi_{b,1}(y) = V$ — оставшаяся непроданной, для личного потребления, часть товарн. запаса в, есть разность $q_b - (v_b = q_b - d_a P'_a$ (поскольку предложение одного товара, как было выше выведено Вальрасом, равно произведению спроса на другой товар со стороны продавца, помноженного на цену его).

Заменив в предыдущей формуле y через $q_b - d_a P'_a$, мы получим окончательную формулу Вальраса

$$\varphi_{a,1}(d_a) = P'_a \varphi_{b,1}(q_b - d_a P'_a)$$

Эта формула выведена из расчета, что наш субъект владеет запасом только одного товара, но не исключаются случаи, когда у нашего субъекта имеются запасы 2 товаров (пока речь идет о 2 товарах); но одного запаса не хватает для удовлетворения потребностей, а другой удовлетворяет менее интенсивные потребности. Тогда пред. полезность товара а будет определяться не только количеством купленного товара а, но и первоначальным запасом, т.е. мы будем иметь

¹ Вальрас, как и Джевонс, предельную полезность рассматривает, как первую производную функции полезности (этот вопрос подробно рассмотрен в главе, посвященной Джевонсу).

не $\varphi_{a,1}(d_a)$, а $\varphi_{a,1}(q_{a,1} + d_a)$, и наша формула получит более обобщенный вид

$$\varphi_{a,1}(q_{a,1} + d_a) = P_b \varphi_{a,1}(q_{b,1} - d_a P_a)$$

Для другого лица, который продает а и покупает в, мы получим:

$$\varphi_{b,2}(q_{b,2} + d_b) = P_b \varphi_{a,2}(q_{a,2} - d_b P_b)$$

Если мы d_a и d_b — заменим x и y , которые будут обозначать всякие приращения к первоначальному запасу (как положительные, так и отрицательные), полученные в результате обмена, то мы получим еще более общую формулу

$$\varphi_{a,1}(q_{a,1} + x) = P_b \varphi_{b,1}(q_{b,1} - x_1 P_a)$$

$$\varphi_{b,1}(q_{b,1} + y) = P_b \varphi_{a,1}(q_{a,1} - y_1 P_b)$$

Эти формулы Вальрас называет «les formules générales»¹.

Рассмотрим первоначальную более простую формулу $\varphi_{a,1}(d_a) = P_a \varphi_{b,1}(q_b - d_a P_a)$. Перед нами будут 2 переменных — d_a и P_a q_b — запас в принимается за нечто постоянное; Вальрас пока отвлекается от условий производства). Если $\varphi_{a,1}$ и $\varphi_{b,1}$ будут определены, то можно будет вывести непосредственную зависимость между спросом и ценой. Мы получим тогда из нашей формулы $\varphi_{a,1}(d_a) = P_a \varphi_{b,1}(q_b - d_a P_a)$ ту формулу, с которой Вальрас и начал свой анализ — $d_a = f_{a,1}(P_a)$. Задача, поставленная Вальрасом, как будто решена.

На основании своей формулы о пропорциональности предельных полезностей ценам, Вальрас дает следующую весьма интересную интерпретацию ценности (меновой). «Чем же являются, — спрашивает он, —² v_a, v_b, v_c, v_d ? Абсолютно не чем иным, как неопределенными и произвольными выражениями, лишь пропорция которых представляет общую и действительную пропорцию редкостей (т.е. предельных полезностей. II. Б.) всех товаров у всех субъектов обмена при состоянии общего равновесия рынка; и, следовательно, только их попарные отношения, равные попарным отношениям редкостей у любого субъекта обмена, способны принять численное выражение. Итак, меновая ценность остается, по существу, явлением относительным, причина коего всегда — редкость, которая одна лишь есть явление абсолютное». В примечании он делает весьма интересное разъяснение. «Различие между ценностью (valeur d'échange), фактом объективным и относительным (курс автора) и предельной полезностью, фактом абсолютным и субъективным, есть более точное выражение различия между ценностью и потребительной ценностью (valeur d'échange и valeur d'usage).

¹ Éléments, стр. 96.

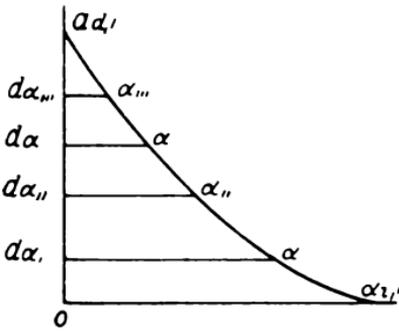
² Éléments, стр. 139.

Итак, Вальрас рассматривает потребительную полезность, как субстанцию ценности. Последняя может быть выражена в виде отношения двух материальных масс, но наиболее точное выражение этой категории заключается в отношении предельных полезностей двух товаров. Связь между формулами Вальраса и функцией спроса $D_a = F'_a(P_a)$ установить очень легко. Формулы Вальраса выражают закон распределения доходов между различными продуктами в пределах индивидуального хозяйства, выступающего в качестве покупателя. Если в распоряжении данного субъекта имеется определенная сумма денег, то он распределит последнюю для покупки различных благ таким образом, чтобы получить максимум полезности. Последний получится тогда, когда предельные полезности всех потребляемых товаров будут пропорциональны ценам. Вот в чем заключается скромный смысл Вальрасовских формул. На основании этих формул можно определить количества различных товаров, которые будут куплены данным субъектом, при наличии следующих условий: а) если дана сумма денег, которой располагает наш субъект; б) если известны рыночные цены отдельных товаров; в) если известны функции полезности, т.е. закон изменения полезности, в случае изменения величины запаса. С изменением цены, очевидно, должно измениться и количество данного товара, которое покупается нашим субъектом. С изменением количества покупаемых товаров должна измениться их предельная полезность. Это изменение происходит до того момента, пока устанавливается пропорциональность цен и предельных полезностей. На основании цен тех или иных товаров можно определить количества покупаемых товаров, иными словами, спрос на товары. Формулы Вальраса (при том условии, конечно, что они правильно отражают законы ведения индивидуальных хозяйств) дают, таким образом, возможность определить, при данных ценах и доходах, спрос на каждый товар для каждого индивида. Если сложить индивидуальные спросы, то получим общественный спрос для каждого товара. Пусть все прочие условия останутся неизменными (величина доходов, интенсивность потребностей и т. д.). Пусть меняется лишь цена данного товара. Тогда для каждого конкретного значения цены мы будем иметь соответствующее значение спроса. Между ценой товара и общественным спросом можно будет, в этих условиях, установить определенную функциональную зависимость. Очевидно, что спрос на данный товар будет зависеть не только от цены последнего, но и от цены всех остальных товаров, потребляемых данным субъектом; ибо, с точки зрения 2 закона Госсена, с изменением цены какого-нибудь товара, потребляемого субъектом, должны измениться условия осуществления максимума полезности, т.е. должно измениться распределение отдельных покупок, а в связи с этим — и спрос на различные товары.

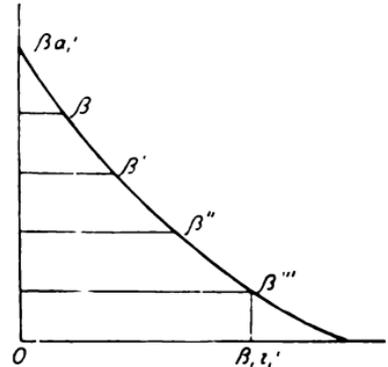
Вальрас доказывает свою теорему о пропорциональности предельных полезностей и цен первоначально геометрически, т.е. путем сопоставления кривых полезностей товаров а и в, а затем с помощью дифференциального исчисления. Первый способ скорее иллюстрирует,

чем доказывает теорему Вальраса. Поэтому мы обратимся к второму доказательству ¹.

Мы имеем дело с субъектом, который продает продукт в (его полезность изображается кривой $\beta_{a,1} \beta_{r,1}$) и покупает а (полезность изображается кривой $\alpha_{a,1} \alpha_{r,1}$). Задача заключается в определении, какую часть своего запаса данное лицо может потребить, а какую обменять на товар а, так чтобы получить максимум удовлетворения,

Черт. VI.

Черт. VII.

т. е. чтобы сумма площадей $O\beta_{a,1}' \beta_{r,1}'''$ (если $\beta_{r,1}'$) есть количество оставшегося запаса товара в) и $O d_a \alpha_{r,1}$ (если $O d_a$ — есть количество купленного товара) была бы наибольшей из всех возможных сумм площадей.

Иными словами, перед нами обычная задача на отыскание максимума, которая решается с помощью отыскания 1 производной и приравнения последней нулю. Для того, чтобы продифференцировать, нужно нашему выражению придать аналитическую форму. Площадь $OY\beta_{r,1}$ есть величина общей полезности товарного запаса в; площадь $O d_a \alpha_{r,1}$ есть величина общей полезности запаса а. Общая полезность есть функция количества. Если количество полученного товара а обозначить X_a ; а отданного в — через Y_b , то мы получим сумму двух функций

$\Phi_{a,1}(X_a) + \Phi_{b,1}(q_b - y_b)$. Вальрас заменяет это обозначение своим — $\Phi_{a,1}(d_a) + \Phi_{b,1}(q_b - d_a P_a)$.

Это выражение и нужно продифференцировать. Первая производная будет $\Phi'_{a,1}(d_a) - P_a \Phi'_{b,1}(q_b - d_a P_a)$, для максимума она будет равна 0, т. е. мы получим:

$$\Phi'_{a,1}(d_a) - P_a \Phi'_{b,1}(q_b - d_a P_a) = 0$$

или

$$\Phi'_{a,1}(d_a) = P_a \Phi'_{b,1}(q_b - d_a P_a).$$

¹ Éléments, стр. 84.

А так как первую производную можно рассматривать, как новую функцию от независимой переменной, то $\Phi'_{a,1}$ и $\Phi'_{b,1}$ можно заменить через $\varphi_{a,1}$ и $\varphi_{b,1}$.

В результате получим формулу Вальраса $\varphi_{a,1}(d_a) = P_a \varphi'_{b,1}(q_b - d_a P_a)$, которая будет выражать условия максимального удовлетворения. Необходимо еще добавить, что для определения максимума функции недостаточно найти 1 производную; необходимо, чтобы 2 производная была отрицательная. Это условие здесь соблюдено, поскольку функция $\varphi_{a,1}$ и $\varphi_{b,1}$ есть убывающая функция (полезность отдельных единиц запаса убывает), следовательно, и 1 производная от $\varphi_{a,1}$, $\varphi_{b,1}$, т.е. 2 производная от $\Phi_{a,1}$ и $\Phi_{b,1}$, будет отрицательной.

Доказательство Вальраса похоже на доказательство Лаунгардта этой теоремы¹: «После обмена владелец A обладает еще запасом $a - x$ своего первоначального товара и количеством z другого товара, так что достигнутая им полезность выразится в

$$N = f(a - x) + \varphi(z).$$

Для того, чтобы установить, для какого значения x эта полезность будет максимальной, нужно продифференцировать по x и производную приравнять нулю. Получим $-f'(a - x) + \varphi'(z) \frac{dz}{dx} = 0$ или, поскольку $z = \frac{P_1}{P_{11}} x$ и отсюда $\frac{dz}{dx} = \frac{P_1}{P_{11}}$, получим $\frac{f'(a - x)}{\varphi'(z)} = \frac{P_1}{P_{11}} = \frac{dz}{dx}$.

Это уравнение дает основной закон обмена, который, будучи выражен словами, гласит: наибольшая полезность для владельца, в результате обмена, возникает тогда, когда предельные полезности находящихся в его обладании товаров относятся, как цены отдельных товаров».

Мы не будем здесь подробно рассматривать формулу пропорциональности цен и предельных полезностей (этот вопрос освещен нами в главе, посвященной Джевонсу, который раньше Вальраса дал обоснование этой формулы). Ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Формула пропорциональности, прежде всего, предполагает возможность бесконечного деления наших потребностей и предметов потребления. Только при этом условии становится возможным применение анализа бесконечно малых. Эта предпосылка не только противоречит действительности; она приводит к устранению субъективных элементов из теории ценности математиков. Последние рассматривают столь малые доли предметов потребления, которые могут существовать физически, но которые не могут быть восприняты субъектом. Далее, предполагается, что для очень малых долей объектов потребления можно отвлечься от закона убывающей полезности. В силу последнего закона, по учению субъективистов, существует диспропорциональность между изменением величины запаса и общей полезности запаса. С удвоением

¹ Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre, стр. 17.

запаса полезность его не увеличивается вдвое. Поэтому математики предпочитают оперировать с бесконечно малыми долями запаса, где такую пропорциональность можно установить. Но этим самым стирается грань между субъективными и объективными категориями (напр., рыночной ценностью, которая изменяется пропорционально величине запаса). Формула пропорциональности, кроме того, предполагает наличие тенденции к выравниванию предельных полезностей различных товаров. Но вопрос о существовании такой тенденции является весьма спорным. При этом происходит абстрагирование от конкретных особенностей отдельных потребностей. Некоторые потребности (напр., в пище, вообще в предметах первой необходимости) должны быть удовлетворены в первую очередь и лишь затем возможно удовлетворение более второстепенных потребностей. Поэтому одни предметы (напр., хлеб) могут удовлетворяться до полного насыщения (т.-е. предельная полезность равна нулю), другие удовлетворяются в недостаточной степени (т.-е. предельная полезность равна какой-то положительной величине). Кроме этих предпосылок (возможности бесконечного деления предметов потребления, абстрагирования от убывающей полезности и от конкретного различия отдельных потребностей), формула пропорциональности предполагает ряд других условий, которые ограничивают сферу ее применения даже в том случае, если бы она была правильной. Так, она предполагает наличие устойчивой системы цен, на которую не может повлиять покупатель. Последний приспособляется к этой системе цен, строит свое потребление на основе учета существующих цен. Далее, эта формула предполагает наличие денег, в которых выражаются ценности разных товаров. Наконец, она действительна только для покупателя, а не для продавца, ибо последний, в условиях развитого обмена (а формула предполагает развитый обмен), не интересуется потребительной ценностью разных товаров.

Основной предпосылкой формул Вальраса является 2-й закон Госсена (по терминологии Лексиса). Сущность этого закона состоит в том, что потребитель, желающий организовать наиболее рационально свое потребление, распределяет имеющуюся у него сумму на покупку отдельных товаров так, чтобы предельные полезности последних были равны (вернее, предельные полезности, получаемые с денежной единицы, затрачиваемой на покупку последних единиц каждого товара). Этот закон подвергнут нами подробной критике в главе, посвященной Госсену. Поэтому не будем повторять критику 2-го закона Госсена. Отметим, что в связи с последним законом предельная полезность выполняет в системе Вальраса другую роль, чем у австрийцев. Вальраса не интересует вопрос о субъективных оценках, поскольку он исходит из наличия определенной цены на рынке, к которой приспособляются участники обмена. Предельная полезность представляет для нашего автора интерес лишь постольку, поскольку она облегчает изучение спроса. Спрос устанавливается в таких размерах, при которых предельные полезности спрашиваемых товаров пропорциональны ценам.

Формула максимума Вальраса ничем существенным не отличается от формул Джевонса. С внешней стороны различие сводится к тому, что у Вальраса фигурирует отношение цен, а у Джевонса—отношение обмениваемых товаров. Как тот, так и другой экономист пытаются, на основании своих формул пропорциональности цен и предельных полезностей, установить величину спроса и предложения отдельных индивидов. Но Джевонс абстрагируется от возможности несовпадения индивидуальных величин спроса и предложения. Следовательно, он предполагает наличие какой-то предустановленной гармонии, которая может рассматриваться исключительно, как результат организованного вмешательства общества. Джевонс абстрагируется от возможности неосуществления данного максимума полезности, следовательно, предполагает, что какое-то условие в экономической системе обеспечивает возможность реализации намеченного отдельными субъектами максимума полезности.

Вальрас—и в этом заключается существеннейшее отличие его от Джевонса—учитывает возможность несовпадения спроса и предложения. Он идет еще дальше в отрицании предустановленной гармонии между субъективными оценками отдельных хозяйствующих субъектов, поскольку он утверждает, что обычно, в преобладающем числе случаев, спрос не равен предложению. Равенство их он считает делом исключительного случая. Казалось бы, что после столь пессимистического признания Вальрас должен был отказаться от приложения принципа максимума полезности к объяснению явлений спроса и предложения. Но Вальрас пытается примирить оба элемента—теорию спроса и предложения и принцип максимума полезности.

Вот важнейшее положение Вальраса, которое в сжатом виде резюмирует его теорию ценности¹: «при каких-либо двух данных взаимных ценах P_a и P_b , $x_1, x_2, x_3, \dots, y_1, y_2, y_3$ (величины спроса и предложения отдельных субъектов. *И. Б.*),—пишет он, —будут определены без вычислений, и тем же самым, согласно условию максимального удовлетворения, будут определяться x и y (совокупный спрос и предложение. *И. Б.*). При $x=0$ мы имели бы также $y=0$ (эти уравнения, как увидим позже, выражают, что спрос равен предложению. *И. Б.*), и цены были бы ценами равновесия. Но обычно мы имеем $x \geq 0$, и, следовательно, $y > 0$. Первое неравенство может быть выражено в форме $D_a \geq O_a$, обозначая через D_a сумму положительных x (т.-е. спрос. *И. Б.*), а через O_a —сумму отрицательных x . Задача состоит в том, чтобы привести D_a и O_a к равенству. Что касается D_a , то величина эта положительна при $P_a = 0$; она непрерывно падает, если P_a возрастает; она станет равной нулю при известном значении P_a , заключающемся между нулем и бесконечностью. Что касается O_a , то величина эта равна нулю при $P_a = 0$ и даже при некоторых положительных значениях P_a ; далее, при возрастании P_a , она возрастает,

¹ Éléments, стр. 92

но не бесконечно; она доходит до максимума, далее падает при продолжающемся возрастании P_a и становится равной нулю при $P_a = \infty$. При этих условиях—если только D_a не станет нулем прежде, чем O_a перестало им быть, для какого-либо случая решения не существует,—имеется некоторое значение P_a , при котором O_a и D_a будут равны. Для того, чтобы найти это значение, нужно увеличить P_a , если $D_a > O_a$, и уменьшить P_a , если $D_a < O_a$.

Мы узнаем закон «предложения и спроса».

Основная идея Вальраса заключается, таким образом, в том, что при каждой данной рыночной цене устанавливается свой способ рационального распределения продуктов; каждой данной цене соответствуют свои определенные условия осуществления максимума полезности. Каждый хозяйствующий субъект, исходя из существующей цены, устанавливает спрос и предложение в определенных размерах. Но таких максимумов полезности может быть столько, сколько существует цен. Из всех этих максимумов реальное осуществление получит тот, при котором спрос одного лица и предложение другого равны друг другу. Иными словами, для определения цены необходимы и достаточны два условия: а) осуществление наиболее рационального распределения запаса товаров (получение максимума полезности) и б) равенство спроса и предложения.

Чем же отличается теория цены Вальраса от обычной теории спроса и предложения? По теории Вальраса, спрос и предложение имеют вполне определенную величину. При данной системе рыночных цен, величина спроса на каждый товар может быть лишь одна. Так же обстоит дело и с величиной предложения. Ибо хозяйствующий субъект, руководствуясь стремлением получить максимальную полезность, определит, какое количество товаров ему выгоднее всего обменять и на какие товары. На основании суммирования величин индивидуальных спросов и предложений можно получить величину общественного спроса и предложения, которая также имеет вполне определенный характер. В виду того, что каждая цена вызывает определенный спрос и предложение, из всех возможных цен сохраняется и становится устойчивой та цена, при которой спрос равен предложению.

При данной системе рыночных цен величина спроса и предложения может измениться лишь в случае изменения потребности или полезности данного товара (если признать 2-й закон Госсена правильным). В последнем случае, хозяйствующий субъект, по идее 2-го закона Госсена, будет потреблять отдельные блага в других пропорциях; в связи с этим изменится величина спроса и предложения, а следовательно, изменится тот уровень цены, при котором спрос становится равным предложению. На этом основании Вальрас устанавливает свой закон изменения цены. Сущность его заключается в следующем. Цены товаров зависят от предельной полезности. Последние, в свою очередь, зависят от двух моментов—интенсивности потребности в данном продукте и величины запасов. Предельная полезность будет прямо пропорциональна интенсивности потребности и обратно пропорциональна количеству данных продуктов. Отсюда Вальрас выводит свой «закон

изменений цен равновесия» — (loi de variation des prix d'équilibres), который так формулируется¹: «Если на рынке, находящемся в состоянии общего равновесия, обмен на котором производится посредством наличных денег, при прочих равных условиях, полезность одного из многих обмениваемых товаров увеличивается или уменьшается для одного или для нескольких субъектов обмена, то цена этого товара в наличных деньгах увеличивается или уменьшается.

Если, при прочих равных условиях, количество одного из этих товаров у одного или у нескольких владельцев увеличивается или уменьшается, то цена этого товара уменьшается или увеличивается».

С первого взгляда этот закон может показаться весьма парадоксальным, ибо, согласно этому закону, достаточно произойти изменению полезности данного товара для одного из субъектов, чтобы, вслед за тем, вызвать изменение рыночной цены. Следовательно, цена зависит от полезности данного товара для каждого из хозяйствующих субъектов.

Однако необходимо признать, что закон изменения цены Вальраса получает определенное содержание и определенный смысл с точки зрения его теории ценности. Дело в том, что устойчивая цена или цена равновесия, по Вальрасу, определяется пересечением кривых спроса и предложения; характер этих кривых, по Вальрасу, зависит от организации потребления, от распределения данных продуктов; в свою очередь, это распределение, на основании 2-го закона Госсена, зависит от рыночных цен, с одной стороны, и от функциональной зависимости между полезностью и величиной запаса, с другой стороны. Изменение потребностей хотя бы одного субъекта вызовет изменение его индивидуального спроса, а следовательно — изменение всего общественного спроса. Пересечение кривых спроса и предложения произойдет в другой точке, следовательно, установится новая устойчивая цена, новая цена равновесия. Каждый хозяйствующий субъект оказывает влияние на спрос и предложение, а тем самым — на условия образования цен. Вальрас иллюстрирует свою мысль следующим примером²: «Предположим увеличение полезности (d'utilité) *B*, т. е. изменение кривой полезности *B*, следствием чего будет увеличение пред. полезности (rareté) *B* для некоторых участников обмена. Эти индивиды не получают теперь максимума полезности. Наоборот, они будут заинтересованы при наличии цен P_a, P_c, P_d в пред'явлении спроса на *B*, за счет предложения *A, C, D*. В виду того, что прежде установилось равенство между спросом и предложением при наличии цен P_b, P_c, P_d , теперь получится превышение спроса над предложением *B* и превышение предложения над спросом *A, C, D*, следствием чего будет повышение P_b ». «Равновесие установится, когда спрос и предложение всех товаров (*A*), (*B*), (*C*), (*D*) будут равны. Итак, увеличение полезности *B* немедленно своим результатом повышение цены *B*»?

¹ Éléments, стр. 140—141.

² Éléments, стр. 142.

Таким образом, теория Вальраса характеризуется следующими основными положениями: а) спрос и предложение данного товара возможны при всякой цене; б) при каждой цене существует строго определенный размер спроса и предложения и в) величину спроса и предложения можно определить на основании принципа максимума полезности. Молчаливой предпосылкой теории Вальраса является предположение о том, что запасы данного блага являются постоянными. Эта предпосылка дает возможность определить величину предложения. Благодаря этой предпосылке величина предложения становится строго определенной.

Можно допустить два случая: а) продавец потребляет часть своего товарного запаса и б) продавец продает весь свой запас целиком. Во втором случае проблема чрезвычайно упрощается, ибо величина предложения является фиксированной. Она всегда равна существующему запасу благ. Следовательно, высота рыночных цен, при данной величине предложения, зависит от спроса. Последний, в свою очередь, зависит от цен и от потребностей субъекта. Если признать 2-й закон Госсена правильным, то он дает возможность определить функциональную зависимость между ценой и спросом (при условии, что общая сумма доходов или ценностная сумма, имеющаяся в распоряжении данных субъектов, остается неизменной). Цена устанавливается на таком уровне, при котором спрос равен предложению. Если предложение расширится, то при неизменности функциональной зависимости между спросом и ценой спрос тоже должен расширяться, что осуществляется благодаря понижению рыночных цен. Если предложение остается неизменным, а функциональная зависимость между спросом и ценой изменится, в силу изменения потребностей субъекта, то цена соответствующим образом изменится, пока не установится новое равновесие между спросом и предложением.

В первом случае, т.-е. когда данный товар потребляется и продавцом, вопрос лишь несколько усложняется. Продавца можно рассматривать (таков метод рассуждения Вальраса), как покупателя товаров у себя самого. Следовательно, в этом случае для исчисления величины общественного спроса необходимо учесть также спрос, предъявленный продавцами. Этот спрос исчисляется на общих основаниях, т.-е. на основании 2-го закона Госсена и, следовательно, на основании учета рыночных цен и потребностей продавца (или продавцев). Величина общественного предложения, в этом случае, равна не всему запасу данного блага, а разности между величиной этого запаса и собственным потреблением продавца. Следовательно, и в этом случае, как и в предыдущем, приходится учитывать лишь два момента—величину запаса данного блага и характер функциональной зависимости между спросом и ценой.

Теория Вальраса представляет из себя, таким образом, типичнейшую теорию монопольных цен (в условиях естественной монополии). Отсюда понятно, почему теория Вальраса есть теория спроса и предложения. Отсюда понятен смысл того закона изменения цен, о котором говорилось выше. Теория Вальраса дает возможность очень наглядно

обнаружить связь между монополией и теорией полезности. Монопольные цены определяются спросом, а спрос определяется частично потребностями. Теория Вальраса вместе с тем обнаруживает невозможность построения строго последовательной и, следовательно, монистической теории цен, т.-е. невозможность рассматривать полезность, как единственное основание цен. Монопольные цены всегда зависят от спроса, а последний определяется не только потребностями, но и ценами данных товаров и общей покупательной способностью, т.-е. опять-таки определенными ценами. Этим определяется научная ценность теории обмена Вальраса.

Прежде всего встает вопрос о возможности применить теорию Вальраса в условиях свободного воспроизводства. В последнем случае отпадает основная предпосылка Вальрасовского анализа о неизменности запасов обмениваемых благ. А в связи с этим отпадает теория предложения нашего автора. Связь между собственным потреблением данного товара его владельцем и величиной предложения последнего базировалась на том, что данный товар имеется в ограниченном количестве. Поэтому всякое расширение предложения возможно лишь за счет сокращения потребления товаров их продавцом, и наоборот. По величине собственного потребления можно определить размеры предложения, и наоборот. Величина же собственного потребления продавцом находится в зависимости от характера его потребностей, от полезности данных товаров и т. д. На этой почве устанавливается связь между полезностью благ и величиной предложения.

В условиях свободного воспроизводства отпадает эта связь между величиной собственного потребления продавца и размерами предложения. Продавец может одновременно расширить и свое собственное потребление, и предложение за счет общего увеличения товарного запаса. Следовательно, величина предложения становится неопределенной. А поскольку, по мнению Вальраса, цена определяется пересечением кривых спроса и предложения, из неопределенности предложения следует и неопределенность цены. Теория цен Вальраса отказывается здесь служить.

Если в условиях, в которых оперирует Вальрас (т.-е. когда запас товаров принимается за фиксированную величину), можно говорить о *взаимодействии* между ценами и полезностью, поскольку спрос и предложение *одновременно* зависят от этих двух факторов, то этот аргумент отпадает для свободного воспроизводства. В последнем случае величина спроса тоже оказывается под двойным влиянием непосредственных потребностей и цен. Это двойное влияние отражает дуализм индивидуального и социального факторов, воздействующих на характер и величину спроса. В свою очередь этот дуализм вытекает из того, что конечный результат спроса есть потребление, т.-е. определенный индивидуальный акт (или совокупность индивидуальных актов), который совершается, однако, социальным индивидом, живущим в товарном обществе. Поэтому всякий субъект, выступая в роли покупателя, с одной стороны, ориентируется на существующие цены, а с другой стороны, руководствуется своими индивидуальными потребностями, вкусами и запросами.

Другой характер носит предложение товаров. Последнее производится не для собственного потребления, а для продажи на сторону, следовательно, связь между предложением и собственным потреблением здесь разорвана. Величина предложения, в условиях свободного производства, может меняться в каких угодно пределах. Она зависит исключительно от цен (конечно, и от издержек производства, поскольку последние влияют на цены). С повышением цен предложение расширяется, и наоборот. Поэтому возможность сослаться на взаимодействие различных факторов в данном случае отпадает. Влияние потребностей или предельной полезности на предложение становится равным нулю. Поэтому всякая попытка вывести высоту цены из величины предложения (которая имела известный смысл там, где величина предложения является фиксированной) неизбежно будет заключать в себе чистойшей воды заколдованный круг. Ибо величина предложения в данном случае не частично, а всецело определяется ценой.

В условиях свободного воспроизводства устойчивое равновесие будет связано с отсутствием стимулов к переливанию труда из одной производственной сферы в другую; а последнее условие всегда предполагает, что средние цены пропорциональны количеству общественно-необходимого труда, или ценам производства (если учесть капиталистические условия). Величина спроса не оказывает никакого влияния на высоту «средних» цен или на средний уровень, соответствующий устойчивому равновесию. Поскольку отпадает влияние спроса на ценность, отпадает и становится равным нулю влияние всяких индивидуальных факторов, как потребностей, личных вкусов, полезностей и т. д. Теория ценности, таким образом, эмансипируется совершенно от предельной полезности и теории спроса и предложения. Вместе с тем отпадает и теория Вальраса. Последняя имеет смысл лишь при строго определенных условиях, т.-е. в условиях фиксированного запаса товаров. Крупнейшая ошибка Вальраса заключается в том, что он свою теорию пытается распространить на всякие случаи обмена.

Теория обмена Вальраса представляет из себя модифицированную теорию спроса и предложения. Своеобразие теории Вальраса и ее отличие от других теорий спроса и предложения выражается в наличии следующих четырех особенностей.

Первая особенность теории цены Вальраса (в отличие от других теорий спроса и предложения) состоит в том, что Вальрас пытается найти принцип, определяющий количественные размеры спроса. Этим принципом является 2-й закон Госсена. Критическое рассмотрение этого закона дано нами в главе, посвященной Госсену. Потому отсылаем читателя к 4-й главе нашей работы. Если отбросить закон Госсена, то придется отвергнуть попытку Вальраса объяснить характер кривой спроса.

Вторая особенность теории Вальраса состоит в том, что она всякий обмен пытается представить, как обмен излишками. Предполагается, что не только покупатель, но и продавец, прежде всего,

интересуется вопросами получения максимальной полезности. Обмен происходит лишь до тех пор, пока предельная полезность товара, поступающего в продажу, ниже предельной полезности покупаемого товара. Эта предпосылка, которая лежит в основе всех теоретических построений Вальраса, должна быть отброшена, если исходить из развитого обмена, когда в продажу поступают не излишки, а вся товарная масса, принадлежащая продавцу. Правда, Вальрас пытается последний случай представить, как частичный случай, подчиняющийся общим законам, установленным нашим автором. Для того, чтобы в продажу поступила вся товарная масса, принадлежащая продавцу, вовсе не обязательно отсутствие у последнего потребительского подхода. Продавец может преимущественно интересоваться получением максимальной полезности и, тем не менее, он может продать весь имеющийся у него запас при определенном соотношении полезности обмениваемых товаров.

Достаточно только в формуле $\varphi_{a,1}(d_a) = P_a \varphi_{b,1}(q_b - d_a P_a)$, q_b принять равным предложению, т.е. $d_a P_a$. Тогда мы получим $\varphi_{a,1}(d_a) = P_a \varphi_{b,1}(0)$, откуда легко получить, чему равно P_a . Оно будет $= \frac{\varphi_{a,1}(d_a)}{\varphi_{b,1}(0)}$. Это будет, по Вальрасу, в том случае, когда цена будет

меньше или, по крайней мере, равна отношению наименьшей полезности, могущей быть полученной от покупаемого товара a , к наибольшей полезности от запаса своего товара b .

Вальрас дает и геометрическую интерпретацию этого случая. «Уравнение это,—пишет Вальрас,—является уравнением условия, которое может быть выражено следующим образом: для того, чтобы предложение одного из двух товаров могло быть равным запасу этого товара, необходимо, чтобы была возможность вписать в кривую потребности спрашиваемого товара прямоугольник, равный по поверхности прямоугольнику, имеющему высотой запас предлагаемого товара, а основанием—интенсивность наибольшей потребности в этом товаре».

Вся ошибка Вальраса заключается в том, что он $\varphi_{b,1}(0)$ принимает за определенную положительную величину. Между тем, для товарного хозяйства и характерен тот факт, что для товаропроизводителя его собственный товар не имеет никакой потребительной ценности. Для машиностроительного заводчика машины, им изготовляемые, имеют только меновую ценность. Данное лицо потому-то и продает *весь* свой товарный запас, что оно в нем не нуждается, не испытывает никакой потребности. Следовательно, типическим является тот случай, когда полезность каждой единицы запаса для продавца равна нулю.

Вообще говоря, то, что аргумент равен 0, не влечет за собой и равенства функции нулю (например, если $y = \cos x$, то при $x=0, y=1$). Но в данном конкретном случае тот факт, что наш производитель

не оставляет у себя никакой части запаса произведенных им благ, свидетельствует о том, что при потреблении—0 данный товар имеет и нулевую полезность.

Формула пропорциональности, как мы видели при разборе теории Джевонса, представляет из себя лишь математический вывод из 2-го закона Госсена. Последний же касается исключительно деятельности *покупателя*. Даже в тех случаях, где Вальрас говорит о продавце, он представляет дело так, что данный субъект покупает у самого себя часть товаров, следовательно, пред'являет спрос на собственный товар, руководствуясь общими принципами, т.-е. соображениями о полезности благ и о ценах последних. Формулу пропорциональности нужно, следовательно, комментировать в ограничительном случае, т.-е. в лучшем случае можно признать, что предельные полезности *купленных* товаров, или что предельные полезности для субъекта, рассматриваемого, как *покупателя*, пропорциональны ценам. Если же стать на точку зрения Вальраса и придать этой формуле распространительное толкование, т.-е. если утверждать, что предельные полезности *всех* товаров для *всех* субъектов пропорциональны ценам, то мы получим ряд абсурдов и математических парадоксов.

Предположим, что товар для *данного лица* не имеет потребительской ценности. Отсюда следует, что $\varphi_{b,1}(0) = 0$. Тогда мы получим,

что $P_a = \frac{\varphi_{a,1}(d_a)}{\varphi_{b,1}(0)} = \frac{\varphi_{a,1}(d_a)}{0} = \infty$ и, наоборот, $P_b = \frac{1}{P_a} = \frac{\varphi_{b,1}(0)}{\varphi_{a,1}(d_a)} = \frac{0}{\varphi_{a,1}(d_a)} = 0$, т.-е. мы получим, что для товаропроизводителя, исклю-

чительно работающего на рынок, цена чужого товара должна равняться бесконечности, цена собственного должна равняться 0.

Графически это будет означать, что $\partial \varphi_{r,1} = 0$, следовательно, и произведение $\partial q_b \beta_{r,1} = 0$, т.-е. кривая спроса должна быть такая, чтобы в нее можно было вписать нулевой прямоугольник, т.-е. иными словами, наша кривая должна превратиться в асимптоту к оси ординат, сливающейся с ней в бесконечности.

Решение вопроса о применимости теории цен Вальраса к условиям капиталистического производства является одновременно решением вопроса о теоретической цене теории цен Вальраса. Если теоретическая экономика занимается анализом капиталистического производства, то всякая теория, которая бессильна объяснить законы строения цен в эпоху капитализма, должна быть признана теоретически несостоятельной. Нас, в данном случае, интересует, однако, еще другой вопрос—о возможности применения теории Вальраса к условиям того изолированного обмена, с которого Вальрас начинает свой анализ. Разбор этого вопроса связан с выяснением третьей особенности теории цены Вальраса, состоящей в том, что свои выводы наш автор распространяет на случай изолированного и безденежного обмена.

Прежде всего необходимо отметить следующую ошибку Вальраса. Он смешивает законы образования цен в условиях конкуренции

(хотя бы при отсутствии свободного воспроизводства; иными словами, в условиях естественной монополии) с законами образования цен в случае искусственной монополии. Изолированный обмен предполагает существование двух субъектов. Каждый из них первоначально рассматривается, как обладатель всего существующего запаса одного блага. Следовательно, каждый из них является монополистом в подлинном смысле этого слова. Мы наблюдаем, следовательно, борьбу двух монополистов. Существеннейшая особенность всякой искусственной монополии состоит в том, что цены являются не только продуктом стихийной борьбы, но, в известной степени, зависят от воли монополиста. Последний может оказывать влияние на цены. В случае монополии продавца, монополист может влиять на цены путем определенного регулирования предложения; в случае монополии покупателя, воздействие монополиста базируется на регулировании спроса.

В случае искусственной монополии, следовательно, зависимость предложения и спроса от цен носит другой характер, чем при господстве свободной конкуренции. В последнем случае отдельный товаро-производитель (или товаровладелец, как в примере Вальраса) не может оказать влияния на цены. Во всех своих расчетах он исходит из предпосылки существования устойчивых цен. Спрос и предложение, при наличии свободной конкуренции, опережаются *существующими* или *текущими* рыночными ценами. Система искусственной монополии вызывает определенные изменения в законах строения спроса и предложения. Ибо последние превращаются, как мы выше говорили, в средства давления на цены, в средства регулирования процесса ценообразования. Монополист учитывает не только существующие в данный момент цены. Он учитывает также предполагаемые цены, т.-е. те цены, которые установились бы в случае соответствующих изменений в соотношении спроса и предложения.

Конечно, ошибочным является вывод о полной независимости величины спроса и предложения от цены. Эта зависимость есть в свою очередь показатель зависимости индивидуальных действий отдельных участников обмена от социально-экономического момента цен. Признать отсутствие зависимости величины спроса и предложения от цен—это значит признать отсутствие зависимости участников обмена от социальных моментов, т.-е. значит признать отсутствие обмена, как определенного социального процесса. Зависимость участников обмена от цен всегда существовала и существует. Она свойственна всякой форме обмена. Но эта зависимость эволюционирует по мере развития меновых форм. Существование искусственной монополии связано со значительным ослаблением этой зависимости, поскольку сама цена является частично продуктом определенной политики монополиста. Последний не эмансипируется, конечно, от влияния цены на все свои расчеты, оценки и действия; монополист только пытается урегулировать процесс ценообразования в своих интересах. В общем можно наметить 2 полярных полюса. С одной стороны, свободное воспроизводство. Возможность отдельного производителя влиять на цены

равна нулю. Зависимость всех индивидуальных действий от цен достигает своего максимума. Перед нами существует наиболее отчетливое выражение *общественного* характера товарного производства. С другой стороны, случай искусственной монополии. Спрос или предложение сосредоточены в руках одного лица (физического или юридического). Имеется возможность воздействия на цены. Влияние индивидуальных моментов достигает своего максимума.

Законы спроса и предложения, таким образом, в условиях монополии принимают модифицированный вид. На ряду с зависимостью спроса и предложения от текущих цен выступает зависимость этих факторов от предполагаемых цен. Поэтому количественная зависимость этих факторов от существующих цен становится менее определенной. Так, предположим, что на основании теории Вальраса, при цене в 7 фр. данного товара, предложение равно 4000 единиц; при цене в 10 фр.—предложение равно 8000 единиц. Эта зависимость, как увидим дальше, предполагает независимость цен от отдельных товаропроизводителей, т.-е. предполагает свободную конкуренцию. Но вот на сцену выступает монополист. Он может сознательно ограничить свое предложение. Так, при цене в 10 фр. он может предложить не 8000 единиц, а 5000, 6000, 7000, 7500 и т. д., поскольку ему выгоднее установить более высокую цену. Следовательно, модификация закона спроса и предложения состоит в том, что величины этих факторов, установленные на общих основаниях, корректируются с точки зрения влияния этих величин на предполагаемые цены. Стихийный процесс ценообразования сознательно вводится в русло определенного регулирования, и на этой почве возникает модификация всего механизма спроса и предложения.

Если монополия существует только на одной стороне (как в примере Курно, т.-е. на стороне продавца), то величина цены является определенной, ибо один из факторов, определяющих цены (в данном случае—спрос), подчиняется общим законам. Следовательно, теоретически можно допустить, что продавец имеет возможность вычислить изменения спроса в зависимости от изменения цен и в связи с этим—установить оптимальный размер предложения. Цена, в данном случае, является определенной потому, что величина одного из факторов (спроса или предложения) является вполне определенной. Последний факт, в свою очередь, вытекает из того, что монополия является только односторонней и что на другой стороне (напр., среди покупателей) действует свободная конкуренция.

Положение дел меняется в случае перехода к двухсторонней монополии. Величина каждого из факторов является, в данном случае, неопределенной. Процесс приспособления спроса к предложению оказывается поэтому более сложным. Величина цены является неопределенной.

Принцип максимума полезности в понимании Вальраса (т.-е. как относительный максимум) теряет всякое значение там, где нет устойчивых определенных цен, где изменение последних находится в зависимости от отдельных участников обмена. Фанатическое соблюдение

в этом случае принципа максимума полезности, которое приписывает своим героям Вальрас, означало бы, что последних интересует максимум полезности при *любой цене*, или что последних вовсе не интересует *высота* цены. Такое положение находится в очевидном противоречии с психологией товаропроизводителя.

Предположим, что при цене данного товара в 5 фр. максимум полезности, который может быть достигнут благодаря рациональной организации спроса и предложения, равен 5000 единиц, а при цене в 6 фр.—6000 единиц. Величина предложения в первом случае, допустим, равна 20 штук, а во втором—30 штук. Очевидно, что основное внимание нашего участника обмена будет устремлено в сторону достижения более высокой цены. Очевидно, что нерациональное, с точки зрения максимума полезности, установление своего предложения при цене в 6 фр. в размере 25 штук вместо 30 может обеспечить большую сумму полезностей, чем рациональное предложение (например, в 20 штук) при более низкой цене. Если наш участник обмена убежден, что предложение в 30 штук при цене в 6 фр. может сорвать последнюю, то он сознательно нарушит принцип максимума полезности, который ему невыгоден, ибо он связан с понижением цен и, следовательно, с понижением общей суммы полезностей.

Принцип *относительного* максимума полезности теряет всякий смысл и *raison d'être* там, где происходит борьба за цены. Если даже предположить, что решающее значение для участника обмена имеет потребительная ценность, то, очевидно, что его будет интересовать, прежде всего, абсолютная величина полезности, которая может быть получена при наличии различных цен. Борьба за цены превращается в важнейшее средство наиболее рационального использования обмена, даже с точки зрения потребительной ценности.

Необходимо отметить, что многие ученики Вальраса отрицают возможность применения формул пропорциональности и вообще всего математического аппарата к исследованию изолированного обмена. В последнем случае принимается, что цена является неопределенной и что она зависит от многочисленных неэкономических факторов. Такую точку зрения защищает Шумпетер¹, который утверждает, что в случае изолированного обмена можно установить лишь верхний и нижний пределы возможных цен. Наиболее подробно это положение доказывает Виссель в своей книге «Über Wert, Kapital und Rente».

Для простейшего случая обмена между 2 лицами Виссель, вместе с Менгером и Бем-Баверком, утверждает, что определенной цены на рынке не бывает, что имеются лишь пределы, внутри которых колеблется цена, при чем последняя может занимать различные точки². «Когда у обоих обменивающихся лиц предельная полезность одного из рассматриваемых благ изменяется и, следовательно, цена заранее не фиксирована, тогда, в случае вполне изолированного обмена,

¹ «Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nat. Ökonomie», стр. 270.

² Über Wert, стр. 35.

т.-е. при отсутствии других возможностей приобретения, вообще не может быть речи об устойчивых, поддающихся теоретическому определению, меновых отношениях: задача становится неразрешимой. Она имеет бесконечное число решений. Может даже показаться, что для всякого значения X можно найти соответствующее Y , и наоборот. Однако, это не так. Как легко заметить, сюда вводится ограничивающее условие, в силу которого каждое из участвующих в обмене лиц должно обменивать с выигрышем, или, по крайней мере, без потери. Итак, возможные решения лежат между двумя пределами, при которых соответственно или один, или другой из контрагентов без какой-либо прибыли (но и без убытка) прекращает сделки».

Иными словами, Викселль устанавливает лишь то ограничение, что полезность покупаемого товара должна быть не ниже полезности проданного товара. Он переводит лишь это правило на математический язык. Предположим, что наш субъект продает из своего запаса, равного a единицам, x единиц данного товара, взамен y другого товара. Предельная полезность товара a будет для него равна $F'(a-x)$, а предельная полезность другого товара— $f'(y)$. Обмен будет невыгодным лишь тогда, когда общая полезность проданных x единиц будет равна общей полезности y . Общая полезность известного количества единиц выражается в виде определенного интеграла. Общая полезность x единиц будет равна $\int_0^x F'(a-x)dx$, а общая полезность y единиц— $\int_0^y f'(y)dy$. Поэтому составляем уравнение, выражающее условие обмена

$$\int_0^y f'(y)dy = \int_0^x F'(a-x)dx.$$

При этих условиях, для 1-го участника обмена, обменивающего X на Y , не будет никакого стимула к обмену. Для 2-го участника обмена стимул к обмену отпадает в том случае, когда общая полезность уступленного Y будет равна общей полезности полученного взамен X . Аналитически это выразится в форме уравнения:

$$\int_0^y f'(b-y)dy = \int_0^x f'(x)dx.$$

В этих границах цены могут колебаться как угодно, при чем всякому X будет соответствовать свой Y .

Эти условия можно проще выразить, если общие полезности вместо интегралов обозначим в форме функций. Пусть φ и ψ суть функции общей полезности товаров a и b для 1-го участника, а χ и ω —для второго; тогда вышеприведенные 2 условия можно будет обозначить так¹:

$$\varphi(a) - \varphi(a-x) = \psi(y); \quad \chi(x) = \omega(b) - \omega(b-y).$$

Для Вальраса характерно смешение разных исторических формаций. С одной стороны, он предполагает примитивный обмен излишками. С другой стороны, он предполагает, что покупатель ориентируется

¹ „Über Wert u. s. w.“, стр. 33.

на установившуюся систему цен, которую он не в состоянии изменить. Это противоречие переплетается с новым противоречием в системе Вальраса. В лучшем случае теория Вальраса может быть использована, как теория монопольных цен, как теория цен товаров, имеющих в ограниченном количестве и невозпроизводимых. Но как мы видим, этого последнего условия еще недостаточно. В условиях изолированного обмена и в условиях обмена *n* лиц и 2 товаров может существовать естественная монополия, и тем не менее формулы Вальраса перестают что-либо объяснять, лишаются своей основной базы. Второй необходимой предпосылкой всех формул Вальраса (кроме существования монополии) является наличие устойчивых цен, развитое денежное обращение, возможность отчетливого выявления ценности, бесперебойное действие механизма спроса и предложения. Все эти последние условия являются продуктами высокого технического прогресса. Последний, в свою очередь, возможен лишь там, где производительные силы имеют возможность развиваться. А для этого, прежде всего, требуется возможность свободного производства. Отсутствие последнего условия, наличие естественной монополии сковывает развитие производительных сил, ограничивает размеры производства, сводит на-нет необходимость в техническом прогрессе.

Таким образом, между 2 основными предпосылками теории цен Вальраса существует глубокое противоречие. С одной стороны, в качестве обязательного условия предполагается естественная монополия. С другой стороны, предполагаются столь высоко развитые условия обмена, которые возможны лишь на базе высокого технического прогресса. Выход из этого противоречия может быть лишь один. Теория цен Вальраса может быть применима в рамках развитого хозяйства к очень ограниченному кругу товаров, которые не поддаются свободному воспроизводству. Таким образом, теория Вальраса, в формулировке своих предпосылок, иллюстрируют ограниченность своей территории, она в самой себе заключает признание возможности разрешить лишь вопросы для частного случая, имеющего лишь ограниченное распространение. В этом заключается *testamentum paupertatis* теории Вальраса.

5

Можно возразить, что теория обмена является лишь подготовительной стадией к теории производства Вальраса. На анализе последней мы остановимся ниже. Пока ограничимся только указанием, что эта ссылка несколько не реабилитирует теории цен Вальраса. Как можно объяснить сложные явления образования цен в условиях производства, исходя из узко частного и имеющего ограниченное значение случая естественной монополии? Теория цен Вальраса меньше всего может служить в качестве отправного пункта для объяснения цен в условиях свободного воспроизводства, ибо последние представляют принципиальное отличие от монопольных цен.

Задача всякой последовательной теории цены заключается в том, чтобы свести образование цены к таким первичным факторам,

которые не зависят от цен. Основной недостаток обычной теории спроса и предложения заключается в том, что последняя представляет из себя заколдованный круг, или в том, что она пытается вывести цену из цены. В связи с этим встает вопрос о том, может ли быть распространено это обвинение на теорию цен Вальраса. Этот вопрос связан с выяснением 4-й особенности теории Вальраса. Последняя заключается в том, что Вальрас устанавливает всего 2 основных фактора, воздействующих на цены. «Элементы, обуславливающие установление цен,—пишет—он, суть также элементы, обуславливающие изменение цен¹. Этими элементами, обуславливающими установление цен, являются полезность товаров и их запасы. Таковы, следовательно, причины и первичные условия, регулирующие изменение цен».

Но наш автор упустил одно чрезвычайно важное условие. Он упустил, что рациональная организация потребления, по закону Госсена, зависит не только от цен и от предельных полезностей потребляемых товаров, но и от той денежной (или вообще ценностной) суммы, которой обладает данный субъект.² С изменением этой ценностной суммы может, при наличии прежних цен на потребляемые товары, при наличии прежнего распределения благ, при прежней интенсивности потребностей, измениться форма зависимости между спросом и ценой, т. е. $D = F(p)$ может превратиться в $D = \varphi(p)$, $D = \psi(p)$ и т. д. Это изменение ценностной суммы возможно, например, вследствие изменения цены какого-нибудь товара, который составляет часть запаса данного субъекта, хотя и не входит в его потребление. Следовательно, поскольку Вальрас абстрагируется от зависимости D от общей ценностной суммы, которой обладает данный субъект, Вальрас тем самым признает, что эта величина, по крайней мере, в представлении субъекта, является устойчивой. Но это предположение является совершенно произвольным. В противном случае приходится допустить, что общая ценностная сумма, имеющаяся в распоряжении отдельного субъекта, изменяется, а вместе с ней изменяется и сама форма функциональной зависимости.

Учение Вальраса о двух конечных основаниях цены (кривых полезности и индивидуальных запасов) представляет большой теоретический интерес. Это учение пытается отвергнуть обычное положение, что теория спроса и предложения представляет из себя заколдованный круг. По теории Вальраса, цена зависит не от конкретного отдельного значения спроса (выражающегося в ординате), а от кривых спроса. Последние же, в конечном счете, определяются такими моментами, которые от цены не зависят (потребностями и индивидуальными запасами). Вальрас, таким образом, пытается ликвидировать

¹ *Éléments*, стр. 63.

² Влияние дохода и покупательной способности на потребление отдельных субъектов, на их спрос и на рыночные цены настойчиво подчеркивается в книге Wernicke „Der objektive Wert und Preis. Grundlegung einer realen Wert und Preistheorie“, 1896, стр. 56—57.

порочный круг в теории спроса и предложения. Но его попытка ошибочна.

Сам Вальрас вынужден был признать в одном месте, что для определения цены решающее значение имеет не распределение данного запаса продуктов между отдельными суб'ектами (то, что он называет «les quantités possédées»), а распределение ценностной суммы между ними. Вальрас доказывает теорему, что цены не изменятся, если мы перераспределим запасы благ между данными суб'ектами, при условии неизменности ценностных сумм в распоряжении отдельных суб'ектов.

Эту теорему он называет «théorème des répartitions équivalents», теоремой эквивалентного распределения. Вот ее точная формулировка¹: «При наличии на рынке, находящемся в состоянии общего равновесия, нескольких товаров, текущие цены этих товаров не изменятся от распределения соответственных количеств их между суб'ектами обмена любым образом, лишь бы сумма запаса каждого из этих суб'ектов оставалась равноценной». На основании этой теоремы можно было бы установить, что решающее значение для определения цен имеют два фактора: а) предельные полезности благ, которые зависят от потребности в последних и частично от цен, и б) сумма доходов отдельных суб'ектов или ценностей, имеющих в распоряжении отдельных суб'ектов. Необходимо учесть, что термин «ценностная сумма» нужно толковать в ограничительном смысле. Не всякая ценностная сумма, имеющаяся в распоряжении суб'екта, оказывает влияние на его спрос, а только та сумма, которая непосредственно назначена для его потребления. Следовательно, здесь исключается возможность накопления. Следовательно, можно установить, что, по теории Вальраса, высота цены зависит от характера функциональной зависимости между спросом и предложением, с одной стороны, и ценой, с другой стороны, или от формы кривых спроса и предложения. Эта форма устанавливается на основе принципа максимума полезности и зависит от двух моментов: полезностей отдельных благ и общей денежной (или ценностной) суммы. Если оба эти условия остаются неизменными, то для каждой цены данного товара (вернее, для каждой комбинации) можно установить соответствующие размеры спроса. Но если одно из этих условий (или оба) изменится, то мы для каждой цены данного товара будем иметь другой размер спроса. Общая ценностная сумма или общие размеры доходов покупателя зависят от существующих цен определенных товаров. Поэтому не только величина спроса и предложения, но и функциональная зависимость последних от цен в свою очередь определяется ценностными факторами. Следовательно, если стоять на точке зрения относительного максимума, то нельзя эмансипировать данный уровень цен от влияния ценностных факторов. Отсюда не следует, что в условиях фиксированного запаса товаров исключается всякая возможность объяснения изменения цен. Нужно лишь отметить, что всякое изменение цен данных товаров можно объяснить лишь на основании учета прежде

¹ *Éléments*, стр. 149.

существовавших цен данных товаров, которые определяют покупательную способность отдельных потребителей.

Вальрас, однако, нигде не дает такой формулировки, которая обязательна для всякого теоретика спроса и предложения. Даже при рассмотрении более сложных форм обмена (например, в случае n товаров и вытекающего отсюда денежного обращения) Вальрас настаивает на том, что первичными элементами при определении цен являются потребности и величина запасов у отдельных индивидов.

Можно было бы возразить, что Вальрас, рассматривая случай с n товарами, учитывает влияние величины доходов или ценностных сумм на характер функциональной зависимости между спросом и ценой. Дело в том, что для случая n товаров Вальрас рассматривает спрос, как функцию цен целого ряда товаров. Так, он составляет следующую систему уравнений ¹.

$$\begin{aligned} y_1 &= f_{b,1}(P_b, P_c, P_d, \dots) \\ z_1 &= f_{c,1}(P_b, P_c, P_d, \dots) \\ w_1 &= f_{d,1}(P_b, P_c, P_d, \dots) \end{aligned}$$

где y, z, w означают величины спроса или предложения первого субъекта. Может получиться вывод, что поскольку Вальрас учитывает влияние цен всех товаров на величину спроса, он тем самым учитывает всякие колебания доходов данного субъекта. Но в то же время система уравнений спроса или предложения составлена так, что форма или характер этих уравнений зависят исключительно от индивидуальных потребностей и индивидуальных запасов. В самом деле, Вальрас рассматривает спрос на данный товар b , как функцию цен всех товаров— P_b, P_c, P_d, P_n если имеется n товаров. Предположим, что величина доходов остается неизменной и цены принимают определенную величину. Тогда, на основании 2-го закона Госсена, можно определить, как распределит наш субъект свои доходы на покупку отдельных товаров, т.-е. можно определить спрос на все товары. Это положение Вальрас выражает в следующей системе уравнений ²:

$$\begin{aligned} \varphi_{a,1}(q_{b,1} + y_1) &= P_b \varphi_{a,1}(q_{a,1} + x_1) \\ \varphi_{c,1}(q_{c,1} + z_1) &= P_c \varphi_{a,1}(q_{a,1} + x_1) \\ \varphi_{d,1}(q_{d,1} + w_1) &= P_d \varphi_{a,1}(q_{a,1} + x_1) \text{ и т. д.} \end{aligned}$$

С изменением цен отдельных товаров, мы получим различные значения y, z, w ,—т.-е. величин спроса и предложения (последнее Вальрас рассматривает, как отрицательный спрос). Мы предположили неизменную величину доходов. Но можно предположить ряд переменных доходов. Тогда получим новые значения для величин спроса при прежних значениях цен предметов потребления. Величина индивидуальных доходов зависит от величины индивидуальных запасов и от

¹ *Éléments*, стр. 124.

² *Éléments*, стр. 123.

цен соответствующих товаров, входящих в эти запасы. Цены этих товаров, определяющих величину индивидуальных доходов, входят в общую систему уравнений, поскольку эта система охватывает цены всех товаров. Поэтому можно сказать, что уравнение $y_1 = f_{b,1}(P_b, P_c, P_d)$ охватывает все возможные величины спроса при различной высоте индивидуальных доходов. Сама же форма этих уравнений зависит лишь от двух моментов—характера индивидуальных потребностей и величины индивидуальных запасов (ибо второй фактор, определяющий доходы,—цены отдельных товаров—включен уже в нашу систему уравнений в виде аргумента функций спроса). На основании этих двух элементов можно определить функции спроса (или предложения) всех товаров для первого субъекта, т. е. величину x_1, y_1, z_1, w_1 ¹ и т. д. Аналогичным способом можно получить соответствующие величины для второго субъекта, т. е. x_2, y_2, z_2, w_2 , для третьего и т. д. Если сложить эти величины, то мы получим x, y, z, w , которые можно тоже представить в виде функций цен всех товаров, т. е.

$$y = F_b(P_b, P_c, P_d, \dots, P_n)$$

$$z = F_c(P_b, P_c, P_d, \dots, P_n) \text{ и т. д.}$$

Поскольку предложение рассматривается Вальрасом, как отрицательный спрос, величина общественного спроса должна равняться нулю (ибо спрос одних или положительный спрос компенсируется предложением или отрицательным спросом других). Отсюда Вальрас получает, что $x = 0, y = 0, z = 0$ и т. д., и в результате мы имеем систему уравнений²:

$$F_b(P_b, P_c, P_d, \dots, P_n) = 0$$

$$F_c(P_b, P_c, P_d, \dots, P_n) = 0$$

$$F_d(P_b, P_c, P_d, \dots, P_n) = 0,$$

содержащую $m - 1$ уравнений и $m - 1$ неизвестных (цен всех товаров, выраженных в a). Поэтому может показаться, что конечный результат теории Вальраса является с логической стороны безукоризненным (конечно, при условии неизменности запасов существующих благ). Этот вывод заключается в следующем положении³: «Из всего вышеизложенного явственно следует, что как при многих, так и при двух товарах необходимыми и достаточными элементами для установления

¹ Необходимо заметить, что этим способом Вальрас получает уравнения для спроса всех товаров, кроме товара a , который служит мерилом ценности. Величину спроса a определяет Вальрас следующим образом. Предполагается, что сумма расходов равна сумме доходов. Поэтому можно составить уравнение (ibid., стр. 124).

$$x_1 + u_1 P_b + z_1 P_c + w_1 P_d + \dots = 0$$

откуда вытекает, что

$$x_1 = -(u_1 P_b + z_1 P_c + w_1 P_d + \dots).$$

² *Éléments*, стр. 128.

³ *Éléments*, стр. 134.

текущих цен или равновесия являются уравнения полезности или потребности субъектов обмена в товарах—уравнения, которые всегда можно представить кривыми—и наличные запасы товаров».

Однако эта система уравнений Вальраса (вернее, экономическая концепция, лежащая в основе этой системы) страдает одним очень существенным недостатком. Она изображает совокупность всех меновых процессов, происходящих между отдельными товаропроизводителями (вернее, товаровладельцами), как единый процесс, который происходит *in actu*. Поэтому товаровладельцы учитывают всевозможные цены. Из последних удерживаются лишь те, которые обеспечивают равенство спроса и предложения всех товаров. Но это представление о всей совокупности меновых процессов, как о едином процессе, заимствовано из области простого товарообмена. Денежное обращение приводит к разрыву между актами купли и продажи. Оба эти акта для каждого субъекта разделены определенным (хотя и весьма кратким) периодом времени. Для того, чтобы выступить в качестве покупателя, данный субъект должен предварительно фигурировать в роли продавца. Следовательно, выступая в качестве покупателя, наш субъект учитывает не возможные доходы, а вполне реальную и определенную ценностную или денежную сумму, которой он располагает. Поэтому возможность варьирования величины доходов в тот момент, когда совершаются покупки, отпадает. Субъект устанавливает свой спрос на отдельные товары в зависимости лишь от 3 факторов—от потребностей, от цен отдельных товаров и от величины своих доходов. Если признать, что цены являются переменной величиной, то для данного акта покупок функциональная зависимость между спросом и ценой покупаемых товаров будет определяться исключительно характером потребностей и величиной доходов (а не материальных запасов)¹.

Раздельность во времени процессов купли и продажи для отдельных субъектов имеет огромное значение. Благодаря этой раздельности, устанавливается преемственная связь между ценами отдельных периодов. Цены на товары (если исходить из теории спроса) определяются спросом; последний—величиной индивидуальных доходов; а последние, в свою очередь, зависят от цен, которые существовали в момент продажи, предшествующей купле,—или, во всяком случае, которые существуют в данный момент до выявления результатов происходящих меновых процессов. Благодаря наличию такой преемственной связи, при объяснении цен каких-либо товаров всегда приходится исходить из наличия каких-то цен. Эмансипировать теорию спроса и предложения от влияния существующих ценностных факторов—это значит отвлечься от того, что данный меновой процесс тесно связан с другими, прежде происходившими меновыми процессами. Иными словами, это означает, что данному меновому процессу

¹ Поэтому ошибочно положение Касселя, что величину дохода покупателей для отдельного рыночного процесса нельзя рассматривать, как данную („Grundgedanken der theoretischen Oekonomie“, стр. 50).

непосредственно предшествует натуральное хозяйство, что мы имеем дело с примитивным товарообменом.

Все элементы теории цен Вальраса, таким образом, тесно связаны между собой. Наш автор пытается найти конечные факторы цены, которые не зависят от цен. Этими факторами он объявляет наличие определенных функций полезности запаса и потребительских благ. Для того, чтобы легче связать кривые спроса с кривыми полезности, он начинает с анализа примитивного обмена излишками. Он, далее, предполагает обмен *in statu nascendi*. Цены впервые устанавливаются на данном рынке. У участников обмена существуют только материальные запасы, не получившие ценностного выражения. Покупательная способность участников обмена устанавливается параллельно с процессом формирования цен. Поэтому можно принять, что кривые спроса не зависят от какой-то наперед данной величины платежной способности. Таким образом, экскурсии Вальраса в сферу примитивного обмена получают определенный смысл и определенное оправдание, если учесть основную задачу его теории цены. Стоит только отвергнуть его молчаливую предпосылку об отсутствии исторической преемственности цен, как вся его теория рухнет. Тогда нельзя будет свести кривые спроса исключительно к кривым полезности.

Ошибочность теории Вальраса может быть проиллюстрирована на следующем примере. По мнению нашего автора, мы можем предположить, что в данный момент существует особая произвольная система цен. Если величина индивидуальных запасов и функции полезности даны, то процесс ценообразования неизбежно приведет к определенной системе цен, соответствующей этим двум конечным факторам. Какова бы ни была эта произвольная система цен, мы в конечном счете приходим к одним и тем же результатам. Этот вывод является неверным. Произвольная система цен определяет величину покупательной способности и, следовательно, характер функций спроса. В зависимости от первоначально избранной системы цен могут получаться различные конечные результаты даже при неизменных индивидуальных запасах и неизменном уровне потребностей. Поэтому нужно признать, что Кассель значительно ближе стоит к истине, когда он последним элементом цены признал не наличие особой функции полезности, а функции спроса. Этим самым принимается молчаливая предпосылка, что данная система цен зависит от предыдущей, определяющей характер функций спроса. Это можно проиллюстрировать на примере уравнений Ирвинг Фишера.

Эти уравнения имеют следующую форму¹. Обозначим через A, B, C, \dots, M различные товары. $A_1, B_1, C_1, \dots, M_1$ будут количества этих товаров, потребленных 1 покупателем; $A_2, B_2, C_2, \dots, M_2$ — количества потребленных 2 покупателем и т. д. $K_a, K_b, K_c, \dots, K_m$ — количество всех имеющихся товаров; $K_1, K_2, K_3, \dots, K_m$ — доходы лиц I, II, III и т.

¹ „Mathematical investigations in the theory of value, стр. 52—53.

Тогда можно составить следующие уравнения:

$$\begin{aligned} 1) \quad & A_1 + A_2 + A_3 + \dots = k_a \\ & B_1 + B_2 + B_3 + \dots = k_b \\ & C_1 + C_2 + C_3 + \dots = k_c \\ & M_1 + M_2 + M_3 + \dots = k_m \end{aligned}$$

т.е. всего m уравнений (по числу товаров) и mn неизвестных; эти уравнения выражают, что общий запас товаров является *данным*;

$$\begin{aligned} 2) \quad & A_1 P_a + B_1 P_b + C_1 P_c + \dots + M_1 P_m = k_1 \\ & A_2 P_a + B_2 P_b + C_2 P_c + \dots + M_2 P_m = k_2 \\ & \dots \\ & A_n P_a + B_n P_b + C_n P_c + \dots + M_n P_m = k_n \end{aligned}$$

т.е. всего n уравнений и n новых неизвестных (цены); уравнения выражают, что доходы являются постоянными.

3) Уравнение для пред. полезностей для каждого товара для каждого лица.

$$\begin{aligned} \frac{du}{dA_1} = F(A_1); \quad \frac{du}{dB_1} = F(B_1) \dots \frac{du}{dM_1} = F(M_1) \\ \frac{du}{dA_2} = F(A_2); \quad \frac{du}{dB_2} = F(B_2) \dots \frac{du}{dM_2} = F(M_2) \\ \dots \\ \frac{du}{dA_n} = F(A_n); \quad \frac{du}{dB_n} = F(B_n) \dots \frac{du}{dM_n} = F(M_n) \end{aligned}$$

всего mn уравнений с mn новыми неизвестными (пред. полезностями).

При таких условиях задача оказалась бы неразрешимой. Фишер вводит тогда условие пропорциональности пред. полезностей ценам и получает благодаря этому ряд новых уравнений, не содержащих новых неизвестных.

$$\begin{aligned} 4) \quad & \frac{du}{dA_1} : \frac{du}{dB_1} : \frac{du}{dC_1} : \dots : \frac{du}{dM_1} = \frac{du}{dA_2} : \frac{du}{dB_2} : \frac{du}{dC_2} : \dots \\ & \dots : \frac{du}{dM_2} = \dots = \frac{du}{dA_n} : \frac{du}{dB_n} : \frac{du}{dC_n} : \dots \\ & \dots : \frac{du}{dM_n} = P_a : P_b : P_c : \dots : P_m \end{aligned}$$

(всего $n(m-1)$ новых уравнений без новых неизвестных).

В результате получается $m + n + mn + n(m-1) = 2mn + m$ уравнений и $mn + m + mn$ неизвестных (mn количеств товаров, потребленных отдельными лицами, mn — пред. полезностей этих товаров у различных лиц и m цен).

Система уравнений Фишера состоит из 3 важнейших элементов — уравнений, указанных под рубрикой 1), 2), 4). Уравнения первой рубрики выражают неизменность запасов данных товаров. Товар a имеется

в количестве K_a ; товар b в количестве K_b и т. д. Эти товары частично потребляются продавцом, частично продаются. Если рассматривать предложение, по образцу Вальраса, как отрицательный спрос, то можно сказать, что K_a, K_b, K_c представляют из себя величины общественного спроса (включая и спрос продавцов) на данные товары. Вторая система уравнений (т.-е. под рубрикой 2) выражает, что величина покупательной способности или доходов или ценностных сумм, имеющихя у отдельных субъектов, остается неизменной. Эта система уравнений имеет чрезвычайно важное значение; ибо она выражает основную предпосылку теории Вальраса. Неверно утверждение последнего, что для определения цены достаточно иметь два условия—величину предельных полезностей и величину запасов—данных благ у отдельных субъектов. На основании данной системы уравнений можно убедиться, что условий, влияющих на цены, существует три: величина *общего запаса* благ, величина покупательной способности и характер потребностей. Следовательно, в числе факторов, влияющих на цены, имеется фактор, который сам зависит от цен. Следовательно, попытка вывести высоту рыночных цен из ценностных факторов должна быть окончательно устранена.

Вторая система уравнений, следовательно, предполагает, что ценностные суммы, имеющиея в распоряжении отдельных субъектов, являются вполне определенными и неизменными величинами. Эти ценностные величины (или доходы), в свою очередь, зависят от цен отдельных товаров. Ценностная сумма, имеющаяся в распоряжении всех субъектов, т.-е. $k_1 + k_2 + \dots + k_n$, очевидно, зависит от цен *всех* товаров. Поскольку эта совокупная ценностная сумма предполагается неизменной и вполне определенной, необходимо допустить, что цены также остаются неизменными и определенными. Следовательно, система вторая показывает, что цены *уже* существуют и имеют определенную высоту, которая неизвестна нам. Требуется узнать, какова эта высота, т.-е. определить неизвестную нам величину.

В основе теории Вальраса, по существу, лежит та же тенденция, что и у австрийцев, к сближению простого менового (не знающего денег) хозяйства с развитым товарным хозяйством. В условиях простого товарообмена (т—т) меновые пропорции и платежная способность участников обмена определяются одновременно. Всякий субъект, продающий товары, одновременно предъявляет спрос. Величина последнего зависит от меновой пропорции, которая устанавливается в данном акте обмена. В условиях товарного обращения (т—Д—т) положение значительно меняется, ибо покупатель обменивает деньги на товар (Д—т). Следовательно, предполагается, что покупатель предварительно произвел определенные меновые операции, что у него имеется известная ценностная сумма, которая зависит от установившихся прежде цен. Попытка эманипировать функции спроса от влияния платежной способности покупателя и существующей системы цен возможна за счет игнорирования специфических особенностей денежной экономики.

Но Вальрас идет дальше. С одной стороны, он молчаливо предполагает примитивный обмен *in statu nascendi*. Но, с другой стороны, выводы, полученные при анализе примитивнейшего изолированного обмена, он распространяет на сложную систему обмена товаров, в котором участвует *n* лиц. При этом предполагается, что все эти меновые сделки тесно связаны, что цена одного товара зависит от цен всех остальных. Получается причудливое смешение двух форм обмена, расположенных на противоположных концах исторического развития. В связи с этим возникает вопрос—как может одновременно установиться система цен на все эти многочисленные товары, вне всякой зависимости от прежде существовавших цен? Как можно в одном акте, без всяких промежуточных фаз, обменять друг на друга разнообразнейшие товары, принадлежащие многочисленным субъектам? Это противоречие разрешается благодаря тому, что Вальрас процесс обмена сближает с процессом организованного распределения. Такое сближение облегчается благодаря тому, что Вальрас спрос дедуцирует из полезности и поэтому общественный спрос рассматривает, как результат общественных потребностей. Сближение натурального и товарного хозяйства в одном пункте приводит к сближению по всей линии. Обмен Вальрас представляет себе не как совокупность целого ряда меновых актов, отдельных не только в пространстве, но и во времени, но как единый акт перераспределения всех имеющихся товарных запасов между всеми членами общества соответственно их потребностям и индивидуальным запасам; такое перераспределение *ipso actu* может происходить только в организованном, а не в стихийном порядке.

На эту сторону дела обратили внимание некоторые экономисты. Так, Фойт¹ считает основной ошибкой математиков, что они смешивают два вида обмена—*Gemeinschaftstausch* и *Konkurrenztausch*. Все свои формулы математики, по мнению Фойта, распространяют на типический обмен, или на *Konkurrenztausch*, между тем как они выведены для другой формы—*Gemeinschaftstausch*. Последняя форма представляет из себя фактически не меновой процесс, а раздел известного количества благ между отдельными лицами по какому бы то ни было принципу (например, передел земли в русской общине; этот пример приводится Фойтом в качестве иллюстрации своей мысли). «Сущность его состоит в том,—пишет Фойт²,—что обмен заключается в едином общем акте всех, принимающих в нем участие. Он может быть представлен, как соединение всех предначиненных для обмена благ и распределение получившейся, таким образом, суммы, согласно доле каждого участника в ней, или согласно строгому принципу обмена—равенству выгод, или согласно еще какому-либо принципу целесообразности, справедливости или дешевизны. Практически, насколько нам известно, солидарный обмен осуществляется лишь в одном

¹ Статья «Zahl u. Mass in der Oekonomie» в «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft», 1893 г.

² Речь идет о *Gemeinschaftstausch*, *ibid*, стр. 542.

случае, а именно при так называемом конкурсе». Очевидно, что «*Gemeinschaftstausch*» назван обменом по недоразумению; эта форма обмена представляет из себя лишь перераспределение существующих запасов; при чем это перераспределение ведется организованно, по определенному плану, выработанному сообща. Борьба между отдельными участниками раздела, конечно, возможна при выработке этого плана. Но, поскольку план выработан, дальнейшее проведение не наткнется ни на какие трудности.

Точно так же и Е. Леоне¹ отметил, что «хозяйственное равновесие, с гедонистической точки зрения, является проблемой распределения благ, а не их купли и продажи».

Замена обмена организованным распределением лишает формулы обмена математиков всякого теоретического значения. При организованном распределении продуктов производственные отношения устанавливаются непосредственно между участниками раздела. Сам факт раздела свидетельствует о том, что между данными производителями существуют определенные социальные отношения, выражающиеся в праве каждого производителя на определенную часть общего запаса благ. С другой стороны, принцип распределения продуктов непосредственно вытекает из структуры данного общества. В антагонистическом обществе принцип распределения или раздела будет носить другой характер, чем в гармоническом обществе. Во всяком случае, производственные отношения выступают, в данных условиях, совершенно определенно и не нуждаются для своего выявления в посредничестве вещей. В условиях же обмена производственные связи устанавливаются на рынке через посредство вещей или товаров. Поэтому эти производственные отношения выступают в своей фетишизированной форме. На почве товарного фетишизма возникают категории ценности и цены, выражающие отношения независимых, автономных товаропроизводителей. Очевидно, что в условиях того организованного распределения продуктов, для которого составлены формулы математиков, отсутствует этот тип производственных отношений; участники раздела уж не являются совершенно автономными владельцами данных продуктов; наоборот, они связаны известными нормами, действующими в данном обществе; они подчиняются общей дисциплине. Таким образом, в этом случае отсутствуют оба основных элемента ценности: а) нет фетишизированной формы и б) нет типа производственных отношений, характерного для товарного производства.

У Вальраса, правда, мы не находим столь грубого смешения товарного и коммунистического хозяйства, как, например, у Госсена или Лаунгардта.

Лаунгардт дает такое толкование понятию «максимальная полезность»². «Под естественным воздействием режима свободной конку-

¹ «L. Walras und die hedonistische mathematische Schule von Lausanne», Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Band XXXII, стр. 57.

² „Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre“, стр. 30—32.

ренции, посредством «laissez faire, laissez passer» или «невмешательства в естественный ход вещей, вернейшим образом достигается *общее благо*».

Но дальше он вносит такое ограничение¹. «Хотя, как показано в § 7, при обмене, совершаемом по ценам равновесия, сумма выгод обоих суб'ектов достигает максимума и, следовательно, обмен по ценам равновесия наиболее приближает нас к общему благу,—тем не менее подобного рода обмен для каждого из обоих суб'ектов никоим образом не является наиболее подходящим. В последнем случае, ведь борьба за цену была бы напрасным и бесполезным занятием; тогда на рынке скорее должно было бы иметь место товарищеское сотрудничество покупателей и продавцов, направленное на установление цены равновесия. В действительности же каждый суб'ект обмена достигает наибольшей выгоды не тогда, когда он опускается до цен равновесия, а в том случае, если он придерживается более высокой цены».

Антагонизм интересов отдельных участников обмена, таким образом, не отрицается Лаунгардтом. Наоборот, этот антагонизм интересов делает возможным существование максимума полезности. Если бы интересы отдельных лиц совпадали, то абсолютный максимум полезности не мог бы существовать, поскольку всякое повышение или понижение цены, в зависимости от интересов этих суб'ектов, вызвало бы соответствующее увеличение полезности. Увеличению полезности для всех членов общества, в этом случае, нельзя было бы поставить никаких пределов. Антагонизм интересов отдельных участников обмена ограничивает возможность бесконечного увеличения полезности, поскольку повышение полезности для одного суб'екта компенсируется понижением полезности для другого. Таким образом, формулировка Лаунгардта имеет свой определенный смысл. Но от этого она не становится правильной. Наоборот, эта формулировка находится в очевидном противоречии с основными принципами психологической школы и с природой товарного производства.

Лаунгардт утверждает, что существующие цены не гарантируют максимума полезности для всякого, участвующего в обмене, но что они являются условием максимальной полезности для всех. Если сложить общую полезность всех товарных запасов, получаемых в результате обмена для всех участников, то мы получим максимальную полезность.

Обмен, по Лаунгардту, есть такая операция, в результате которой должен получиться максимум полезности для каждого ли суб'екта или для всех участников, взятых вместе. Основная идея математиков заключается, таким образом, в том, что общие принципы господствуют в сфере индивидуального потребления и обмена. И в том, и в другом случае получается максимум полезности. Обмен есть, таким образом, необходимое звено для осуществления наибольшей полезности в потреблении. Рынок заменяет планирующие органы в натуральном

¹ Ibid., стр. 31.

хозяйстве и приводит к тем же результатам—к наиболее рациональному распределению продуктов, к осуществлению максимума полезности. Теория Лаунгардта, таким образом, рационализирует товарное производство, игнорирует стихийность и иррациональность последнего, подменяет товарное производство организованным.

Вальрас лично является противником такой интерпретации максимума полезности, как у Лаунгардта. Наиболее отчетливо он выразил свое мнение по данному вопросу в своей книге «Etudes d'économie sociale»¹. Вальрас резко противопоставляет теорию обмена Джевонса, с которой он солидаризуется, теории обмена Госсена. Различие между этими теориями Вальрас квалифицирует, как различие между обменом самостоятельных индивидов и распределением в социалистическом обществе. Обмен Джевонса он характеризует следующим образом². «Это—индивидуалистический обмен: он осуществляется волей индивидуума, вполне свободно стремящегося к своей выгоде, и он попрежнему оставляет после себя неравенство богатства, вытекавшее прежде из обладания более или менее ограниченным запасом». Другой характер, по мнению Вальраса, имеет обмен Госсена. «Этот обмен,—пишет он³,—не менее определенный, чем предыдущий, является операцией, посредством которой удовлетворение нужд обоих субъектов обмена вместе взятых доводится до абсолютного максимума, а не относительного, при чем совершенно не учитываются размеры запасов товаров, другими словами, игнорируется право собственности каждого из субъектов обмена на его товар. Это—коммунистический (курс автора) обмен; он, по всей вероятности, будет иметь место лишь благодаря вмешательству государства и приведет к равенству, вытекающему одновременно из равенства потребностей и равенства средств их удовлетворения. Он осуществляется на почве братства. Так, двум братьям, сидящим за столом своего отца, последний распределяет пищу таким образом, чтобы оба они остались сытыми».

Хотя Вальрас—противник сближения товарного хозяйства с коммунистическим, тем не менее расстояние между Вальрасом и Лаунгардтом является не столь значительным. Учение Вальраса о влиянии двух факторов на цены вытекает из смешения обмена с организованным распределением.

Рассмотрим предварительно следующий вопрос—предположим, что нам известны общий размер запасов данных благ (т.-е. сколько имеется каждого блага, независимо от распределения этих запасов между отдельными субъектами) и характер потребностей отдельных субъектов. Можно ли при этих условиях определять цены на основании спроса и предложения? Конечно, нельзя, ибо нам дана лишь величина абсолютных потребностей, а не спроса. В этих условиях не может быть и речи о применении 2-го закона Госсена, ибо последний

¹ «Etudes d'économie sociale. Théorie de la répartition de la richesse sociale», 1896.

² Ibid., стр. 209.

³ Ibid., стр. 209—210.

предполагает наличие определенных доходов, определенной ценностной суммы. Следовательно, вопрос о нахождении максимума полезности получает здесь совершенно определенный и единственно возможный смысл—распределить существующие запасы благ между отдельными субъектами так, чтобы общая сумма полезности была максимальной. По существу мы в данном случае имеем дело с организованным распределением продуктов в коммунистическом обществе. Вопрос о ценах теряет всякое значение. Цены, в лучшем случае, будут фигурировать в роли сравнительных коэффициентов отдельных благ, т.-е. в роли тех норм, по которым данные блага будут распределяться, т.-е. каждый субъект взамен a единиц одного блага может получить b единиц другого блага и т. д. Вопрос об относительном максимуме полезности, следовательно, здесь отпадает.

Введем усложняющее обстоятельство. Предположим, что известна величина не только общего запаса, но и величина индивидуальных запасов. Следовательно, нам известно фактическое распределение данных запасов между отдельными субъектами, но не известны цены этих запасов и, следовательно, не известна величина доходов отдельных субъектов. Иными словами, предположим наличие тех условий, которые Вальрас считает достаточными для определения цен товаров. И в этом случае, как и в предыдущем, мы имеем дело не с обменом, а с организованным распределением. Изменяются лишь принципы распределения продуктов. В первом случае, очевидно, предполагается уравнительный принцип распределения; во всяком случае, субъекты находятся в одинаковом положении и никто не пользуется особыми преимуществами. Во втором случае распределение происходит пропорционально имеющимся у отдельных субъектов запасам благ. Следовательно, учитываются индивидуальные различия, и данное распределение предполагает неравенство отдельных субъектов. Но основа распределения остается неизменной. И в первом, и во втором случае происходит *организованное* распределение продуктов по определенным установленным нормам. Решающее значение имеет то обстоятельство, что в первом и во втором случае нам известны лишь кривые полезности. Из кривых полезностей, как мы видели, нельзя вывести кривых спроса. Абсолютные потребности выступают в роли фактора, непосредственно регулирующего производство и распределение лишь в натуральном хозяйстве. Во всяком случае, данные о характере кривых полезности и запасов, находящихся во владении отдельных субъектов, как мы видели, совершенно недостаточны для определения цен.

Дуализм понимания максимума полезности у Вальраса дает основание для утверждения о дуализме теории цены Вальраса. С одной стороны, Вальрас выступает как последовательный сторонник теории спроса и предложения; с другой стороны, у него имеется тенденция (правда, в более слабой степени, чем у Госсена и Дживонса) рассматривать цены под углом зрения осуществления принципа максимума полезности; вторая теория, по существу, является отрицанием теории цены, ибо она предполагает замену товарного хозяйства организованным, т.-е. таким хозяйством, которое не знает цены. При

рассмотрении теории Вальраса мы убедились в том, что наш автор почти всюду игнорирует влияние платежеспособности на спрос. Правда, он рассматривает зависимость спроса от цены, но сама форма функциональной зависимости между спросом и ценой, по мнению Вальраса, зависит исключительно от потребностей субъектов, вступающих в обмен, и от распределения материальных запасов благ. Следовательно, влияние ценностного фактора (т.е. общей суммы ценностей, имеющейся у отдельных субъектов) Вальрас заменяет влиянием материальных факторов, т.е. величины существующих запасов.

Нужно отметить, что Вальрас в некоторых пунктах своей системы очень близко подходит к Лаунгардту.

Так, если мы обратимся к теории капитализации Вальраса, то мы убедимся, что максимуму полезности Вальрас дает совсем другое значение (см. ниже). Вальрас в теории капитализации рассматривает вопрос о наиболее рациональном распределении обществом имеющихся у него капиталов между отдельными производственными сферами. Товарное общество рассматривается, как единая хозяйственная организация, действующая по определенному плану и пытающаяся осуществить наиболее рациональное, с точки зрения возможностей и потребностей общества, производство. Товарное общество, таким образом, подменяется организованным обществом. Принцип максимума полезности превращается в принцип действия этого организованного хозяйства. В связи с этим вопрос о ценах теряет всякое значение. Принцип максимума полезности получает абсолютный характер. Парето поставил точку над и, когда он попытался математическим путем доказать, что коэффициенты производства в товарно-капиталистическом обществе такие же, как и в социалистическом. Теория Вальраса стоит перед дилеммой: А) признать ту предпосылку, которая выражена в уравнениях И. Фишера, т.е. что величина доходов должна быть величиной известной и определенной. В связи с этой предпосылкой необходимо допустить, что величина цен определяется 3 факторами (при условии неизменности запасов)—величиной запасов благ, величиной доходов отдельных субъектов и характером индивидуальных кривых полезностей. Иными словами, необходимо допустить, что общие законы изменения цен (или общие законы изменения спроса и предложения) зависят, в свою очередь, от существующих цен. Тем самым отпадает кажущаяся последовательность, которая характеризует теорию цен Вальраса. В этом случае необходимо допустить существование относительного максимума полезности. Наиболее отчетливо такое понимание факторов, определяющих уровень цен, выражено у Вальраса в его теореме об эквивалентном распределении¹. Если принять такое толкование теории Вальраса, то мы получаем теорию спроса и предложения. Особенности этой теории заключаются лишь в том, что: а) она четко формулирует основное условие— неизменность запасов благ и б) она пытается определить величину

¹ „Théorème des repartitions équivalents“.

спроса на основании 2-го закона Госсена или В) отбросить эту предпосылку, т.-е. признать наличие всего лишь двух факторов, воздействующих на цены. Величина цены остается неопределенной, ибо неизвестен характер спроса и его величина. Для того, чтобы определить цены, необходимо добавочное условие, напр., предположение о наличии абсолютного максимума полезности. Последний, как мы видели, предполагает существование организованного хозяйства и замену обмена организованным распределением. Понятие максимума полезности получает совсем другое значение. Теория цен покупает себе логическую последовательность, но очень дорогой ценой отказа от фактической теории цен. Теория цен кончает самоубийством. На этой базе возникает апология товарно-капиталистического общества, которая наиболее яркое выражение нашла себе в теории капитализации Вальраса и в теории Парето.

Таким образом, экономическая система Вальраса состоит из 2 теорий цен. Основной теорией цен, несомненно, остается теория спроса и предложения. Все математические формулы Вальраса ставят своей основной задачей дать методы исчисления цен и величин спроса. Этот первый элемент учения Вальраса можно было бы назвать базисом его системы. Вторая теория цен—или теория абсолютного максимума, которая в теории обмена Вальраса существует в неявной форме и выступает отчетливо лишь в теории капитализации,—играет лишь роль надстройки или, вернее, орнамента. Эта теория должна придать всей системе Вальраса видимость логической последовательности и полной законченности.

Может встать следующий вопрос—как возможно наличие таких диаметрально противоположных элементов в системе нашего экономиста? Ведь одновременное признание обоих элементов есть одновременное признание и отрицание товарного хозяйства. Различие между этими элементами столь же велико, как между натуральным и товарным хозяйством. По существу этот вопрос может быть поставлен по отношению ко всей математической школе. В учении экономистов-математиков имеется следующее глубокое противоречие: с одной стороны, основным постулатом их теории является 2-й закон Госсена, предполагающий зависимость индивидуальных оценок и действий от рыночных цен. 2-й закон Госсена констатирует, следовательно, существование товарного хозяйства. Этот закон предполагает наличие устойчивых цен, т.-е. существование развитого обмена. С другой стороны, в учении экономистов-математиков крупную роль играет принцип максимума полезности, притом не только в относительном, но и в абсолютном смысле. На почве этого принципа максимума полезности возникает у целого ряда экономистов-математиков тенденция замены товарного хозяйства организованным хозяйством. Следовательно, не только в теории Вальраса скрещиваются между собой полярно противоположные формации—развитое товарное хозяйство и натуральное.

Разгадку этого кардинального противоречия нужно искать в особенностях современного экономического субъективизма. В основе

всех субъективных теорий лежит теория спроса и предложения, как теория, объясняющая законы изменения монопольных цен. Но экономический субъективизм не исчерпывается одним признанием теории спроса и предложения. Современный субъективизм представляет из себя, в отличие от старых теорий, попытку преодолеть теорию спроса и предложения, попытку изжить ту непоследовательность и незаконченность, которая органически связана со всякой теорией спроса и предложения.

У австрийцев теория предельной полезности может быть понята лишь на базе теорий спроса. Но основная задача австрийцев заключается в том, чтобы элиминировать всякое влияние цен на субъективные оценки. На этой почве возникает следующее глубокое противоречие, которое красной нитью проходит через всю систему австрийцев,—высота цен выводится из субъективных оценок, которые определяются по принципу натурального хозяйства, т.-е. по принципу хозяйственной системы, которая предполагает отсутствие цен. Спрос объясняется таким способом, который приводит к отрицанию спроса. Все попытки австрийцев создать строго последовательную психологическую теорию представляют из себя попытки элиминировать зависимость спроса и предложения от цен, т.-е. элиминировать возможность заколдованных кругов в теории цен.

Это же противоречие и эти методы преодоления данного противоречия лишь в новой форме выступают у математиков. Принцип абсолютного максимума полезности есть руководящий принцип той хозяйственной организации, в которой субъективные оценки определяются полезностью. Следовательно, этот принцип представляет ту же попытку придать теории большую законченность и последовательность. Но здесь имеется существеннейшее отличие. У австрийцев элементы орнаментирования теории в виде учения о полезности и потребительной ценности настолько тесно переплетаются с базисом теории, что возникает впечатление об их доминирующей роли. У математиков же элементы орнаментирования—в виде принципа максимума полезности—играют очень незначительную роль. Вспомогательная роль этого принципа становится очевидной и для поверхностного наблюдения. Дальнейшая эволюция психологической школы идет в сторону полного аннулирования примата психологических моментов. Вместо теоретической орнаментировки, т.-е. вместо попыток создания кажущихся стройных теоретических построений, у математиков мы встречаем другой тип орнаментировки. Последний заключается в отказе от каузального анализа, в попытке ограничиться функциональным последованием. Все внимание экономиста устремляется в сторону составления математических формул, выражающих количественные зависимости между отдельными величинами. Примат математического метода, как ни странно, выражает тенденцию усиливающегося декаданса буржуазной теоретической экономики.

Теория обмена Вальраса, таким образом, представляет из себя математически оформленную и психологически углубленную теорию спроса и предложения. Основной предпосылкой является положение

о неизменном запасе данных товаров. Поэтому цена определяется на основании пересечения кривых спроса и предложения. Особенности теории цены Вальраса состоят в том, что: а) он пытается определить законы изменения спроса на основании 2-го закона Госсена; б) обмен рассматривает, как обмен излишками, и предполагает потребительский подход у продавца; в) свою формулу цены Вальрас пытается распространить на случай изолированного и безденежного обмена и г) Вальрас пытается найти такие конечные основания цены, которые от цены не зависят (индивидуальные потребности и индивидуальные запасы). При решении последнего вопроса Вальрас, пытаясь дедуцировать функции спроса из функций полезности, пошел по линии сближения товарного хозяйства с примитивным меновым и натуральным. Это сближение отразилось на дуалистическом понимании теории максимума полезности, что дает основания утверждать о наличии известного дуализма в теории Вальраса.

И. Блюмин.

(Окончание следует).

КАНТИЛЬОН И ЕГО МЕСТО В ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА

(К истории «Экономической таблицы» Кенэ)

Ричард Кантильон, талантливый предшественник физиократов и классиков, был «вновь открыт» для буржуазной политической экономии лишь в конце XIX века Стенли Джевансом. Его статья в «Contemporary Review» (январь 1881 г.)¹, по свидетельству Ш. Жида, является первой о Кантильоне после более чем столетнего молчания².

Джеванс воспользовался своей находкой в патриотических целях, чтобы доказать первенство Англии в политической экономии. Открытие Джеванса подхватили и другие экономисты: в результате было опубликовано несколько очерков и статей о Кантильоне. Имя Кантильона теперь нетрудно встретить в любом обзоре по истории экономической мысли или экономическом словаре. Однако еще до наступления «моды» на Кантильона, в период, когда имя этого автора было окутано полным забвением, на него обратил внимание Маркс.

В главе 19 I тома «Капитала» Маркс, цитируя Кантильона (приводится взгляд Кантильона на почасную заработную плату, как модифицированную форму повременной платы), следующим образом отзывается о его труде «*Essay sur le commerce*»: «приходится, повидимому, признать более, чем простой выдумкой, обычной для того времени, фразу в заглавии английского издания³, гласящую, что работа эта «taken chiefly from the Manuscript of a very ingenious Gentleman deceased and adapted etc» («заимствована, главным образом, из рукописи одного высокоодаренного джентльмена, ныне умершего, и т. д.»). Здесь же Маркс отметил, что у Кантильона «*обильно заимствовали Кенэ, сэр Джемс Стюарт и А. Смит...*» («Капитал», т. I, стр. 537. Гиз. 1923. Курсив мой. А. З.).

И действительно, в сочинении Кантильона можно совершенно отчетливо различить, зачатки целого ряда позднейших теорий.

Мы ограничим свою задачу лишь анализом идеи *кругооборота и воспроизводства* у Кантильона, т.-е. как раз той части его труда, которая меньше других была предметом анализа и о которой в известной нам литературе упоминается лишь мимоходом. Целью настоящего

¹ „R. Cantillon and the Nationality of political Economy“ (Contemp. Review, Janw. 1881).

² Ch. Gide et Ch. Rist: „Histoire des doctrines économiques“. Paris, 1922, p. 53, note.

³ Маркс говорит об английской переработке сочинения Кантильона, которое впервые появилось на французском языке.

очерка является выяснить роль Кантильона в теории воспроизводства, или, другими словами, указать его влияние на Кенэ в создании им «Экономической таблицы».

Связь Кантильона с физиократами отмечали многие из писавших о нем. Однако, при известном единодушии в этом вопросе, мы, как правило, имеем лишь самые общие и неопределенные указания в интересующей нас части вопроса—о роли Кантильона в изображении схемы воспроизводства. Так, например, Стенли Джевонс в своей вышеупомянутой статье о Кантильоне, устанавливая предвосхищение им целого ряда позднейших теорий¹, в интересующем нас вопросе ограничивается кратким указанием на общее Кантильону и Кенэ представление о том, что «земля—источник богатства» и что «все классы существуют за счет землевладельцев» (op. cit., p. 71). Не говоря о том, что второе из упомянутых положений в приведенной форме чуждо Кенэ (поскольку он, в противоположность Кантильону, не причислял землевладельцев к производительному классу), мы здесь имеем слишком общее указание, которое очень мало содействует действительному уяснению связи между обоими упомянутыми авторами. Таким же общим указанием относительно физиократического характера воззрений Кантильона ограничивается Стефан Бауэр².

Также и Н. Higgs, один из авторов, наиболее тщательно изучавших Кантильона, отметил лишь то, что Кантильон предвосхитил Кенэ указанием на «зависимость города от деревни»; при этом Higgs не вдается в более подробный анализ движения общественного продукта и его воспроизводства в изображении Кантильона³.

То же можно сказать и об обширном исследовании о Кантильоне Legrand'a⁴, не говоря уже о мелких заметках об этом авторе, разбросанных в учебниках по истории экономических учений. Насколько подробно и, как нам кажется, даже преувеличенно представлена связь Мирабо с Кантильоном⁵, настолько же смутны указания о связи

¹ Джевонс доказывает, что Кантильон дал весьма совершенную теорию ценности и цены; предвосхитил теорию народонаселения Мальтуса, дал блестящую теорию вексельных курсов, заключающую в себе все основные положения Гюшена, дал острую критику биметаллизма и пр. и пр.

² См. его „Zur Entstehung d. Physiokratismus“. Conrads Jahrbücher, XXI B. 1891, а также небольшую заметку „Studies on the Origin of the French Economists“ в „Quarterly Journal of Economics“, vol. V, October 1890.

³ См. Higgs. „Richard Cantillon“ в Economic Journal, VI, 1891. Первая часть статьи посвящена установлению связи Кантильона и Мирабо на основе собственных признаний Мирабо в „Ami des Hommes“ и некоторых неопубликованных писем. Значительная часть статьи посвящена биографии Кантильона и генеалогии этой семьи.

⁴ См. R. Legrand—„Richard Cantillon“. Paris. 1901.

⁵ Этому вопросу посвящены упомянутая статья Джевонса—первая о Кантильоне; вся литературно-историческая часть статьи Higgs'a (Economic Journal, 1891), статья Бауэра в „Harvard Quarterly Journal of Economics“, October 1890, который нашел рукопись Кантильона в архиве Мирабо в Парижском Национальном архиве. Укажем также сочинение Legrand'a „Rich. Cantillon“. Плагиат Мирабо у Кантильона—вот преимущественный уклон большинства исследований об этом авторе и это несмотря на то, что в тексте «Ami des Hommes» сам Мирабо неоднократно ссылается на Кантильона и признает его влияние.

последнего с Кенэ. Нас в данном случае, как уже отмечено, интересует общность их воззрений в одном определенном пункте, а именно в анализе процесса воспроизводства. Обратимся к его изображению у Кантильона.

1

Исследование Кантильона открывается следующим заявлением¹.

«Земля—источник и материал, из которого извлекаются богатства» (стр. 1) ... «труд человека придает ему форму»; «Богатство— не что иное, как пища, блага и удобства жизни» (стр. 2).

Анализу процесса кругооборота и воспроизводства у Кантильона посвящены преимущественно главы III—VI и XII I части «*Essay sur la nature du Commerce*» и III глава II части этой работы.

Целью его анализа являлось схематически представить баланс взаимных требований между городом и деревней², Кантильон рассматривает обращение и воспроизводство годовичного продукта земледельческой нации. В полном согласии с будущей «Экономической таблицей» он устанавливает исходный момент и направление движения общественного продукта.

«Все продукты государства, — пишет он, — прямо или косвенно выходят из рук фермеров, точно так же, как все материалы, из которых изготовляются товары» (стр. 162).

В другом месте «*Essay*» мы по этому же поводу находим следующее замечание.

«... —Если (мы будем) рассматривать (*examiner*) те средства, на которые существуют жители, (мы) всегда найдем, доходя до их источников, что они происходят из фонда землевладельца» (стр. 58).

При изображении процесса обращения общественного продукта, Кантильон сознательно абстрагируется от меновых связей с другими государствами (стр. 58—59, 76); он различает только *три* основных группы общественного дохода, соответственно устанавливая 3 первоначальные раздела земледельческого продукта, которые являются главными источниками и исходными пунктами, от которых начинается дальнейшее движение общественного продукта. Он различает «три ренты фермера, как главные источники и первый двигатель обращения в государстве» («*Il faut donc considerer les trois rentes du Fermier comme les principales sources ou pour ainsi dire, le premier mobile de la circulation dans l'Etat*» 162). (При этом под совокупной рентой Кантильон понимает весь урожай последнего года).

Эти три ренты, к моменту реализации урожая находящиеся в руках фермера, распределяются затем следующим образом:

¹ „*Essay sur la nature du Commerce en general*“, traduit de l'Anglais. 1755.

² Именно такую формулировку мы находим у самого Кантильона, который пишет: «*Je suppose que la balance, ou la dette qui revient continuellement de la campagne à la Ville est égale à la moitié du produit des terres. et que cette balance se paye dans la Ville par la moitié des denrées de la campagne*» и т. д. (р. 197—198). Принятые автором пропорции основаны на предположении, что все население поровну распределяется между городом и деревней, о чем см. ниже.

1-я—идет землевладельцу; 2-я—употребляется фермером на содержание себя, прислуги и лошадей; 3-я—составляет прибыль фермера, вкладываемую им в свое предприятие (стр. 159—160).

«Это является общепризнанным в Англии, что фермер должен произвести три ренты: первую, главную и настоящую ренту, которую он уплачивает землевладельцу и которая по ценности предполагается равной одной трети продукта фермы; вторую ренту—для содержания себя, а также содержания людей и лошадей, которыми он пользуется, чтобы обрабатывать ферму, и, наконец, третью ренту, которая должна у него остаться, чтобы сделать прибыльным его предприятие» (стр. 159—160, II часть, гл. III).

Как устанавливает Кантильон, первая рента не должна превышать $\frac{1}{3}$ дохода земли, чем, по мнению автора, гарантируется ее дальнейшее регулярное внесение.

Он указывает, что установление помещиком более высокой ренты отразилось бы губительно на состоянии фермы и с осуждением отзывается о подобного рода попытках¹.

Вторая тоже составляет $\frac{1}{3}$ всего годовичного земледельческого продукта и распределяется поровну между городскими и деревенскими «ремесленниками» (artisans²).

Кантильон пишет:

«Фермер, который имеет $\frac{2}{3}$ или $\frac{4}{8}$ продукта земли, отдает из него прямо или косвенно $\frac{1}{6}$ обитателям города, в обмен на товары» (стр. 57).

Остаток второй ренты идет на издержки по ферме и распределяется между деревенским классом, как следует из вышеприведенного замечания (стр. 159—160).

Третья рента остается в руках фермера и вкладывается им в предприятие для того, чтобы обеспечить его прибыльность (см. приведенное выше).

Какое движение совершает 1-я рента из рук землевладельца? Согласно предположению Кантильона, она целиком расходуется землевладельцем в городе для личного потребления и распределяется между городскими предпринимателями и ремесленниками. К ним же попадает $\frac{1}{2}$ второй ренты фермера в уплату за городские изделия, потребляемые на ферме.

Такие пропорции распределения земледельческого продукта обеспечивают равновесие общественных доходов и производства, так как, согласно предположению Кантильона, все население государства поровну распределяется между городом и деревней, в связи с чем и общественные доходы должны распределяться в той же пропорции. Таким образом городское население, которое составляет половину

¹ „Многие землевладельцы во всех государствах стараются сдавать свои земли по самой высокой цене, как только возможно. Но когда это совершается (по цене свыше $\frac{1}{3}$ продукта), фермеры обычно бывают очень бедны“ (стр. 160).

² Характерно, что в сочинении Кантильона термины „artisans“ и „ouvriers“ часто употребляются, как синонимы. Он объединяет эту группу, противопоставляя ее предпринимателям в городе и фермерам в деревне.

всего населения, получает половину всего сельскохозяйственного продукта¹.

Эти расчеты, как указывает сам автор, имеют лишь предположительный характер. Кантильон замечает, что он не имел вовсе целью точно представить, в каких пропорциях в действительности распределяется сельскохозяйственный продукт.

Таким образом приведенные расчеты интересны лишь, как попытка 1) схематизировать движение общественного продукта и 2) изобразить условия равновесия общественного производства, как одно из условий воспроизводства.

По поводу своих расчетов он сам пишет: «Ce calcul n'est que pour donner une idée generale de la proportion» (стр. 58) («Эти расчеты имеют только целью представить общую идею равновесия»).

Далее Кантильон дает схематическое изображение основных этапов движения общественного продукта. С этой целью он устанавливает 4 основных группы населения, между которыми распределяется сельскохозяйственный продукт.

Эти 4 группы суть: землевладельцы; фермеры; городские предприниматели и ремесленники; деревенские ремесленники (земледельческие рабочие).

Кантильон, подобно Кенэ, интересуется обращением продукта между отдельными общественными классами, но не следит за дальнейшим движением долей общественного продукта внутри отдельных классов (например, внутри городского населения), ограничиваясь указанием, что оно происходит на основе взаимного обмена².

Известное отчисление Кантильон предусматривает на содержание «малопользных профессий» (professions qui ne sont pas necessaires), к которым Кантильон причисляет танцоров, артистов, художников, музыкантов и т. п. (стр. 61)³.

¹ «Обычно предполагается, что половина населения государства живет в городе, а другая половина в деревне: в таком случае, фермер, который имеет $\frac{4}{6}$ продукта фермы, дает прямо или косвенно шестую часть из него жителям города в обмен на товары, которые он оттуда извлекает; эта часть вместе с $\frac{1}{3}$ или двумя шестыми, которые землевладелец затрачивает в городе, составляет три шестых или половину продукта земли» (стр. 56—57).

² Все предприниматели взаимно становятся потребителями и покупателями друг друга: суконщики—виноторговцев, последние—суконщиков и т. д.

³ Возможность существования «малопользных» и «ненужных» групп населения Кантильон более подробно обосновывает в главе о народонаселении, где мы встречаем очень любопытные рассуждения о распределении. Он считает, что при существующей производительности земли и труда работа 25 человек доставляет достаточно для 100 человек. Поэтому 75 человек из 100, если они не имеют возможности посвятить себя труду, полезному для государства, могут заняться просто каким-нибудь ненужным, но приятным трудом, как, например, обслуживать игры, развлечения, украшать здания проч. В то же время слишком много бесполезного населения государство не в состоянии содержать.

В связи с этим интересно следующее обобщение Кантильона: «Те государства, которые приняли протестантизм и упразднили монастыри и нищих, с тех пор стали богаче. Они имеют еще то преимущество, что упразднили много праздничных дней, которые уменьшают работу рации» (стр. 125).

Изображая движение земледельческого продукта, автор абстрагируется от тех групп населения, которые не участвуют в его распределении.

Так, например, он исключает из своей схемы купцов, занимающихся иностранной торговлей и живущих «за счет (aux depens) иностранных землевладельцев» (стр. 58—59).

Допуская это, он прибегает к следующему оправданию, в котором обнаруживается вполне сознательное применение абстрактного метода:

«Правда, что в больших городах существует много предпринимателей, которые живут иностранной торговлей и, следовательно, за счет иностранных землевладельцев. Но я до сих пор рассматривал государство только с точки зрения его собственного продукта и собственной промышленности, чтобы не загромождать мою тему случайными обстоятельствами» (стр. 59).

Существенным достоинством схемы Кантильона является то, что здесь уже отмечена *необходимость возобновления капитала, как исходный момент воспроизводства.*

Как мы указывали выше, 2-я рента фермера идет на издержки (frais) по ферме (стр. 56). Однако затраты фермера, согласно Кантильону, не исчерпываются целиком заработной платой

В III и XII главах 2-й части его труда даются более определенные указания насчет того, что ренты фермера расходуются не только на заработную плату, но и на инвентарь.

Кантильон перечисляет городские продукты, необходимые фермеру. На ряду с предметами *лично* потребления (соль, сахар, сукно и пр.), мы здесь встречаем ряд материалов, как железо, медь, олово, которые могут идти на *производительное потребление.*

Наконец, «третья рента», по предположению Кантильона, употребляется фермером целиком на то, «чтобы сделать прибыльным свое предприятие» («pour faire profiter son entreprise» (стр. 160). В противоположность второй ренте, которая, как подчеркивает Кантильон, идет на возмещение издержек (frais) по ферме, третья рента, по видимому, идет на *увеличение основного капитала*, чем обеспечивается повышение рентабельности фермы. К сожалению, более подробных указаний на счет отдельных видов затрат по ферме мы не находим у Кантильона.

Далее автор пытается установить, какие из видов общественного дохода принимают денежную форму. К таковым он относит целиком 1-ю ренту, *выплачиваемую землевладельцу.*

2-я и 3-я ренты только частично обращаются в денежной форме.

По предположению Кантильона, денежную форму принимает только $\frac{1}{2}$ второй ренты фермера (т.-е. $\frac{1}{4}$ всей доли фермера), затрачиваемая на изделия городских классов.

Та часть 2-й ренты фермера, которая идет «на пищу и напитки» обитателей деревни, может обращаться в натуральной форме (рис. 163). Кантильон пишет: «Фермер может варить пиво или готовить вино, не затрачивая на это наличных денег. Он может сам готовить хлеб, резать быков, баранов и свиней и т. п., что едят

в деревне; он может оплачивать хлебом, мясом и напитками большинство своих рабочих..., оценивая свои продукты по ценам ближайшего рынка, а труд—по обычным ценам данной местности» (стр. 163).

Таким образом значительная часть земледельческого продукта (из 2-й ренты фермера) распределяется *путем безденежного обмена между производителями группами.*

Своей попыткой установить, какие доли общественного продукта обращаются в денежной форме, Кантильон имел в виду еще более детально выяснить условия для *беспрепятственного развития обращения*, что, как мы увидим далее, служит залогом нормального воспроизводства.

Равновесие общественных доходов и налаженный механизм обращения (пропорциональность количества денег в обращении с размерами установленных частей общественного продукта)—таковы основные условия для беспрепятственного завершения кругооборота и возобновления производства в следующем году.

Кантильон пытался изобразить схему этого равновесия путем установления нормальных пропорций между отдельными видами общественных доходов, с одной стороны, и между долями общественного продукта, находящимися в денежной и товарной формах, с другой стороны.

Нарушение принятых нормальных пропорций, как неоднократно замечает Кантильон, может вызвать заминку в обращении общественных продуктов, а тем самым в их воспроизводстве, поскольку в таком случае фермеру не будет обеспечен обратный приток средств от городских классов для возобновления производства в следующем году.

Так, например, если бы земельная рента, выплачиваемая землевладельцу, превышала $\frac{1}{8}$ продуктов земли, то это, как указывает Кантильон, создало бы неуверенность для землевладельца в получении ренты в будущем году (стр. 160—161), поскольку (как можно судить на основании уже приведенных расчетов Кантильона) это повышение должно произойти за счет сокращения издержек по ферме или прибыли фермера. Это вызвало бы уменьшение урожая, в связи с чем городские классы были бы лишены возможности полностью обратить свои доходы на покупку сельскохозяйственных продуктов у фермера и тем обеспечить ему обратный приток средств для возобновления производства нового года.

Точно так же, заминка в обращении, со всеми вытекающими последствиями, может быть вызвана недостатком денег, количество которых в обращении должно соответствовать размерам требований деревни к городу—с одной стороны, и обратным требованиям города к деревне—с другой, т.-е. составлять $\frac{1}{2}$ стоимости урожая. Другая половина земледельческого продукта данного года, как указывалось выше, может потребляться в деревне без посредства денег (стр. 165).

Кантильон следующим образом представляет движение денежной массы, обслуживающей обращение:

«Циркуляция этих денег (т.-е. ренты землевладельца + $\frac{1}{2}$ второй ренты фермера. А. Д.) состоит в том, что землевладельцы тратят мелкими суммами в городе те ренты, которые им выплатили фермеры

в крупных суммах, и в том, что городские предприниматели, как мясники, булочники, пивовары и др., собирают постепенно эти самые деньги, чтобы купить у фермеров на крупные суммы быков, хлеб, пшеницу и пр.» (стр. 165—166).

...«Итак, все крупные суммы денег распадаются на мелкие суммы, и все мелкие суммы собираются вновь для производства крупных платежей фермерам прямо или косвенно» (стр. 166).

В другом месте Кантильон следующим образом изображает развитие кругооборота:

«Предположим, что землевладелец живет в городе и что фермер продает в том же городе все свои товары и там покупает все товары, необходимые для потребления деревни,—наличные деньги (в этом случае) всегда могут оставаться в городе. Фермер там продаст товары, которые превышают половину продукта его фермы (напомним, что городское население потребляет именно половину всей продукции фермы. А. Э.); он уплатит в том же городе деньги от трети своей продукции своему землевладельцу; излишек он уплатит купцам и предпринимателям за товары, которые должны быть потреблены в деревне. В этом случае, однако, в виду того, что фермер продает свои продукты крупными партиями, и эти большие суммы должны быть затем распределены на мелкие и снова быть собранными для того, чтобы служить для крупных платежей фермеров,—обращение будет иметь тот же эффект, как если бы фермер увез свои деньги в деревню, чтобы затем снова послать в город.

Обращение всегда состоит в том, что крупные суммы, которые фермер извлекает за продажу своих продуктов, распределяются на мелкие и потом снова собираются для совершения крупных платежей» (стр. 180—181)¹.

Этот обратный приток денег к фермерам в результате купли городскими классами сельскохозяйственных продуктов обеспечивает возможность нового кругооборота в следующем хозяйственном году, так как представляет собой именно ту часть ренты фермера в денежной форме, которая обслуживает обращение между городом и деревней.

С другой стороны—обратный приток этой части ренты к фермерам обеспечивает возможность воспроизводства, так как к началу нового хозяйственного периода фермер располагает нужными средствами для совершения издержек по ферме и для платежа ренты землевладельцу, оставляя свою прибыль (обеспеченную, как мы помним, вложением в производство третьей ренты) по примеру прошлого года на капитальные затраты.

¹ И в другом месте: „Все суммы, которые служат для совершения крупных платежей, непременно разделяются, распределяются и разбиваются (sont divisées, distribuées et repandues) в мелкие (en petit payement) в соответствии с жизненными потребностями рабочих, слуг и т. д.; все эти мелкие суммы, которые были употреблены на удовлетворение жизненных потребностей обитателей, с такой же необходимостью собираются и соединяются мелкими розничными торговцами (detailleur) для совершения крупных платежей, когда они будут покупать товар у фермеров“ (стр. 191—192).

Напомним основные этапы обращения общественного продукта.

Из 300 единиц всего земледельческого продукта фермер 100 вложил в предприятие (3-я рента); 100 передал землевладельцу, затрачивающему их в городе (откуда, как мы видим, они возвращаются к фермеру в уплату за сельскохозяйственные продукты), и 100 затратил на издержки по ферме, поровну израсходовав их в денежной форме в городе и в натуральной форме в деревне. Часть денег, затраченная фермером в городе ($\frac{1}{2}$ второй его ренты), возвращается ему городскими классами в уплату за сельскохозяйственные продукты точно так же, как и вся 1-я рента, затраченная в городе землевладельцем.

Таким образом, к моменту реализации нового урожая каждая из означенных групп снова располагает своими средствами, и это позволяет возобновить тот же процесс в том же масштабе.

Как мы видели, Кантильон не рассматривает изолированно производство, потребление и обращение, но в его изображении они выступают, как *связанные между собой акты хозяйственного кругооборота*.

Большой заслугой Кантильона является то, что проблему о количестве денег, нужных в обращении (которая и до сих пор служит камнем преткновения теории денежного обращения), он пытался решить в связи с анализом общественного кругооборота и в соответствии с материальными ресурсами общества. При этом Кантильон учитывал также роль скорости обращения, как фактора, определяющего количество необходимых в обращении денег.

После установления того, какие части общественного продукта обращаются в денежной форме, Кантильон пытается также проследить и этот процесс. Он анализирует обращение суммы в 10.000 унций серебра. Методологические особенности построения схемы остаются прежними:

1) предполагается состояние равновесия общественного производства; 2) принимается, что доходы отдельных групп населения находятся в соответствующих пропорциях; 3) наконец, принимается,— и в этом существенная формальная особенность схемы Кантильона,— что все платежи деревни городу и города деревне совершаются только один раз в год («Supposons... que tous les payements qu'on fait de cet argent de la campagne à la ville et de la ville à la campagne se font une fois par l'an» (стр. 167).

Абстрагируясь вначале от «скорости обращения», Кантильон имел возможность представить свою схему кругооборота в наиболее простой форме таким образом, чтобы значение момента равновесия общественного производства не затемнялось привходящими обстоятельствами. Увеличение скорости обращения, как устанавливает Кантильон, позволяет обойтись с соответственно меньшей суммой наличных денег (стр. 168)

Таким образом, принимая, что все платежи совершаются два раза в год, Кантильон считает возможным ограничиться 5.000 унций (стр. 167—168).

Предполагая, что платежи совершаются по кварталам, Кантильон устанавливает еще меньшую сумму, потребную для обращения. Учтявая при этом то обстоятельство, что обращение денег, которые идут на удовлетворение потребностей в пище, напитках и пр., совершается ежедневно (стр. 170), что расходы на уголь, на одежду и на прочие жизненные потребности обуславливают более скорое обращение, Кантильон указывает, что при системе расчетов по кварталам сумма денег в обращении, равная $\frac{1}{4}$ ценности общественного продукта, оказалась бы даже избыточной.

Интересна заключительная формулировка Кантильона по вопросу о количестве денег, нужных в обращении. Она гласит:

«Количество наличных денег, нужное в обращении, не есть что-то непонятное... Это количество может быть больше или меньше в зависимости от всего хозяйственного уклада и от скорости производства платежей» (стр. 171).

Кантильон не настаивает вовсе на том, что полученные им цифровые данные точно соответствуют действительности. Сущность его задачи, как указывает сам автор, заключалась в установлении тех *исходных принципов*, на основе которых возможно решение данного вопроса.

Установленные им принципы решения проблемы о количестве денег, нужных в обращении, и до сих пор сохранили свою значимость.

Итак, можно считать, что *Кантильону принадлежит одна из ранних попыток связать проблему количества денег в обращении с общим анализом кругооборота общественного продукта*, с распределением производительных сил и производительными ресурсами страны. Дежное обращение изображается в его схеме, как всецело обусловленное обращением товаров и их воспроизводством, т.-е. процессом обращения капитала. Это составляет особую заслугу Кантильона, если вспомнить, что Кантильон был современником Джона Ло и жил в тот период, когда мечта об искусственном создании богатства при помощи выпусков денег одурманивала сознание общества.

По Кантильону, как мы видели, деньги служат для посредничества в обмене, и количество их зависит: 1) от общих размеров производства в стране; 2) от того или иного соотношения между отраслями производства в городе и в деревне и 3) от скорости обращения.

Таким образом, по Кантильону, производство имеет исторический приус. Такую же позицию в решении данного вопроса усвоили впоследствии все критики количественной теории денег. Таковы же исходные принципы решения вопроса о количестве денег в обращении, выдвинутые Марксом.

В «Zur Kritik» в главе II в разделе *в* (оборот денег) читаем следующее:

«При определении цен самих товаров ценность того количества золота, которое служит единицей меры, предполагается данной. При этом условии количество золота, необходимое для обращения, определяется прежде всего общей суммой цен товаров, которые должны быть реализованы» (стр. 93).

«Внешний и формальный характер простого денежного обращения проявляется собственно в том, что *все моменты, определяющие количество орудий обращения, как масса обращающихся товаров, цены, повышение и падение их, количество одновременных актов покупки и продажи, быстрота оборота денег,*—зависят от процесса метаморфоз в товарном мире; а этот процесс зависит, в свою очередь, *от общего характера производства, от населенности, отношений между деревней и городом* (курсив мой. А. Э.), от развития средств перевозки и сообщения, от большего или меньшего разделения труда, от кредита и т. д.,—словом, от условий, которые все находятся *вне сферы простого денежного обращения и которые в ней только отражаются*» (стр. 95, рус. пер. 1907. Изд. «Шиповник»).

II

Схема кругооборота общественного продукта у Кантильона, как уже упоминалось, представляет собой попытку изобразить баланс взаимных требований между городом и деревней—цель, которой впоследствии задался и Кенэ. Подобная попытка, являясь реакцией против крайностей политики покровительства промышленности, могла естественно возникнуть в тот период, когда писал Кантильон. Искусственно насаждаемая промышленность еще себя «не оправдывала» в глазах деревенского населения. Это становится тем более понятным, если вспомнить, что время написания труда Кантильона совпадает с периодом сильного падения хлебных цен.

Наиболее низкими хлебными ценами отличался период 1715—1765 г. ¹. Изменение средних хлебных цен в этот период по сравнению с предыдущим характеризуется следующими данными:

1692—1715—средняя цена	45 sh.	8 d.	за квартал
1715—1765	„	„	34 „ 11 „ „ „

(Th. Tooke u. Newmarch. «Die Geschichte u. Bestimmung d. Preise». Dresden, 1862. B. I. S. 21).

Тук приводит свидетельства современников о низком уровне цен. Так, например, один лорд жаловался на то, что «в большинстве английских областей ренты землевладельца находятся в таком плачевном состоянии и им приходится нести такие тяжелые налоги, что те, которые не имеют никаких доходов от двора, с трудом могут прокормить свои семьи» (ib. S. 23, 27).

Одновременно с падением хлебных цен заработная плата в Англии повышалась (см. там же, стр. 29).

По Артуру Юнгу, как сообщает Тук, средняя цена за квартал пшеницы в течение периода 1701—1766 по сравнению со средней

¹ Последние годы XVII в. и первые 15 лет XVIII в. Тук определяет, как период неурожая и дороговизны. Этот период дал 11 неурожайных лет. 50-летний же период 1715—1760 дал всего 5 относительно неурожайных лет (1727, 1728, 1740 и 1756). Th. Tooke u. Newmarch:—«Geschichte u. Bestimmung d. Preis». Dresden, 1862, B. I, S. 23.

ценой в XVII в. упала на 16%, а заработная плата за тот же период повысилась на 16% (там же, стр. 30). При этом нужно еще принять во внимание, что в течение первых 15 лет XVIII в. бывали частые неурожаи, и средняя хлебная цена стояла высоко¹.

Существующие «ножницы» цен между городом и деревней характеризуются следующими данными. Как сообщает Мальтус, в течение последних 40 лет XVII в. и первых 20 лет XVIII в. за дневную заработную плату можно было приобрести $\frac{1}{3}$ бушеля хлеба. В период от 1720—1750 цены на пшеницу еще более упали, а заработная плата повысилась настолько, что за дневной заработок можно было купить целый «пек» (2 реск = 1 Buschel), т.-е. $\frac{1}{3}$ бушеля хлеба², т.-е. около 20 литров зерна. (Цитируем по Туку, стр. 33).

Повышение покупательной способности естественно вызвало повышение потребления сельскохозяйственных продуктов городскими классами, о чем свидетельствуют сочинения современников.

Вполне возможно, что эти обстоятельства и послужили объективной базой для появления теории паразитизма города над деревней. Представление о том, что город существует за счет деревни, повидимому, имело широкое распространение в определенных кругах, прежде чем нашло свое теоретическое отражение в схеме Кантильона.

Не вдаваясь в более подробный анализ тех исторических условий, которые направили общественный интерес к означенной проблеме, остановимся на различии в постановке ее у Кантильона и Кенэ.

Принято считать, что Кантильон превзошел физиократов тем, что обнаружил зависимость всего населения от земледельческих классов.

Однако его учение в этом пункте нельзя всецело отождествить с соответствующим учением физиократов о «производительных» и «непроизводительных» классах, поскольку в понятие «производительные классы» Кантильон вкладывал совершенно иное содержание, чем Кенэ.

Мы знаем, что физиократы устанавливали «производительность» того или иного класса по признаку участия в создании чистого продукта (*produit net*), а вовсе не по признаку владения землей.

В таблице Кенэ производительным классом является класс фермеров и с.-хозяйственных рабочих. Класс собственников, не участвующий в создании (но лишь в распределении чистого продукта), не причисляется к разряду «производительных». Не то у Кантильона.

Вся схема кругооборота общественного продукта у Кантильона направлена к доказательству того, что «все звания и все

¹ Сравни. Herm. Levy.—„Entstehung u. Rückgang d. Landwirtschaftlichen Grossbetriebs in England“. Berlin 1904. S. 10—12; Arth. Jung.—„Political Arithmetic containing observations of the present state of great Britain etc“. London, 1774, ch. I, p. 29—35; A. Smith.—„Wealth of Nations“ Bk. I, ch. XI, pp. 170—172, 206 (Lond. Ed. Ward-Lock).

² Сушель = 36,36 литров = 1. 3860 четверика.

население государства существуют и богатеют за счет *землевладельцев*» (55, 61).¹

Это положение в разных вариантах повторяется на всем протяжении «Essay». Зависимость всех классов от землевладельцев Кантильон, повидимому (подобно тому, как впоследствии сделал Кенэ, несколько изменивший самый вывод), *пытался представить графически в „приложении“, к своему труду («Supplements»), на которое он неоднократно ссылается на всем протяжении «Essay».* Весьма возможно, что эти Supplements, в части, иллюстрирующей процесс кругооборота общественного продукта, имели сходство с «Экономической таблицей».

По дошедшим до нас сведениям, они погибли во время пожара в доме Кантильона. Ни Мирабо², ни Кенэ не имели их в своем распоряжении. Это не помешало Кенэ воспользоваться *самой идеей*— графически и математически изобразить зависимость всех классов от *земледельческих* классов.

Кантильон, в противоположность Кенэ, усиленно подчеркивает роль *землевладельцев* (propriétaires des terres) в качестве кормильцев всей нации. Почему землевладельцев, а не земледельцев? Как согласуется такое решение вопроса со столь отчетливым уяснением факта существования *прибавочного продукта* и фактом отчуждения его из рук его производителей? Решение этого вопроса следует искать в *классовой психологии автора.*

Существование земельной собственности Кантильон считал необходимой предпосылкой существования общества (стр. 2).

Поскольку справедливость существования земельной собственности не возбуждает у Кантильона никаких сомнений и даже, напротив того, считается одним из основных устоев общества, Кантильон считает, что именно земельные собственники являются истинными обладателями *земледельческих продуктов* и распределяют их между «бесплодными классами».

Все приведенное позволяет судить, что «независимость» и «*производительность*» Кантильон устанавливает по признаку *владения* землей (следовательно, и *земледельческими продуктами*), т.-е. ищет в сфере распределения³.

¹ Нет такого крупного сеньора, расходы которого на дом, хозяйство и слуг не поддерживали бы купцов и ремесленников всякого рода.

Так как ремесленники и предприниматели взаимно обслуживают друг друга, то не замечают, что содержание и тех и других (т.-е. купцов и ремесленников. А. Э.) падает в конечном счете на сеньоров и владельцев земель... Однако в дальнейшем будет показано, что все сословия и обитатели государства существуют за счет землевладельцев (стр. 18—19).

² См. «Ami des Hommes», где Мирабо сообщает об утрате «Supplements».

³ Почти такую же постановку вопроса мы находим у Кинга и Давенанта. Давенант приводит таблицу Грегори Кинга, озаглавленную «Scheme of the Income of the Several Families in England calculated for the Year 1686», в которой Кинг делит все население на два класса:

1) класс, умножающий богатство страны, — 2.675.720;

2) класс, уменьшающий богатство страны, — 2.825.500.

Первый «производительный» класс состоит из лордов, баронетов, рыцарей, есквайров, дворян, чиновников, купцов, занимающихся морской торговлей.

Характерно, что при анализе процесса кругооборота общественного продукта Кантильон и сам чувствует искусственность своей классификации производительных и непроизводительных классов, нередко нарушая категоричность своих первоначальных утверждений. Это обнаруживается, например, в главах «*Essay*» о возникновении сел, городов и столиц. В этой части своей работы Кантильон первоначально задался целью показать, что означенные территориальные объединения *живут за счет землевладельцев* («*que tous les ordres et habitants d'un Etat subsistent au depend des propriétaires des terres*») (р. 18—19).

Однако именно здесь мы встречаемся с целым рядом как бы логически вынужденных ограничений первоначального вывода, при чем Кантильон приближается к более правильной постановке вопроса.

Так, по поводу городов Кантильон пишет:

«Величина города естественно пропорциональна количеству землевладельцев, которые там живут, *или скорее продукту земли, которая им принадлежит*» (р. 20. Курсив мой. А.Э.).

В другом месте это отступление от *феодално-апологетической трактовки* производительных классов и приближение к будущему решению Кенэ еще более ясно. Так, в главе «*Des Bourgs*» он пишет:

«Величина торгового местечка естественно пропорциональна количеству *фермеров и рабочих*» (курсив мой. А.Э.), которые необходимы, чтобы обрабатывать земли, зависящие от них, и числу ремесленников и мелких торговцев».

Если сравнить это определение Кантильона с его определением фактора роста городов, то здесь выступает еще большее приближение к выводам Кенэ. Однако по всему видно, что Кантильон, при известной отчетливости постановки проблемы *прибавочного продукта*, в то же время не имел твердого критерия для разграничения производительных и непроизводительных классов. Он все время сбивается с одного признака на другой. Достаточно сравнить два приведенные определения. По всем видимостям, для обоих случаев была выработана вначале однообразная формулировка, которая самому автору не могла показаться безупречной и подвергалась изменению. «Необходимость» той или иной группы Кантильон не всегда устанавливает по признаку участия в производстве «чистого продукта». Нарушения этого «*principium divisionis*», которому, как мы видели, автор пытался вначале

«Непроизводительный» состоит из матросов, земледельческих и мануфактурных рабочих, солдат, нищих, бродяг.

Здесь, подобно тому, что мы видим у Кантильона, критерий «производительности» устанавливается не по признаку участия в производстве, а в области распределения.

Реакционность этой постановки выступает тем более разительно, что оба упомянутые автора прекрасно уясняли себе факт существования и отчуждения прибавочного продукта (цит. по «*Theorien üb. d. Mehrwert*» В. I. S. 292—293. Stuttgart, 1905). Отсталость этой точки зрения не находит никакого оправдания в тогдашней экономической обстановке, которая была уже достаточно зрелой, чтобы привести к зачаткам трудовой теории стоимости. Вспомним, что эти авторы были современниками Петти.

придать исключительное значение, имеет место не только в отношении класса собственников. В приведенном отрывке он выдвигает в качестве необходимых «также лавочников и торговцев, которые в других случаях фигурируют в качестве «бесплодных» (*stériles*).

Хотя Кантильон и пытался приблизиться к уяснению проблемы «производительного труда» (он устанавливает не всегда последовательно различие между «необходимыми» и «полезными» профессиями), но этот шаг, с одной стороны, не доведен до конца, а с другой— можно предполагать, что *правильный исследовательский инстинкт автора все время перебивался его апологетическими стремлениями*. И каковы бы ни были *действительные* выводы представленной автором схемы кругооборота, цель его состояла именно в том, чтобы доказать, что «все звания и все классы существуют на счет земли владельцев».

Итак, апология земельной собственности и сословная тенденциозность окрашивают все построение Кантильона, обуславливая в этом отношении резкое отличие его схемы от «Экономической таблицы». Как это ни покажется странным, Кантильон, обладающий таким здоровым теоретическим чутьем, в своем апологетическом увлечении был способен писать следующие нелепости для агитации в пользу благодетельных сеньоров:

«Если бы государь и землевладельцы закрыли свои земли и если бы они не хотели никому там предоставить работу, то очевидно, что не было бы ни пищи, ни одежды ни для кого из обитателей государства» (стр. 55—56).

Как ни странно, этому автору в 30-х годах XVIII в. не приходила мысль о том, что если бы не стало крупных землевладельцев, земля все же продолжала бы существовать.

Подобное выступление весьма характерно для *английского физиократизма* в противоположность французскому.

Мы знаем, что французские физиократы отражали идеологию капиталистов-фермеров. Антагонизм земледелия и денежного капитала в Англии имел другие социальные корни, знаменуя собой *торийскую реакцию* против экономической политики в период правления Георгов I и II и их знаменитого министра Вальполя, которого можно назвать английским Кольбером. Искусственно поддерживаемое этим министром господство вигов в парламенте, политика насаждения мануфактур и торговли, период низких хлебных цен— все это обуславливало собой недовольство землевладельцев.

Английские торы требовали переложения налогов на капитал и понижения " ". *Их идеологи выдвинули учение, что земля—источник всякого богатства* и что ее чрезмерное обложение— причина хозяйственного упадка¹.

Кантильон отражал идеологию возмущенных ториев, настойчиво проводя ту же мысль о зависимости всех классов от благодетельных сеньоров, которые являются истинными кормильцами всей нации.

¹ См. St. Bauer—„Zur Entstehung d. Physiocratismus“ (Conrads Jahrb. 1891, XI B); Macaulay—„Hist. of England“, vol IV; Lecky A.—„History of England in XVIII cent.“, v. I L: 1878, ch. II, p. 200, ch. III, p. 330.

В этом нелепом представлении о зависимости всего населения от землевладельцев сказывается внутреннее противоречие между тогдашним ростом промышленности и сохранившейся системой феодальных отношений.

Этим же сочетанием в экономической обстановке того времени феодализма и крепнущей городской промышленности определялась неизбежность тех поправок и послаблений, которые Кантильон, как мы видели, внес в свою реакционную формулу.

Более прогрессивная интерпретация положения Кантильона у Кенэ обуславливается новым соотношением общественных сил.

Реакционный характер экономических воззрений Кантильона не отметил никто из его новейших поклонников. Указывая на Кантильона, как на предшественника физиократов, эти авторы не упоминают о том коренном различии, которое существовало между этим реакционным защитником дворянских привилегий и школой Кенэ, которая выступила от имени «третьего сословия». Но какова бы ни была классовая сущность учения Кантильона, а отсюда и классовые симпатии автора, постановка им проблемы об обращении и воспроизводстве «чистого продукта» и попытка анализа баланса взаимных требований «производительных» и «бесплодных» классов, ставят его в ряды предшественников Кенэ.

III

После того, как мы познакомились со схемой обращения и воспроизводства общественного продукта у Кантильона, обратимся к сравнению в основных чертах его схемы с экономической таблицей Кенэ.

Подобно Кенэ, Кантильон ищет источник прибавочного продукта в сфере производства.

Так же, как впоследствии Кенэ, Кантильон рассматривает весь хозяйственный процесс в целом. Как было показано выше, Кантильон рассматривает производство и потребление не как изолированные самостоятельные акты, но как взаимно переплетающиеся экономические явления. Потребление соответственной доли сельскохозяйственного продукта городскими классами—необходимое условие производства в новом хозяйственном году, так как те предметы, которые городские классы (предприниматели и ремесленники) дают в обмен на сельскохозяйственные продукты, служат необходимым условием воспроизводства. С другой стороны—получаемый деревней от города эквивалент в денежной форме служит условием нормального обращения.

Одной из важнейших методологических особенностей обеих схем является предпосылка равновесия общественного производства, как одно из условий воспроизводства.

Исходным моментом кругооборота в обеих схемах служит урожай предыдущего года, который, выходя из рук фермеров, продельвает свое движение.

Основные этапы этого движения в обеих схемах совпадают, при чем оба автора интересуются обращением продукта *между классами*, а не в пределах данного класса.

Оба автора делят все население на «производительные» и «непроизводительные» классы. Однако внутри этого деления мы встречаемся с некоторыми различиями. Одинаково причисляя к «непроизводительным» классам торговцев и промышленников, Кантильон и Кенэ по-разному квалифицируют классы собственников и фермеров. У Кенэ «производительный» класс состоит из фермеров и сельскохозяйственных рабочих, класс же собственников занимает особое положение и не относится автором ни к одной из упомянутых групп. Такое же положение в схеме Кантильона занимает класс фермеров, который не относится автором ни к производительным, ни к бесплодным классам. В группу производительных классов у Кантильона попадают землевладельцы и государь. Подобное несоответствие классового деления общества в обеих схемах, как выше упоминалось, зависит, главным образом, от различия классовой идеологии обоих авторов и вовсе не может быть отнесено за счет методологических различий обеих классификаций. Правильно устанавливая источник прибавочного продукта в сфере производства, и Кантильон, и Кенэ, тем не менее, *оба не выдержали производственного признака* при классификации общества на производительные и непроизводительные классы.

Обратимся теперь к следующему существенному для обеих схем моменту.

Кенэ и Кантильон правильно устанавливают необходимость возмещения капитала в качестве условия воспроизводства.

В обеих схемах земледельческий продукт идет не только на удовлетворение необходимых потребностей общества, но и на восстановление фонда материального богатства—земледелия, чем обеспечивается возможность возсоздать в будущем году то же количество чистого продукта.

По сравнению с Кантильоном, Кенэ вводит лишь отчетливое различие между основным и оборотным капиталом, отграничивая «первоначальные авансы» (*avances primitives*) от «ежегодных авансов» (*avances annuelles*), для которых принимаются различные периоды оборота (для первых—десятилетний, для вторых—годовой). Подобной или соответствующей этому терминологии мы не встречаем в схеме Кантильона. Однако следует ли отсюда, что ему была абсолютно чужда мысль о подобном разграничении? Отнюдь нет,—поскольку и без помощи подобной терминологии Кантильон в своей схеме также различает *два основных вида затрат* на земледелие, в зависимости от того, *в какие элементы производительного капитала* они вошли.

Подобно Кенэ он различает в своей схеме две сферы приложения издержек в земледелии, заставляя фермера черпать их из двух различных частей ренты. Вспомним, что источником затрат на земледелие в схеме Кантильона служат *две ренты* фермера, при чем подчеркивается, что фермер приложения тех частей этих рент, которые

вкладываются в земледелие, различны (конечно, в пределах сельскохозяйственного производства). Собственно *самое разграничение 2-й и 3-й ренты фермера устанавливается Кантильоном в зависимости от различия сфер их приложения*. Половина второй ренты фермера идет на содержание скота, прокормление рабочих, семена и прочие ежегодные расходы и соответствует «*avances annuelles*» в схеме Кенэ.

На ряду с Этим, Кантильон, очевидно, учитывал необходимость капитальных затрат (постройки, орудие, скот), источником которых в его схеме служит третья рента, или прибыль фермера, вкладываемая им в производство, *чтобы сделать его прибыльным* (см. цитату на стр. 123).

Мысль о том, что 3-я рента вкладывается в предприятие для его прибыльности, и одновременно—*противопоставление этого расхода по ферме годичным издержкам (frais)* выступает в ряде мест «*Essay*». Так, например, в главе XII, ч. I, мы читаем:

«Фермеры обычно имеют $\frac{2}{3}$ продукта земли: одну треть—для издержек и содержания своих рабочих, другую—для прибыльности их предприятия» (стр. 56).

Вышеприведенное, однако, нельзя считать *достаточно определенным* указанием, на основе которого можно было бы с уверенностью судить о значении для фермера 3-й ренты. Об употреблении ее на капитальные издержки мы заключаем, в сущности, лишь по отдельным намекам автора,

Во всяком случае предположение, будто она идет на личное потребление фермера, противоречило бы установленной Кантильоном классификации, согласно которой расходы на личное содержание фермера черпаются им из 2-й ренты (р. 160) (см. вышеприведенную выдержку).

Несколько более определенные указания по поводу капитальных издержек по ферме мы находим в главе XV первой части, где Кантильон говорит о разведении скота, насаждении фруктовых деревьев, *о мелиорации лугов, проведении искусственного орошения*, как одном из типов затрат в сельском хозяйстве (стр. 86—87)¹.

¹ „Опыт показывает, что можно размножать деревья, растения и разные сорта овощей... что можно также размножать разных животных... Если разводить лошадей или стада быков и овец, их можно легко умножать до таких пределов, чтобы земля, которая для этого назначена, могла их поддерживать. Можно также осуществить мелиорацию лугов, которые служат для их прокормления, направив туда течение многочисленных мелких ручьев и родников, как в Милане“. (р. 86—87).

Наконец, в главе III, части II, мы также находим намек на то, что фермер должен обладать известным капиталом, чтобы вступить в арендный договор. После рассуждения о том, что рента землевладельца не должна превышать $\frac{1}{3}$ дохода земли (р. 166) и после сообщения ряда нарушений этой нормы в сторону превышения ренты, Кантильон заявляет, что землевладелец все же предпочел бы сдать свою ферму надежному человеку с капиталом, способному организовать и вести «предприятие фермы» и за $\frac{1}{3}$ земельного дохода, поскольку в этом случае землевладелец будет спокоен за своевременную уплату, чем сдать ферму «нищему» фермеру за более высокую ренту.

Поскольку 2-я рента, как мы видели выше, целиком употребляется на издержки по ферме, эти капитальные затраты, очевидно, имеют своим источником 3-ю ренту.

Таким образом можно считать, что употребление третьей ренты по своему значению соответствует «*avances primitives*» в схеме Кенэ, при том, однако, существенном отличии, что у Кенэ *avances primitives* совершаются одновременно и возмещаются в течение длительного периода. У Кантильона этот вопрос не разработан с достаточной ясностью, и мы имеем у него лишь самые общие указания относительно затрат на капитальные издержки. Таким образом можно полагать, что в схеме Кантильона и по этому пункту уже была намечена основная идея (о различии годовых издержек и капитальных затрат).

Усвоив методологические предпосылки схемы нормального воспроизводства, данные Кантильоном, Кенэ облек к тому же свою схему в математическую форму, которая отличается большей тщательностью обработки, чем схема Кантильона. Благодаря удачному подбору величин, которые находятся между собой в нужных и одновременно реальных пропорциях¹, схема Кенэ приобрела видимость бесспорного закона и в известном смысле откровения. Неудивительно, что современники увидели в таблице «одно из трех величайших открытий».

Гораздо более тщательный, чем у Кантильона, анализ видов затрат, вкладываемых в фермерское хозяйство, приводит Кенэ не только к отчетливому разграничению основного и оборотного капитала, но и к установлению различия способов их возмещения. Последнее чрезвычайно осложняет схему Кенэ по сравнению со схемой Кантильона.

Особое внимание Кенэ к проблеме основного капитала совершенно не случайно и имеет свои исторические основания.

В основу схемы Кенэ положено крупное фермерское хозяйство, поборниками которого выступили физиократы. Схема Кенэ является иллюстрацией не только того, что земледелие — источник существования всех классов, но также того, что таковым является именно *крупное земледелие, капиталистически организованное*.

Устанавливая необходимость крупных предварительных затрат (*avances primitives*), имея их в качестве основы своей схемы нормального воспроизводства, Кенэ отражает программное требование физиократов об организации крупного, капиталистически организованного фермерского хозяйства.

Преимущества крупного сельского хозяйства перед мелким, как известно, доказывали все физиократы, постоянно подчеркивая низкую производительность мелких крестьянских хозяйств. Достижение такой производительности сельского хозяйства, чтобы оно служило действительным источником благосостояния государства, как указывали физиократы, возможно лишь в результате рационализации сельского

¹ Энгельс указал, что цифры, взятые Кенэ, почти точно отражают реальную обстановку того времени (см. «Анти-Дюринг», стр. 220. Петроград. 1918).

хозяйства, которая может быть осуществлена только на больших фермах и требует вложения крупных капиталов¹.

Признавая необходимость «*avances primitives*», многие физиократы даже пытались точно установить их размеры на единицу земельной площади. Проблема точного учета «*avances primitives*» в эпоху Кенэ дискутировалась в среде физиократов².

Таким образом попытка Кенэ в этом направлении не является ни первой, ни единственной.

В схеме Кантильона (по сравнению со схемой Кенэ) представлен более отсталый тип фермерского хозяйства, которому еще не знакомы крупные предварительные вложения капитала и которое может существовать с помощью ежегодных вложений из прибыли фермера.

Здесь мы не будем подробно входить в обсуждение того, в какой мере схема Кантильона правильно отражает тогдашнюю обстановку английского фермерского хозяйства. Ограничимся только ссылкой на некоторые свидетельства о положении английского фермерского хозяйства в интересующий нас период.

Выше мы уже упоминали, что период написания труда Кантильона совпадает с низким уровнем хлебных цен.

Это обстоятельство, как указывают исследователи, имело большое влияние на размеры тогдашнего фермерского хозяйства. Крупное сельское хозяйство не было рентабельным. Наиболее доходной в начале XVIII в. в Англии была небольшая ферма (которая, очевидно, и положена Кантильоном в основу его схемы)³.

¹ „Нет такого человека, который не знал бы,—писал Кенэ в 1756 году,—что богатства служат очень важной опорой земледелия и что они требуются в большом количестве, чтобы хорошо обрабатывать» (статья „*Fermiers*“).

И в другом месте: „Богатства земледельцев рождают богатства земли“ (ст. „*Les Grains*“). Также в статье „*Les Hommes*“ Кенэ писал: „Нужно иметь богатства, чтобы производить богатства“.

Мирабо, со свойственной ему экстравагантностью выражений, писал: „Деньги—это самое необходимое удобрение, которое только возможно вложить в землю“ („*Ami des Hommes*“, 5 partie, t. III, p. 64).

Турго писал по этому вопросу: „Исключительно капиталы создают постоянную доходность земель и обеспечивают предпринимателям устойчивый доход и самый высокий, какой только возможен“ (*Reflexions*, § 66, сравн. §§ 54, 65).

Необходимость привлечения крупных капиталов в земледелие сознавали не только физиократы. Так, Дидро в Энциклопедии в статье „*Laboureur*“ говорит: „Горе стране, в которой земледелец беден. Обработка земли есть предприятие, которое требует много предварительных вложений капитала, без которых оно бесплодно и разорительно. Богатая жатва имеет в качестве необходимой предпосылки предварительное богатство, и для нее (обильной жатвы) не может быть достаточно одного труда, как бы много его ни было затрачено. Дары земли всегда пропорциональны авансам земледельца и зависят от затрат, которые их (дары) готовят: большее или меньшее богатство может служить точным термометром процветания нации, имеющей обширную территорию“ (*Diderot, Oeuvres*, t. XV, p. 407—409).

² См. интересную сводку соответствующего материала: *Veulersse „Le mouvement physiocratique en France“*, vol. I, ch. II, § 3, p. 351 ss.

³ Интересные свидетельства современников о размерах английских ферм в рассматриваемый период приводит *Alex. Eliaschewitsch*:—„*Die Bewegung zugunsten d. kleinen landwirtsch. Güter in England*“ (Münch. u. Leipz., 1914).

Проблема укрупнения сельскохозяйственного производства и вложения капиталов в сельское хозяйство, та проблема, которая в более поздний период встала перед французскими физиократами, в Англии тоже была выдвинута лишь во вторую половину XVIII в. До 1760 г., как утверждает, напр., Н. Леву, не слышно никаких проектов об укрупнении ферм. Основная фермерская группа в первую половину XVIII в., как сообщает Леви, состояла из арендаторов мелких имений (стр. 4). По словам этого автора, низкие хлебные цены служили препятствием для укрупнения ферм и расширения посевов (op. cit., p. 9—12).

О том же свидетельствуют современники. Так, например, Arthur Young в своей вышеупомянутой нами работе писал: «На основании лучших сообщений, какие я только мог получить, я имею основания верить тому, что наше хлебопашество в течение периода дешевых цен от 1730—1756 едва ли сделало какой-нибудь прогресс» (op. cit., p. 33).

Приведенные сведения об условиях развития английского фермерского хозяйства за рассматриваемый период, как нам кажется, позволяют судить о том, что поднятый Кенэ вопрос об «*avances primitives*» и укрупнении фермерского хозяйства совершенно не случайно не ставился Кантильоном.

Поэтому схема Кенэ, которая отражает сельское хозяйство более развитого капиталистического типа, гораздо полнее и лучше по сравнению со схемой Кантильона изображает *роль капитала в производстве вообще*.

Внимание к проблеме основного капитала позволило Кенэ уловить специфическую особенность капиталистического хозяйства. Он устанавливает необходимость совершения *единовременных предварительных* затрат на основной капитал и *периодического* его возмещения. В противоположность этому Кантильон, учитывая необходимость затрат на капитальный фонд, заставляет фермера совершать их из года в год. Таким образом Кантильон упускает из виду одно из характерных отличий между основным и оборотным капиталом в отношении сроков совершения и возмещения затрат. Этот пробел в схеме Кантильона, как указывалось выше, имеет историческое оправдание.

Мы отметили в основных чертах сходство и различие между обеими схемами. Остановимся еще на следующем моменте.

Он цитирует одного автора XVIII в. (Edward Lawrence:—„The Duty of a Steward to his Lord“, 1727 p. 136—138), который сделал наблюдения над имениями, расположенными на 4 манорах, типичных для тогдашнего состояния сельского хозяйства в Англии, и получил следующие данные. Из 56 ферм, расположенных на этих манорах, только 5 приносили более чем 100 ф. ренты; только 11—ренту от 75 до 100. Все остальные фермы ренту в размере от 10—75.

Также другой, цитируемый Эльяшевичем современник John Cowper, рассматривает мелкие и средние фермы, которые обходятся с 1—2 плугами, как типичные для того времени. Обычной для того времени этот автор считал ренту в 50 ф. (John Cowper—„An Essay proving that inclosing commons and common field Lands, is contrary to the interest of the Nation“. 1732. (Цитируем по Эльяшевичу В. 1, S. 3).

По Кантильону, класс землевладельцев обменивает свою долю ренты только в городе, в то время как по Кенэ он ее поровну разделяет на затраты в городе и в деревне.

Характерно, что подобную же несообразность допускает в своей схеме и Кенэ. В его схеме продукция непроизводительных классов целиком распределяется поровну между собственниками и фермерами, из чего можно заключить, что сами городские классы не нуждаются в своих изделиях. Однако эти «несообразности» вовсе не означают, что Кантильон не понимал потребности землевладельца в пище, а Кенэ—потребности ремесленников в одежде. Оба эти упущения имеют целью сохранить равновесие общественного производства и доходов, изображенных в обеих схемах. Таким образом, расхождение в изображении второго акта обращения между классом собственников и фермеров вытекает из методологического сходства обеих схем, как *абстрактный элемент равновесия*.

В заключение остановимся на следующем существенном моменте.

В противоположность тому, что мы имеем впоследствии у Кенэ, согласно Кантильону прохождение продуктов через руки городских «предпринимателей и ремесленников» увеличивает их стоимость, о чем можно судить на основании замечания в конце 3-й главы II части. Кантильон пишет: «Правда, что шерсть, например, которую достают из деревни, после того, как из нее сделано в городе сукно, стоит в четыре раза больше того, что она стоила раньше. Но это увеличение стоимости, которое представляет из себя цену труда рабочих и мануфактуристов города (le prix du travail des Ouvriers et des Manufacturiers de la Ville), снова обменивается на деревенские товары, которые служат для поддержки этих рабочих» (стр. 182).

Признание того факта, что в руках городских ремесленников продукт увеличивает свою стоимость, как нам кажется, создает для Кантильона затруднение в решении вопроса о том, каким образом город получает компенсацию за избыток своей стоимости,—затруднение, которого он не решает в рамках своей схемы, поскольку он не увязывает этого явления со своим анализом кругооборота.

Ведь кругооборот в изображении Кантильона *есть движение и обратный приток в руки фермера* в уплату за продукты земли известной доли тех же сельскохозяйственных продуктов в том же размере, (или что то же—в том же денежном выражении), что служит залогом возобновления того же процесса.

Ведь согласно его схеме равновесие общественных доходов и нормальное развитие кругооборота имеет своей предпосылкой строго-пропорциональное распределение исключительно сельскохозяйственного продукта—или, что то же, его денежного эквивалента.

Как выше было показано, объектом кантильоновской схемы кругооборота и воспроизводства является сельскохозяйственный продукт, выходящий из рук фермера и служащий источником существования всех классов.

Нарушение равновесия в обмене в результате приращения стоимости сельскохозяйственных продуктов, проходящих через руки городских

рабочих, в рамках схемы можно было бы разрешить, предположив, что эта избыточная стоимость потребляется самими городскими классами.

Здесь, пожалуй, можно было бы искать источников мануфактур, потребленных городскими классами, поскольку последние на основании изображенного в схеме не удовлетворяют своей потребности в одежде, утвари и проч.¹

Мысль о приращении ценности земледельческого продукта в руках городских классов находится в тесной связи с воззрениями Кантильона на природу стоимости. В тексте «*Essay*» мы находим целый ряд намеков на трудовое понимание стоимости, в чем большое преимущество его теории перед теорией Кенэ.

Особенно интересна в этом отношении X глава I части «*Essay*», где мы встречаемся с некоторыми попытками Кантильона ввести количество труда в качестве единицы стоимости и даже свести его к рабочему времени, при чем, следуя Петти, он иногда комбинирует роль земли и труда в качестве факторов стоимости².

Так, например, пытаясь объяснить высокую ценность брюссельских кружев, он писал: «Фунт льна, переработанный в тонкие брюссельские кружева, требуют труда 14 человек в продолжение года, или труда 1 человека в продолжение 14 лет» (стр. 35).

На ряду с этим Кантильон определяет иногда стоимость через заработную плату и прибыль (подобная же двойственность впоследствии встречается у Смита!). Так, по поводу ценности тех же кружев, Кантильон говорит: «Можно также заметить, что цена, которую платят за эти кружева, достаточна, чтобы оплатить содержание одного человека в продолжение 14 лет и также оплатить прибыли всех предпринимателей и торговцев, которые в этом участвуют» (*qui s'en melent*) (ib., стр. 35).

Ценность других благ Кантильон определяет исключительно трудом. Так, например, ценность «кувшина воды на улице Парижа», по его словам, определяется «трудом носильщика воды» (р. 36). Также в главах о ценности драгоценных металлов и вексельных курсах Кан-

¹ Именно такое решение принял впоследствии Кенэ, рассматривая приращение ценности промышленных изделий над ценностью сырого материала, как начисление средств существования промышленника, и включая их таким образом в сумму издержек производства.

В «*Analyse du Tableau*» Кенэ писал:

«Из трех миллиардов, полученных производительным классом за три миллиарда проданных им продуктов, он должен заплатить два миллиарда собственникам в качестве дохода текущего года, а один миллиард затрачивается им на покупку изделий у непроизводительного класса... Сырье и труд на изготовление изделий поднимают сумму продаж непроизводительного класса до двух миллиардов, из которых один миллиард затрачивается на средства существования людей, входящих в состав этого класса».

² Интересно в этом отношении самое название упомянутой главы, по обычаю того времени пространно озаглавленной: «*Le prix et la valeur intrinseque en general est la mesure de la terre et du travail qui entre dans sa production*» («Цена и внутренняя стоимость продуктов есть мера земли и труда, которые входят в их производство»).

тильон снова возвращается к чисто трудовому принципу измерения стоимости. Полемизируя с защитниками принципа полезности, он пишет:

«Металлы, которые находятся в наибольшем изобилии и производство которых стоит меньше всего труда, являются также и самыми дешевыми.

Железо представляется наиболее полезным (из металлов); но в виду того, что его находят повсюду в Европе с меньшим трудом и трудностями (*avec moins de peine et de travail*), чем медь, оно стоит гораздо дешевле» (р. 365).

На этих же основаниях автор объясняет высокую ценность золота, а также и колебания в соотношениях ценностей золота и серебра на протяжении истории (стр. 362 и след.).

Отметим также другую заслугу Кантильона по сравнению с Кенэ в области теории ценности: разграничение ценности и цены.

Кантильон отмечает, что предметы не всегда продаются на рынке по своей «внутренней ценности» (*valeur intrinseque*). Отклонение ценности (*valeur intrinseque*) от цены (*prix de marché, prix de vente*) обуславливается изменениями спроса и предложения, а отсюда—и факторами, от которых они зависят.

«Никогда нет изменений во внутренней ценности предметов, но невозможность держать в соответствии (*proportionner*) производство товаров и благ с их потреблением в государстве служит причиной ежедневных изменений и постоянных подъемов и понижений рыночных цен».

Нормальным состоянием спроса—предложения по Кантильону можно считать такое их состояние, когда товары продаются по внутренней ценности, т.-е. когда «*prix de marché*» и «*valeur intrinseque*» совпадают. Кантильон пишет: «В хорошо управляемом обществе (*dans les sociétés bien réglées*) рыночные цены благ и товаров, потребление которых достаточно устойчиво и неизменно, не намного отличаются от их внутренних ценностей» (р. 39).

В сочинении Кантильона разбросано много интереснейших замечаний и по целому ряду других вопросов.

Таковы, например, его взгляды на заработную плату, различия в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда. Также теория денег Кантильона и критика им количественной теории Локка обнаруживают его значительное теоретическое превосходство перед современниками. Однако рассмотрение этих вопросов выходит за пределы нашей темы.

IV

Мы видели, что общая схема «Экономической таблицы» была предвосхищена Кантильоном. Также и методологические основания обеих схем воспроизводства во многом являются общими. Более того, аналогия между «Экономической таблицей» и соответствующими главами из «*Essay*» обнаруживается, как мы видели, даже в некоторых деталях.

Теперь обратимся к *самому Кенэ*, чтобы выяснить вопрос: ~~нако~~дился ли он под влиянием Кантильона в период создания «Экономической таблицы».

Прежде всего остановимся на хронологии этого вопроса.

Год написания «*Essay*» Кантильона точно не установлен. Сочинение впервые появилось в печати лишь в 1755 г., более чем через 20 лет после смерти автора (1733—1734). Написанное, очевидно, в 20-х годах¹, оно, как известно, до своего опубликования, ходило в рукописи: Один экземпляр рукописи находился у Мирабо (о чем упоминает он сам в «*Ami des Hommes*»).

Создание «Экономической таблицы» относится к 1758—59 гг. по утверждению Dupont-de Nemours², а по утверждению Мирабо — к 1759 г.

Таким образом, Кенэ имел полную возможность ознакомиться с содержанием «*Essay*», о которых, однако, не упоминается ни в «*Analyse*», ни в «*Explications*». Однако не будем делать поспешных выводов, будто Кенэ скрывал свое знакомство с трудом Кантильона.

Появлению «Экономической таблицы» предшествовала статья «*Les Grains*», напечатанная в томе VII «Энциклопедии» в 1757 г. *Эта статья уже содержала в себе основную идею схемы воспроизводства, развитую впоследствии в «Экономической таблице».*

Для нас в данном случае она интересна также в том отношении, что обнаруживает знакомство Кенэ с Кантильоном и преемственность от него Кенэ именно в теории воспроизводства.

Кенэ цитирует интересные именно в этом отношении V и VI главы 1-й части, изображающие кругообращение общественного капитала, и, солидаризируясь с Кантильоном по данному вопросу, *как бы сам указывает на него*, как на своего предшественника в данной области.

В упомянутой статье Кенэ писал:

«Иждержки и труд людей полезны государству лишь постольку, поскольку их продукты обновляют (*renouvellent*) и увеличивают богатство нации. Земля не должна кормить только тех, кто ее обрабатывает; она должна доставлять государству большую часть доходов (*subsides*): производить десятину церкви, доходы землевладельцам, прибыль фермерам и заработок тем, кем они пользуются для обработки. Доходы короля, клира, землевладельцев, заработок фермера и тех, кого они употребляют, превращаются в затраты, которые распределяются между всеми остальными сословиями и профессиями. Один автор (здесь следует сноска в оригинале: *Cantillon*—«*Essay sur le commerce*, ch. 5, 6) обнаружил» эти основные истины, когда сказал, что собрания многих богатых землевладельцев, живущих в данном месте, достаточно для того, чтобы образовать то, что называется городом, где купцы, фабриканты, ремесленники, рабочие и служащие собираются в пропорции, соответствующей тем доходам, которые

¹ По сообщению Weulersse—«*Le mouvement physiocratique en France*». Paris, 1910 г. (v. I, p. 34)—«*Essay sur la nature du commerce*» Кантильона написаны около 1725 г.

² См. его «*Notice abrégée des différents écrits modernes*» (периздал Oncken в «*Oeuvres de Quesnay*»).

растрачивают землевладельцы; таким образом величина города естественно соответствует числу землевладельцев, или, вернее, продуктам земель, которые им принадлежат»¹.

Остановимся вкратце на содержании статьи «Les Grains». Она интересна в том отношении, что обнаруживает те экономические предпосылки, которые послужили толчком к созданию схемы воспроизводства.

Кенэ задался целью показать, что развитие земледелия во Франции есть единственный источник процветания страны и общего благополучия; что развитие промышленности возможно только на основе земледелия. Существующая же экономическая политика, как пытался обнаружить Кенэ, являлась полным нарушением этого правила.

Он осуждает увлечение промышленностью в ущерб земледелию (стр. 207), показывая гибельность такой политики, особенно для Франции, как земледельческой страны².

Под эту чисто *деловую* критику экономической политики Франции Кенэ уже в упомянутой статье *пытался подвести теоретическую базу, пользуясь положением Кантильона о зависимости всех классов от земледелия.*

Это положение, которое в сущности высказывали еще ранее Кантильона французские предшественники физиократов—Вобан и Буагильбер,—Кенэ в данном случае применяет и развивает в дальнейшем в «Экономической таблице» именно в разрезе, намеченном Кантильоном, т. е. с точки зрения *баланса взаимных требований отдельных общественных классов*, что его и привело к анализу кругооборота общественного продукта. В то же время французские предшественники физиократов—Вобан и Буагильбер—развивали свою теорию в другом направлении, противопоставляя, главным образом, свои натуралистические взгляды на «природу богатства» воззрениям меркантилистов. Идея кругооборота у них не получила надлежащего развития.

Итак, основное положение, которое Кенэ развивал в упомянутой статье, состояло, по его собственной формулировке, в том, что

¹ Цитируем по изданию Oncken'a: „Oeuvres de Quesnay“, p. 218, Paris, 1888 г. Выше нами приводилось соответствующее место из сочинения Кантильона.

² „С давних пор—пишет он—производство предметов роскоши соблазняло нацию; но мы не имеем ни шелка, ни подходящей шерсти для производства красивых материй и тонких сукон; мы предались промышленности, которая нам чужда, и в ней употребляется масса людей, в то время как в государстве убывает население и как деревни пустеют. Понизили цену нашего хлеба, чтобы мануфактурные изделия были дешевле, чем за границей. Люди и богатства сосредоточились в городе. Земледелие—наиболее доходную (féconde) и благородную часть нашей торговли, источник доходов государства—перестали рассматривать, как первоисточник наших богатств“ (p. 207).

³ Зависимость от Кантильона сказывается не только в основном выводе статьи, но и в ряде деталей. Так, например, касаясь вопроса об издержках по ферме, Кенэ, подобно своему предшественнику, устанавливает, что не все издержки, а только половина их обращается в денежной форме. Из суммы издержек, требующих денежного эквивалента, исключаются расходы на корм лошадей и служащих и на обсеменение (стр. 213). Сравн. с вышеприведенн. из Кантильона (II p., ch. III, p. 163).

«Основа всякого благополучия заключается в земледелии»... и что... «именно земледелие доставляет материал для мануфактуры и торговли и оплачивает ту и другую; но эти две отрасли возобновляют свои доходы через земледелие, которое возобновляет богатства, растрачиваемые и потребляемые каждый год» (ib., стр. 216).

Появившаяся позднее «Экономическая таблица» Кенэ в сущности является иллюстрацией высказанного здесь положения. Она изображает: 1) зависимость всех групп населения от земледелия; 2) представляет годичный урожай, как основной ресурс нации, и 3) показывает пути возобновления этого основного ресурса.

Все эти основные моменты, как мы видели, Кенэ заимствовала у Кантильона.

Характерно, между прочим, и то, что сам Кенэ не рассматривал «Экономическую таблицу», как свое, в полном смысле слова, произведение.

Так, например, он позволил Мирабо-старшему опубликовать «Экономическую таблицу» в приложении к «Ami des Hommes» и в 1760 г. сам послал ее в переработанном виде тому же Мирабо для приложения ее к работе, написанной последним на конкурс Бернского Экономического Общества.

Но если такая зависимость между Кенэ и Кантильоном существовала, то как могло это ускользнуть от Мирабо, в руках которого рукопись Кантильона находилась еще задолго до ее опубликования? Можно ли найти у Мирабо соответствующие указания на преемственность схемы Кенэ?

Намек на близость Кенэ и Кантильона в данном вопросе мы усматриваем (отнюдь не настаивая на этом!) в следующих словах Мирабо в предисловии к его «Philosophie Rurale»:

«Один человек вообразил и изложил «Таблицу», которая представляет наглядно источник, ход и результаты обращения,—и сделал из этого ядро и базу экономической науки и компас для руководства управления государством. Другой развил плоды древа жизни и представил их людям и пригласил их продолжать его в следующем отношении: чтобы они сделали попытку и попробовали объяснить ее (таблицу) по-своему.

Третий таким образом смеет сделать эту попытку; он подготовлен работой своих предшественников, он завладел их работами, он присоединил к этому свои собственные исследования, и из всего вместе взятого он сделал новое объяснение,—не руководимый вовсе честолюбием, но из уважения к этому бессмертному труду и чувству свой долг перед современниками» (стр. 306)¹.

Очевидно, что себя Мирабо подразумевал именно под третьим из упомянутых лиц.

Во всем приведенном Онкен усматривает только намек на сотрудничество Кенэ, совершенно не разъясняя и не пытаясь даже

¹ Цитируем по Онкену с Амстердамского издания 1763 г. («Oeuvres de Quesnay» прим. 4 стр. 306. Бывшее в нашем пользовании Амстердамское издание 1764 г. не имеет предисловия.

вникнуть, кого подразумевает Мирабо под своим первым предшественником (стр. 307).

Очевидно, что вышеприведенным Мирабо как бы испрашивал снисхождения публики за свою трактовку, оправдывая себя тем, что он подготовлен работой своих предшественников, которые он усвоил и которыми даже *завладел* (намек на действительный исторический факт). Как известно, «*Essay sur la nature du commerce*» еще до напечатания находились в рукописи в руках Мирабо приблизительно с 1740 г. (как устанавливает Weulersse, автор известной монографии о физиократах, работавший в архивах Мирабо).

Наше предположение разбивается, если приведенное место можно было бы толковать в том смысле, что под первым Мирабо понимал самого Кенэ, под вторым—какие-нибудь вышедшие до него комментари «Экономической таблицы». Однако до появления комментариев Мирабо (которые до опубликования «*Philosophie Rurale*» были даны этим автором в приложении к «*Ami des Hommes*» в 1760 г.), а также на протяжении промежутка времени между 1-м и 2-м комментарием Мирабо соответствующие попытки нам неизвестны.

Объяснение «Экономической таблицы», сделанное *Бодо*, относится к более позднему периоду. Оно появилось впервые в «*Ephemerides du Citoyen*» в 1767 г. и было напечатано отдельно лишь в 1776 г. (См. *E. Daire* «*Physiocrates*», vol. II, p. 653, 822 note, 1846).

* * *

Итак, в лице Кантильона мы имеем английского предшественника Кенэ.

Установленное сходство их позиций лишней раз позволяет судить о том, что физиократизм вовсе не является идеологическим течением, специфичным для Франции.

Некоторые авторы уже отмечали преемственность французского физиократизма от английского.

Эту точку зрения развивал еще Бокль¹. Ее усвоили и некоторые новейшие авторы. Так, например, Стефан Бауэр в своей упомянутой выше статье «*Zur Entstehung d. Physiokrat.*» также рассматривает французский физиократизм, как «рецепцию» английских влияний.

Совершенно очевидно, что здесь неуместно было бы говорить о чисто литературных влияниях или заимствованиях.

Проанализированные нами особенности обеих схем, как нам кажется, служат подтверждением того, что все усовершенствования «Экономической таблицы» по сравнению со схемой Кантильона следует отнести не за счет личной изобретательности Кенэ, но за счет различия в исторической обстановке, в которой находились оба автора.

Новые проблемы, которые встали перед французским земледелием в эпоху Кенэ,—*проблема необходимости вложения капитала*

¹ Г. Т. Бокль—«История цивилизации в Англии». Перевод Бестужева-Рюмина и Тиблена. 1873; гл. XII, стр. 543 и след.

в земледелии и проблема учета «*avances primitives*» — обуславливают усовершенствование «Экономической таблицы» по сравнению со схемой Кенэ в определенных пунктах (см. гл. III).

Расхождение обоих авторов в разграничении производительных и непроизводительных классов следует понимать в том же смысле, т.-е. как результат различия их классовых позиций.

Характерно, что сам Кенэ никогда не придавал чисто догматического значения своим выводам и всегда приводил в связь свои экономические утверждения с отдельными явлениями политической и хозяйственной жизни. Также и его современники лучше понимали практический смысл и *историческую обусловленность* схемы Кенэ¹, чем некоторые новые исследователи, которые видели в ней лишь чисто теоретическое, абстрактное построение и, в связи с этим, нередко упускали из виду те практические побуждения, которыми руководился автор.

В связи с разработкой вопроса об «*avances primitives*» схема Кенэ лучше, чем схема Кантильона, отражает роль капитала в производстве вообще. Все же за схемой Кантильона сохраняется значение *первого* этапа в развитии теории воспроизводства, поскольку она заключает в себе некоторые весьма ценные методологические предпосылки, необходимые для исследования этой проблемы, предпосылки, которые усвоили у Кантильона все позднейшие теоретики воспроизводства и которые до сего времени не утратили своего значения.

Поскольку же схема Кантильона отражает процесс кругооборота и воспроизводства в условиях более отсталого капиталистического сельского хозяйства (чем то, которое мы имеем в схеме Кенэ), — она является также и необходимым историческим звеном в цепи классических схем воспроизводства и одновременно — необходимым началом этой цепи.

А. Эйдельмант.

¹ Гвоздем «Экономической таблицы» современники считали вытекающие из нее практические выводы в области экономической политики. Так, например, Мирабо в своем первом комментарии к таблице („*Ami des Hommes*“, 5-е partie, ch. VII) оценивает ее, как „надежное руководство для того, чтобы судить о балансе между действительным и фиктивным богатством государства; о его могуществе, средствах и характере всех его операций, связанных с финансами“. Таким образом в таблице видели руководство для направления экономической и, в частности, финансовой политики. Также в „*Philosophie Rurale*“ Мирабо писал: „Итак, только земля и этого нельзя терять из виду — может приносить прибыль сверх издержек; все другие виды человеческого труда могут возместить только то, что им уплачено. Поэтому бесплодная промышленность не может существовать своими собственными средствами (*par elle même*). Эта истина, которая является основной для экономической науки, должна также служить основной правилом для экономического управления земледельческих наций“ („*Philosophie Rurale*“, t. II, ch. IX, p. 139. Amst. 1764).

О МАТЕМАТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ¹

1. Вступительное замечание

В заключительной главе работы «Наука и гипотеза»² мы проводим аналогию между естественно-научным методом Декарта—Ньютона и методом Маркса и Энгельса. Эта аналогия вызвала ряд критических замечаний, на которые считаем необходимым ответить. Основной брошенный нам упрек в том, что мы будто бы *принижаем* метод Маркса и Энгельса до «механистического метафизического метода Декарта и Ньютона». Упрек этот имеет своим основанием широко распространенное и укрепившееся *метафизическое* воззрение на природу метода общественных наук. Многие полагают, что метод общественных наук в корне отличен от метода наук естественных, что оба эти метода абсолютно различны и не имеют между собою ничего общего. Очень выпукло такого рода точка зрения сформулирована, например, в статье тов. Блюмина «О математическом методе в политической экономии» (См. В. К. А. № 17, стр. 100—101). Тов. Блюмин склонен отождествлять математический метод с методом естественно-научным. Вот почему его точка зрения на значение и границы применения математического метода в политической экономии является двойственной по существу. Тов. Блюмин не отрицает того факта, что Маркс в довольно значительной мере применял математику в полит-экономическом исследовании, но некоторые философские соображения заставляют тов. Блюмина опасаться за судьбу «экономического анализа», которому будто бы угрожает опасность от анализа математического. Эти философские соображения выражены в следующих двух положениях (См. В. К. А. № 17, стр. 100—101):

«1. Естественные науки (в широком смысле слова, т.-е. включая все точные науки, физиологию, химию) имеют дело с различными проявлениями материального мира. В основе последнего лежит движение материи.

2. Социальные же явления представляют из себя различные формы, различные типы общественной организации людей.

¹ Печатается в дискуссионном порядке.

² З. А. Цейтлин. «Наука и гипотеза». Гиз. 1926 г.

В социальных явлениях нет ни атома материальной; социальные явления не могут быть сведены к движению материи(?) они могут быть лишь причинно обусловленными этими движениями материального мира. Здесь основная задача не растворить социальное в океане материи, а проследить ту связь, которая имеется между всяким движением социального мира и материального базиса. Эту задачу ставит себе социология Маркса—теория *исторического материализма*.

Итак, согласно тов. Блюмину естественные науки изучают движения материального мира, а вот Марксова теория исторического *материализма* изучает процессы, в которых *«нет ни атома материальной»*, которые не являются движениями материи и «не могут быть сведены к движению материи».

Странно, однако, почему Маркс и Энгельс, а за ними все марксисты не называли и не называют свою социологию «теорией исторического *нематериализма*». Если в социальных явлениях нет ни атома материального, если социальные процессы не являются движениями материи, то при чем тут исторический *материализм*? Далее, каким образом явления, в которых нет ни атома материального могут быть *причинно обусловлены* движениями материального мира? Над этой задачей, как известно, ломали себе головы Мальбранш, Лейбниц, оккационалисты, быть может тов. Блюмин предложит нам также свое решение?

В ожидании этого решения мы пока займемся изложением нашей точки зрения на значение и границы применения математического метода в политической экономии.

2. Об аналогии и единстве научного метода

Тов. Блюмин, цитируя главу VI нашей работы «Наука и Гипотеза», в которой проведена аналогия между методом исследования Маркса—Энгельса и методом Ньютон — Кавендиша — Максвелла, замечает (стр. 104): «в лучшем случае, эти аналогии имеют весьма поверхностный характер и являются примером досужей мысли».

Более того, «под этими аналогиями может скрываться, однако, весьма опасная тенденция—слишком тесного сближения теоретической экономики с физико-математическими науками. Эта тенденция может привести, в конечном счете, к отрицанию социального характера политической экономии, т.-е. фактически к аннулированию последней».

Тов. Блюмин в известной мере прав. Наши аналогии имеют именно в виду уничтожить то деление процессов мира на «материальные» и «нематериальные», которое установлено нашим критиком. Мы считаем все процессы мира, в том числе и социальные, материальными (движениями материи)¹. Но отсюда отнюдь не следует, что мы соби-

¹ Иногда в доказательство существования «нематериальных явлений» или явлений, в которых «нет ни атома материального» и которые «не могут быть сведены к движению материи» ссылаются на авторитет В. И. Ленина, подчеркнувшего, что мысль нельзя назвать материей. Это ссылка или плод большого философского невежества или же намерение исказить подлинный смысл ленин-

раемса уничтожить теоретическую экономию как таковую, растворить ее в физике и химии. Чтобы понять это, необходимо прежде всего понять, что такое *аналогия* с марксистской точки зрения.

Тов. Блюмин называет наши аналогии весьма поверхностными и плодами досужей мысли. А вот аналогия между крылом, скажем, птицы и копытом лошади или рукой человека это поверхностная аналогия или нет? Ответ на этот вопрос зависит от «качества» мировоззрения.

Для теологов и метафизиков аналогия между строением живых существ—аналогия несомненно поверхностная и плод опасной и досужей мысли, ибо в шесть дней сотворил бог небо и землю и всякую тварь земную и небесную. Иначе думает, например, учение Дарвина, которое усматривает в аналогии строения глубочайшую истину об единстве материального мира и его развития. После того как был открыт археоптерикс с тремя пальцами, соединенными с крылом, после того как палеонтология установила эволюцию лошадиного копыта, глубокий смысл аналогии конечностей человека и животных обнаружился с полной очевидностью.

С марксистской диалектико-материалистической точки зрения наличие аналогий в мире свидетельствует о наличии мирового единства.

Энгельс начинает статью «Общий характер диалектики, как науки» словами:

«Развить общий характер диалектики, как науки о связях, в противоположность метафизике».

«Именно полярные противоположности,—говорит Энгельс в предисловии ко 2 изданию «Анти-Дюринга»,—представлявшиеся непримиримыми,—резко определенные пограничные линии и отличительные признаки классов,—придавали современному теоретическому естествознанию его ограниченный *метафизический* характер. Признание того, что эти противоположности и различия хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение, и что, напротив, эта их воображаемая резкость и абсолютное значение только привнесены в природу нашей рефлексией,—*признание этого составляет центральный пункт диалектического понимания природы*».

Наша работа «Наука и Гипотеза» направлена против метафизики махизма, которая, утверждая метафизически качественное многообразие

ского указания с целью протаскивания идеализма. Всякий философски грамотный человек знает, что Ленин под материей разумел философскую категорию, означающую объективную и бесконечную (в пространстве и времени), т. е. независимую от чего бы то ни было внешнего (сознания, бога) реальность—то, именно, что философы обычно называют субстанцией. Назвать мысль материей значит утверждать, что мысль—это «особая субстанция», что в лучшем случае ведет к дуализму, а в худшем—к идеализму. Мысль не «субстанция», а материальный процесс, процесс материального движения особой формы. Если утверждение тов. Блюмина сводится к тому, что *форма* социальных движений это не материя, то это верно и очевидно, ибо форма является «материей» лишь с точки зрения идеализма; но к чему тогда деление процессов мира на естественные и социальные? К чему утверждение, что социальные процессы не являются движениями материи? Ведь форма не является «материей» не только в социальных процессах, но и в процессах природы.

мира и метафизическую, следовательно, специфичность научных методов, отрицает диалектическое единство мира и единство метода познания.

Наши аналогии имеют исключительно методологический смысл, как это видно из самого названия главы VI: «метод доказательства закона взаимодействия тяжелых и электрических масс Ньютона—Кавендиша—Максвелла сравнительно с методом исследования Маркса—Энгельса».

Безусловно, «у каждой науки свои ключи», но это многообразие научных методов является диалектическим, т.-е. предполагает некое единство. Это единство мы и пытались показать. Ведь сам Маркс называет свой метод *естественно-историческим*, сравнивает его с физико-химическим методом:

«Физик или наблюдает процессы природы, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде» (Предисловие к Капиталу).

Не будут ли на этом основании наши критики утверждать, что Маркс стремится уничтожить теоретическую экономию, слишком тесно сближая ее с физикой и химией?

Маркс прекрасно видел различие между политической экономией, физикой и химией, но в противоположность метафизикам умел за этим различием находить также единство по той простой причине, что не проводил метафизической грани между процессами в природе и процессами в общественной среде.

Тот, кто делит процессы мира на естественные, в которых все материально, и социальные, в которых нет ни атома материального, и которые «не могут быть сведены к движению материи» может действительно опасаться за «слишком тесное» сближение теоретической экономии с физико-математическими науками, тот же, кто стоит на точке зрения живого, диалектического единства материального мира, кто, утверждая единство, твердо помнит о многообразии, может спокойно пользоваться физико-химическими аналогиями и без душевного трепета применять математику к анализу социальных процессов. Весь вопрос лишь, что к чему и как все это делается.

3. О математическом методе в естественных науках

Все знают и слышали, что математический метод одержал и одерживает блестящие победы на фронте естествознания. Но не все знают как это в действительности происходит. Вот почему часто приходится читать и слышать самые удивительные, прямо фантастические утверждения на этот счет. Тов. Блюмин указывает, например, что «монистический характер природы создает предпосылки для представления о возможности построения научной теории, которая все явления мира могла бы представить, как продукты движения материи, продукты количественно различные, но качественно сходные (?). Такая

идеальная научная теория обеспечила бы возможность применения математики ко всем явлениям на 100%».

Тов. Блюмин отмечает, что хотя современное естествознание еще далеко от такой идеальной науки, но «основная тенденция заключается в приближении к этому монистическому учению о вселенной, представляющему прекрасный материал для математической обработки» (стр. 100).

Иначе обстоит дело с применением математики к социальным процессам, которые, согласно Блюмину, не могут быть сведены к движению материи. Мы полагаем, однако, что все мировые процессы, *в том числе и социальные*, — монистичны, что основа этого монизма — в единстве материи и ее движения. Но в материи и движении количество неразрывно связано с качеством, а потому *принципиально* мыслима математическая (количественная) обработка всякого явления как природы, так и общества. Лаплас, действительно, говорил о некоей мировой математической формуле, которая изобразит все мировые движения от минус до плюс бесконечности в пространстве и времени. Но здесь Лаплас и вслед за ним и другие впали в грех, который Маркс в первом тезисе о философии Фейербаха назвал «главным недостатком материализма до Фейербаховского включительно». Недостаток этот в том, что дофейербаховский (включительно) материализм «рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир, лишь в форме конкретной человеческой деятельности. не в форме практики, не субъективно». Тезис Маркса имеет глубочайший методологический смысл¹ и является методологическим итогом всей научной деятельности Маркса. Маркс, как ученый, имел дело с материальным объектом величайшей количественно-качественной сложности, с социальными процессами, и это именно дало ему возможность со всей отчетливостью познать природу научного исследования и метода.

Маркс установил, что человек стремится не к познанию объекта вообще, а к такому его познанию, которое имеет *практическое, субъективное* значение.

Маркс прекрасно видел, что наука это, по существу и в известной мере, абстрактный подход к миру, что «наука для науки» это идея, вообще говоря, лишенная смысла, ибо невозможно (и не нужно) знать все факты, число которых бесконечно. Пуанкарэ начинает свое сочинение «Наука и метод» главой о «выборе фактов» и приводит аргумент Толстого против «науки для науки», как бессмысленного стремления познать до конца бесконечное. Пуанкарэ правильно указывает, что наука в действительности «выбирает факты». Пуанкарэ склоняется в этом вопросе на сторону учения Маха об «экономии мышления», учения с которым марксизм, конечно, не имеет ничего общего. Важно, однако, установить признание факта «выбора фактов».

¹ Обычно тезис Маркса понимается так, что французские материалисты и Фейербах были материалистами «внизу» и идеалистами «наверху», т. е. не имели понятия об историческом материализме. Такое понимание не противоречит, однако, указанному.

С марксистской точки зрения этот выбор фактов определяется в конечном счете развитием производительных сил, но только в конечном счете, ибо всякая наука имеет сверх того, свою имманентную логику развития, как это неоднократно указывали Маркс и Энгельс.

Чтобы понять значение выбора фактов для решения вопроса о применении математического метода в различных областях знания необходимо предварительно остановиться на вопросе о соотношении количества и качества.

Существует широко распространенное воззрение будто бы понятие количества абсолютно противоположно понятию качества и что, стало быть, математика является наукой о чистом количестве.

Один пример покажет, что подобного рода воззрение лишено всякого основания.

Возьмем ряд натуральных чисел: 1, 2, 3, 4, 5... Числа этого ряда обладают следующим «качеством»: сумма двух членов ряда всегда равна какому-нибудь члену ряда. Если взять ряд квадратов членов натурального ряда: 1, 4, 9, 16, то такой ряд будет уж обладать иным «качеством»: не всякая сумма двух членов ряда будет равна какому-нибудь из членов ряда. Наконец, ряды, составленные из высших степеней членов натурального ряда, обладают совершенно особым «качеством», выраженным знаменитой теоремой Фермата:

$$x^n + y^n \neq z^n;$$

если

$$n > 2,$$

т.-е. сумма энных степеней двух чисел никогда не может равняться энной степени третьего числа, если n число целое и большее двух, а числа x , y , z рациональны.

Мы видим, таким образом, что сами числа обладают «качествами» и эти качества настолько удивительны, что породили даже настоящую «математическую мистику».

Проф. А. В. Васильев назвал одну из глав своей книги «Целое число» (гл. XIV): *mysteria maxime recondita*. Этой «тайной тайн» является проблема простых чисел и теорема Ферма.

Проф. Васильев так характеризует работу Эйлера по теории чисел: «его работу в этом отношении можно уподобить работе натуралиста, внимательно изучающего отличие нового вида насекомого или ископаемого от других, с ним схожих» (стр. 118). Эйлер, действительно, назвал один из своих мемуаров: «Об употреблении метода наблюдения в чистой математике» («De usu observationum in mathesi pura») Как это ни покажется парадоксальным, но чистое количество обладает столь сложным качеством, что до сих пор наука о числах (теория чисел) не нашла еще своего метода. «Теория чисел—пишет проф. Хинчин (см. «Великая теорема Ферма») по справедливости считается одной из труднейших ветвей математики...» «о ней часто говорят, что она, несмотря на свое древнее происхождение, еще не нашла своего метода».

Геометрия

Если перейти теперь к геометрии, то тут с особой выпуклостью выступает связь между количеством и качеством. Например, ур-ние

$$\frac{x^2}{a^2} + \frac{y^2}{b^2} = 1$$

при $a = b$ дает круг, а при $a \neq b$ эллипс.

Круг же—линия, качественно отличающаяся от эллипса.

Качественное отличие круга от эллипса можно проанализировать при помощи количественной формулы. Что это значит? Это значит, что количество, качество и связь между ними в данном случае настолько просты, что анализ количества дает возможность определить качество и наоборот. Известно, что древние выводили количественные особенности геометрических тел из анализа их качества. Декарт, изобретением метода координат, обосновал возможность аналитической геометрии, т.-е. геометрии, определяющей качества путем анализа количеств.

В настоящее время на ряду с аналитической геометрией снова развилась качественная геометрия (проективная геометрия, топология или геометрия положения), которая главное внимание уделяет качественному анализу пространства.

Среди математиков существует целая школа, выдвигающая на первый план метод качественного анализа (синтетический) геометрических проблем.

Вот как характеризует, например, проф. Б. К. Млодзеевский воззрения главы русской синтетической школы геометра В. Я. Цингера¹. По мнению В. Я. Цингера «главный недостаток алгебраического анализа, как научного орудия, заключается в том, что он вносит между постановкою вопроса и полученным результатом более или менее длинный ряд действий, совершаемых нами без всякого отношения к самому вопросу: от этого и результаты часто страдают недостатком ясности и простоты, а иногда и вовсе не могут быть истолкованы. Иногда самая простая задача, непосредственное геометрическое решение которой не представляет ничего трудного или неясного, решается чрезвычайно сложными аналитическими приемами и после этого объяснить полученное решение бывает труднее, нежели найти его».

Последние слова показывают, что чрезмерность чисто количественного анализа приводит к его отрицанию, как метода научного исследования.

Математик А. К. Власов в интересной речи «О чисто геометрических методах»²) также подчеркивает, что «синтетические методы дают часто очень простое доказательство там, где аналитические доказательства требуют сложных подготовок».

¹ См. «Математический сборник» Моск. мат. общества, т. 28, стр. 45.

² Ibid., стр. 188.

Механика

Если в геометрии мы встречаем очень простые количественно-качественные объекты, то в механике мы имеем дело с объектами гораздо большей количественно-качественной сложности. Научная геометрия была построена Евклидом в III веке до нашей эры, научная механика появилась спустя 19 столетий. Потребовался гений Ньютона, чтобы правильно сформулировать количественную характеристику движения простой материальной точки.

Чтобы показать наглядно количественно-качественную сложность механики рассмотрим простое механическое явление—движение маятника, т.-е. тела, подвешенного на упругой нити. В курсах механики дается обычно упрощенно решение задачи о качении маятника, для более строгого—требуется знание теории *эллиптических* функций, так как задача о качении маятника приводит к *эллиптическому* интегралу¹. Между тем даже элементарный курс *эллиптических* функций (например, Levy) содержит около 300 страниц, более же полный (например, Тихомандрицкого) около 500.

Таким образом для решения столь «простой» механической задачи требуется помимо знания общего курса элементарной и высшей математики еще знание специального, очень сложного математического отдела.

Чтобы решить задачу о движении двух тел, взаимодействующих друг с другом по определенному закону, потребовался гений Ньютона, задача же о трех телах до сих пор не решена.

Астрономам для установления движения планет приходится поэтому прибегать к очень сложным искусственным приемам; они с честью вышли из этого испытания, но вместе с тем наглядно доказали, насколько сложен количественный анализ столь «простого» явления, как обращение нескольких планет вокруг солнца.

Всякий, знакомый с действительной механикой, никогда не будет утверждать, что в этой области существует исключительно количественный анализ, ибо сложность механических явлений уже так велика, что приходится прибегать к анализу качественному.

Приведем два, три примера:

У дикарей—австралийцев (и у некоторых других племен) существует удивительное метательное оружие—бумеранг. Некоторые виды бумеранга (известные только у австралийцев) обладают свойством по достижении цели возвращаться обратно к метателю. Движение бумеранга отличается громадной сложностью; теория этого движения впервые дана кажется, G. Walker'ом. Сложность эта такова, что для изучения сравнительно более простых движений, пуль и снарядов, существует целая наука баллистика, для которой в военных школах учреждена специальная кафедра.

Спрашивается, каким образом дикие австралийцы, у которых нет кафедры баллистики и которые не имеют понятия о научной механике,

¹ Мы имеем в виду, главным образом, движение так наз. сферического маятника, или вообще движение твердого тела с одной неподвижной точкой.

подумались до изобретения бумеранга. Здесь сыграли роль два фактора—случайность и качественный анализ. Случайно в руках метателя оказался соответствующей формы кусок дерева, обнаруживший удивительные свойства при метании. В целом ряде поколений путем качественного анализа форма бумеранга настолько усовершенствовалась, что изготовляемые ныне в Германии и других странах бумеранги для целей спорта весьма плохого качества сравнительно с австралийскими.

Другим примером качественного механического анализа является изобретение аэроплана. Несмотря на все совершенство научной механики к началу 20 столетия она не в состоянии была построить аэроплана вследствие необычной сложности его движения. Когда же аэроплан был построен «практически» т.-е. путем качественного анализа, только тогда началась работа научной механики по его усовершенствованию. Трудно, однако, сказать, какую роль в этом усовершенствовании сыграл количественный анализ и какую качественный—бесспорно, что здесь действовали в разной мере оба эти метода научного познания.

Третьим примером качественного анализа в механике служит определение наилучшей формы судов. С этой целью изготовляются различные модели, которые затем испытываются; путь чисто количественного анализа слишком сложен и даже невозможен. Вообще говоря можно утверждать, что в практической механике качественный анализ занимает не последнее место, ибо сложность механических явлений уже такова, что чисто аналитическое решение механических задач прямо невозможно. На этом именно основано то «презрение», которое часто питают «практики» к «теоретикам».

Вот почему один из самых выдающихся ученых инженеров А. Ридлер в статье «Сущность техники» (См. журнал «Союза немецких инженеров» № от 13 апреля 1926 г.) доказывает, что техника не только «наука», но и «искусство».

Ф и з и к а

В физике мы имеем дело с процессами еще большей количественно-качественной сложности нежели в механике. Возьмем, например, сосуд с газом при определенной температуре и давлении. В сосуде миллиарды миллиардов молекул движутся с самыми разнообразными скоростями по самым разнообразным траекториям. Спрашивается, как произвести количественный анализ такого движения, если механика не в состоянии количественно проанализировать движение трех тел? Наука все-таки задачу эту решила, но при помощи специального метода, именно метода статистической механики.

Решение этой задачи, в частности установление Больцманом истинного смысла второго закона термодинамики, являются одним из самых блестящих триумфов математического метода. Устранен ли, однако, полностью качественный анализ из термодинамики? Уже из того факта, что изобретателями паровой машины являются медик Папин.

горнопромышленник Сэвери, торговец железом Ньюкомен, стекольщик Коли, механик Уатт и, наконец, философ Лейбниц, а не творцы математической теории тепла, Фурье, Карно и Клаузиус, совершенно ясен ответ на этот вопрос. В области практической термодинамики (теплотехники) качественный анализ имеет еще большее значение нежели в области практической механики. Вся теплотехника переполнена большим количеством «эмпирических формул», которые являются количественным результатом качественного анализа.

В области познания природы электромагнитных процессов мы имеем замечательный пример, с особой отчетливостью выявляющий значение качественного анализа. Творец современной теории электромагнетизма и электротехники переплетчик Фарадей знал математику в объеме 4-х арифметических правил. Обладая необычайной способностью качественного анализа, Фарадей настолько глубоко сумел проникнуть в природу электромагнитных движений, что оставил далеко позади себя самых выдающихся теоретиков электромагнетизма. Ампера и Вебера. Точно так же динамомашинка была изобретена столяром Граммом, при чем некоторые физики из французской академии наук, на основании своих вычислений, доказывали, что проект Грамма бесмысленен, что его машинка «никак не пойдет». Она, однако, пошла и очень хорошо пошла.

Посмотрим, однако, как строятся ныне динамомашинки, на основании ли только количественного анализа или также качественного?

В известной книге Арнольда «Машина постоянного тока» (см. т. II) на ряду с таблицей формул для вычисления машин постоянного тока, имеется таблица с численными характеристиками 35 построенных уже машин различных форм (стр. 432). Эта последняя таблица служит для ориентирования при выборе некоторых важнейших данных, необходимых для вычисления проектируемой машинки, например, магнитного поля в межполюсном промежутке.

Первые электрические машинки были построены не на основании вычислений, а путем качественного анализа.

Можно привести целый ряд примеров из истории электротехники, показывающих, что качественный анализ играл большую роль в усовершенствовании электрических машин. Количественный математический анализ выступил на сцену гораздо позже, но при всех громадных успехах математического метода в электротехнике нельзя утверждать, что качественный анализ окончательно изгнан из этой области знания: многие усовершенствования и изобретения в электротехнике и поныне делаются и будут делаться на основании качественной интуиции. Практически важные электромагнитные процессы настолько сложны, что их невозможно исчерпать чисто аналитическим исследованием¹.

¹ Заметим, между прочим, что электромагнитные процессы в свободном эфире обладают той же степенью сложности, что и движения жидкостей и газов, они даже проще в некоторых отношениях.

Х и м и я

Химические процессы являются еще более количественно и качественно сложными нежели процессы механические и физические. Вот почему в химии преобладающую роль играет качественный анализ. Правда, в химии, как и во всех науках большую роль играют некоторые элементарные количественные определения, например, атомного веса, плотности, объема, но эти определения не являются математическим анализом, в собственном смысле слова¹. Так как в этом пункте существует множества недоразумений, необходимо на нем несколько остановиться.

Сущность математического анализа заключается в том, что качественные особенности объекта выводятся на основании анализа некоторой математической формы. Так, уравнение эллипса вполне достаточно для того, чтобы получить все свойства эллипса. Точно так же анализ математического выражения закона всемирного притяжения Ньютона дает возможность полностью определить соответствующие движения, хотя уже здесь выступает некоторый качественный момент — необходимость знать так называемые «начальные условия». Во всяком случае в приведенных примерах центр тяжести лежит в анализе математической формы. Иное дело в химии. Если перед нами химическая формула, например $H_x S_y O_z$, то, даже зная атомные веса H , S и O зная, что $x=2$, $y=1$, и $z=4$, мы не в состоянии знать ни единого свойства (за исключением, разумеется молекулярного веса) объекта $H_x S_y O_z$, т.-е. серной кислоты. Это может быть установлено только путем качественного анализа.

Ни один химик в мире не будет в состоянии, сказать какими свойствами обладает вещество при произвольных x , y и z . Между тем математик в состоянии на основании любого уравнения какой-нибудь линии определить все геометрические качества этой линии².

В доказательство триумфа количественного момента в химии часто ссылаются на таблицу элементов Менделеева — «этот великий научный подвиг», как говорит Энгельс. Не следует, однако, забывать, что таблица Менделеева не есть математический анализ. Как раз наоборот, Менделеев только потому сумел предсказать свойства некоторых еще неизвестных элементов, что он знал свойства соседних по атомному весу. Одно голое количество атомного веса не в состоянии дать

¹ Мы этим утверждением не имеем намерения отделить метафизической стеной элементарные количественные операции от математического анализа, а желаем лишь подчеркнуть качественную особенность этого последнего. Элементарные количественные определения можно, пожалуй, назвать элементарным математическим анализом, но это не меняет существа дела.

² Нельзя, конечно, отрицать, что математика сталкивается здесь с трудностями, когда, напр., для длин линий площадей, охватываемых ими, или объемов, ограниченных поверхностями, получаются слишком сложные интегралы. Но сама сущность математики в том, чтобы эти трудности преодолевать — ибо обычно нельзя найти иного более легкого пути нежели путь математического анализа для решения подобного рода задач. В химии же дело обстоит как раз наоборот.

ни малейшего представления о химических и физических свойствах элементов, в то время как в геометрии уравнение линии вполне достаточно само по себе для определения свойств этой линии.

Таблица Менделеева, базирующаяся на атомной структуре вещества, является лишь первым шагом к построению математической химии, подобно тому как та же атомная структура, выявившаяся в опыте падения тел Галилея, послужила Ньютону для построения аналитической механики.

В последние десятилетия широкое развитие получила физическая химия, в которой количественный анализ, уже играет значительную роль. Ныне в связи с успехами теории строения атома начинает развиваться математическая химия в собственном смысле слова. Мы полагаем, однако, что едва ли будет возможным или целесообразным стремиться к доминирующему положению математического анализа в химии: громадная сложность химических процессов является препятствием для проведения чисто количественного метода.

Этим, разумеется, не отрицается значение математического метода для решения частных химических проблем.

Биология

После всего сказанного нам остается лишь очень немного сказать о математическом методе в биологии. Сложность биологических процессов такова, что роль математического анализа в биологии до сих пор, по крайней мере, равнялась нулю. Подчеркнем здесь еще раз, что математический анализ не следует смешивать с простейшими количественными определениями, которые имеют место во всякой науке: постольку поскольку количество неразрывно связано с качеством его приходится в той или иной мере учитывать.

Не следует далее смешивать математический метод с физико-химическим. Последний метод—одна из основ современной биологии, но физико-химическое исследование биологических процессов не является математическим анализом, а анализом преимущественно качественным. Правда, за последние годы появились биологи, которые делают попытки применять математический анализ в биологии¹. Такие попытки делались и делаются даже в области психологии; знаменитый Герbart написал еще в 1822 году работу: «О возможности и необходимости применять в психологии математику».

Безусловно, постольку, поскольку количество неразрывно связано с качеством, такие попытки могут быть принципиально оправданы. Они даже могут иметь большое значение для некоторых моментов биологического исследования. Вопрос лишь в том, всегда ли они целесообразны? Здесь мы вплотную подошли к тому «выбору фактов», о котором говорили в начале статьи.

¹ См., например, работы акад. П. П. Лазарева по йонной теории возбуждения.

4. О «выборе фактов» и методов в научном исследовании

Когда перед ученым находится какой-нибудь объект исследования он должен прежде всего решить вопрос: какой метод исследования приводит к практически наилучшему познанию объекта.

Возьмем следующий пример. Представим себе поле сражения, на котором происходит ружейная и пушечная стрельба. Это явление можно изучать с различных точек зрения. Предположим, что его изучает ученый-баллистик. Современная математика и механика дают такому ученому все средства, чтобы достаточно точно изучить количественную сторону процесса и тем самым определить качественную в тех пределах, которые интересуют нашего ученого балластика.

Представим себе, однако, что ученый-хирург вздумал бы произвести математический анализ стрельбы с интересующей его стороны, именно, с точки зрения эффекта стрельбы в отношении живой армейской массы. Такого ученого-хирурга сочли бы бесспорно сумасшедшим. Если процесс движения пуль и снарядов сравнительно количественно-качественно прост, то процесс ранения живого человеческого тела настолько количественно-качественно сложен, что подступать к нему с методом математического анализа является просто безумием.

Такой анализ не только практически невозможен, но он совершенно не нужен для познания процесса ранения. Всякий ученый хирург выберет поэтому метод качественного анализа. Исчерпывающая, преимущественно, качественная характеристика процесса ранения вполне достаточна для познания объекта исследования.

В случае чрезвычайно сложных количественно-качественных процессов математический анализ не только не ведет к познанию объекта, но, наоборот, к его незнанию, так как чрезмерность математического анализа неизбежно приводит к его собственному отрицанию, как метода исследования. Точно так же чрезмерность качественного анализа, особенно в тех областях, где мы имеем дело с простейшими количественно-качественными движениями, приводит к затемнению объекта исследования. Это именно имело место в древности, и особенно в эпоху средневековья, когда всецело господствовал качественный анализ. Благодаря чрезмерности качественного анализа, древним и средневековым геометрам пришлось, например, по выражению Декарта, написать «очень много толстых книг», но они были бессильны в таких вопросах, которые ныне решаются с величайшей легкостью.

Точно так же древние и средневековые мыслители, несмотря на всю мощь своего ума, не сумели правильно сформулировать основные законы механики. Хорошим примером в этом отношении является геркулес греческой мысли Аристотель, у которого преобладает именно качественный анализ. Благодаря своему пристрастию к этому методу, Аристотель никак не мог правильно установить законы движения тел, открытые впоследствии Галилеем и Ньютоном. Но зато в области логики, философии, теории искусства, зоологии, политики Аристотель оставил науке бессмертные памятники своего гения.

Гений исследователя в том именно и проявляется, что он знает, каким методом необходимо преимущественно пользоваться при изучении того или иного объекта, и в какой мере следует применять тот или иной метод.

Таким образом, утверждение будто бы естественные науки стремятся к стопроцентному применению математического метода не соответствует не только действительности, но и возможности. Безусловно, математический метод будет находить все большие и большие применения, но сама «природа вещей» ставит пределы этому методу: математический анализ слишком сложно количественно-качественного объекта не только практически невозможен, но на деле привел бы к отрицанию самого метода. Некоторые объекты целесообразно изучать преимущественно помощью математического метода, а некоторые преимущественно путем метода качественного.

5. Математический метод в политической экономии

Социальные процессы являются материальными движениями высшей известной нам количественно-качественной сложности. Вот почему при исследовании этих процессов применяется преимущественно метод качественного анализа. В связи с этим очень часто приходится читать и слышать утверждение, что социальные науки по этой именно причине не отличаются «астрономической точностью». Здесь просто недоразумение, основанное на неправильном пользовании методом сроднения. Сравнить (в указанном отношении) можно вещи однородные, или приблизительно однородные, но не разнородные. Нельзя поэтому сравнивать относительно простое движение планет с чрезвычайно сложными социальными движениями. В области астрономии также имеются процессы, которые невозможно познать с «астрономической точностью», и, наоборот, в области социальных явлений имеются движения, которые в известной мере поддаются изучению с «астрономической точностью». Так, астрономы с величайшей точностью умеют определять движения планет и комет, но они бессильны определить и предсказать появление в земной атмосфере какого-нибудь метеора, вследствие сложности процесса образования метеоров. Наоборот, выстрел с «Авроры» по направлению к Зимнему дворцу является несомненно социальным процессом, но вполне возможно с «астрономической точностью» дать анализ движения ядра, что, разумеется, очень мало или даже ничего не дает для познания «выстрела Авроры».

Вот почему в области каждой науки существует своя «астрономическая точность». «Астрономическая точность» в области механики достигается путем улучшения метода математического анализа, «астрономическая точность» в области социологии — путем улучшения метода анализа качественного. Напрасно поэтому некоторые думают, что «несовершенство» социологии, как науки, обусловлено недостаточным применением к ней математического метода. Мы полагаем, что чрезмерное применение этого метода не только не привело бы к «астрономической точности», но, наоборот, к полному ее уничтожению

Только улучшение качественного анализа может улучшить точность социологии как науки—это вытекает из природы самого объекта социологии. Значит ли это, что математический метод должен быть совершенно изгнан из политической экономии? Утверждать это значит полагать, что социальные процессы не являются движениями материи. Мы считаем, что социальные процессы представляют собою особую форму движения материи, а потому признаем в известной мере применение математического анализа в политической экономии. Какова эта мера? Прежде чем отвечать на этот вопрос, остановимся на том нашем утверждении, которое часто цитируется: «труд Маркса насквозь математичен по внутреннему своему содержанию». Из всего того, что говорят по нашему адресу, ясно, что это положение понимается так: «Капитал» Маркса можно изложить в форме физико-математического трактата. Такая интерпретация нашего утверждения имеет своим источником то, что критики обычно не читают, а если читают, то не вникают в смысл того, что они критикуют. Наша работа «Наука и Гипотеза»—работа философская. Всякий философ, по самой природе своей профессии обязан танцевать от вполне определенной философской печки. Тот кто не желает или не умеет этого делать пусть лучше оставит философию и займется домашним хозяйством.

Какова наша исходная точка зрения? Эта точка зрения диалектического материализма, который учит, что все процессы мира являются движениями материи в пространстве и времени. Поскольку же материя неразрывно связана с пространством, поскольку всякое движение происходит в пространстве, постольку во всяком материальном движении количество неразрывно связано с качеством. Это незыблемый постулат всякого материализма и его отрицание ведет к уничтожению материализма, как философского мировоззрения. Происходят ли социальные движения в пространстве и во времени или же не происходят? Протяженна ли материя социальных движений или непротяженна?

Связаны ли необходимым образом социальные движения с протяженной материей и движением—перемещением в пространстве? Тот кто отрицательно отвечает на эти вопросы не является с нашей точки зрения материалистом, и нам нечего с ним разговаривать. Безусловно, движение-перемещение протяженной материи не исчерпывает природы социальных движений: *это только одна, именно внешняя сторона процесса.*

Но признание этой стороны имеет великое принципиальное—методологическое значение для философии материализма. Ее отрицание ведет к отрицанию материализма как такового. Вот почему, постольку в социальных и иных движениях, как бы они не были сложны, участвует протяженная материя, и движения эти необходимым образом связаны с перемещением в пространстве, постольку необходимо признавать принципиальную возможность качественного анализа этих движений. Методологическое значение этого принципиального признака заключается в том, что оно дает нам возможность проверить, является ли данный качественный анализ и базирующаяся на нем теория материалистической и научной. Почему, например, витализм антинаучен? А потому, что жизненную силу мыслят не связанной

по существу ни с каким реально протяженным и перемещающимся субстратом. Утверждая, что труд Маркса математичен *по внутреннему своему содержанию*, мы хотели этим сказать только то, что качественный анализ Маркса является строго материалистическим. Об этом именно говорит наше сравнение Маркса с Фарадеем. Фарадей не знал математики, но его качественный анализ был настолько гениально совершенным, что он с большой легкостью проник в тайну движений эфира. Качественный анализ Фарадея был материалистически правильным, в то время как совершенно неправилен был анализ тех физиков, которые упорно стояли на точке зрения мистической силы дальностей. Это именно неправильная материалистическая установка дофарадеевского электромагнетизма и привела к относительному бесплодию науки об электромагнитных движениях, несмотря на то, что в этой области работали такие умы как Ампер, Вебер, Рيمان и Гаусс. Впрочем, эти великие ученые постепенно сами отходили от точки зрения дальностей и только благодаря этому добились некоторых очень важных для электромагнитной теории результатов. Мы здесь имеем в виду чрезвычайно важную теорию эффективного потенциала, основанную Вебером, Риманом и Гауссом.

Максвелл облек качественный анализ Фарадея в математическую форму. Можем уверить наших критиков, что мы не собирались и не собираемся этого делать по отношению к «Капиталу» Маркса—не потому, что у нас нет математических способностей Максвелла, а потому именно, что считаем такого рода предприятие практически невозможным и совершенно ненужным.

У Франса имеется анекдот про персидского царя, который пожелал узнать историю человечества. Когда через 20 лет работы к царю явились ученые мудрецы с караваном в 500 томов такой истории, царь, ссылаясь на перегруженность государственными делами, попросил составить для него историю покороче. Через 5 лет царю была представлена история в 5 огромных томов, он опять попросил сократить ее, жалуясь на болезни и старость. Через год к царю явился мудрейший из мудрецов с одним всего томом истории человечества. Но царь умирал. «У меня уже нет времени прочесть даже один том твоей истории»—сказал умирающий мудрецу. Мудрец ответил: всю историю человечества можно узнать в четырех словах: человек рождается, страдает и умирает. У Франса анекдот имеет особый смысл, но мы его привели для иллюстрации той мысли, что некоторые процессы мира для своего познания не требуют познания всех сторон объекта. Если бы нашелся какой-либо сверх-гениальный математик, который изобразил бы в количественно-математической форме тот комплекс материального движения, который мы называем «Войной и миром» Толстого, то только сумасшедшие захотели бы воспользоваться такого рода трудом. Для познания «Войны и мира» нет надобности знать химический состав типографской краски, химические и физические особенности набора, бумаги, машин и т. д.

Какова же мера применения математического метода в политической экономии? Эта мера определяется диалектическим пониманием

понятий «простого» и «сложного». С точки зрения диалектики понятия эти одновременно абсолютны и относительны. Полет пули абсолютно проще движения живого организма, но «простота» движения пули весьма относительна, ибо сама пуля и окружающая ее среда являются «сложными» материальными телами. В каждой «сложной» материальной среде можно поэтому выделить относительно «простые» движения. Чем менее «абсолютно» сложна данная среда, тем легче это сделать. Приложение математического метода к политической экономии зависит, таким образом, от возможности выделения сравнительно «простых» движений из чрезвычайно запутанного клубка движений социальных. Такое выделение всегда возможно, но чем абсолютно сложнее движение, тем большая требуется осторожность. Первым примером такого выделения является приложение статистического метода.

Основным условием правильного применения статистического метода в политической экономии являются следующие положения: необходимо, чтобы среда, в которой прилагается метод, была по возможности качественно однородна в пространстве и во времени; это дает возможность ввести в понятие относительного количества. Таким образом правильное применение статистического метода обеспечивается неустанным качественным анализом и контролем, их отсутствие ведет к многочисленным ошибкам, которые очень часты у большинства статистиков, увлекающихся формально-математической стороной метода и забывающих о сложности объекта, к которому метод прилагается. В своей работе «Наука и Гипотеза» мы дали пример математического анализа закона понижения нормы прибыли. Это сделано нами с целью охарактеризовать метод исследования Маркса-Энгельса и установить единство этого метода с методом точных наук. Вся гениальность Маркса, как исследователя, проявилась именно в том, что он сумел из такого сложного движения, как движение социальное, выделить относительно простейшие движения. *„Метод восхождения от простейшего к сложному, — говорит Маркс во „Введении в критику политической экономии“, — очевидно, является правильным в научном отношении“.* В своей работе мы показали, каким образом Маркс пользуется этим методом восхождения от простейшего к сложному, методом, который ныне некоторые марксисты склонны отрицать.

Мы не будем здесь повторяться, а подчеркнем лишь следующие наши заключительные слова к § «Математическое исследование закона понижения нормы прибыли». «Понижение нормы прибыли явление очень сложное. Подробный анализ этого явления читатель найдет у Маркса». Здесь под словом анализ разумеется анализ качественный.

Таким образом наш вывод закона понижения нормы прибыли не является попыткой облечь «Капитал» в физико-математическую форму, а лишь опытом установления единства научного метода.

Это единство мы называем единством метода диалектического материализма, единством, отражающим единство материального мира и его движения.

ГЕГЕЛЕВСКАЯ ДИАЛЕКТИКА В ОЦЕНКЕ МОЛОДОГО МАРКСА

(По поводу марксовской «Критики философии права Гегеля»)

I

Почти одновременно вышли два издания института К. Маркса и Ф. Энгельса: у нас — третья книга «Архива», во Франкфурте — первый полум том международного собрания сочинений Маркса и Энгельса¹. Нет нужды подчеркивать их значение для изучения истории и теории марксизма. Начатое вышедшим томом издание литературного наследия Маркса и Энгельса представит собою величайший памятник страны победившего пролетариата основоположникам научного социализма. Первый том впервые дает исчерпывающий материал для изучения развития молодого Маркса до 1843 г. включительно. С выходом его в свет некогда сыгравшее столь большую роль издание Меринга из средства изучения истории марксизма становится ее предметом. Разобрать и оценить все то новое, что дает этот полум том, не может быть делом одной статьи, а лишь результатом труда целого ряда исследователей самых различных сторон генезиса и теории марксизма. Достаточно указать на то, что среди впервые опубликованного в нем материала мы находим подготовительные работы Маркса к его диссертации, много неизвестного до сих пор из «Рейнской Газеты» и марксовскую «Критику философии права Гегеля». Предметом нашего рассмотрения будет лишь эта последняя. При этом и «Критику гегелевской философии права» мы будем рассматривать лишь под определенным углом зрения — с точки зрения содержащейся в ней критики гегелевского метода, гегелевской диалектики. В третьей книге «Архива» вместе с переводом «Критики»; опубликованной по-немецки в Gesamtausgabe, помещен и перевод еще нигде неопубликованных подготовительных работ Маркса к «Святому семейству». Они нуждаются в особом разборе. Мы не можем здесь описывать все богатство «Архива» и Gesamtausgabe, отсылая к нему читателя. Отметим лишь

¹ Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса под ред. Д. Рязанова. Книга третья, Гиз. 1927 г., стр. 519. Karl Marx u. Friedrich Engels. — «Historisch-kritische Gesamtausgabe in Auftrag des Marx-Engels — Instituts» Moskau, Hrsg. von D. Riazanow. B. I, Erstes Halbband. Frankfurt a. M. 1927. S. 626.

вводную статью Д. Рязанова к интересующим нас рукописям, содержащую разбор их, и несколько неопубликованных отрывков из Маркса.

II

«Критика философии права Гегеля», относимая Д. Б. Рязановым к апрелю-сентябрю 1843 г., представляет конспект с параллельной критикой §§ 261—313 гегелевской «Философии права». После того, как работа в «Рейнской Газете» обнаружила Марксу недостаточность его социально-экономической подготовки, внимание его было направлено, с одной стороны, на изучение новейшей социалистической, и экономической литературы, с другой—на гегелевскую «Философию права», представлявшую собою высший продукт предшествовавшей немецкой классической философии и теоретическое обобщение современной немецкой действительности. Изучение и критика ее, по свидетельству самого Маркса в предисловии к «Zur Kritik etc.», послужили важнейшим составным звеном в ряду тех исследований, первым результатом которых было «Введение к критике гегелевской философии права» и завершением—материалистическое понимание истории. Таким образом опубликованный теперь конспект приводит нас к самым истокам философской и исторической теории Маркса.

Для того, чтобы правильно оценить и «Конспект», и подготовительные работы к «Св. семейству», прежде всего надо учесть то влияние, которое именно в этот период имел на Маркса Фейербах. Недаром еще в 1842 г., в заметке «Лютер, как судья между Штраусом и Фейербахом», Маркс писал: «И вам, спекулятивные теологи и философы, советую: освободитесь от понятий и предрассудков предшествовавшей спекулятивной философии, если вы хотите притти к вещам, как они есть, т.-е. к истине. Для вас же нет никакого другого пути к истине и свободе, чем через Фейербаха (здесь игра слов: по-немецки написано durch den Feuerbach, дословно—через огненный ручей). Фейербах—чистилище современности» (Gesamtausgabe, B. I, S. 175). Неудивительно, что в процессе перехода от гегельянства к материализму фейербаховская критика спекулятивной философии оказала значительное влияние и на самого Маркса. Однако, как мы увидим в дальнейшем, нельзя преувеличивать это влияние. Уже в письме к Руге Маркс отмечает односторонность Фейербаха, необходимость дополнить его энтузиазм природы—энтузиазмом государства. При всем том «освещающем» влиянии, которое оказал Фейербах в начале 40-х годов на умственное развитие предреволюционной Германии, содержание его философии было очень ограничено. Фейербах с большим блеском реабилитировал права природы, гегелевским отвлеченностям противопоставлял чувственность, времени—пространство, мышлению—тело, голове—сердце. Но природа, чувственность, сердце, человек сами оставались для него еще отвлеченными принципами. В этом отношении, поражая спекуляцию, Фейербах сам оказывался последним представителем спекулятивной философии, конструирующим из отвлеченной человеческой природы отвлеченную мораль. Отсюда ограниченность,

однообразность и бедность определениями его философии. Диалектический момент в системе Гегеля обуславливался необходимостью представить все существующее, как обнаружение развивающегося абсолютного духа. Поэтому логика системы требовала, чтобы абстрактные категории были окунуты в реальный мир и действительность изображена, как их реализация. Это, с одной стороны, приводило к искажению действительности, движущим принципом ее превозглашало то, что по существу является лишь ее отражением, но с другой—заставляло изучать внутреннюю жизнь действительности, ее движение, законы этого движения, хотя бы и в извращенном виде. Системе Гегеля могла противостоять и заменить ее лишь такая материалистическая система, которая, превозгласив основным своим началом природу, действительный материальный мир, не остановилась бы на этом, а гегелевский карикатуре на мир противопоставила бы его истинный образ, во всем конкретном богатстве его содержания. Материализм Фейербаха не мог выполнить этой задачи, разрешить ее мог лишь конкретный материализм Маркса. Поэтому же,—будучи блестящим диалектиком в критике идеализма,—сам Фейербах не исследовал форм диалектического развития. Точка зрения Маркса, даже в фейербаховский период его развития, оказывается по самому своему типу сплошь и рядом выше точки зрения его вдохновителя. В проекте предисловия к работе против Бауэра Маркс особо оговаривает, что считает совершенно необходимым заключительную главу ее посвятить разбору *гегелевской диалектики* и философии вообще. Он понимает, что «открытия Фейербаха относительно сущности философии требуют все же критического рассмотрения философской диалектики, по крайней мере для их обоснования». Самую сущность «человека», провозглашаемого основным принципом «реального гуманизма», молодой Маркс понимает глубже, чем Фейербах. По поводу гегелевского противопоставления государства человеческой индивидуальности он замечает: «Гегель забывает, что сущность «особенной личности» составляет не ее борода, не ее кровь и т. п., а ее *социальное качество*, и что государственные функции и т. д. суть не что иное, как формы бытия и формы проявления социальных качеств людей» (Архив, III, 157). Впоследствии, во «Введении к критике гегелевской философии права» это будет значить, что «человек—не абстрактное, вне мира витающее существо. Человек *это мир человека, государство, общество*». От этого положения недалеко уже до признания того, что само государство и общество, «мир человека» нужно брать *не в их абстрактном определении, а в их историческом развитии*. Утверждение исторической точки зрения и составляет переход от «Св. семейства» к «Немецкой идеологии»—и в известном смысле поэтому снова возврат к Гегелю.

Но, для исследуемого периода, значение Фейербаха нельзя и преуменьшать. Его влияние обуславливает собою и многие достоинства и, как увидим далее, некоторые недостатки «Критики». Фейербаховская критика Гегеля вошла в диалектический материализм. И если во многих местах Маркс в своих замечаниях следует за Фейербахом—то это ни мало не принижает значения конспекта не только как

свидетельства определенного этапа в духовном развитии Маркса, но и как образца *материалистической* критики гегелевской конструкции. Нашей задачей в этой заметке является показать, как критикует молодой Маркс Гегеля, в чем он видит ошибочность и недостаточность гегелевской диалектики.

В наши дни широкого изучения гегелевской философии воспроизвести материалистическую критику ее молодым Марксом не только полезно, но и необходимо. Это важно не только для истории, но и для *теории* марксизма, теории *материалистической* диалектики. Хотя кое-где эта критика недостаточна, что обусловливается невыработанностью еще точки зрения самого Маркса, тем, что перед нами нет еще Маркса—марксиста, в основном она сохраняет свое значение и поныне. Дополняя и предвосхищая то, что в более совершенной, но зато и в бесконечно более краткой, афористической форме мы находим в более поздних произведениях, эта критика вместе с тем является наиболее глубоким из всего того, что было написано до сих пор о гегелевской диалектике за сто лет ее существования.

III

Важнейшим вопросом, на котором сосредоточивает Маркс свое внимание при критическом рассмотрении гегелевской диалектики, является проблема того, что оказывается в ней субъектом и что предикатом в изображении действительности. Во вводной статье тов. Рязанова на стр. 114 приводится замечание Маркса в одной из его тетрадок с выписками из различных книг, относящееся к июлю—августу 1843 г., объясняющее нам, почему уже тогда Маркс придавал такое большое значение этому вопросу. Там Маркс замечает: «При Людовике XVIII конституция была милостью короля, при Луи-Филиппе король является милостью конституции. Мы можем вообще заметить, что превращение субъекта в предикат и предиката в субъект, замена определяющего определяемым, всегда есть ближайшая революция... Тем, что Гегель делает моменты государственной идеи субъектом и старые государственные формы предикатом, тогда как в исторической действительности дело обстоит наоборот,—государственная идея всегда была предикатом этих форм,—он выражает только всеобщий характер эпохи, ее *политическую теологию*. Получается то же самое, что с его философско-религиозным пантеизмом. Все создания неразума превращаются в разум, в государстве—государственная идея. Эта метафизика есть метафизическое выражение реакции, старого мира, как истины нового мировоззрения». Закон превращения субъекта в предикат Маркс прилагает не только к революционной стороне действительности. Но для нас сейчас важна именно эта сторона.

Отличительной особенностью гегелевского идеализма является то, что, утверждая единство идеи и действительности, Гегель вместе с тем признавал не идею порождением реального мира, а реальный мир порождением идеи. И в политической действительности поэтому для

Гегеля не государственная идея являлась слепком с наличных государственных форм, а эти формы реализацией некоей государственной идеи. Так же, как в религии не—божество признается созданным по образу и подобию человека, а человек созданным по образу и подобию божию—так же и в гегелевской «Философии права» не действительность политической жизни людей является субъектом, а идея ее—предикатом, а, наоборот, моменты государственной идеи делаются субъектом, действительные же государственные формы их предикатом. Это олицетворение государственной идеи и создает ту «политическую теологию», о которой говорит Маркс. Но это олицетворение идеи, превращение ее из тени материального мира в ее демиурга, составляет сущность гегелевского идеализма вообще. Маркс называет его «философски-религиозным пантеизмом». Религиозным, так как в нем лицо гипостазирование в самостоятельное существо того, что реально есть лишь отражение действительности. Пантеизмом, так как здесь обожествляется, превращается в саморазвивающийся самостоятельный субъект *снямок с реальной действительности*, природы и человеческой истории. Глубина гегелевского объективного идеализма по сравнению с объективным же идеализмом, скажем, Платона заключается в том, что в то время как у Платона *неизменные идеи противостоят* изменяющемуся и тленному материальному миру, у Гегеля идея должна найти себя в *этом* мире, раскрыть себя в формах *его движения*. Поэтому за миром абстрактных понятий должны следовать мир природы и мир истории, за «Логикой»—«Философия природы» и «Философия духа». Естественно поэтому, что, изучая формы обнаружения и развития идеи в реальном мире, Гегель должен изучить формы его действительного движения, но представить их при этом не тем, чем они являются на самом деле, а лишь предикатом некоего божественного субъекта. В этом заключены все величие и вместе с ним вся превратность гегелевской философии. Так как для Гегеля идея есть нечто развивающееся, проявляющееся в природе и истории, то он должен всесторонне изучить формы этого развития, а вместе с тем и формы развития всех природных и духовных вещей. Но так как реальный мир понимается *не как то, что он есть*, а как обнаружение чего-то *иного*, в основе его лежащего и его порождающего, то постигнутые формы движения отрываются от их материальной основы и естественная, действительная связь между явлениями заменяется искусственной, биография мира подгоняется под автобиографию абсолютной идеи, конструируемую ее творцом в целях оправдания существующего. Идеализм Гегеля оказывается метафизическим выражением реакции старого мира, но вместе с тем таким его выражением, которое в превратном виде заключает в себе истину нового мировоззрения. Для обнаружения ее—то, что Гегелю рисуется как субъект, должно быть понято как предикат, и наоборот—то, что Гегель считал предикатом,—поставлено на место субъекта. Осуществление этого переворота в гегелевской философии было делом Фейербаха. Маркс в этом направлении лишь повторяет и блестяще развивает далее мысли Фейербаха.

«Логический, пантеистический мистицизм» у Гегеля, пишет он (Арх., стр. 145), заключается в том, что «действительность у него провозглашается не такой, как она есть, а как другая действительность. Обыкновенная эмпирия повинуется законам, но не своего собственного духа, а чужого; действительная же идея в свою очередь имеет свое наличное бытие не в действительности, развившейся из нее самой (из идеи. *Н. К.*), а в обыкновенной эмпирии. Идея субъективируется. *Действительное* отношение семьи и гражданского общества к государству принимается как внутренняя, воображаемая деятельность идеи».

Поэтому, вопреки единству, провозглашаемому Гегелем высшим принципом, действительность у него как бы *удваивается*. Отражение предмета становится самостоятельным предметом, а предмет—тенью своей собственной тени. «Действительность становится феноменом, но идея не имеет никакого другого содержания, кроме этого феномена» (147). В этом сказывается «вся мистика философии права и гегелевской философии вообще», замечает далее Маркс. Но сама по себе идея, в качестве продукта человеческой мозговой деятельности, вне зависимости от движения отражающегося в ней внешнего мира, даже превозглашенная абсолютным субъектом, не способна ни к какому самостоятельному развитию. Развивать ее можем лишь мы, наполняя ее новым содержанием, и это развитие может быть истинным лишь тогда, когда в идее так или иначе находит себе выражение жизнь отражаемого ею предмета. Поэтому, как замечает Маркс (стр. 148), хотя Гегель делает субъектом идею, а действительный субъект—предикатом, развитие, однако, везде идет на стороне предиката. Но так как действительная жизнь предмета проникает при этом в идею лишь через заднюю дверь, не как ее повелитель, а как ее слуга, она не может сохранить свой истинный образ. Идеалистическая диалектика как бы дважды искажает предмет. Она не только ставит его на голову, объявляя не предмет основанием идеи, а идею—основанием предмета, но и искривляет далее поставленный на голову предмет, так как его судьба определяется не логикой *его* развития, а логикой развития *идеи*. Поэтому, критикуя гегелевскую трактовку отношения семьи и гражданского общества к государству, Маркс указывает (стр. 146), что «семья и гражданское общество суть действительные части государства..., которые *сами себя* превращают в государство. Они являются движущим моментом. По Гегелю же они *созданы* действительной идеей. Их объединение в государство не есть результат их собственного развития, а предопределено развитием идеи... Политическое государство не может существовать без естественного базиса семьи и искусственного базиса гражданского общества. Последние суть *conditio sine qua* при государстве. Но у Гегеля условие делается обусловленным, определяющее—определением, производящее—продуктом своего продукта». Переход от семьи к гражданскому обществу, от гражданского общества к государству у Гегеля «выводится не из *особенной* сущности семьи и т. д. п не из *особенной* сущности государства, а из *общего* отношения

необходимости и свободы. Мы имеем здесь совершенно тот же переход, который совершается в логике из сферы сущности в сферу понятия. Тот же переход совершается в натурфилософии из неорганической природы к жизни. Это—все одни и те же категории, которые составляют душу то одной сферы, то другой сферы. Дело только в том, чтобы найти для отдельных конкретных определений соответствующие абстрактные» (147). Таким образом, диалектика Гегеля, вместо того, чтобы помочь изучению конкретного движения, конкретных предметов, превращается в универсальную схематику, *механически* накладывающую свои схемы на самые различные предметы. Здесь в гегелевской диалектике приходит в противоречие требование *конкретности* истины с идеалистической системой, подчиняющей себе метод. В «Логике» Гегель заявляет, что истинным познанием предмета мы можем называть только такое, когда мы ничего не привносим в предмет познания от себя, а целиком отдаемся его жизни и объективно постигаем ее. Вместе с этим, подчиняясь требованиям своей системы, Гегель должен стремиться не логическую идею поставить на службу изучению реального мира, а изучение реального мира на службу делу раскрытия во всех природных и духовных вещах логической идеи. Поэтому «центр тяжести (его) интереса лежит не в сфере философии права (для разбираемого Марксом случая), а в сфере логики. Философская работа Гегеля направлена не на то, чтобы наполнить абстрактное мышление конкретным содержанием, а на то, чтобы испарить содержание существующих политических определений и превратить их в абстрактную мысль. Не логика дела, а дело логики является философским моментом. Не логика служит для оправдания государства, а государство для оправдания логики» (153). Не самодвижение предмета, не его форма движения, не его логика привлекают в конечном счете внимание Гегеля, а «самодвижение идеи», сплошь и рядом приводящее к «конструкциям из посторонних соображений».

IV

Но если у Гегеля подлинный субъект развития, действительный предмет, превращается в «последний предикат абстрактного предиката» (стр. 153), если логике дела у него заменяет дело логики и познаваемые нами законы жизни предмета насильственно подчиняются заранее предписанной схеме развития логических категорий, то тогда и его определение предметов вместо того, чтобы быть имманентным предмету, становится *внешним* ему. Вместо диалектического мы получаем догматическое, вместо выражающего сущность предмета—скользящее по его поверхности мышление. Так, Гегель определяет государство как «организм» и, следовательно, разделение властей «не как механическое, а как органическое, живое и разумное расчленение» (Арх., стр. 148, 149). По Марксу это «знаменует большой шаг вперед», однако Гегель так и останавливается на первом шаге. Развивая определение государства, он перечисляет те же признаки, которые отличают *организм вообще*. Вместе с определением государства, как

организма, он не дает ничего для того, чтобы понять *специфические* отличия *этого* организма, то, чем *политический* организм отличается, скажем, от *животного*. Гегель подводит государство под общую *логическую* категорию *организма*—и довольствуется этим. «Интерес (его) направлен только на то, чтобы в каждом элементе, будь то элемент государства, будь то элемент природы, снова найти «чистую идею», «логическую идею», действительные же суб'екты, как, например, здесь «политическое устройство», становятся простыми *названиями идеи*, и мы в результате имеем только видимость действительного познания. Эти суб'екты суть и остаются непонятыми, непостижимыми в их специфической особенности, определениями» (149). В силу этого же, искони присущего идеализму *внешнего* отношения к предмету, у Гегеля не могло быть выдержанной, истинной критики различных форм и движений действительного общественного мира. Одной из величайших заслуг Гегеля является его учение о том, что всякая настоящая критика, не только уверяющая в своей истинности, а доказывающая недостатки данного учения, должна подходить к нему не извне, не просто противопоставить какому-либо утверждению—свое, а вскрыть внутреннюю логику критикуемой точки зрения, *развив* ее—показать тем самым ее *недостаточность*, логические и *исторические* ее границы. Действительная критика должна показать не только противоречия в своем предмете, но и исторически их объяснить, и тем самым окончательно его преодолеть. Поэтому Маркс и противопоставляет вульгарной *догматической* критике—истинную диалектическую. Критикуя какой-нибудь предмет, например, конституцию, вульгарная критика «обращает внимание на противоречивость властей и т. д., везде находит противоречия. Но это все еще догматическая критика, *борющаяся* со своим предметом, подобно тому как в прежнее время спорили против догмы святого триединства указанием на противоречие между одним и тремя. Истинная критика, напротив, показывает внутренний генезис святого триединства в человеческом мозгу. Она описывает акт рождения этой догмы. Точно так же и философская критика современного государственного строя не только вскрывает существующие противоречия, но и *объясняет* их, она понимает их генезис, их необходимость. Она берет современный государственный строй в его *специфическом* значении. Это *понимание*, однако, не сводится к тому, чтобы, как это себе представляет Гегель, везде находить определение логического понятия, а в том, чтобы постигнуть логику своеобразного предмета» (216). Основоположник диалектической логики сам был не в достаточной степени диалектиком, и его идеализм не позволял ему провести до конца *качественное* понимание специфической закономерности материальных предметов во всем их своеобразии. Его идеалистическая диалектика часто скользила по предмету, оставалась внешней ему, так как цель ее заключалась не в познании предмета, а в подчинении его заранее данной логической форме.

Тем самым у Гегеля неизбежен был своего рода *дуализм* идеи и действительности. Изучая реальный предмет, Гегель исходил не из

этого реального предмета, не он представлял для него интерес, а из всеобщих определений, носителем которых объявлялась мистическая идея. В силу этого «Гегель всеобщее не рассматривает как действительную сущность действительного конечного, т.-е. существующего, определенного, или действительное существо не считает *подлинным субъектом* бесконечного» (159).

Всеобщее и особенное не представляют чего-то внешнего по отношению друг к другу, их противоположность не есть внешнее *сосуществование* одного на ряду с другим, и их единство—не механическое смешение, а всеобщее есть действительная сущность «действительного конечного», *живущее в нем*, его объединяющее. Гегелевское же всеобщее все еще оставалось абстрактным, так как оно было призвано выразить сущность не действительных конечных вещей, а мистической идеи, и если Гегель все же находил истинные формы движения вещей, то лишь потому, что сколь ни божественна абсолютная идея — наполнить ее хотя бы видимостью реального содержания можно было лишь из богатств грешной земной действительности.

Однако раз изучение предмета ведется не ради его самого, раз задачи сводятся не к тому, чтобы проследить все многообразные формы реального особенного движения, а лишь к тому, чтобы обнаружить в нем логическую форму, совпадение которой с данным явлением заранее постулировано, то естественно, что очень часто прообраз даже истинной логической формы Гегель находит не в самой сути, не во внутреннем законе развития данного предмета, а *во внешних формах его проявления*. Так как разум *должен* себя обнаружить в действительности, а интерес Гегеля не направлен на изучение внутреннего движения самой действительности,— оно для него нечто побочное, прикладное, — то разумной сплошь и рядом объявляется такая действительность, которая в реальном движении представляет собой уже нечто мертвое, исторически превзойденное. Разум ее есть *разум прошлого*, и потому — неразумие настоящего, бессмыслица с точки зрения будущего. У Гегеля сплошь и рядом действительность совпадает со *ставшим* в ней, с точки зрения движения он переходит к оправданию данного, на точку зрения покоя. Доказывая историческую обусловленность предмета, он забывает указать на его исторические границы. В этом — не критичность Гегеля, и абсолютный идеализм здесь непосредственно переходит в свою противоположность — ползуний эмпиризм.

Маркс преследует этот бескрылый эмпиризм в гегелевской «Философии права» шаг за шагом. Да, все разумное становится действительным, так как все истинно разумное есть не что иное, как отражение тех или иных тенденций или законов действительности; все действительное — разумно; так как все действительное — закономерно, исторически обусловлено. Но есть разум прошлого и разум будущего. Диалектика учит, что нет ничего неизменного, и эмпирическая действительность есть точка пересечения исчерпавших себя тенденций и отмирающих форм — ростками новых сил и новых побегов. Диалектик

должен уметь отличить этот движущий момент в действительности и провозгласить его истиной нового мира. Гегелю недоставало сознания революционной стороны диалектики, составлявшей самое существо ее. Поэтому он сплошь и рядом оказывается в плену самого вульгарного эмпиризма.

Гегелевское превращение суб'ективного в об'ективное, а об'ективного в суб'ективное, пишет Маркс (172), «имеет своим необходимым результатом, что *эмпирическая реальность* некритически принимается за действительную истину идеи, ибо речь идет не о том, чтобы эмпирическую реальность свести к ее истине (т.-е. к закону ее движения. *Н. К.*), а о том, чтобы истину свести к какой-нибудь эмпирической реальности, и в таком случае первая попавшаяся эмпирическая реальность развивается, как реальный момент идеи». Маркс называет это необходимым переходом эмпирии в умозрение и умозрения в эмпирию. «Как только Гегель обособляет всеобщее как нечто самостоятельное, он его непосредственно смешивает с эмпирической реальностью и немедленно же некритическим образом начинает принимать ограниченное за выражение идеи» (174). Исторически ограниченное, отжившее оказывается высшим выражением развития предмета.

V

Однако нельзя и недооценивать значение гегелевского положения о действительности разумного. Оно не только возвращало мысль из кантовского противопоставления долженствования и действительности—в реальный мир, но и учило искать в нем пути для осуществления идей, учило искать в реальном мире их глубочайшие основания. Будучи истолковано неисторически, это положение было реакционным, истолкованное диалектически оно становилось революционным, так как требовало отыскания в самой жизни средств ее изменения.

Так как признание разумного действительным требовало изучения реального мира, а действительность противоречива, то Гегель, следуя этому положению, должен был, рисуя реализацию абсолютной идеи, вскрывать, вместе с тем, противоречия этого мира. «Именно в том и сказывается глубина Гегеля, пишет Маркс в своем комментарии к § 298, что он везде начинает с *противоречия* определенных (как они реализованы в наших государствах) и это делает главным предметом своего исследования».

Гегель сознает разрыв, существующий в современном ему обществе, между гражданским обществом и политическим государством, хочет преодолеть его путем установления некоего единства, но единство это он ищет в смешанных переходных формах, в причудливом *механическом* соединении средневековых и современных буржуазных общественных учреждений. Он обнаруживает неуменье понять на конкретном примере, что единство создается не механическим соединением противоположных элементов, а их борьбой и установлением на их смену нового отношения, которое приносит с собою

победившее, начало и которое самого победителя делает совершенно иным, качественно отличным от его прежнего образа.

Маркс подвергает, поэтому, общественно-политические взгляды Гегеля, его обоснование существующего политического строя резкой критике. Эта исключительная по своей остроте и блеску критика нуждается в особом разборе. Здесь достаточно нескольких примеров. Разбирая взаимоотношения между политическим государством и остальными сферами народной жизни, хозяйством и бытом, Маркс пишет: «Из различных моментов народной жизни с наибольшим трудом совершилось формирование политического государства, государственного устройства. Последнее развивалось по отношению к другим сферам, как всеобщий разум, как нечто потустороннее этим особым сферам. Историческая задача состояла тогда в том, чтобы вернуть политическое государство в реальный мир; но особые сферы не сознают при этом, что с упразднением потустороннего существа государственного устройства или политического государства упраздняется и их частное существо, что потустороннее существование политического государства есть не что иное, как утверждение их собственной отчужденности. *Политический строй* был до сих пор *религиозной сферой*, *религией* народной жизни, небом ее всеобщности в противоположность *земному существованию* его действительности. Политическая сфера была единственной государственной сферой в государстве, единственной сферой, содержание которой, подобно форме, было родовым содержанием и представляло собой подлинно всеобщее, но, поскольку эта одна политическая сфера противопоставлялась другим сферам, и ее содержание становилось формальным и особенным. Политическая жизнь в современном смысле есть *схоластика* народной жизни. *Монархия* есть законченное выражение этого отчуждения, *республика* же есть его отрицание внутри его собственной сферы. Понятно, что политическая конституция, как таковая, развилась только там, где частные сферы достигли самостоятельного существования. Там, где торговля и частное землевладение еще не свободны и не достигли самостоятельности, там еще нет и политического устройства, как такового» (Арх., стр. 165—166).

Своеобразие марксовой точки зрения заключается здесь в чрезвычайно глубоком понимании связи различных сторон народной жизни. Отчуждение политического государства от семьи и гражданского общества ведет не только к опустошению политической сферы, к превращению ее в пустую схоластическую форму, но и к «утверждению *их* обособленного существования, означает утверждение *их* собственной отчужденности». Эту марксовскую трактовку «отчуждения» особо отмечает в своей вступительной статье тов. Рязанов (стр. 139). Разобщение политики, хозяйства и быта означает не только отчуждение их друг от друга, но и взаимное опустошение ими друг друга, опустошение и отчуждение в них человека от самого себя. Поэтому устранение их разобщенности, взаимное проникновение их, уничтожение потустороннего, формально противопоставленного другим сферам, политического государства должно означать

уничтожение всех этих сфер, как особых независимых друг от друга сфер. Место их должно занять *органическое* единство общественной формы и материального содержания, гармонически охватывающее в себе все стороны народной жизни. Так намечается у молодого Маркса утверждение *коммунистического* идеала.

Не менее глубоки страницы, посвященные характеристике *бюрократии*.

Гегель исходит из *разделения* между государством и гражданским обществом, между *особенными* интересами и «в себе и для себя сущим всеобщим» и отсюда дедуцирует необходимость в опосредствующем их *чиновничьем мире*, бюрократии. Бюрократия представляет таким образом как бы лицо государства, обращенное к различным корпорациям гражданского общества, формализм этого государства по отношению к ним. Этот формализм государства по отношению к корпорациям сам, таким образом, выступает здесь как особая корпорация. Общие интересы бюрократии должна защищать в государстве в качестве особого замкнутого общества, а свои особые интересы—в качестве всеобщих. Естественно поэтому, что она защищает *мнимую* всеобщую—корпоративный дух в государстве и мнимую особенность всеобщего интереса—свой собственный дух, оторванный от всех остальных сфер гражданского общества. Недостаток Гегеля заключается в том, что, вскрыв основу, на которой зиждется бюрократия, разрыв между гражданским обществом и государством, он дает лишь *эмпирическое* описание бюрократии, соответствующее отчасти действительности, отчасти тому представлению, которое сама бюрократия имеет о своем бытии, и не дает подлинного разрешения вскрытых в ее существовании противоречий.

«Бюрократия считает себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» задачи своим содержанием, то она везде вступает в конфликт с «реальными» задачами. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание за формальный момент. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи или канцелярские задачи в государственные. Бюрократия есть круг, из которого ничто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие круги доверяются верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение».

«Бюрократия имеет в своем обладании, на правах частной собственности, государство, спиритуалистическую сущность общества. Всеобщий дух бюрократии есть *тайна*, таинство. Соблюдение этой тайны обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру—ее замкнутым корпоративным характером.

Явный дух государства, также и умонастроение государства представляются поэтому бюрократии *предательством* по отношению к ее тайне. *Авторитет* есть поэтому принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть умонастроение. Но в ее собственной среде *спири-*

туализм превращается в *грубейший материализм* слепого подчинения, веры в авторитет; этот спиритуализм превращается здесь в *механизм* строго предписанных формальных действий, твердо установленных принципов, воззрений, традиций. Что касается отдельного бюрократа, то государственная цель превращается в его личную цель, а *погоня за чинами,— в делание карьеры*.

«*Действительная наука* представляется бюрократу бессодержательной, как действительная жизнь мертвой, ибо это мнимое знание и эта мнимая жизнь принимаются им за сущность. Бюрократ вынужден поэтому относиться по-иезуитски к действительному государству, будь то сознательное или бессознательное иезуитство. Но имея своей противоположностью знание, это иезуитство по необходимости должно также достигнуть самосознания и стать намеренным иезуитством. Если бюрократия, с одной стороны, есть воплощение грубого материализма. то, с другой стороны, она обнаруживает свой резкий спиритуализм в том, что *хочет все делать*, т.-е. что она делает волю—*causa prima*, ибо она есть лишь *деятельное бытие* и свое содержание она получает извне; следовательно, лишь формированием и ограничением этого содержания она может доказать свое существование. Для бюрократа мир есть лишь объект его деятельности».

«Упразднение бюрократии возможно лишь при том условии, что всеобщий интерес становится особенным интересом в *действительности*, а не как у Гегеля, лишь в мысли, в *абстракции*, а это, в свою очередь, возможно лишь при том условии, что *особенный* интерес становится в действительности *всеобщим*. Гегель исходит из недействительной противоположности и приходит поэтому лишь к мнимому тождеству, которое на самом деле снова содержит в себе противоположность. Таким тождеством является бюрократия» (Арх., стр. 178—179).

Таким образом, в этих строках Маркс, в сущности говоря, намечает не только путь преодоления бюрократии, но и путь уничтожения государственной формы, как таковой, как *особой* формы общественной жизни. Путь этот лежит через превращение всеобщего интереса, воплощаемого в государстве, в особенный интерес всех членов общества и через превращение их особенных интересов во всеобщие. То, что в политическом государстве всякий его член «имеет возможность приобрести право *другой* сферы, доказывает лишь, что его *собственная сфера* не есть действительность этого права» (181). В переводе на современный язык это значит, что окончательное уничтожение бюрократии, а вслед за ней и государственной иерархии вообще, есть дело уничтожения раздробленности народа на отдельные классовые группы, уничтожения цеховой замкнутости, с одной стороны, и привлечения всего народа к участию в решении общих дел—с другой.

Молодой Маркс разбираемого нами периода уже хорошо понимает различие между политическим и социальным бытием отдельных сословий и классов. «Подобно тому, пишет он, как христиане равны на небе и не равны на земле, точно так же и отдельные члены народов равны на небе их политического мира и не равны в земном существовании их социальной сферы» (206). Как характерную черту,

он отмечает, что сословия тех, кто «лишен всякой собственности, является в меньшей степени сословием гражданского общества, чем той почвой, на которой покоятся и движутся его круги» (267). «Подобно тому, как гражданское общество отделилось от политического, точно так же это же гражданское общество разделилось внутри себя на *сословие* и *социальное положение*, хотя эти последние находятся в известном отношении друг к другу» (там же). Но было бы неправильным эти гениальные замечания и намеки на историко-материалистическую точку зрения выдавать за вполне сложившуюся теорию и оформившееся понимание роли пролетариата. Достигнуть его было делом следующего этапа в духовном развитии Маркса; пока перед нами—лишь крайний радикал, прошедший философские школы Гегеля и Фейербаха.

При всем блеске своей критики Гегеля здесь Маркс все же противопоставляет ему в большинстве случаев лишь туманный гуманизм и утверждение необходимости не «масштабом существующего мерить идею, а масштабом идеи мерить существующее» (185).

В абстрактном утверждении этого требования Маркс сам оказывается все еще не на высоте задачи, так как для него остается не всегда вполне ясным соотношение между самими «идеями» и «существующим». Сплошь и рядом он противопоставляет несуществующему—существующее, хотя бы только в тенденции, неумирающему—рождающееся, а наличному—*должное*, бытию—*отвлеченный* человеческий идеал.

С большой глубиной Маркс показывает, как Гегель, на ряду со своим идеалистическим пониманием государства и вопреки ему, рисует действительную зависимость современных государственных форм нравственности и законов от частной собственности, как, утверждая рождение, как последнее основание монарха на престол, Гегель спускается с высот своего политического спиритуализма до грубейшего материализма. «На вершинах политического государства именно рождение везде делает определенных индивидуумов воплощениями высших государственных задач. Высшие государственные функции совпадают в силу рождения с индивидуумом, подобно тому, как место животного, его характер, его образ жизни непосредственно обуславливается его рождением. Государство в своих высших функциях получает *звериную* действительность. Природа мстит Гегелю за выраженное ей презрение. Если природа по конструкции Гегеля не есть что-нибудь для себя помимо человеческой воли, то здесь человеческая воля есть ничто помимо материи». «В этой системе природа непосредственно *делает королей и пэров*, как она делает глаза и носы... Вот почему дворянство так гордится своей кровью, своим происхождением, *историей образования своего тела*. Это—зоологическое миропонимание, которое в *геральдике* имеет соответствующую ему науку. Мистерией дворянства является *зоология*» (228). Маркс показывает, как у Гегеля майорат, «независимая земельная собственность», оказывается опорой конституции и *действительность нравственной идеи* выступает, как *религия частной собственности*.

Но когда Маркс пишет, что «вместо того, чтобы сделать частную собственность качеством политического гражданина, Гегель делает политическое гражданство, государственное бытие и государственное устроение качеством частной собственности» (232), он обнаруживает недостаточность еще своей собственной точки зрения.

Глубина конкретного анализа в «Философии права» Гегеля, как несколько раз до того отмечает сам Маркс, заключалась именно в том, что иногда сознательно, иногда бессознательно, подхлестываемый своим методом, в превратном виде, Гегель рисовал все же *истинные* связи между предметами и, в частности, прежде всего оценил в теории права основополагающее значение частной собственности и в *общественной* жизни—значение борьбы интересов и экономических сил. Задача, стоявшая на очереди после Гегеля и разрешенная впоследствии Марксом, заключалась не в том, чтобы провозгласить победу—частную собственность—качеством политического гражданина, а в том, чтобы найти в действительности силы, ведущие к *уничтожению* частной собственности, *вместе* с обусловленной ею конституцией.

Поэтому, когда Маркс пишет, что по существу у Гегеля, вопреки его возвеличению государства, оно «везде нуждается в гарантии лежащих перед ним сфер. Оно—не осуществленная власть, а *поддерживаемое опорами* бессилие» (235),— это не слабая, а *сильная* сторона Гегеля. В дальнейшем, исходя именно из нее, в результате своих социально-экономических и исторических исследований, Маркс пришел к убеждению, что государственные формы коренятся в условиях материальной жизни, называемых Гегелем, по примеру англичан и французов XVIII столетия, «гражданским обществом», анатомию же гражданского общества надо искать в политической экономии.

Воспроизводя и вскрывая противоречия современной действительности на примере того, как изображает ее Гегель, Маркс не видит еще—в чем их разрешение, его критике не хватает, с одной стороны, исторического и конкретно-экономического содержания, с другой—силы утверждения.

VI

Нам предстоит теперь перейти хотя бы к самому конспективному разбору того, как Маркс принимает в «Критике» само «противоречие». Этому вопросу посвящены три страницы из комментариев к § 304 (стр. 213—216).

Свое понимание противоположностей, «крайностей» и их борьбы Маркс дает здесь в связи с критикой гегелевского понимания «опосредствования» крайностей. Маркс самым решительным образом выступает против стремления Гегеля, вытекавшего из его идеалистических предпосылок и желания «примирить» сознание с данным политическим строем, сгладить наличные в действительности противоречия, изобразить их как взаимно дополняющие и охраняющие друг друга, «снимаемые» не в результате борьбы, а в результате чисто логического синтеза.

Маркс со всей страстностью нападает на это, говоря современным языком, оппортунистическое понимание противоречий, которое *вслюбо* противоречие мистическим образом примиряет и растворяет в логическом «опосредствовании». «Действительные крайности,— пишет он,— не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действительными крайностями... Одна крайность не носит в себе самой тоску, потребность, антиципатию другой крайности» (213). В скобках Маркс замечает, что если у Гегеля рассматриваются как «действительные противоположности абстрактные моменты умозаключения— всеобщность и единичность, то в этом именно сказывается основной дуализм его логики» (там же). Из этих слов Маркса следует, что здесь под «действительными крайностями» он понимает *исключающие друг друга противоположности, противоречие двух различных сущностей*.

В качестве примера Маркс разбирает значение такой противоположности, как север и юг, мужской и женский пол. Здесь нет двух различных сущностей, это—противоположные определения одной и той же сущности, различие сущности на высшей ступени ее развития. «Они суть то, что они суть *лишь* как *различное* определение, а именно, как это *различное* определение сущности. *Истинными и действительными* крайностями были бы полюс и неплюс, человеческий и нечеловеческий род» (214). Мужской и женский род—различные *существования* одной и той же сущности—человеческого рода, человеческий и нечеловеческий род—различные *сущности*. В этом именно смысле всеобщее и единичное в суждении и умозаключении не представляют *различных сущностей* и поэтому при данной терминологии не могут называться *действительными* крайностями. В действительности всегда всеобщее об'емлет единичное и единичное заключает в себе всеобщее, взятые изолированно они лишь противоположные абстрактные моменты всякого суждения или умозаключения, а не *исключающие друг друга сущности*. Они—взаимнопроникающие друг друга противоположности. Утверждая их *действительную* противоположность, в том смысле, в каком выше она определена, мы неизбежно пришли бы к *дуализму* всеобщего и единичного, как *различных сущностей*.

Так же, продолжает Маркс, когда говорят, что всякая крайность *есть* своя крайняя противоположность: например, абстрактный спиритуализм есть абстрактный материализм, абстрактный материализм есть абстрактный спиритуализм материи,—то забывают, что в этих примерах обе крайности—лишь *абстракции* реального предмета. Дух—абстракция от материи. Но, абстрагируя его от материи и утверждая его самостоятельность, мы тем самым утверждаем его на место материи и приписываем ему ее содержание, но не как реальное, а как абстрактное содержание. Из этого не следует самостоятельное существование духа и материи или тождество их, а то, что такие абстракция и односторонность не могут считаться за истину. Там же, где мы находим *действительную* противоположность *взаимно* *исключающих* друг друга сущностей,—невозможно никакое их опосредствование. Там неизбежна их взаимная борьба.

На стр. 216 Маркс упрекает Гегеля в том, что он «*противоречие явлений*» принимает как единство в сущности идеи, между тем как указанное противоречие имеет своей сущностью нечто более глубокое, а именно—*существенное противоречие*». Резкость «действительных противоположностей» не является чем-то вредным, и превращение *действительных противоположностей* в крайности означает не что иное, как их самопознание и воодушевление к решительной борьбе. При этом свойство быть крайностью лежит в сущности лишь *одного* из моментов, который для другого не имеет значения *истинной действительности*. Так христианство противоположно философии, но религия не является истинной противоположностью в отношении философии, так как философия *понимает* религию в ее *призрачной действительности*, религия уничтожена в самой себе для философии. Подробно Маркс собирался вернуться к этому вопросу еще дальше.

Не следует понимать всю изложенную здесь трактовку противоречия Марксом-фейербахианцем как формально логическую критику диалектики, несовместимую с его и Энгельса позднейшими, более зрелыми, воззрениями. Лейт-мотивом марксовой критики Гегеля здесь является отрицание самостоятельности абстрактных противоположностей, утверждение борьбы действительных противоположностей и победы доминирующей из них. И то, и другое непосредственно связаны с *материалистической* точкой зрения. Вне поля анализа Маркса оказывается при этом, что так называемые абстрактные противоположности, будучи неистинными в своей изолированности, представляют вместе с тем противоположные *стороны действительного бытия*, и различие внутри одной и той же сущности, в пределах ее существования, *переходит в действительную противоположность*, в различие *сущностей*; при этом синтез оказывается результатом их *борьбы и победы* нового начала, «отрицательного момента», снимающего свою противоположность. Именно поэтому впоследствии Энгельс, а за ним и Ленин (в набросках «К вопросу о диалектике») считали, с одной стороны, взаимное проникновение противоположностей основным законом диалектики (у Ленина взят пример как раз со всеобщим и единичным), а с другой — утверждали противоречие, как движущее. Не только отбросить в этой части гегелевскую концепцию, но и вскрыть в ее мистической и превратной форме рациональное зерно было делом дальнейшего развития Маркса, в котором *фейербахианство* было необходимой, усвоенной и *презойденной* ступенью.

Наши замечания, само собой разумеется, представляют лишь беглые заметки, едва только намечающие путь специального изучения «Критики». Богатство ее огромно. Мы привели только самые общие формулировки Маркса, касающиеся диалектики, и комментировали их. Благодарнейшей задачей было бы выявить те категории, которыми оперировал Маркс в разборе отдельных конкретных положений Гегеля и в тех или иных своих замечаниях и отступлениях.

С изумительным мастерством он вскрывает шаг за шагом противоречия у Гегеля, иллюзиям о примирении противопоставляет действительный разрыв и борьбу, апологии—реальный образ прусской государственности того времени.

Отдельные отрывки: о монархии и демократии, о бюрократии, о гражданском обществе и политической организации, о майорате и т. п. представляют законченные самостоятельные экскурсии.

Больше 80 лет прошло с того времени, как Марксом был написан конспект «Философии права» на 26 году его жизни. С тех пор выросла международная организация рабочих, создалась и распространилась по всему миру система *марксизма*, борьбе за которую и разработке которой отдали свои силы лучшие умы последних десятилетий. Революция охватила почти все области знания. И, несмотря на это, почти сто лет лежавший под спудом конспект, не предназначавшийся к печати, обогащает мысль и дает *новое!*

Пролетариат в праве гордиться гением Маркса.

Ник. Карев.

ФИЛОСОФИЯ ФИКЦИИ

НОВЫЕ ФОРМЫ ДЛЯ СТАРЫХ ИДЕЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕАКЦИИ

(К 75-летней юдовщине философа Ганса Файхингера, исполннвшейся
25 сентября 1927 г.)¹

Философия фикции, празднующая теперь в лице своего основателя Файхингера некоторого рода юбилей, представляет собою одно из известнейших направлений современной буржуазной философии. Она заслуживает внимательного отношения с нашей стороны не потому, чтобы она внесла нечто принципиально новое в идейную сокровищницу буржуазной философии, а потому, что она выражает давно знакомые мысли в особой форме, которая именно, как таковая, бросает интересный свет на определенные течения буржуазной идеологии.

Основные мысли, изложенные Файхингером в его главном труде, несомненно оказывают притягательное действие на довольно значительный круг буржуазных ученых—физиков, техников, юристов, филологов. Так, мы видим, что многие физики (правда, большей частью рядовые работники) сотрудничают в издаваемом Файхингером журнале.

Ход мыслей Файхингера может быть вкратце передан следующим образом. Действительность состоит из содержаний ощущения. Кроме этих содержаний ощущения никакой другой действительности нет. А все наше мышление, со всеми его категориями, научными теориями, гипотезами и системами, насквозь пронизано допущениями, не содержащими в себе ничего действительного, не соответствующими никакой действительности и даже прямо противоположными ей. Такие заведомо ложные допущения делают людьми не только в науке, к ним сводится также сущность религии, и искусства. Эти заведомо ложные допущения Файхингер называет *фикциями*. В языке фикция обозначается словами «как будто» (по немецки: *als ob*, отсюда название философии Файхингера «Die Philosophie des Als Ob»). Почему создаются фикции? Потому, что они *имеют практическую ценность*. Это означает, что для нас, как научных исследователей или действующих людей вообще, важно занять такую позицию, как будто эти

¹ Главное произведение Файхингера—«Die Philosophie des Als Ob» было написано в 1878 г., опубликовано в 1911 г. и выходит теперь 12-ым и 13-ым изданием.

фигции соответствуют действительности. «Фигция—это метод действия». Но что такое действующий субъект? Для Файхингера, как для Бергсона, Маха и Джемса, это—человек, как *организм*. Перед лицом «враждебного внешнего мира» организм должен отстаивать свое существование. Для этого нужны *приспособления*. Такими приспособлениями и являются фикции, начиная с абстрактного мышления и кончая религиозно-этическими вымыслами.

В дальнейшем развитии этой теории, которая у Файхингера несомненно приобретает более конкретную и определенную форму, чем у Маха и прагматистов, Файхингер устанавливает различие между *гипотезами* и *фикциями*. Гипотезы—это такие допущения, которые делаются в убеждении, что в ходе исследования их можно будет оправдать, что это в сущности только недоказанные, но соответствующие действительности допущения. Фикциями же называются допущения, которые делаются в том убеждении, что их никогда и нельзя будет оправдать. Тем не менее мы их делаем, потому что они практически ценны. «*В том-то и заключается трагичность жизни, что наиболее ценные понятия с точки зрения реальности лишены всякой цены*»¹.

Файхингер различает также между *полуфикциями* и *настоящими* фикциями. Полуфикции—это допущения, которые находятся в противоречии с действительностью, но в самих себе не содержат противоречия. Пример: искусственные подразделения естественной истории (система Линнея). *Настоящие* фикции—это допущения, которые содержат в себе внутреннее противоречие: таковы понятия *атома*, вещи в себе и т. д.

Область применения фикций простирается, как было сказано, от математики (фикция бесконечно малого) и общественных наук (фикция юридического лица) до мира эстетических и этических идей. Как известно, *Кант* энергично подчеркнул практическую важность допущений, которые Файхингер называет фикциями, а сам Кант—*постулатами*. Бог, свобода, бессмертие—все это, по Канту, фикции, которых мы придерживаемся в практической жизни, т.-е. мы действуем так, как будто существует бог, как будто воля свободна и т. д. Файхингер сам называет себя учеником Канта, радикально додумавшим до конца выводы кантовской философии. «Радикализм» должен здесь означать, что философия фикции является не только научной теорией, но и *практической философией*, учением о жизни, мирозерцанием.

Социальный характер этого мирозерцания выясняется из следующих заявлений Файхингера: «Выдвигая в центр этого радикального Канта, философия фикции в силу этого радикализма занимает место на *крайней левой*, там, где сидят ослабленные просветители. Но от «просветительства» в историческом смысле слова философия фикции резко отличается тем, что она представляет собою *идеали-*

¹ «Die Philosophie des Als Ob», предисловие, стр. XIV. Остальные цитаты тоже взяты из этой книги.

стический позитивизм. Ибо она признает (всячески напоминая о необходимости критического отбора) высокую ценность религиозных фикций и со всей решительностью высказывается за их сохранение».

«Поэтому философия фикции может явиться *разрешающим* и *освобождающим* словом для всех тех живущих под двойным гнетом людей, им же нет числа, которых, с одной стороны, сбива с толку (!) разрушительная критика рационализма, а с другой, — отпугивают застывшие формулы ортодоксальной веры. Философия фикции может дать им *внутренний* и *внешний* мир» (см. предисловие). Короче, философия фикции рекомендует себя как *суррогат религии* для «просвещенных».

Гносеологические основы философии фикции целиком совпадают с таковыми же эмпирио-критицизма (Маха и Авенариуса). Ощущения как действительность, мышление как приспособление организма биологического индивида к внешнему миру, — эти основные мысли *созерцательного* идеализма, как мы могли бы назвать эмпирио-критицизм в противовес практическому идеализму классической немецкой философии, не нуждаются в особых комментариях. Отметим только, что это совпадение вовсе не является результатом какого-либо взаимного влияния; идеи Файхингера сложились в те же годы (1870—1885), что и идеи Маха и других мыслителей и естествоиспытателей, и вполне независимо от них. Для материалистического воззрения на историю это, впрочем, неудивительно. Непонятны такие совпадения только для психологически-идеологической точки зрения, с которой их и нельзя объяснить иначе, как допустив, что один автор находился под «влиянием» другого.

Отточенная формулировка основных мыслей и их заострение на проблеме *действительности*, приложение теории не только к естественно-научным, но и к общественно-историческим областям знания, — вот что ново у Файхингера. И благодаря этим чертам философии фикции социальные основы всего этого направления выступают особенно ясно. Учение Файхингера об отношении «мышления» к действительности — это исповедь *буржуазного* мышления о его отношении к истине и действительности. Это — исповедь *ложного сознания*, заинтересованного в том, чтобы видеть действительность, внутренние законы производства и общественные отношения людей не иначе, как в извращенном виде. Тезис Файхингера: «мы делаем заведомо-ложные допущения, которые, однако, полезны» — великолепно подтверждается марксистским анализом буржуазного сознания. Эти мы, представители определенного общественного класса, превращаются, конечно, у Файхингера в сверх-исторических биологических индивидов, методологически вполне соответствующих индивиду буржуазной экономики. Но сущность дела не становится от этого менее ясной.

Фикционализм — это *прагматизм с обратным знаком*. Прагматизм называет истинным то, что является практически полезным, плодотворным. Фикционализм утверждает: наши понятия, наши категории ложны, но полезны. Что здесь объявляется ложным, то там провозглашается истинным; и все-таки это одна и та же теория. Откуда же берется различие?

Это—различие гносеологическое, но коренится оно в общественном сознании. С гносеологической точки зрения разница заключается в том, что Файхингер исходит из понятия действительности и разумет под истиной теоретическое постижение действительности. Его представление об истине чисто теоретично, насквозь пассивно, ему чужда практическая концепция истины. Наоборот, прагматизм понимает истину практически, но его практика есть практика буржуазного индивида. За этим философским расхождением скрывается, однако, различие общественных тенденций. Прагматизм—это наивно самоуверенное, неомраченное сознание капитализма; философия фикции—это выражение противоречий, раз'едающих буржуазное мышление. Сознание, которое в ней проявляется, есть, выражаясь в духе Гегеля, *кающееся сознание* буржуазного общества, чувствующего свою собственную лживость. В противоположность прагматизму Файхингер ощущает *трагичность* этого положения, которую он, конечно, называет «трагичностью жизни» вообще. В определении истины, как незаинтересованного отношения, и в теории полезной лжи противоречие высказано в самой недвусмысленной форме.

Вторая характерная черта философии фикции заключается в том, что она считает ложное сознание *непреодолимым* и оценивает его положительно. В этом отношении философия фикции еще гораздо более реакционна, чем реакционная метафизика какого-нибудь Берсона или немецких романтиков. Ибо источник реакционной метафизики все же в стремлении преодолеть недействительную действительность, застывший ложный призрак капиталистического порядка. Файхингер же и не желает вовсе преодолеть этот порядок; его философия выражает собою стремление *увекочить этот ложный, но полезный призрак*. Потусторонний мир он считает фикцией; но эта фикция должна быть сохранена. Философия Файхингера есть тоже попытка *примирения*. Но поистине знаменательную метаморфозу испытала идея примирения в философии XIX века: *Гегель* хотел примирить философию и действительность, стараясь найти разумное ядро действительности; *Файхингер* хочет примирить человеческое «сердце» с действительностью, исходя из противоразумности действительного и противодейственности разума. Примирение, предлагаемое философией фикции, сводится на деле к компромиссу между реакционными и прогрессивными тенденциями внутри буржуазной идеологии, при чем посредством ловкой передержки *содержание* первых втискивается в *форму* последних.

Философия фикции и марксизм

Успех философии фикции,—выразившийся, между прочим, в основании общества друзей этой философии и в создании специального журнала, в котором сотрудничает много известных естествоиспытателей, языковедов, юристов,—объясняется тем, что эта философия далеко идет навстречу интеллектуальным навыкам нынешних буржуазных ученых, или, говоря объективно, дает выражение некоторым

действительно существующим тенденциям современной буржуазно-научной мысли.

Но для нас особенно интересна попытка Файхингера распространить теорию фикции на всю действительность, перенести ее из тех узких границ, внутри которых она заключает в себе отдельные верные мысли, на все практически-теоретическое отношение человека к действительности. В области общественных наук идея фикции тоже имеет большое значение, и именно Маркс ясно осознал это значение и в своем главном труде *прямо использовал* идею фикции, как орудие исследования. Отсюда возникает немалая опасность, что исторический материализм и в частности критика политической экономии могут быть истолкованы в духе буржуазного фикционализма. Этой опасности не избежала, между прочим, и *Роза Люксембург*: философия фикции, с которой она познакомилась из книги Файхингера, образует невидимую гносеологическую основу ее ошибочной критики марксовых схем в «Накоплении капитала».

Принцип фикции играет в марксистском анализе капитала выдающуюся роль. В известном смысле весь этот анализ покоится на теории фикций. В самом деле, Маркс все время орудует допущениями, которые «не совпадают» с действительностью. Он исследует капиталистическое производство так, как если бы товары обменивались по своим стоимостям, как если бы человеческое общество было до конца капитализировано, т.-е. состояло бы только из двух противостоящих друг другу классов капиталистов и рабочих, и т. д.

Всюду, где Маркс употребляет выражение «*wir unterstellen*», мы имеем дело с такими допущениями, не совпадающими с «действительностью». Маркс вполне сознательно исходит не из непосредственно *преднаходимого* состояния хозяйства, представляющего собою не действительность, а лишь *видимость* действительности (эту-то видимость Файхингер и принимает за действительность), но из абстракций, которые в систематической последовательности все ближе подходят к действительности, т.-е. к совокупности общественного производства. Сущность своего подхода он методологически осветил в «Введении к критике политической экономии»; его практическое осуществление дано в трех томах «Капитала».

Основное различие между методологической ролью абстракции у Маркса и абстракцией, как фикцией, у Файхингера, Пуанкаре и других фикционалистов состоит в том, что у Маркса абстракция исходит из их глубочайшего расхождения во взгляде на действительность. Кто, вместе с Махом и Файхингером сводит всю действительность к непосредственно *преднаходимым* ощущениям, тот в сфере хозяйства неизбежно придет к ограниченному эмпиризму вульгарной буржуазной экономии, для которой действительность означает рынок. Все характерные различия формы здесь бесследно исчезли; рынок—это тот же хаотический беспорядок, что и действительность ощущений у Маха и Файхингера.

Наоборот, у Маркса действительность есть расчлененное, богатое многообразие форм, которые друг из друга развиваются и друг в друга переходят и без тщательного различения и соотнесения которых

решительно невозможно познать их совокупность, уразуметь внутреннюю, сущностную структуру действительности. Если таким образом действительность представляет собою расчлененное целое, то и познание действительности должно приспособляться к ее сложному процессу: абстракции мышления, поскольку они правильны, соответствуют процессу самой действительности. Абстракция заключена в самой действительности, как это с гениальной краткостью выражает Маркс¹.

Стало быть, не бессилие мышления постигнуть конкретную действительность заставляет его искать к ней окольных путей, но природа самой действительности выражает себя в этих окольных путях и подходах.

Маркс применил свою теорию действительности и абстракции только к общественным явлениям; но из сущности диалектики вытекает, что это его воззрение должно иметь силу для всей области человеческой теории и практики.

Характеризуя абстракции как *ложные* понятия, Файхингер дает тем самым всей *идеалистической логике буржуазной философии*, от Локка и Юма до наших дней, грубовато наивное, но именно поэтому весьма яркое выражение.

Неудивительно, что Файхингер в качестве философского идеалиста пытается в заключение выступить на поприще буржуазной *практики*. И эта традиция не нова. Ведь уже его предшественники, Локк и Юм, пели первые хвалебные гимны восходящему капитализму. Но как философия фикции, несмотря на все отдельные ее тонкости, все же, в конце концов, только повторяет в более грубом и водянистом, в упадочном виде учение английского эмпиризма, так и политическая позиция Файхингера заключается только в неуклюжем восхвалении современного капиталистического производства. От имени философии господин Файхингер потребовал *отмены 8-часового рабочего дня* в Германии и тем ясно показал, что он понимает под практической деятельностью. Словом: практические выводы из махизма он высказал гораздо яснее, чем австро-марксисты и сторонники Маха, Фридрих Адлер и Отто Бауэр, или чем Богданов и его русские ученики.

А. Фогарши.

¹ «Те, кто субстанциализирование стоимости считают простой абстракцией, забывают, что движение промышленного капитала и есть эта абстракция в действии» («Das Kapital», т. II, стр. 77).

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ НЕВРОДИНАМИКИ¹

1. Учение Павлова и невродинамика

Энгельс говорил, что в истории развития человеческой мысли было время, когда метафизическое представление о вещах имело свое относительное оправдание. Это было в эпоху, когда, благодаря незначительному человеческому знанию, опыту, незначительному развитию производительных сил, многое оставалось неизвестным, необъяснимым. Для объяснения этих явлений человеческое мышление прибегало к метафизическим построениям. Однако с ростом человеческого опыта, его знаний, с развитием техники и производительных сил, с накоплением фактов из области точных наук, человеческое мышление поневоле вынуждено было пойти по новым диалектическим путям². Эту закономерность можно проследить на примере развития мозговой физиологии. Благодаря расцвету этой науки за последнее время, богатым теоретическим обобщениям, которые сами напрашиваются при изучении новейших данных о функциях мозговой ткани, прежнее статически-метафизическое представление уступило место новому диалектически-динамическому. Предметом этой статьи будет освещение физиологических процессов мозговой динамики, лежащих в основе всякого процесса чувствительности, а также в основе двигательного, психологического и психопатологического процессов. Однако нужно оговориться, что нельзя отождествлять все эти процессы, особенно психологические, с процессами физиологическими, лежащими в их основе. Кроме этих последних нужно еще учитывать целый ряд факторов, каковы влияние окружающей среды, социальных отношений и пр. Изучение каждого из этих процессов, лежащих в основе деятельности нервной системы, может помочь разобраться во многих, до сих пор еще темных, областях невродинамики. Одно из важных мест должно занимать исследование главнейших функциональных состояний нервной ткани, каковы возбуждения и торможения, в изучении которых мозговая физиология за последнее время сильно шагнула вперед. За последние полвека особенно много нового внесено в эту отрасль знаний *Sherington*'ом, *Cerkill*'ом, *Hering-Breuer*'ом, *Введенским*, *Сеченовым*,

¹ Статья является переработкой доклада в о-ве врачей-материалистов 19 февраля 1927 г.

² Ф. Энгельс. — Айти-Дюринг. Предисловие

Павловым и их школами. Если раньше авторы ограничивались лишь формально схоластическими разъяснениями понятий возбуждения и торможения, то теперь вышеперечисленные школы подошли вплотную к фактической расшифровке этих понятий, наполнению их конкретным содержанием, проверке их при помощи эксперимента и к широким обобщениям. В самом деле: прежде возбуждение определялось таким ничего не говорящим выражением, как реакция ткани стимулирующего характера, а торможение—как реакция запретительного характера¹. О конкретных же изменениях, происходящих в нервной ткани во времени и пространстве, ничего не говорилось. Физиология нервной системы у русских ее представителей получила наиболее полное развитие в работах школ Павлова и Введенского.

Обратимся прежде всего к разбору фактического материала, накопленного указанными школами. Начнем со школы *Павлова*. *Павлов* впервые поставил вопрос о присущих мозговой коре процессах движения во времени. Так, напр., он различает торможение первичное, наступающее сразу, без промежуточных стадий от покоя, и вторичное, наступающее после предварительной стадии возбуждения². Он показал зависимость, существующую между сроком раздражения и соответствующей реакцией возбуждения и торможения. Он показал важность, которую имеет срок, протекающий между изолированным действием условного раздражителя и началом безусловного, а также значения привыкания ко времени начала опыта и к промежуткам между отдельными раздражениями.

Павловым же установлена также возможность экспериментального соединения разных участков мозговой ткани друг с другом, индукция как положительная, так и отрицательная, существующая между различными этажами нервной ткани³, обнаружена иррадиация возбуждения и торможения с одного участка на другие и на всю мозговую ткань⁴.

Следующее, что найдено и доказано школой *Павлова*,—это причинная связь явлений, та связь, которая существует между переменной обстановки условий опыта и реакцией на него животного со всей совокупностью его безусловных и условных рефлексов. Эта причинная связь очевидна в каждом отдельном эксперименте над опытными животными, идет ли речь об опытах над индукцией, или над переходом возбуждения в торможение, над явлениями срыва и т. д.

Далее, установлен переход одного функционального качества мозговой коры в другое (возбуждения в торможение, срыв). При этом приведена обширная серия разных условий опыта, закономерно приводящих к указанным реакциям.

¹ Акад. И. П. Павлов — «20-летний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности», 1923 г.—См. введение.

² Ibid. См. главы 17, 14, 23 и 24.

³ Акад. И. П. Павлов—«Лекции о работе больших полушарий головного мозга», 1927 г. ГИЗ, см. лекция одиннадцатая.

⁴ Ibid. См. лекцию десятую.

С точки зрения нашей темы важно отметить новые достижения в изучении тормозного процесса.

Павлов различает следующие виды торможения: а) угасание, когда выработанный условный рефлекс, при отсутствии подкрепления его безусловным раздражителем, постепенно исчезает; б) запаздывающее торможение, когда выработанный условный рефлекс с увеличением промежутка между условным и безусловным раздражителями, сначала ослабляется, а затем возвращается к норме и приспособляется по времени к новому промежутку; в) дифференцировочное торможение, когда условный рефлекс вырабатывается только на условный раздражитель определенной силы и напряжений путем исключительного подкрепления этого последнего всегда безусловным раздражителем; г) условное торможение, когда к условному раздражителю прибавляется посторонний, индифферентный, причем эта комбинация не подкрепляется безусловным раздражителем, что вызывает угасание условного рефлекса; д) наконец, сон по *Павлову* есть также реакция торможения¹. Из всего вышеприведенного видно, как строго учитывается здесь малейшее влияние окружающей среды, изменение условий опыта и т. д. Как видно из вышеизложенного, берутся на учет малейшие изменения качества нервной ткани. Все эти виды торможения *Павловым* относятся, между прочим, к так называемому внутреннему торможению. К явлениям изменения качества под влиянием разных факторов *Павлов* возвращается еще в вопросе о срыве, когда он устанавливает, что при трудных условиях и заданиях получается срыв условных рефлексов.

Школа *Павлова* ставит проблему также о динамической связи между морфологией и физиологией нервной ткани. За последнее время она вплотную подошла к изучению связи условно-рефлекторных процессов и этим самым она пытается установить тесную функциональную связь с соответствующими частями мозговой коры, существующую между строением нервной ткани, ее отдельных частей и физиологическими процессами, происходящими в этой ткани.

К отрицательным сторонам учения *Павлова* нужно отнести то, что им недостаточно обращалось внимание на зависимость между количественным и качественным процессами в движении нервной ткани. Хотя эта проблема и затронута им, но тем не менее законченное и полное свое выражение она получила не у него, а в учении *Введенского* и его школы. Кроме того, учение *Павлова* зашло слишком далеко в своем стремлении поставить знак тождества между физиологическими процессами нервных тканей и психическими функциями. В основе психики, конечно, лежат физиологические процессы, но сама она есть атрибут более высоко организованной материи, в которой действуют закономерности более высокого порядка, на ряду с физиологическим, благодаря длительному перекрестному влиянию биологических, общественных, фило- и онтогенетических факторов.

¹ И. П. Павлов. «Лекции».

2. Основные функциональные состояния нервной ткани

Главные функциональные состояния нервной ткани—возбуждение и торможение—одновременно с Павловым изучались также Введенским и его школой. Введены способы точного изучения этих процессов при помощи кривых невро-динамического движения в отдельных нервно-мышечных препаратах. Изучены переходы одних процессов нервной ткани в другие со строгим количественным и качественным учетом этого перехода. Сами же понятия возбуждения, торможения, покоя получили более точное выражение. Найдены также отдельные переходные состояния между возбуждением и торможением, покоем и возбуждением и т. д. Установлено, напр., что *покой* есть относительное энергетическое равновесие, при котором данный нервный элемент сохраняет определенную нормальную для него *возбудимость* (т.-е. способность переходить в состояние возбуждения) и *проводимость* (т.-е. способность передавать это возбуждение с точки на точку)¹. То же и с определениями процессов *возбуждения и торможения*. Если динамическое состояние нервной ткани соответствует росту раздражения, то это состояние называется *возбуждением*. Иногда бывает, что под влиянием некоторых раздражителей нервная ткань в самом начале приходит в состояние депрессии, торможения, после чего уже следует ее возбуждение. Такое *торможение* называется *первичным*². Если же нервная ткань под влиянием роста возбуждения приходит в состояние депрессии только в конечном счете, как это бывает при некоторых раздражителях, то такое *торможение* является *вторичным*³. Нервная ткань под влиянием раздражителей, как это доказано, может реагировать двояким способом. В одном случае промежуточным звеном между начальной и конечной точкой реакции является *процесс возбуждения*, во втором случае роль такого звена играет не только *возбуждение*, но и предшествующее ему *первичное торможение*. Это можно выразить следующими кривыми: (См. стр. 194).

Для первого состояния характерна кривая *ABCDM*, где *A* есть точка покоя. При увеличении раздражения ткань переходит в состояние волнообразного возбуждения и оттуда постепенно переходит в состояние торможения. Такой именно тип реагирования характерен по Введенскому для любого ответа нервной ткани на всякие раздражители (см. рис. 1 на 194 стр.).

Для второго состояния нервной ткани характерна кривая *ABCDt*, где *A* есть точка покоя.

¹ Л. Л. Васильев—«Об основных функциональных состояниях нервной ткани», см. сборник «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы» под ред. Бехтерева. № 1, 1921 г.

M. Verworn—«Erregung und Lähmung». Jena 1914 г.

Sherington—«Ergebn. d. Physiologie» 4. 1905 г.

Л. Л. Васильев—Русск. физиолог. журнал, т. V, 1923 г.

² Л. Л. Васильев—«Об основных функцион. состояниях нервной ткани» и т. д.

³ Ibidem.

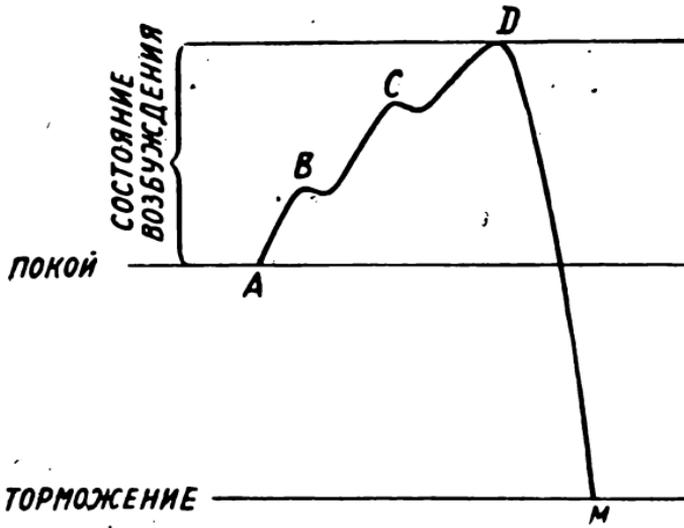

Рис. 1 (См. стр. 193).

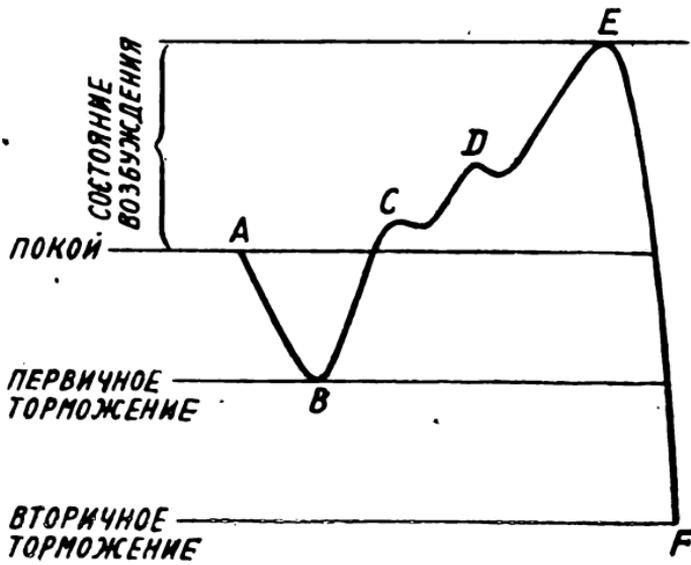

Рис. 2 (См. стр. 195).

При начале раздражения получается первичная депрессия—торможение в точке *B*. Затем начинается постепенно волнообразный рост возбуждения. По достижении максимальной точки *E* начинается постепенное вторичное торможение до точки *F*. Такие именно состояния были получены целым рядом исследователей *Перна*, *Васильевым*, *Лезвяковым* и др. на нервномышечных препаратах под влиянием разных раздражителей (см. рис. 2 на 194 стр.).

Кроме всех этих состояний, были введены понятия о процессах *заторможенности*, еще ранее обнаруженных, но не оцененных в достаточной мере *Цйоном*, *Ферворном Шерринтоном*, *Сеченовым* и др. Эти процессы, состоящие в частичном понижении проводимости и возбудимости, развиваются, например, в промежутке между *покоем* и *первичным торможением*, или между *возбуждением* и *вторичным торможением*¹.

Возбуждение, не достигшее максимальной интенсивности, упомянутые авторы называли *возбужденностью*. Одним словом, установлена непрерывная цепь, существующая между *возбуждением* и *торможением*, переход одного состояния в другое. «*Покой*», по существу, означает не что иное, как движение материи, находящейся в некотором энергетическом равновесии. Установлено, что одно состояние может превратиться в собственную свою противоположность и, таким образом, получается непрерывная цепь движения процессов в нервной ткани. В настоящее время проводится также различие между *первичным* и *вторичным торможением* не только в количественном, но и в качественном отношении. Так, напр., если *первичное торможение* означает, что раздражение находится в начальной стадии влияния на ткань и для последней возбуждение лишь начинается, то *вторичное торможение* означает, что *предел возбуждения* ткани перейден, и всякое дальнейшее увеличение раздражения ведет в конце концов к уничтожению ткани как живой материи (*Лазарев*, *Введенский*).

Покой, *возбужденность*, *возбуждение*, *заторможенность* и *торможение* есть в общем и целом проявление единого процесса движения материи. Отдельно нужно сказать несколько слов насчет *верхнего и нижнего порога возбуждения*. Новейшая физиология, подтвердив давно известное представление о наличии *нижнего порога возбуждения*, по достижении которого ткань из состояния покоя или первичного торможения начинает переходить в состояние возбуждения, открыла существование также и *верхнего порога*, при переходе через который возбуждение начинает превращаться во *вторичное торможение*.

Кроме всего вышесказанного, есть еще одно положение, хотя и намеченное в экспериментах школы *Павлова*, но получившее свое полное развитие у *Ухтомского*, в теории о способности центров к спонтанному накоплению возбуждения. Вот отдельные факты, на которых основана эта теория: 1) при усиленном глотании, вызванном у животного в условиях «мнимого кормления» вливанием воды в рот, центр

¹ Л. Л. Васильев.— цит. сочинение и М. Verworn—«Erregung und Lähmung». Лена 1914 г.

глотания настолько возбуждается, что всякое другое раздражение коры идет на усиление глотания, а не по своему прямому физиологическому назначению. Например, раздражение конечностей идет не на двигательную реакцию последних, а на усиление глотания¹; 2) подобные же отношения могут быть созданы на так называемом спинальном животном при местном отравлении спинного мозга стрихнином. Рефлекс, соответствующий отравленному участку, способен возникнуть в этих условиях и на любой неадекватный раздражитель². Такого рода явление послужило Ухтомскому исходным пунктом для его учения о доминанте. Эти данные новейшей физиологии вплотную упираются в данные учения Введенского о парабиозе, а поэтому остановимся более подробно на его учении.

3. Учение Введенского

В своих работах («О соотношениях между раздражением и возбуждением при тетанусе» и «Возбуждение, торможение и наркоз») Введенский проводит мысль о том, что при увеличении раздражения нервного волокна мы сначала получаем нормальное состояние, когда раздражение и возбуждение друг другу адекватны. Далее наступает *второй стадий*—провизорный, при котором сильные и слабые раздражители дают одинаковый эффект. *Третий стадий*—парадоксальный, когда слабые раздражители, как это ни противоречит формальной логике, действуют сильнее интенсивных. *Четвертый стадий*, когда всякие раздражители вызывают торможение нервного волокна. Такое именно прохождение нервного волокна через эти четыре стадии Введенский называл парабиотическим торможением. Самыми характерными для парабиоза он считал парадоксальные стадии. Такие состояния нервного волокна он получал при действии разных физических и химических реагентов. Нервное волокно проходит при раздражении его через целый ряд стадий, закономерно свойственных нервной ткани; отсюда Введенский сделал вывод о единообразии процесса возникновения возбуждения и торможения, о том, что торможение есть в конечном счете не что иное, как результат возбужденной до максимума нервной ткани. При этом Введенский делает смелое, но достаточно спорное предположение, когда говорит, что, по видимому, парабиоз должен быть рассматриваем, «как реакция живой материи, реакция даже более общая, чем возбуждение в обычном смысле слова»³.

Сущность этой теории парабиоза формулируется ее автором так: «Она предлагает смотреть на торможение и наркоз, как на известные модификации возбуждения, и, таким образом, связывает между собою три состояния—возбуждения, торможения и наркоза»⁴. Сам

¹ А. А. Ухтомский—«Принцип доминанты». См. сборник „Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы“, № 1, 1925 г.

² Ibidem.

³ Н. Е. Введенский—«Возбуждение, торможение и наркоз», 1901 г., стр. 95.

⁴ Ibid.

Введенский приводит целый ряд примеров; которые, по его мнению, доказывают наличность парабактерического торможения. Всем известен тот факт, что у животного, находящегося при наркотизации в стадии возбуждения, это последнее еще больше увеличивается от слабых раздражителей. Наоборот, при применении сильных раздражителей оно сразу успокаивается, как будто впадая в глубокий наркоз. По удалении этих раздражителей наступает прежнее состояние возбуждения¹. Далее он указывает, что при наркозе человек теряет сначала болевые, и затем тактильные ощущения, т.-е. в переводе на физиологический язык это означает, что человек реагирует на слабые раздражители больше, чем на сильные. Нельзя ли в этих двух примерах, обоснованно спрашивает *Введенский*, видеть парадоксальный стадий парабактерического торможения? * Творец теории парабактериоза хочет также и в явлениях шока, коммодии видеть подтверждение своей теории². Интересно отметить, что *Введенский*, начавши с применения своей теории к периферическому нервному волокну, в конце концов начал настаивать на применении ее ко всей нервной системе⁴. Выводы, которые можно сделать из учения *Введенского*, заключаются в следующем: 1) Все физико-химические и всякие другие реагенты вызывают при раздражении ткани состояние возбуждения, которое затем переходит при достижении высшего порога через парабактерическую заторможенность в торможение. 2) Торможение бывает с этой точки зрения только вторичным. Первичного торможения нервной ткани не существует вовсе. 3) Возбуждение и торможение суть разные проявления единого процесса. Следует добавить, что, кроме того, *Введенский* выдвинул положение, что различные затормаживающие агенты в своем действии на нерв синергетичны, т.-е. усиливают или ускоряют действие друг друга.

Несколько отдельно стоит в теории *Введенского* открытое им явление *истерииозиса*, т.-е. чрезвычайного повышения местной возбудимости нервной ткани. *Уртомо* думал, что *истерииозис* есть частный случай *доминанты*, но об этом речь впереди. Каждое из приведенных положений подлежит специальной оценке.

Учение *Введенского* подкупает своей стройностью и диалектичностью. В самом деле, тут устанавливается непрерывное движение материи— нервной ткани. Во всех состояниях нервной ткани движение и переход этих состояний в свою противоположность фигурируют, как специфическое свойство мозгового вещества. Везде проявляется скачкообразность процесса, его ступенчатость, сказывающаяся в провизорном и парадоксальном стадиях. Вся теория *Введенского* о природе возбуждения и торможения проникнута принципом монизма. Если формулировать эти соотношения с точки зрения диалектической триады, можно сказать, что покой — теза, возбуждение — состояние, совершенно противоположное покою, — антитеза. Торможение есть по внешности состояние, похожее

¹ Н. Е. Введенский.—Цит. соч.

² Ibid.

³ Ibid.

Ibid.

на покой, а на самом деле—закрывающее в себе элементы возбуждения, доведенные до максимума. Вместе с тем оно не есть ни покой, ни возбуждение, а совершенно новое качественное состояние с новым характерным для него количественным выражением. Поэтому мы можем это состояние назвать *синтезом*. Теория *Введенского* проникнута также принципом—«все движется, все изменяется». Вместе с тем теория *Введенского* отнюдь не свободна от существенных методологических погрешностей. Делая чрезмерно широкие обобщения на основе своих наблюдений, *Введенский* упускает из виду огромное многообразие действительных механизмов, управляющих возбуждением и торможением. Разве можно, исходя из теории парабриоза, объяснить следующие факты: 1) у лягушки раздражение задних спинно-мозговых корешков 9 и 10 пары вызывает одинаковые рефлекторные сокращения икроножной мышцы. Если к раздражению одного из корешков присоединить достаточно сильное раздражение другого из корешков, то получится усиление эффекта, т. е. суммирование возбуждающих импульсов. Если же одновременно с раздражением 9-го корешка произвести слабое раздражение 10-го, то эффект ослабевает. Мы, таким образом, имеем тут явление, когда слабые импульсы затормаживают те эффекты, которые подкрепляются более сильными импульсами. Такое торможение, конечно, не подходит под тип парабриотического, ибо мы знаем, что слабые раздражители увеличивают эффект в случае парабриотического торможения, а сильные — наоборот ¹. 2) Известно, далее, что очень часто слабые и длительные однообразные раздражения воспринимающих органов приводят человека и животных к гипнозу, между тем как сильные раздражители, наоборот, пробуждают их ². Это положение также находится в противоречии с парадоксальными стадиями парабриотического торможения. Физиологический сон так же не может быть сведен к парабриотическому торможению, ибо это означало бы, что отдыхающая нервная система находится во время сна в состоянии доведенного до крайности возбуждения, т. е. в сильнейшей деятельности, чего на самом деле нет ³. Кроме того, доказано, что целый ряд раздражителей действует на нервную систему не парабриотическим, вторичным торможением, а первичным. Например, ионы кальция, анод и умеренное нагревание действуют в направлении первичного торможения, в то время как ионы калия, катод и умеренное охлаждение действуют в направлении парабриотического торможения ⁴. Могут сказать, что утверждением двух видов торможения, первичного и вторичного, простого и парабриотического нарушается тот монизм, который имеется в теории *Введенского*. Такое возражение основано либо на недоразумении, либо на вульгарном толковании понятия «монизма». Ибо монизм в научном смысле этого слова есть не что иное, как, с одной стороны—взаимодействие процессов, а, с другой

¹ Wéski «Zeitschr. f. allgem. Physiologie». Bd. IX, 1910 г.

² Л. Л. Васильев—Цит. соч.

³ Ibid.

⁴ Л. Л. Васильев — «О физиологических основах йонных теорий возбуждения». Русский физиологический журнал, т. VI (1923).

стороны, их историческая преемственность. Само собой разумеется, что ни тот, ни другой моменты монизма не только не опорачиваются приведенными выше фактами, но, наоборот, находят в них свое лучшее подтверждение. На основании этого вполне справедливо положение, что оба вида торможения—как первичное, так и вторичное—должны иметь свое законное признание. То, что было поставлено *Введенским* в виде проблемы, подлежащей разрешению, а именно—вопрос о применении теории парабиоза к изучению функций не только периферического нервного волокна, но и центральной нервной системы, за последнее время изучалось *Разенковым*, который и нашел, что это состояние парабиотического торможения свойственно также и головному мозгу. При изучении реакции собаки в ответ на трудные задания, он нашел те же стадии, на которые указывает *Введенский*, а именно: а) *возбуждение, адекватное раздражению*, б) *провизорный стадий*, в) *парадоксальный стадий* и г) *торможение*. Его же опытами на собаке установлено, что парадоксальный стадий является наиболее характерным для парабиотического торможения. В этих опытах мы находим опорные пункты для суждения о применимости парабиоза к изучению мозговых функций¹. Касаясь же всей системы *Введенского*, приходится признать ее ценность как законченного учения, выдержанного и диалектичного во многих пунктах. В частности, заслугой этой теории является влияние, которое она оказала на возникновение учения о доминанте *Уртомского*.

4. Учение о доминанте

Учение о доминанте является одной из наиболее выдержанных в духе монизма физиологических теорий. Интересующихся подробно этой теорией можно отослать к трудам *Уртомского*. Нашей задачей здесь является лишь изложение и оценка основных моментов этого учения, а также установление связи его с теорией *Введенского*. *Уртомский* построил свою теорию на том выводе из учения *Введенского*, что торможение нервной ткани есть продолжение возбуждения. При построении своей теории он исходит из принципа, что один какой-либо центр нервной системы, или определенная их совокупность, под влиянием направленных сюда раздражителей, приходит в состояние возбуждения; раздражители же, направленные в это время к другим так называемым субдоминантным центрам, оказывают на последние тормозящее действие, усиливая, т. о., действие возбужденного или, по *Уртомскому*, доминантного центра. Так возникает картина доминантного возбуждения одних центров при торможении других субдоминантных центров. Это явление и до *Уртомского* пытались объяснять так называемые дренажисты, а именно тем, что энергия от субдоминантных центров отливает к доминантным. В связи же с этим дренажисты стали говорить

¹ Разенков, И. П.—«Изменение раздражительного процесса коры полушарий головного мозга собаки при трудных условиях». Труды лабораторий акад. И. П. Павлова, т. I. Вып. I, 1924 г.

о наличии принципа экономии, господствующего в сфере мозговой деятельности. Так, напр., *Mac-Dougall* вместе с другими дренажистами декларирует, что наш мир есть наизыкономнейший из всех существующих¹. На критике этого положения мы остановимся потом. Сейчас же мы перейдем к раз'яснению теории доминанты. В общих чертах она сводится к следующему: 1) «Достаточно стойкое возбуждение, протекающее в центрах в данный момент, приобретает значение господствующего фактора в работе прочих центров: накапливает в себе возбуждение из отдаленных источников, но тормозит способность других центров реагировать на импульсы, имеющие к ним прямое отношение»². 2) «Совокупная работа центров определяется подвижно тем, куда в данный момент переносится господствующий очаг возбуждения»³. 3) Всякий доминантный центр имеет целый ряд других так наз. субдоминантных центров, с которыми он связан перекрестным влиянием. 4) Все центры, как доминантные, так и субдоминантные, подвергаются возбуждению, крайним проявлением которого является торможение⁴. 5) Благодаря тому, что каждый центр имеет свои верхние и нижние пороги возбудимости, возможно явление торможения одних центров, в то время как другие еще находятся в состоянии возбуждения⁵. 6) Явление торможения одних центров при возбуждении других делает в данный момент возбужденные центры доминантными по отношению к заторможенным субдоминантным центрам⁶. 7) Заторможенные центры, по *Введенскому*, остаются проводниками, хотя и в меньшей мере, волны возбуждения, направленной на них, несмотря на то, что сами они на него не реагируют. По *Введенскому*, все центры, возбуждаясь, обладают способностью влиять на другие центры, с ними связанные. Поэтому возможно такое явление, что волны возбуждения, полученные заторможенными центрами, идут на усиление возбуждения доминантного центра⁷. 8) Возбуждение доминантного центра до верхнего порога его возбудимости влечет за собой торможение доминанты⁸. 9) Доминанта может образоваться только

¹ W. Mac Dougall—«On the nature of inhibitory processes in the Central Nervous System». Brain Vol. XXVI. 1903, p. 153. Его же—«Fabigue». Dublin 1908 г. Его же.—«The nature of Nervous Processes». Mind., vol. XV, 1906, p. 349. Его же.—«Physiological Factors of the Attention—processes Mind». Vol. XV, 1906, p. 349.

² А. А. Ухтомский—«Принцип доминанты». Сборник № 1. «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы». Гиз, 1925 г.

³ Ibid.

⁴ Ibid.; Его же. «О дренаже возбуждений». Сборник № 1 «Новое в рефлексологии...» Гиз, 1926 г. Его же.—О зависимости кортикальных двигат. эффектов от побочных центральных влияний». Юрьев, 1911 г., стр. 168. Его же.—«Интегрирующая деятельность нервной системы по Шеррингтону». Известия СНП биологической лаборатории, IX (1909), стр. 61, 69. А. А. Ухтомский и И. А. Ветюков—«Торможение вслед за возбуждением».—Сборник № 1 «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы». Гиз 1925 г.

⁵ А. А. Ухтомский—«Принцип доминанты». См. выше.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. Л. Л. Васильев—«Парабиотический участок и нервный центр». См. сборник № 1 «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы».

⁸ А. А. Ухтомский—«Принцип доминанты».

при условии стойкости и непрерывности волн возбуждения как непосредственно на доминантный, так и на субдоминантный центры¹.

Приходится так подробно останавливаться на вопросе о доминанте, чтобы показать, какое значение имела теория парабиотического торможения на формирование *Ухтомским* своего учения. За это говорит то, что в учении о доминанте возбуждение доминантного и торможение субдоминантных центров рассматривается, как единый процесс. Правда, никто еще не пробовал до сих пор при изучении доминанты устанавливать промежуточные между возбуждением и торможением провизорные и парадоксальные стадии. Однако наличие различных стадий в парабиотическом процессе является относительно второстепенной особенностью этого явления. За парабиотическое торможение при доминанте говорит то, что торможение в доминантных и субдоминантных центрах происходит вторично. Ухтомский и Ветюков в своей статье «Торможение вслед за возбуждением» говорят следующее: «Так физиологическая школа, к которой мы принадлежим, видит в торможении следствие парабиоза»². Таким образом, явление парабиоза имеет первостепенное значение для выявления процесса формирования учения о доминанте. Едва ли, однако, в этом можно было бы видеть умаление роли первичного торможения, ибо, как ни велико значение процесса доминанты в мозговой деятельности, им одним далеко не исчерпывается эта последняя. Примеров доминанты можно привести в большом количестве.

Кроме приведенных раньше двух примеров, приведем еще несколько.

Первый пример доминанты был описан *Введенским* для тонического, не сильного возбуждения центра: при *тонусе* в центре *nervi vagi* раздражение чувствующего нерва действует на дыхание, как сам *nervus vagus*, а при *тонусе* в *nervo laryngeo superiore* мы получаем с чувствующего нерва эффект *nervi laryngei superioris*.

Простые выразительные доминанты нужно искать в области несильных возбуждений центра³.

Магнус привел пример из области тонических иннерваций: «Если по тем или иным причинам тело животного не получило еще нормального положения, то в нем все-таки имеется готовность к этому положению, так что индифферентные раздражители, или даже раздражители, обычно вызывающие обратную реакцию, все равно, будут ли они слабы, или сильны, вызовут стоящую на очереди реакцию положения»⁴. *Уфлянд* приводит пример *Spallanzani*, который обратил внимание, что весной, в период полового влечения, самцы лягушек и жаб крепко обхватывают передними лапами самок, сжимая им при этом сильно грудь благодаря находящимся у них на больших пальцах мозолям. При этом даже сильнейшие раздражения—в роде отрезывания частей задних

¹ А. А. Ухтомский—«Принцип доминанты».

² А. А. Ухтомский и А. Ветюков—«Торможение вслед за возбуждением»—См. сборник № 1 «Новое в рефлексологии» и т. д. Гиз, 1925 г.

³ А. А. Ухтомский—«О состоянии возбуждения в доминанте». См. сборник № 2 «Новое в рефлексологии и т. д.» 1926 г.

⁴ R. Magnus—«Körperstellung», Berlin. (Springer. 1924). S. 272.

конечностей—не сразу прерывают обнимательный рефлекс¹. Все эти примеры говорят за способность центров к максимальному накоплению волн возбуждения, благодаря чему раздражения других центров усиливают действие возбужденных, становящихся доминантными, центров, а другие, субдоминантные, центры тормозятся. Ко всему этому следует добавить то чрезвычайно важное обстоятельство, что доминанта, в отличие от условных рефлексов, свойственна не только верхним, но также низшим этажам нервной системы, являясь, таким образом, одним из наиболее распространенных невродинамических механизмов.

Однако же при изучении доминанты легко впасть в ошибку упрощения, как это и произошло при одной из попыток Ухтомского истолковать явление истериозиса (чрезвычайного повышения местной возбудимости). Как было уже упомянуто, Ухтомский думал, что истериозис есть частный случай доминанты. Однако работы Блатовой из школы самого же Ухтомского опрокинули этот взгляд. Известно, что если у так называемой спинальной лягушки отпрепарировать *musculus semitendinosus* и *tricipitem*, то в нормальном состоянии на раздражение *nervi peronei* препарат будет отвечать сокращением *musculi semitendinosi* и торможением *musculi tricipitis* (рефлекс сгибания). Если же производить тактильные раздражения с кожи спины сбоку на той же стороне, то нормальная реакция препарата будет противоположна первой, получающейся при раздражении *nervi peronei* (рефлекс потирания). Если длительно, часами, тетанизировать *peronium*, то через первые 40 минут начинает обнаруживаться все возрастающая возбудимость сгибательного центра, так что рефлекс сгибания начинает получаться на значительно более слабые раздражения со стороны соседнего нерва (*nervi tibialis*). В то же время раздражение прежнего рецептивного поля потирания также дает сгибание, а не потирание. Получается как будто бы доминанта. Но так продолжается 20—30 минут. Истериозис за это время прогрессивно развивается, а между тем скоро рецептивное поле сгибательного рефлекса все более уменьшается, а через некоторое время с рецептивного поля рефлекса потирания начинает вызываться сокращение *musculi tricipitis*. Рефлекс потирания приобретает большую возможность проявить свою самостоятельность. За это время сгибательный рефлекс приходит к минимуму, а компоненты потирания—сокращение *musculi tricipitis* и торможение *musculi semitendinosi*—приходят к норме. Пробы же с *nervi tibialis* показывают в то же самое время, что истериозис идет своим путем, т.-е. возбудимость сгибательного центра высока и все время возрастает. Отсюда Блатова делает правильный вывод, что одной высоты возбудимости мало для проявления доминантных явлений. Блатова при этом дает указания для ответа на последний вопрос. Если раздражения, падающие на *peronium peroneum*, поддерживающие истериозис, сделать более редкими, то это содействует возобновлению доминанты. Таким образом, более редкие раздражители

¹ К. М. Фляйд — «Естественная доминанта у самца лягушки в период обнимательного рефлекса». — См. сборник № 1 «Новое в рефлексологии...» Гиз. 1925 г.

содействуют суммированию, концентрации возбуждения в определенном центре, т. е. явлению, необходимому и характерному для доминанты¹.

Данные *Блатовой* согласуются с данными *Ветюкова* о том, что доминанта вызывается преимущественно редкими раздражителями². Таким образом, между истериозисом и доминантой не может быть поставлен знак равенства, а это означает, что явления стойкого возбуждения отнюдь не могут быть исчерпаны каким-нибудь одним механизмом. Противоположное утверждение скрадывало бы многообразие невродинамики. Как бы то ни было, но механизм процесса доминанты показывает с полной очевидностью, что взгляд дренажистов о якобы полной согласованности мозговых центров друг с другом и об отсутствии противоречий в сфере мозговой деятельности не выдерживает никакой критики. В действительности—положительная работа любого центра нервной системы происходит отнюдь не за счет планомерного и экономного отлива энергии из других центров, а является результатом своеобразной борьбы между центрами. Таким образом, мозговая деятельность внутренне противоречива по самой своей природе. Что же касается «принципа экономии», провозглашенного дренажистами, то он не только не находится в соответствии с фактической стороной дела, но и с методологической стороны является одной из разновидностей реакционного направления в естествознании. На место исследования причинной связи он выставляет голую декларацию телеологического постулата. Применительно к мозговой физиологии это есть не что иное, как перепев учения старика Лейбница о «предустановленной гармонии» и сравнительно недавно провозглашенного Махом «принципа экономии мышления».

5. Невродинамические процессы и закон Арндт-Шульца

В области общей патологии имеется также целый ряд явлений, отдаленно напоминающих процессы возбуждения и торможения нервной ткани. *Арндт и Шульц* в свое время формулировали закон относительно действия малых и больших раздражителей, действительного, с их точки зрения, для всяких тканей. Этот закон, как известно, гласит: малые раздражители возбуждают, большие парализуют. В пользу этого сами авторы и их последователи (*Bier* и др.) приводили целый ряд примеров из области фармакотерапии, рентгенотерапии и др. Этим самым они имели целью обобщить этот «закон» на все ткани, в том числе и на нервную. Таким образом, перед нами возникает вопрос, действительно ли закон Арндт-Шульца поглощает собою закономерности возбуждения и торможения в нервной ткани; другими словами, можно ли говорить о полной их идентичности? Не вдаваясь в подробный разбор отдельных фактов, лежащих в основе «закона»

¹ А. А. Ухтомский—«О состоянии возбуждения в доминанте». См. сборник «Новое в рефлексологии...». Т. II. 1926 г.

² Ibid.

Ардт-Шульца, мы попытаемся лишь дать общую оценку последнему и тем самым подойти к ответу на поставленный выше вопрос.

Мы намеренно брали слово «закон» в кавычках, ибо не приходится говорить о подлинном законе там, где имеется бесчисленное количество исключений, обнаруженных в многочисленных наблюдениях и экспериментах за последние годы. Так, например, *Süpfle* испробовал 38 различных субстанций, которые в высоких концентрациях угнетают рост бактериальных культур. Оказывается, что в малых концентрациях лишь 25 из них стимулируют рост этих культур, 13 же, наоборот, угнетали и в малой дозе¹. *Heubner* поставил ряд опытов над влиянием ядов на рост парамеции. Оказалось при этом, что по закону Ардта-Шульца действовали мышьяк, препараты *Cantharidis* и гистамин хлориды, в то время как амил-нитриты и черный перец явно отступали от этого принципа, не вызывая никакого эффекта в малых дозах, между тем как в больших дозах они так же оказывали на рост парамеций тормозящий эффект². *Ioachimoglu* повторил опыт Шульца, результат которого гласит, что в присутствии незначительных количеств ртути дрожжи реагируют большой продукцией угольной кислоты, и при этом данные Шульца не подтвердились³.

Наличие значительного количества таких фактов уже само по себе вполне достаточно для отрицания всеобщей приложимости «закона» Ардта-Шульца, и много оснований имеют те авторы, которые предлагают обозначение «закон» заменить термином «правило» (*Regel*). В чем же основная теоретическая ошибка Ардта и Шульца? Нам кажется, что она заключается в следующем: исходя из совершенно правильной мысли о качественном изменении, наступающем вслед за переходом некоторого количественного предела, авторы поступают неправильно, заранее предрешая и направление этого качественного изменения. Что это не так, видно из вышеприведенных опытов. Кроме того, необходимо помнить, что в целом ряде случаев изменение интенсивности раздражителя влечет за собой отнюдь не качественное изменение состояния одной и той же системы того организма, к которому приложен этот раздражитель, а на самом деле вводит в действие совершенно другую систему. Лучшей иллюстрацией этого положения может служить пример с действием апоморфина. Введение высокой дозы этого последнего вызывает рвоту вместо усиления отделения слизи из дыхательных путей, характерного для малых доз апоморфина вовсе не потому, что одна и та же часть нервного аппарата по-разному реагирует на разные дозы, а потому, что с изменением дозы раздражение эпителия дыхательных путей, resp. их центра, сменилось раздражением рвотного центра. Тот же ход мысли

¹ Heubner—«Affect und Logik der Homöopathie». «Klinische Wochenschrift», №№ 29, 30, 1925 г.

² Ero же.—Ibidem, № 30, 1925 г.

³ Ero же.—Ibidem, № 30, 1925 г.; B. Reuter.—«Ameisensäure als Heilmittel» München, 1921; Ioachimoglu «Biochemische Zeitschr.» 130, 2, 39, 1922; Hermann «Handbuch der Physiologie», 1 Band, 1 Teil, § 343, ff; Hazama—Archiv. f. exp. Patholog. u. Pharmacol. 105, 88, 1925.

ясно обнаруживается в оценке, которую *Handowsky* дает известному опыту *Heubner'a* над действием гистамин-хлоридов на разводку парameций.

Handowsky полагает, что по мере увеличения дозы и идущего параллельно с этим повышения размножаемости парameций растет и число погибающих микроорганизмов. Продукты же распада этих последних задерживают дальнейшее увеличение общего количества парameций. Таким образом, дело не в изменении реактивности под влиянием нарастающей дозы яда, а в том, что действие яда приводит в движение особый механизм, специфический для данной системы¹. Как бы ни отнoситься к такому толкованию, оно во всяком случае не менее обосновано, чем то, которое дают сторонники «закона» Арндта-Шульца.

Вывод из сказанного ясен: даже в области сравнительно примитивных биологических явлений—в основе той эмпирической связи фактов, которую принято обозначать «законом» Арндт-Шульца, лежат самые разнообразные механизмы, характер которых всецело обусловлен свойствами данной биологической системы. Совершенно ясно поэтому, что попытка отождествить этот «закон» с закономерностями возбуждения и торможения является прежде всего методологически неприемлемой.

Что, кроме того, эта попытка и фактически необоснована—видно из анализа отличительных черт, свойственных динамике возбуждения и торможения нервной ткани.

Наличие разных видов торможения (первичное и вторичное), прохождение динамического процесса через целый ряд фаз, в том числе и через парадоксальную фазу—все эти качественные моменты характерны лишь для нервной ткани и, наоборот, не свойственны другим тканям более низкого биологического порядка. Этим и определяется наше отношение к «закону» Арндт-Шульца, поскольку речь идет о его приложимости к явлениям невродинамики.

6. Невродинамика и физическая химия]

Переходим к вопросу о возможности объяснить возбуждение и торможение с точки зрения физической химии. На это пытаются отвечать утвердительно многие авторитеты в области физической химии на основании последних ее достижений. Физическая химия представляет себе каждую клетку ограниченной так называемыми полупроницаемыми мембранами. Есть целый ряд теорий, по которым раздражители, проникая извне, увеличивают или уменьшают проницаемость этих мембран, благодаря чему может получиться возбуждение или торможение клетки. Каждый раздражитель нужно себе представить, как содержащий определенную концентрацию ионов, которые

¹ Heubner—«Affect u. Logik der Homöopathie». «Klinische Wochenschrift» №№ 29, 30. 1925; Handowsky—München. Med. Wochenschr.: 1923 S. 1294 и 1925 г. S. 652.

влиять на мембраны. О способе влияния дает ответ *Overton* своей липоидной теорией наркоза, с одной стороны, и *Storm van Leeuwen*, *Warburg* и др.—адсорбционной теорией наркоза. *Overton* представлял себе полупроницаемые мембраны клеток состоящими из липоидов, обладающих способностью поглощения ионов раздражителя в той или иной мере, благодаря чему увеличивается или уменьшается проницаемость мембран всяких внешних влияний.

Увеличение проницаемости мембран ведет к возбуждению клетки, уменьшение и временное прекращение проницаемости ведет к торможению и наркозу¹.

Другая теория—теория адсорбции—состоит в том, что мембраны не поглощают, а адсорбируют ионы того или другого раздражителя, благодаря чему может получиться в одних случаях разрыхление и повышение проницаемости, а в других случаях получается уплотнение мембраны и понижение ее проницаемости. В первом случае получается возбуждение, а во втором—торможение и наркоз ткани².

Что касается самих раздражителей, то тут надо сказать, что по своему действию на мембраны они разделяются на: а) возбуждающие клетки, повышающие проницаемость мембран и б) тормозящие и понижающие проницаемость мембран. В физиологическом состоянии ткани находятся под действием, главным образом, двух- и одновалентных ионов калия, кальция и натрия. Из них одновалентные возбуждают ткань, а двухвалентный кальций тормозит. Это можно выразить следующей формулой Леба-Лазарева:

$$\frac{C_{na} \cdot C_k}{C_{ca}} \dots K = const.$$

Если это соотношение равно некоторой стандартной величине *K*, то ткань находится в состоянии покоя. Если же увеличивается количество ионов возбуждения или уменьшается количество тормозящих ионов, то возникает состояние возбуждения нервной ткани.

Наоборот, при понижении количества возбуждающих ионов и при повышении количества тормозящих ионов возникает заторможенность и, в крайнем случае, торможение ткани. Тут возникает также вопрос, какое состояние взаимодействия ионов является необходимым условием для возникновения парабактериального торможения. Из предыдущего мы знаем, что парабактериальное торможение есть продолжение возбуждения, иначе говоря, возбуждения, дошедшего до определенной точки, верхнего своего порога, возбуждения статического.

На вопрос, при каких условиях может получиться это последнее состояние, дает нам ответ присутствие в физиологическом состоянии тканей ионов трех главных веществ—натрия, калия, кальция. Опыты *Overton'a*, *Лушкавы* признают за ионами натрия свойства иона динамического, возбуждения, кальция—свойства иона исключительно

¹ R. Höber—«Physikalische Chemie der Zelle und der Gewebe». Fünfte Auflage. Leipzig, 1924, S. 504.

² Ibidem. S.S. 348, 363, 554.

тормозящего влияния. Ионы же калия обладают, по *Лебу*, кроме первоначального возбуждающего действия, также действием тормозящим. *Васильев* предполагает за ионами калия свойства статического парабиотического торможения¹, что он доказывает на кривых, полученных от действия калия на нерв.

Таким образом раз'ясняется роль ионов калия, натрия, кальция, под влиянием которых находится в физиологическом состоянии ткань². На основании этого можно заранее сказать: если преобладает влияние на нервную ткань ионов калия, то получается парабиотическое торможение; преобладание ионов натрия дает динамическое возбуждение, а ионы кальция, в случае их преобладания, дают собственно торможение. Если мы рядом с этим постараемся суммировать данные, полученные опытным путем *Гейбром* и *Эббеке*³, мы получим, что калий и натрий обладают способностью увеличивать пермеабельность клеточных мембран, а кальций уменьшает. Аналогично этому *Эббеке* также нашел, что катод увеличивает, а анод уменьшает пермеабельность мембран, умеренное охлаждение действует как катод, а нагревание действует как анод⁴.

Все указанные физико-химические работы и теории имеют несомненно огромную ценность в деле уяснения природы невродинамических процессов. Однако самый характер нашей темы требует более детализированного ответа на вопрос о пределах теоретической и практической значимости этих работ. Другими словами, вопрос должен быть формулирован так: можно ли процессы возбуждения и торможения в нервной ткани со всеми их свойствами до конца объяснить и исчерпать путем физико-химического исследования?

На первый взгляд вышеуказанные физико-химические работы действительно как будто до конца объясняют возникновение нервного процесса из различных количественных отношений между ионами калия, натрия и кальция в коллоидной среде. И тем не менее это объяснение не является исчерпывающим, ибо более внимательный анализ вышеприведенного фактического материала показывает, что дело не только в электролитических и коллоидных процессах, но также и в определенных структурно-морфологических соотношениях, без которых физико-химические процессы не в состоянии сами по себе вызвать возбуждение или торможение. Мы имеем в виду не что иное, как мембранные структуры, без допущения которых в нервном веществе не могла до сих пор обойтись ни одна физико-химическая теория нервного процесса. Правда, можно было бы возразить, что и сама мембрана—это морфологическое условие нервного процесса—является продуктом физико-химического состава того или иного

¹ Л. Л. Васильев—«Об основных функциональных состояниях нервной ткани». См. сборник «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы». № 1. 1925 г. ГИЗ.

² Ibidem.

³ Höber R.—«Physikalische Chemie der Zelle u. der Gewebe». 5 Auflage, Leipzig, 1924 г. S.S. 429, 433, 443, 567, 575.

⁴ Ibidem.

коллоида; это несомненно так, но сказанное нами выше ни в какой мере не теряет своей силы, ибо вообще в природе и в обществе не имеется такого процесса, состояния или морфологического образования, в конечной основе которых не лежали бы определенные физико-химические моменты. В частности, это относится к мембранной структуре нервного вещества, но при объяснении нервного процесса эти морфологические образования играют роль момента *уже* наличного, *уже* готового, как последнее звено длинной цепи предварительного фило-и онтогенетического развития, создавшего специфические формы связи между отдельными физико-химическими компонентами, образующими эти морфологические формы. Таким образом, объяснение даже такого сравнительно примитивного факта, как *возникновение* нервного процесса, не может обойтись исключительно одними только данными физико-химического порядка.

Но стоит лишь распространить анализ на целый ряд более сложных модификаций нервного процесса, как станет еще более очевидной недостаточность физико-химического подхода для объяснения данных явлений.

Здесь можно ограничиться лишь одним примером, относящимся к механизму доминанты. Как в своем месте было указано, процесс доминанты заключается в длительном и стойком накоплении возбуждения в пределах одной группы центров при одновременном торможении в других группах так называемых субдоминантных центров. Позволительно спросить, мыслимо ли такое состояние в изолированном нервном волокне. Разумеется, нет. Действительно, ни одна из работ по этому вопросу не относится даже к отдельному нервно-мышечному препарату, этому столь излюбленному объекту бесчисленных физиологических работ. Совершенно ясно, что в механизме доминанты участвует совокупная работа самых различных отделов достаточно высоко развитой нервной системы, или что, другими словами, предпосылкой доминантного процесса является наличие помимо прочих моментов и известного, достаточно сложного, морфологического субстрата. Если, наконец, подвергнуть рассмотрению вопрос о различных свойствах той же доминанты, столь резко варьирующей от одного индивидуума к другому, то становится совершенно необходимым также и учет таких факторов, как работа органов внутренней секреции и прочих тканей и органов тела, иными словами—изучение целого ряда закономерностей, далеко выходящих за пределы механики, физики и химии.

7. Невродинамические процессы и клиника нервных и психических заболеваний

Наступило уже время, когда для объяснения клинических явлений возможно применять все данные новейшей физиологии и патофизиологии. Эти данные в значительной мере помогают нам разяснить механизм того или другого заболевания.

Но тут же нужно оговориться, что объяснение того или другого пато- или физиологического факта у человека будет носить характер

анализа конечной реакции нервной системы в ответ на раздражение, идущее со стороны материальной среды (в социальном преломлении).

За последнее время к этому вопросу пробовал подойти целый ряд психиатров и физиологов. Напомним про попытки *Зеленого, Иванова-Смоленского*, попытки, идущие со стороны *Бехтеревской* школы, проф. *Ленца*, д-ра *Сапира* и других. *Пьерр Жанэ* приводит целый ряд фактов, которые могут быть объяснены только с точки зрения парадоксального стадия парабитического торможения, например: 1) женщина, легко производившая разные вычисления, не имевшие к ее жизни реального значения, сильно утомлялась при производстве вычислений над несколькими простыми числами, относившимися к домашнему хозяйству¹; 2) молодой человек, оставшийся равнодушным при обнаружении убийства и самоубийства, на другой день пришел в сильное волнение при чтении газетных описаний этого случая². На языке физиологии оба случая означают, что нервная система достигла парадоксального стадия парабитического торможения, но дальше аналогия кончается, так как, кроме учета характера невродинамического процесса, необходим еще анализ раздражителей, вызывающих этот процесс.

Необходим также учет переплета влияний общественной среды. Само обозначение малых и больших раздражителей есть понятие чисто условное. То, что для одной нервной системы может являться большим раздражителем, то для другой может оказаться малым раздражителем, и наоборот. Помимо этого, важным является при таких сравнениях с парабитическим торможением установление факта вторичности торможения, установление обстоятельства, что в данном случае торможение есть результат возбуждения, перешедшего за свой верхний порог. Такие же факты из области сексуального фетишизма насчет влияния больших и малых раздражителей приводит *Зеленый*³.

Считаю небезынтересным привести и относящееся сюда собственное клиническое наблюдение: мальчик полутора лет от роду получил сильную травму. По недосмотру няни, он выпал из колыбельки и сильно ударился головой об стену. С того момента у него в течение четырех лет подряд были эпилептические припадки, вызывавшиеся незначительными изменениями в положении больного, например, при перекладывании с места на место, при взятии его на руки, легком качании и т. д. Наоборот, при сильных стуках в комнате, порывистых движениях—припадки у мальчика никак не вызывались. Lues—abs. Наследственность и условия жизни—норма. По прошествии 4 лет припадки прекратились и заменились глубокой деменцией. На примере этого случая мы имеем в виду в общих чертах показать, какова ценность и каковы границы применения невродинамического подхода

¹ P. Janet—„Obsessions et psychasthénie“, p. 634—6; Г. П. Зеленый—„Опыт физиологического анализа неврозов“. Сборник, посвященный 75-летию академика И. П. Павлова. Ленинград, 1925 г.

² Ibidem.

³ Г. П. Зеленый—„Опыт физиологического анализа неврозов“. Сборник, посвященный 75-летию академика И. П. Павлова, Ленинград, 1925 г.

к расшифровке клинической картины болезни. Специально поставленный нами у данного больного эксперимент с воспитанием у него условных рефлексов показал значительные недочеты невродинамики больного: трудная воспитуемость рефлексов, недостаточность их торможения при перемене условий опыта и т. д. С точки зрения этих расстройств невродинамики оказалось возможным объяснить не только механизм целого ряда симптомов умственной отсталости, но и самый их генез из предыдущей стадии болезни, характеризовавшейся возбуждением, дальнейшее нарастание которого повлекло, повидимому, за собою торможение целого ряда психических функций. Таковы в данном случае положительные результаты применения невродинамического анализа. С другой стороны, совершенно очевидно, что вышеприведенными соотношениями мы еще далеко не исчерпали всего круга вопросов, связанных с пониманием приведенной истории болезни. Ведь в свою очередь невродинамическая неполноценность, как таковая, являлась, повидимому, продуктом морфологических изменений в нервной ткани больного, изменений, анализ которых требует особого методологического и технического подхода, и если, кроме этого, принять во внимание необходимость учета конституционального, социально-биографического¹ и этиологического моментов, то ограниченность невродинамического подхода, безусловно ценного самого по себе, становится не требующей лишних доказательств. О методологической недопустимости переоценки узко-физиологического подхода к сложным явлениям психопатологии мы еще будем говорить несколько ниже.

Вообще нужно сказать, что опыт применения новейших данных физиологии нервной системы к клинике является наиболее удачным в случаях органических заболеваний нервной системы, в случаях, где требуются объяснения реакций малоценных субъектов с органическим поражением нервной системы. Заслуживают всяческого внимания опыты изучения психических реакций идиотов, афазиков, прогрессивных паралитиков, где исключается влияние высших психических процессов и где невродинамика больных выступает в оголенном и ярком виде. Опыты *Лемца* и *Сатпра* в этом направлении заслуживают поэтому всяческого внимания. Первый работал с прогрессивными паралитиками, а второй — с афазиками. Того же самого нельзя сказать в отношении к довольно многочисленным рефлексологическим работам над психоневрозами, ибо в этих работах не соблюдены основные методологические требования.

В ы в о д ы

Содержание работы можно резюмировать следующим образом: современные физиологические школы накопили огромный, научно-проверенный, фактический материал в учении о динамике нервной системы. Это обстоятельство не только возводит нервную физиологию

¹ И. Сатпра — „Высшая нервная деятельность человека“. Изд. „Новая Москва“, 1924 г.

на более высокую ступень, но и имеет огромное значение как для проблемы общей методологии, так и для целого ряда областей прикладного естествознания. С теоретико-методологической стороны ценность указанных достижений заключается прежде всего в том, что они подводят прочный материалистический фундамент под все наши представления о движущих пружинах человеческого поведения.

Тем самым витализм лишается одной из важнейших своих позиций. Не менее важной стороной дела является и то обстоятельство, что эти достижения дают блестящее доказательство диалектических законов применительно к деятельности нервной системы. В методологическом разрезе это означает необходимость диалектического мышления, как обязательного условия для дальнейшего научного продвижения в соответственной области. Об'ективная логика вещей стихийно толкает руководящих деятелей физиологии на этот единственно правильный путь, что, однако, не избавляет их от целого ряда методологических и эмпирических ошибок, естественно вытекающих именно из недостаточного знакомства с теорией диалектики. Практическое значение новых данных физиологии для психологии, медицины, педагогики, психотехники и других сопредельных областей совершенно очевидно и не нуждается в особой мотивировке. Основным условием правильного использования невродинамических данных для этих областей является ясное представление об отношениях между физиологическими законами, с одной стороны, и закономерностями, свойственными высшим формам организации материи — с другой стороны. В частности, нужно считать доказанным, что не только физико-химические законы, но и закономерности низшего биологического порядка (Арендт-Шульц) не в состоянии исчерпать в сколько-нибудь значительной мере существа невродинамических явлений. Далее, эти последние совершенно недостаточны для объяснения закономерностей, управляющих человеческой психикой. Только в сочетании с методами фило- и онтогенетическим, психологическим и социально-биографическим¹ невродинамический подход приобретает большую познавательную ценность в деле изучения поведения здорового и больного человека.

Б. Розенцвейг.

¹ И. Сапир — „Высшая нервная деятельность человека“. Изд. „Новая Москва“ 1924 г.

V ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Состоявшийся 11—18 сентября в Берлине V Международный генетический конгресс (называвшийся Internationaler Kongress für Vererbungswissenschaft, но имевший членский значок с буквами I. G. C.) продемонстрировал то мощное развитие генетики, которое совершила за пару последних десятилетий эта молодая ветвь биологии. Двадцать пять лет тому назад крестный отец генетики и пионер генетики животных, Бэтсон, давая это имя народившемуся слабому младенцу, определил содержание этой дисциплины, как «физиология изменчивости и наследственности». Но в настоящее время совершенно очевидно, что генетика переросла это определение, что как изменчивость, так и наследственность являются лишь частными вопросами в ряду других, граничащих с механикой развития, с одной стороны, и с вопросами интимнейшего строения живого вещества—с другой, и, может быть, непосредственно с молекулярными процессами в организме. Генетика, как наука о фенах и генах, т.-е. признаках и тех элементах, сложным взаимодействием которых эти признаки обуславливаются, об возникновении, истории этих генов, как в пределах самого организма, так и в смене поколений, о хромосомном аппарате, частями которого эти гены являются, и, наконец, об генах, их комбинациях и о хромосомном аппарате в целом—как материале для эволюции органических форм,— вот как можно было бы определить содержание современной генетики, если б в этом «определении» не участвовали, требующие дальнейших определений понятия «ген», «фен» и если б оно вообще не было слишком описательным.

Берлинский конгресс собрал около 1000 членов из всех культурных стран мира и был в полном смысле интернациональным. Правда, романские страны, Франция, Италия и Испания были представлены очень слабо и не только в количественном отношении. Но объяснение этому только в том, что в мощном развитии генетики эти страны не принимают, замечательным образом, почти никакого участия, что стоит, повидимому, в связи с особенностями их мало-прогрессирующего сельского хозяйства. Напротив, страны быстро развивающегося (Америка, Скандинавия) или старого племенного сельского хозяйства (Англия) прислали на конгресс блестящие делегации, несмотря даже на то, что из далекой Америки не смогли прибыть некоторые лидеры этой науки (Морган и его сотрудники, Каствл, Дженнингс и др.).

Делегация СССР, одна из самых многочисленных на конгрессе, продемонстрировала миру и количественно и качественно, что в великой земледельческой стране генетика быстро занимает то место, которое предугазано ей экономическими предпосылками. Интересно отметить, что на предыдущем 4 конгрессе 1911 года единственным активным представителем нашей страны был финляндский ученый Федерлей, едва ли владеющий русским языком, а настоящий конгресс собрал свыше 50 представителей, большинство имен которых уже известно за границе. Особенно заметно было участие русских сил в деле изучения хромосом, преимущественно у растений. Здесь продемонстрировала свою работу целая школа учеников академика С. Г. Навашина, заслуги которого были отмечены избранием его председателем первого торжественного заседания в день открытия конгресса.

К недостаткам съезда надо отнести его громоздкость. Для заслушания более полуроста докладов съезд разбился на шесть секций (1. Общей генетики, 2. Цитологии и генетики, 3. Генетики возделываемых растений, 4. Генетики домашних животных, 5. Генетики человека и 6. Евгеники), так что физически было невозможно посетить все интересные доклады. Это затрудняет составление отчета о конгрессе в целом, так как работа некоторых секций осталась мне недоступной.

Каково было общее идеологическое лицо этого конгресса, собравшего такое количество видных исследователей в области, имеющей столь близкое касательство к животрепещущим вопросам теории и практики? Нашли ли в нем отзвуки те напряженные классовые и национальные отношения, которые характеризуют переживаемую нами эпоху? В этом отношении конгресс надо признать более или менее «нейтральным».

В противоположность некоторым другим международным конгрессам этого лета, берлинский конгресс усиленно подчеркивал «мирное сотрудничество» национальностей, и хозяева-немцы выражали свое удовлетворение по поводу того, что на приглашение собраться в Берлин откликнулись все страны. То же самое подчеркивалось и приветливой встречей, оказанной делегации СССР. В значительной степени «нейтрально» было и классовое лицо конгресса, что объясняется, прежде всего, тем, что главное внимание конгресса было сосредоточено на чисто биологической стороне вопросов. Секция евгеники, в которой неизбежна должна была бы нарушиться эта нейтральность, была представлена чрезвычайно слабо и не представляла интереса, тем более, что программный доклад по евгенике Пэрла был снят за отъездом докладчика. Секция генетики человека была занята также сравнительно частными вопросами (наследственность волос, анализ скрещиваний белых с индейцами, наследование интерсексуальности, кровяных групп, музыкальности, изучением близнецов и т. п.), а доклады *Гена* «Наследственная одаренность знатных семейств» и *Лидбеттера* «Наследственность в нищих семействах» отличались обычной классовой ограниченностью и свойственным многим евгеникам пренебрежением к значению социальной среды. В этой секции аплодис-

ментами был отмечен доклад *Н. К. Кольцова* (Москва) о работах его и его сотрудников по изучению генетики химических свойств крови.

Некоторые русские товарищи запишут в идеологический минус конгрессу то, что он почти совершенно не уделил внимания проблеме наследования благоприобретенных признаков, столь обильно дискутируемой в Москве. Действительно, из полутораста докладов ламаркизму был посвящен лишь один, о котором скажем ниже. Однако усматривать в этом реакционность современной генетики, даже при наличии реакционных генетиков, а особенно евгеников, совершенно не приходится. Связь между блестящими биологическими открытиями генетики и социальными выводами из них еще настолько неясна, что среди реакционных евгеников мы находим как генетиков, так и ламаркистов, и их взгляды обуславливаются классовыми симпатиями, а отнюдь не точными научными данными.

Так или иначе, но ламаркизм почти отсутствовал в докладах, представленных этому конгрессу, как и другим генетическим конгрессам последних лет.

Только в речи, открывшей конгресс, маститый представитель уходящего поколения старых эволюционистов *Р. Веттштейн* (Вена), несколько впадая в пессимизм, говорил о том, что получающее всеобщее признание положение генетики об устойчивости генов не только не облегчает, но даже затрудняет представление об эволюции. Эволюция, — говорил он, — основывается не только на наследственности, но и на нарушении ее. Естественно, что, увлеченные изучением наследственности, исследователи оставили на втором плане это нарушение наследственности, необходимое для эволюции. К тому же все внимание их привлечено менделирующими генами и их носителями, хромосомами, изменяющимися лишь путем комбинаций и мелких мутаций. Но ни те, ни другие не могут удовлетворить эволюциониста, для которого эволюция немыслима без возникновения новых генов, а не только потери или изменения старых.

Выход из этого затруднения, по Веттштейну, в том, во-первых, чтобы, отвлекшись от генов, искать наследования через посредство протоплазмы, где, быть может, можно будет найти наследование благоприобретенных свойств, и, во-вторых, в изучении влияния внешних агентов на гены, изучении, стоящем однако на уровне наших современных знаний.

Непосредственно наследованию благоприобретенных признаков был посвящен доклад *Прунцбрана* на последнем заседании, в котором он развивал своеобразную гипотезу «приндуцированных контрастов», объективное значение которой, по нашему мнению, объяснит неудачу и неопределенность результатов ламаркистских опытов. Внешнее воздействие, по мнению докладчика, вызывая в организме образование некоторого признака (модификации), может проявиться у следующего поколения или аналогичным признаком или противоположным. «Обыкновенно при слабом воздействии внешнего фактора получается аналогичная приндукция, и при более сильном — противоположная пре-

индукция. Отсюда мы должны ожидать, что при некотором промежуточном напряжении не получается ни аналогичного, ни противоположного видимого результата, что однако не следует смешивать вообще с «невлиянием модификаций на дальнейшие поколения».

Однако ни пессимизм Веттштейна, ни «гипотезы преиндуцированных контрастов» не соответствовали основному направлению конгресса, демонстрировавшего деловое обсуждение целого ряда вопросов, в частности, и затронутых Веттштейном вопросов об отношении между генетикой и эволюцией. Несколько докладов разбирали один из способов возникновения новых видов—путем скрещивания. *Розенберг* (Стокгольм), подводя итоги ряда своих и чужих работ в этом направлении, показал, что при некоторых межвидовых скрещиваниях могут возникать и действительно возникают новые формы, которые иначе как настоящими новыми видами назвать нельзя. Во всяком случае, если бы мы не знали истории их возникновения, то считали бы именно отдельными видами с характерным числом хромосом, с характерным поведением при скрещивании с другими видами, в частности, с обоими теми, которые участвовали в их образовании. Особенно интересны в этом отношении те случаи, когда межвидовые гибриды оказываются не только не ниже, но даже выше по своей плодовитости исходных видов и благодаря некоторым своеобразным изменениям в хромосомном аппарате размножаются дальше, стойко передавая свои признаки. Таковы случаи гибридов *Aegilotriticum* (*Чермак* и *Блейер*), *Nicotiana* (*Клаузен* и *Гудспид*), *Datura* (*Блэксли*), некоторые случаи *Paraver* (*Льондаль*) и *Viola* (*Клаузен*). Здесь, таким образом, оказывается *один из способов* возникновения новых видов.

Вообще, очевидно, пора перестать говорить о «происхождении видов» в общей форме. Можно считать установленным, что нет единой схемы происхождения видов, а имеется вероятно несколько, может быть даже много, способов такого возникновения, и очередная задача—отыскивать эти типы, изучать отдельно процесс видообразования в различных группах органических форм. Это обстоятельство было ясно подчеркнуто тем, что за докладом ботаника *Розенберга* следовал доклад зоолога *Федерлея* (Гельсингфорс), посвященный изучению хромосомных явлений у гибридов зоологических, где межвидовая гибридизация сопровождается, как правило, большей или меньшей бесплодностью, и подобный способ возникновения новых видов вряд ли имеет место. Доклад *Федерлея* подробно разбирал условия, играющие роль в этом явлении стерильности (бесплодия).

Блэксли (станция экспериментальной эволюции, близ Нью-Йорка), так же в докладе общему собранию, подвел итоги своим, впрочем, еще идущим полным ходом работам по генетике дурмана (*Datura Stramonium*). Дурман, разводимый уже много лет в ботаническом саду станции, оказался, наподобие знаменитой мухи—дрозофилы, способным давать сравнительно часто *мутации*, т.-е. наследственно передающиеся видоизменения. Однако характер этих мутаций оказался по преимуществу другой природы, чем ставшие широкоизвестными мутации дрозифилы. В то время, как у последней большинство мутаций зависят от изме-

нений свойств отдельных пунктов в хромосомах, а число хромосом сохраняется неизменным, у дурмана, наоборот, большинство мутаций обуславливается изменением числа хромосом (хотя встречаются и мутации в отдельных пунктах хромосом). Обычно в таких случаях оказываются одна или две лишние хромосомы, но детальное изучение этих мутаций позволило Блэксли и ряду его сотрудников открыть здесь целый ряд новых и неожиданных явлений. Обнаружилось, например, что эти лишние хромосомы часто получают совершенно новое строение, составляясь или из половинок различных хромосом или через удвоение какой-либо из своих собственных половинок и т. п. В детали этих открытий здесь входить невозможно. Несомненно однако, что обширный запас новых фактов, собранных школой Блэксли, прольет много света, хотя и поставит одновременно много дальнейших проблем в области учения о хромосомах и их интимном строении. При этом талантливый исследователь ведет свои работы под углом зрения эволюционного учения и отмечает, что изученные им оригинальные явления в хромосомах должны быть признаны еще одним путем эволюции организмов.

Доклад *Е. Баура* (Берлин), известного исследователя генетики львиного зева (*Antirrhinum*), должен был подвести итоги этим многочисленным работам, но, благодаря перегруженности съезда, был заменен демонстрацией обширных и красноречивых плантаций этого растения в институте по изучению наследственности, директором которого и является проф. Баур. На обширном пространстве, сплошь занятом грядками, были высеяны как дикие виды рода *Antirrhinum* (для сбора их Баур совершил специальную поездку вплоть до Малой Азии), так и многочисленные мутации, полученные во время опытов. Бесчисленные оттенки цветов от белого до темно-пурпурового, различные неуродливые и уродливые формы цветков, формы листьев и стеблей—все эти различия подверглись изучению и результаты их иллюстрируются надписями на красивых оранжевых не боящихся ни дождя, ни солнца этикетках, недавно изобретенных в Германии. Эти мутации по своей природе, повидимому, в большинстве случаев подобны мутациям дрозофилы. Но изучение львиного зева имеет одно интересное преимущество по сравнению с изучением дрозофилы—у львиного зева возможно скрещивать не только отдельные сорта и расы друг с другом, но и различные *виды*, чего почти невозможно делать у дрозофилы.

Изучение этих *межвидовых скрещиваний* имеет громадное значение для выяснения эволюционного процесса и оно приобретает особенно выдающееся научное значение, когда скрещиваются виды, у которых получено и детально изучено много мутаций. Львиные зевы в этом отношении оказываются в настоящее время исключительно интересным объектом. Однако подобного рода работа очень трудна. Как показали опыты Баура, скрещивание двух видов *Antirrhinum* обнаруживает во втором поколении столь большую сложность, что разобраться в массе генов, принимающих участие в этом скрещивании—требует многолетней большой работы. Институт по Наслед-

ственности (Берлин—Далем) уже не может вместить этой работы. Но, как обычно в таких случаях, страна приходит на помощь своему прославленному ученому, и для него строится вне Берлина специальный институт, в котором его исследования смогут быть развернуты еще шире.

Вопросу об участии мутаций в эволюции был посвящен доклад С. С. Четверикова (Москва). Коллективное исследование докладчика и группы его учеников состояло в статистически-генетическом изучении мух—дрозофил, пойманных на воле, на Кавказе. Как известно, встречающиеся на воле мухи (да и многие другие организмы) оказываются при внешнем осмотре поразительно однообразными. Это подало повод некоторым противникам мутационного учения утверждать, что мутации являются искусственным продуктом, результатом неестественных лабораторных условий. Но известно также, что значительное большинство мутаций принадлежит к числу так называемых *рецессивных*, т.-е. проявляющихся внешним образом только в том случае, если соответствующие гены попадают в данную муху одновременно от обоих родителей.

Математический анализ, продемонстрированный докладчиком, привел его к выводу, что в природе это условие, необходимое для проявления рецессивных мутаций, должно осуществляться крайне редко. Из этого следует, что если мутации в природе происходят, то они должны находиться обычно в скрытом состоянии. Популяция (= население, т.-е. совокупность особей, встречающихся в данном месте) мух должна представляться с точки зрения математической теории в виде огромной губки, вобравшей в себе м. б. огромное количество мутаций, возникших в природе, но не могущих до поры до времени проявиться во вне.

Для того, чтобы проверить эту теорию, были пойманы более 200 самок мух на воле и путем особых приемов был произведен их анализ, т.-е. было выяснено, несут ли они уже на воле в себе в скрытом виде мутации или мутации возникают лишь в лаборатории. Эксперимент блестяще подтвердил теорию—внешне одинаковые мухи оказались действительно насыщенными мутациями, которых было обнаружено несколько десятков. Этим прекрасным исследованием легенда об лабораторном происхождении мутаций дрозофилы может считаться окончательно похороненной, тем более, что некоторые из обнаруженных мутаций оказались тождественными с ранее известными «лабораторными».

Это исследование имеет еще один важный вывод. Многим исследователям казалось удивительным, что потребность организмов в приспособлении всегда находит удовлетворение. Если организму полезно удлинить крылья—крылья удлиняются. Если полезно укоротить, они укорачиваются. Как будто организм или природа «сознательно» производят именно те мутации, которые нужны. На этой почве было сказано много идеалистических туманностей. Но, как показал Четвериков, представление о диких популяциях, как о губках, содержащих уже в себе самые разнообразные мутации, совершенно очищает

и этот участок эволюционного фронта от ядовитых газов идеализма: если б в одном месте Кавказа мухам оказалось бы выгодно увеличить число щетинок, покрывающих тело, а в другом—изменить крылья, то матерьял уже оказался бы наготове для удовлетворения и того и другого—и множества иных потребностей.

Центральным докладом, приковавшим внимание конгресса, явился несомненно доклад маленького американца *Моллера* (Техас). О сущности его замечательного открытия—искусственного получения сотен мутаций у дрозофилы действием рентгеновских лучей—я уже писал в «Правде» (№ 207 от 11/IX—1927 г.). Личные обстоятельства—смерть матери—оторвали его от лаборатории в самый нужный момент, и большая часть его интереснейшего матерьяла пострадала или погибла, т. ч. Моллеру предстоит вновь повторять свое исследование. Тем не менее доложенные им данные делают очевидным, что он стоит на несомненном пути. Технические условия, необходимые для получения мутаций у дрозофилы, оказались сравнительно простыми и без особого труда, повидимому, могут быть осуществлены в любом хорошем рентгенологическом кабинете. Несомненно также, что в ближайшее время немало генетиков примут участие в этой работе, открывающей трудно оценимые горизонты. Рядом остроумно поставленных экспериментов Моллер показал, что при действии рентгеновских лучей и в самках и в самцах и даже в сперматозоидах могут быть вызваны в большом числе новые мутации, частью совершенно новые, частью подобные старым, уже возникавшим раньше в лабораториях, или найденным в природе.

Попытки искусственного получения новых наследственных признаков уже давно занимали умы биологов. Общеизвестны опыты Каммерера, Тоуэра, Студенцова (из лаборатории Павлова), Броун-Секара и многих других, производившихся с целью доказать наследование так называемых «благоприобретенных свойств», результатов «упражнения и неупражнения» и пр. Причины систематических неудач этих попыток в последнее время были разъяснены генетикой, показавшей, что вся теоретическая установка этих лемаркистских опытов была неправильна. Все многочисленные авторы этих опытов имели в виду почти всегда найти какое-нибудь наследственное изменение, адекватное произведенному воздействию: Каммерер, например, полагал, что для того, чтобы получить появление наследственной черной окраски у саламандр, их надо помещать на черный же фон; Павлов полагал, что для того, чтобы получить у мышей повышение способности участвовать к обеденному звонку, их надо упражнять именно в дрессировке на обеденный звонок, и т. д.

Генетика показала неправильность этого подхода. Доказав, что признаки зависят от генов, находящихся в хромосомах и очень устойчивых, она сформулировала возможные условия успеха подобных опытов следующим образом:

1. Нужно применять такие факторы, которые были бы способны достаточно сильно повлиять на ~~хромосомы~~, не убивая при этом самого организма.

2. Нужно выбирать факторы, по возможности реже встречающиеся в природе, против которых организмы не имели бы защитных приспособлений.

3. При удаче опыта надо ожидать появления наследственных признаков, не имеющих никакого соответствия с теми, которые возникают в самом организме под влиянием используемого фактора.

4. При удаче надо ожидать появления сразу разнообразных мутаций, так как трудно предположить, чтобы затронутым оказался бы лишь какой-нибудь один пункт одной из хромосом.

Все эти четыре условия блестяще оправдались в опытах Моллера. Выбрав агент, почти не встречающийся в природе, лучи, не убивающие организм, но очевидно проникающие до его хромосом, он действительно получил «взрыв» мутаций, получив их несколько сот, самых разнообразных. Чисто материалистическая установка, чуждая идеалистических и грубо механистических тенденций ламаркизма, оправдала себя всецело и привела к открытию, оценить все значение которого для науки, для сельского хозяйства, для медицины и для евгеники сейчас еще совершенно невозможно. В этом отношении особенно заманчиво получение массы мутаций простым освещением рентгеновскими лучами спермы (находившейся, правда, или в семенных пузырьках самцов или в семеприемниках самок), что особенно достижимо у высших животных, для которых методика «искусственного оплодотворения» уже отлично разработана.

Конгресс наградил исследователя долгими аплодисментами, несмотря на то, что сам доклад был весьма труден для понимания. Изучение дрозофилы разрослось за последнее десятилетие положительно до размеров «дрозофилологии», разбираться в которой могут лишь те, кто специально занят ею. Сотни терминов, сотни схем и методических приемов, условных обозначений и пр. составляют ту неизбежную баррикаду, взять которую смогли еще далеко не все генетики. Этим, повидимому, объясняется выступление на конгрессе трех европейских ученых с критикой некоторых основных положений морганизма.

С наибольшим интересом съезд ожидал выступления известного скандинавского генетика *Герберта Нильсона*, об'явившего доклад на тему «состоятельны ли основные принципы морганизма?» В качестве основного принципа Герберт Нильсон разбирал принцип «линейного расположения генов в хромосомах». Рядом примеров докладчик показал, что все линейное расположение генов—миф и что если собрать воедино данные различных авторов, то порядок генов в хромосомах оказывается самым хаотическим, все они постоянно переставляются с места на место и каждый автор приходит к совершенно противоположным результатам.

Несмотря на почтенное имя автора, известного рядом отличных работ по генетике, главным образом, генетическому анализу, данный доклад его оказался сплошным недоразумением, которое немедленно же было рассеяно некоторыми из присутствовавших дрозофилологов. Расстояние между генами определяется так называемым «процентом

перекреста», изменяющимся однако в зависимости от внешних условий. Поэтому сравниваемые могут быть только те опыты разных авторов, которые ставились в одинаковых условиях. Если из Берлина ехать в Варшаву на товарном поезде, а в Москву на скором, то может получиться, что в Москву мы приедем раньше, чем в Варшаву, но это не значит, что Москва переменялась местом с Варшавой. Но на каком бы поезде ни ехать в Москву, мы всегда *сначала* достигаем Варшавы, а уже *потом* Москвы,—подобным примером раз'яснили докладчику его ошибку оппоненты, пояснив, что когда исследуется *одновременно несколько генов*, то их порядок и относительные расстояния всегда остаются неизменными, за исключением очень редких случаев перевертывания участков хромосом, которые только еще больше подкрепляют принцип линейного расположения генов.

Вторую атаку на морганизм произвел *Винклер* (Гамбург), известный экспериментальным получением так называемых «химер» и прививочных гибридов у томатов и пасленов. Он выступил с предложением заменить моргановскую теорию перекреста его новой гипотезой «конверзии». Теория Моргана говорит о том, что две гомологичные, рядом лежащие хромосомы способны обмениваться своими частями, в результате чего, например, вместо двух исходных хромосом с находящимися в них генами

$$\begin{array}{cccccccccccc} A & B & C & D & E & F & G & H & I & K & L & M & N \\ a & b & c & d & e & f & g & h & i & k & l & m & n \end{array}$$

возникают две другие, например,

$$\begin{array}{cccccccccccc} A & B & C & D & e & f & g & h & i & k & L & M & N \\ a & b & c & d & E & F & G & H & I & K & l & m & n \end{array}$$

где участки хромосом с генами *E F G H I K* и *e f g h i k* поменялись местами.

Теория конверзии постулирует, что не участки хромосом переходят одни на место других, а изменяются свойства генов, т.-е. в силу каких-то причин гены *E F G H I K* в нашем примере превращаются в *e f g h i k*, а гены *e f g h i k*, наоборот, в *E F G H I K*. Путем многочисленных вычислений автор гипотезы конверзии показал, что для целого ряда примеров, взятых из действительных опытов, можно вычислить теоретические числа, близко совпадающие с фактическими. Одним из интересных следствий этой гипотезы является то, что так называемые «менделевские отношения» (например, 3:1, 9:3:3:1), по которым распадается потомство в скрещиваниях на несколько типов, не всегда должны быть точными целыми величинами и могут изменяться.

Доклад Винклера встретил резкие возражения со стороны Моллера и других генетиков. Моллер показал, что выведенная им формула совершенно ошибочна и пригодна лишь для простейших частных случаев, а сама гипотеза не имеет никаких реальных корней, так как допускает столь свободное превращение доминантных генов в рецессивные и обратные, что требует дополнительных многих гипотез и вообще ни на чем конкретном не основана.

Третий доклад, критиковавший теорию Моргана, принадлежал *Бернштейну* (Геттинген), предложившему на основании чисто математических выкладок, «капиллярную теорию» кроссинг-овера (перекреста), как результата распада и воссоединения частиц хромосом. Хотя в его докладе и были отдельные любопытные факты, например, отмечены интересные особенности в распределении различных классов потомков, но между этими фактами и широкой «капиллярной» теорией кроссинг-овера осталась еще зияющая пропасть, заполненная мало надежными математическими выкладками.

Перед лицом этой критики морганисты-дрозофилологи иллюстрировали прочность морганизма несколькими отличными работами. Молодой берлинский генетик *Штерн* доложил об интересных случаях у дрозофилы, в которой один из признаков (маленькие щетинки) постоянно распределялся пятнами по поверхности тела. Исследование этого случая показало, что он легко объясняется предположением об исчезновении куска 3-й хромосомы. В институте экспериментальной биологии, где работает Штерн, демонстрировались интересные микроскопические препараты, относящиеся к его другому только-что опубликованному исследованию. Как известно, Штерном был изучен интересный ген «коротких щетинок». Первоначально изучение этого гена как бы нарушило правильность закона Моргана о том, что число «групп сцепленных генов» не может быть больше числа хромосом—открытый ген наследовался независимо от остальных четырех уже известных групп, соответствующих четырем хромосомам. Однако дальнейшие опыты привели к заключению, что вновь открытый ген находится в той самой *y*-хромосоме, которая долгое время считалась пустой. Мало того в дальнейшем были встречены некоторые случаи аномального наследования этого гена, заставившие притти к заключению, что в этих случаях *y*-хромосома перетерпела различные изменения: в одном случае утеряла целый участок, а в другом случае прицепилась к так называемому правому концу половой хромосомы. Оба эти случая были исследованы микроскопически, и предсказанные особенности *y*-хромосомы действительно были обнаружены, в чем воочию могли убедиться все посетители лаборатории Штерна.

Другой интересный случай слишком сложный для того, чтобы излагать его здесь в подробностях, был доложен *Мором* (Осло).

Наконец, третий случай, в котором два гена, близко расположенных во II хромосоме, вместо нормального сильного сцепления обнаружили якобы полную независимость в наследовании, объяснился возникшей в течение опыта новой мутацией, подавлявшей проявление одного из этих генов, что и было доказано при дальнейшем изучении этого вначале малопонятного случая (*Шу*, Амхерст, С. Ш.).

Вопросу о природе мутаций был посвящен доклад одного из наиболее молодых генетиков, *Демереца* (станция экспериментальной эволюции бл. Нью-Йорка), справедливо признанный достойным общего собрания конгресса. В течение последних лет Демерецом были открыты у дрозофилы (*D. virilis*) 3 замечательных гена, возникших путем мутации, но непрерывно возвращавшиеся к нормальному состоянию

путем так называемых возвратных мутаций. Открытие этих генов совпало с открытием Бауром подобных же генов у львиного зева, т.-е. на другом конце органического мира. Благодаря большей изученности генетики дрозофилы Демерецу удалось изучить это замечательное явление возвратных мутаций с гораздо большей точностью. При этом обнаружилась значительная разница между отдельными генами. Один из них возвращается к исходному состоянию в самые различные моменты жизни организма и во всяких клетках тела. Другой, наоборот, способен давать возвратные мутации только в гетерозиготных самках в момент так называемого созревания яйца и т. д. В виду того, что подобное же различие обнаружили и гены, открытые Бауром, мы имеем здесь, очевидно, дело с какой-то совершенно новой группой явлений, широко распространенных в органическом мире. Дальнейшее изучение этих явлений несомненно должно будет пролить свет на самую природу и механизм явлений мутаций. Пока можно лишь отметить, что Демерецом обнаружены в другой хромосоме специальные гены, способствующие этому явлению обратных мутаций. Путем специальных скрещиваний можно один и тот же ген заставить или устойчиво сохранять свои свойства, как все остальные гены вообще, или, наоборот, заставить его необыкновенно часто давать обратные мутации.

Ряд интересных докладов был посвящен генетике энотеры. Изучение этого замечательного растения, послужившего де-Фризу главным основанием для развития его мутационной теории, разрослось ныне поистине до размеров «энотерологии», не менее своеобразной и трудной, чем и «дрозофилология». Шелл (Принцтон, С. Ш. С. А.) и Стомпс (Амстердам) в секции общей генетики, Келланд (Балтимора, С. Ш. С. А.) и Гэте (Лондон) в секции цитологии и, наконец, Ромер (Иена) на общем собрании осветили энотеру с различных сторон. Шелл описывал появление новой типично-менделирующей мутации *bullata* в чистой линии *Oenothera Lamarckiana*. Изучение геносвязи этой мутации с другими показало, что она не входит в 1 группу генов энотеры, куда входит большинство, и, вероятно, входит в группу III вместе с геном темно-золотой окраски цветка (мутация *vetiverae*). Доклад Стомпса сообщил большое количество новых фактов о скрещиваниях различных форм *Oenothera biennis*, вида очень близкого к *Oe. Lamarckiana* и дающего ряд параллельных явлений с этим видом. Здесь интересны наблюдения над правильными моногибридными явлениями у форм, имеющих удвоенное число хромосом.

Как известно, изучение скрещиваний у энотеры обнаружило множество совершенно своеобразных явлений. Наследственные элементы многих видов оказались разделенными на две резко-отличные друг от друга группы, соединенные в очень прочные комплексы. Даже чистые дикие виды оказались благодаря этому постоянными гетерозиготами, не расщепляющимися, видимо, лишь потому, что гомозиготы постоянно отмирают. Целый ряд других своеобразных отличий имеется между энотерой, с одной стороны, и дрозофилой и кукурузой, изученными также подробно, с другой.

Тем замечательнее, что работы цитологов, в том числе и докладчиков *Гэтса* и *Кляланда*, обнаружили в последнее время, что у энотеры имеются совершенно своеобразные особенности в хромосомном аппарате (склонность хромосом образовывать друг с другом *кольца*, в которые иногда включаются все хромосомы, а иногда часть, оставшиеся же образуют как нормально *пары*). И вот, оказалось, что целый ряд особенностей, замечаемых в скрещиваниях, находит себе параллелизм и даже объяснение в этих цитологических особенностях. Энотера, таким образом, дает ряд новых и совершенно неожиданных доказательств хромосомной теории наследственности.

Сводку этих новых данных дал и Ромер в своем докладе общему собранию, на примере пяти изученных им генов показав, как оригинально согласовывается здесь организм с особенностями хромосомного аппарата этого растения.

С интересным докладом о «Генах и внешних признаках» выступил 2-й директор Берлинского института экспериментальной биологии, Рихард Гольдшмидт, имя которого широко известно и в СССР, как автора книг «Основы наследственности» и «Механизм и физиология определения пола». В текущем году им выпущена новая книга «*Physiologische Theorie der Vererbung*», некоторым главам которой и был посвящен доклад.

Считая главнейшим открытием последнего времени открытие «реальности генов и расположения их в хромосомах» и стоя в главнейших пунктах на точке зрения современной генетики, Гольдшмидт не удовлетворен тем, что все внимание генетики устремлено сейчас на изучение механизма наследственности и в тени остается не менее важная проблема о связи между геном, находящимся в хромосомах, и тем признаком организма, в определении которого этот ген участвует. Пора приступить к изучению не только *судьбы* гена, находящегося в хромосоме, но и того, как этот ген *работает* в системе с протоплазмой. Для того, чтобы ген мог проявить свои действия, необходимо наличие определенных условий, необходима предварительная выработка некоторых веществ, которые могли бы реагировать с геном. Признак оканчивает свое развитие, приобретает окончательный вид тогда, когда наступает необратимая реакция. Отсюда Гольдшмидт получает исходные пункты для построения динамических схем развития признаков. Сформирование признаков является равнодействующим целого ряда процессов (выработки химических веществ, развития структур и проч.), и от соотношения скорости этих процессов зависит тот или иной характер признака. Если крыло бабочки формируется быстрее, чем идет процесс образования пигмента, то крыло оказывается неокрашенным. Если скорость выработки пигмента увеличивается, то в тех местах крыла, которые развиваются медленнее, образуются черные пятна, в то время, как более быстро развивающиеся участки крыла успевают завершить свои «необратимые реакции» до начала отложения пигмента и остаются белыми—возникает рисунок. Формы этого рисунка будут зависеть, следовательно, от того, как распределяются на крыле различные скорости

сформирования того субстрата, в котором будет отлагаться пигмент, и с какой скоростью этот пигмент будет вырабатываться. Подобным же динамическим образом сконструирована Гольдшмидтом его схема развития пола и проч.

Взгляды Гольдшмидта на развитие признаков заключают несомненно много здоровых элементов и, выдвигая ряд проблем, подлежащих дальнейшей экспериментальной обработке, послужат разработке этой мало исследованной области генетики.

Нет возможности, конечно, перечислить здесь содержание всех остальных многочисленных докладов. Заслуживает внимания, что различные секции весьма различались числом докладов. В частности, в то время, как секция 3-я, «генетики культурных растений», насчитывала длинный ряд интересных докладов, секция «генетики домашних животных», наоборот, была представлена очень слабо. Из 7 докладов, среди которых, впрочем, был один посвящен кошкам, другой кроликам, третий же являлся любительским недоразумением—2 доклада принадлежали СССР (*Гаркави*—Моск. обл. ет. и *Серебровский*—Аник. генет. станция). Точно так же и по генетике культурных растений, главным образом, их цитологии, СССР выдвинул ряд интересных докладов. Особенности нашего примитивного сельского хозяйства позволили русским ученым выступить с развитием совершенно новой отрасли генетики—*генетики географической*. Импозантное впечатление произвел отчет *Вавилова* (Ленинград) об обширнейших работах института прикладной ботаники по изучению генетико-географических центров культурных растений. Докладчик демонстрировал длинный ряд карт, на которых «в мировом масштабе» были нанесены результаты многочисленных экспедиций института, охвативших всю Европу, значительную часть Азии, Африки, и даже Южной Америки. Вместо сборных понятий «пшеницы», «ржи», «ячменя» и т. д. была представлена география громадного количества форм, рас и отдельных мутаций, позволяющих пролить свет на всю историю этих растений. Подобную же картину распространения отдельных генов демонстрировали и мы докладом о нашем изучении гено-географии крестьянской курицы европейской части СССР.

Делегаты Комакадемии, М. С. Навашин и Е. С. Смирнов, представили свои доклады в 1 и 2 секции конгресса.

Доклад Навашина касался «амфипластии—нового кариологического явления», открытого докладчиком. Как известно, детальное микроскопическое изучение хромосом позволяет установить для многих видов растений и животных характерные внешние черты, как всего комплекса хромосом в целом, так и отдельных хромосом. В некоторых случаях цитолог, рассматривая хромосомы, может точнее определить, с каким видом он имеет дело, чем даже рассматривая целое растение. При скрещивании двух видов, имеющих различные хромосомы, в клетках тела гибрида оказывается возможным видеть и узнавать хромосомы обоих исходных видов. Однако Навашину удалось более тщательным изучением гибридов растений из рода *Strepis* показать, что в теле гибридов хромосомы исходных видов все же несколько изменяют свою

внешность. Это изменение, уловленное докладчиком у 11 типов гибридов из числа 13 исследованных, прослежены им вплоть до 3 поколения и названо «амфипластией».

К сожалению, не делая различий между внешним видом хромосом и наследственными элементами, содержащимися в хромосомах, докладчик сделал из своего открытия вывод, что при оплодотворении происходит не «простое суммирование неизменяющихся генов, но некоторая реакция, могущая вызвать изменение этих элементов». Нам, однако, особенно приятно отметить здесь, что, исходя из чисто генетических соображений, мы в 1925 году предсказали необходимость открытия, сделанного Навашиным¹. Мы даже предложили тогда специальный термин «фенные признаки хромосом» и предсказывая, что эти признаки, как и всякие внешние признаки гибридов, должны меняться, а в дальнейшем менделировать, сожалели, что в то время имелись по этому поводу лишь разрозненные данные.

Е. С. Смирнов говорил о «математическом изучении индивидуальной и видовой изменчивости у божьих коровок». Выражая форму надкрылий этих жуков специальными математическими формулами, он получает возможность характеризовать изучаемый признак некоторыми коэффициентами и из изучения свойств этих коэффициентов получать характеристики видов, родов и т. д. и их изменчивости, в соответствии с общим взглядом докладчика на систематику, уже подвергавшимся критике в стенах Комакадемии. Не отрицая, вообще говоря, права исследователя заменять в некоторых случаях реальную действительность математическими абстракциями, мы должны, однако, к этой замене относиться с величайшей осторожностью, чтобы не впасть в те бесконечные ошибки, которыми столь богата история биометрии.

Следующий конгресс назначен в Соединенных Штатах в 1932 году. Если развитие генетики будет продолжаться дальше тем же темпом, то предсказать объем содержания этого следующего конгресса в настоящее время будет совершенно невозможно. Нам остается лишь пожелать, чтобы нашей стране было обеспечено на этом конгрессе не меньшее место, чем то, которое она заняла на конгрессе Берлинском.

А. С. Серебровский.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Помещая статью г. Серебровского о 5-м международном конгрессе генетиков, редакция руководствуется¹ желанием дать читателям «В. К. А.» хотя бы предварительный и даже несколько субъективно-окрашенный отчет о работах этого съезда одного из его участников, на основании которого читатель все же получит довольно четкое представление о кипучей и уже до

¹ «Хромосомы и механизм эволюции». Успехи Эксп. Биол. т. V, в. 1.

настоящего времени увенчавшейся блестящими многообещающими открытиями работе целой армии генетиков и о разнообразии исследовательских путей, по которым современная биология проникает в тайны эволюции и наследственности.

Автор печатаемого отчета по специальности—биолог-экспериментатор, не участвовавший в работах евгенической секции конгресса, а потому в его отчете оказался недостаточно обещанным ряд основных вопросов евгеники, трактованных в этой секции и в смежной ей секции наследственности у человека с определенно буржуазно-классовой точки зрения, напр., Ploetz'ом, Lidbetter'ом, Thomsen'ом и др. Так, Томсен предлагал ни более ни менее, как организовать «ядра народностей» («Völkerkeime») для сохранения исторического наследственного фонда «благородных рас» («Edelrasse») и «биологические ядра» для выведения племенных «музыкантов, ученых, атлетов, и т. п.» путем создания специальных, территориально-замкнутых колоний, т.е. попросту человеческих питомников для представителей «благородной расы, могущих в любое время возродить вымирающую расу».

По мнению этого шута, подобные «ядра» должны быть «независимы от своего окружения» и удовлетворять все свои потребности исключительно собственными ресурсами. Хотя эта сумасшедшая, к тому же подлинно черносотенная, «демотическая»—как теперь любят выражаться господа «евразийцы»—мещанско-утопическая теория и не нашла себе сторонников на конгрессе все же характерно, что подобное издевательство над аудиторией было вообще допущено. Однако даже выступление «благородного» чудака Томсена станет понятным, если принять во внимание, что сей племенной попечитель будущего острова Тевтония отнюдь не является уродом в среде крайне расплодившихся за последние годы евгеников-антисемитов-фашистов, т.е. крайнего правого крыла буржуазных генетиков, идейными лидерами которого, следующими по стопам основоположников теории расовой ненависти и расового высокомерия, A. Gobineau, H. St. Chamberlain, O. Ammon, H. Ziegler и т. д. являются такие махровые черносотенцы, как американцы Madison Grant и Lothrop Stoddard, немцы E. Plate, A. Basler, M. v. Gruber, H. Günther, F. Lenz и им подобные во Франции, Италии и Англии, выпускающие огромное количество книг, издающие ряд специальных журналов, имеющие целый ряд обществ пропаганды и отличающиеся от наивного Томсена лишь большей трезвостью, так как они отбрасывают всякую игру в бирюльки-колонии и ставят ребром вопрос о власти в государстве, добиваясь своих «евгенических» зубодробительных целей подготовлением фашистского переворота и пропагандой расовой войны.

На основании вышензложенных соображений редакция оставляет за собой право вернуться к более подробному освещению докладов евгенической секции конгресса генетиков по выходе в свет трудов конгресса. Краткие предварительные данные о содержании всех докладов конгресса читатель найдет в вышедшем в издательстве Gebrüder Bornträger сборнике «V Internationaler Kongress für Vererbungswissenschaft. Referate zu den angemeldeten Vorträgen».

II.—СТЕНОГРАММЫ ДОКЛАДОВ, ЧИТАЕМЫХ В КОММ. АКАДЕМИИ

ГОЛОВНОЙ МОЗГ И ПОВЕДЕНИЕ¹

1. Говорят, что у нас наблюдается систематическое злоупотребление цитатами из основоположников марксизма.

Рискуя вызвать упрек, что я тоже повинен в таковом, я все же позволю себе напомнить несколько мыслей из статьи Энгельса „Роль труда в процессе очеловечения обезьяны“. Дело в том, что Энгельс замечательно правильно изобразил взаимоотношение между развитием руки, речи и головного мозга,—совершенно так же, как мы, по нашим современным данным, должны себе его представлять.

По Энгельсу рука есть продукт первобытного труда (не только орган, но и продукт), и первой фазой процесса очеловечения обезьяны является именно усовершенствование этого самого органа, т. е. выполняющего механизма, или, как мы теперь сказали бы, развитие эффекторов. „Но рука не была чем-то самодовлеющим. Она была только одним из членов целого, необычайно сложного организма“. „Начинавшееся вместе с развитием руки и труда господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека“. Отсюда, в виду того, что предки человека были общественными животными, „ближайшие предшественники людей пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно... Таким образом, вследствие развития первой группы эффекторов и наряду с ним начинает развиваться вторая группа, наиболее важная для всего процесса и наиболее характерная для поведения человека—речевые эффекторы. Дальше—„Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными двигающими факторами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превратиться в человеческий, который, при всем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством. С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших юродий—органов чувств“.

Совершенно отчетливо выделяются три момента: развитие 1) эффекторов, 2) мозга, иначе говоря, центральных механизмов, и 3) рецепторов. Из этих трех моментов складывается весь сложный процесс эволюции

¹) Доклад в о-ве биологов-марксистов 14 октября 1927 г.

от обезьяны до человека. Но времени—первый момент несколько забегаает вперед и ведет за собой остальные два. Но без их сопутствия он невозможен; каждый из трех не может происходить без двух других. и все три, в конце концов, одинаково важны и необходимы для осуществления всего процесса в целом.

Такое представление о ходе процесса эволюции в той же мере относится не только к переходу от обезьяны к человеку, но и ко всем предыдущим ступеням; развитию обезьяны из ее предков и т. д.

Везде имелись: во-первых, одновременное и взаимодействующее развитие строения и поведения (или поведения и строения), во-вторых, те же три слагающих процесса, т.-е. усовершенствование эффекторов (мускулов и желез), центральных механизмов и рецепторов и везде ведущим фактором было развитие эффекторов.

Такие представления выдвигались биологами, например, по отношению к рыбам. Стадия наших костистых рыб представляет собой с филогенетической точки зрения некий туник. Из этого туника они не вышли потому, что эффекторы их не давали им соответствующих возможностей: все их эффекторные реакции сводятся почти только к биению хвостом вправо и влево. В то же время рецепторы их развиты немногим хуже и беднее, чем у вышестоящих форм, и мозг их для некоторых особых функций достиг высокого развития. Но однообразие эффекторной деятельности не допустило усовершенствования центральных механизмов в том направлении, в каком они у других животных развивались на пути к мозгу млекопитающих.

Я приведу еще пример совершенно другого типа.

Вспомните из классической сказки Апулея „Золотой Осел“ о переживании его героя (Луция), который был превращен в этого самого осла. У него полностью сохранились все рецепторные возможности человека и вся центральная или, как у нас принято говорить, высшая нервная деятельность. Но спрашивается, какой прок был ему от всех его точно дифференцированных рецепторов и гибких мозговых процессов, если в ответ на всякие внешние воздействия он мог только хлопать ушами. Совершенно очевидно, что такое существо возможно только в сказке, что это биологический абсурд. Не могли бы появиться высоко развитые рецепторы и центральные механизмы там, где им нечего было бы делать. Только там, где возможна разнообразная и дифференцированная *эффекторная* деятельность, там развиваются и соответствующие центральные механизмы; и *не могут не развиваться* и, в свою очередь, дают возможность дальнейшего усовершенствования эффекторов. Наши пальцы, голосовые связки и проч. развивались „как члены сложного организма“, и „явились *самыми главными движущими факторами*“ для развития мозга и органов чувств (рецепторов).

Поэтому отнюдь не следует отождествлять поведение организмов с их „высшей нервной деятельностью“. А такие представления можно встретить у нас сплошь и рядом. Мне пришлось натолкнуться, например, на такое утверждение: „мозг есть орган поведения“. Конечно, „органа поведения“ вообще не имеется или, если угодно, организм как целое является „органом поведения“. Но это выражение очень

характерно. Только в других случаях то же по существу содержание может быть, высказывается не в такой простой формуле.

И конечно, поведение—не высшая нервная деятельность¹, а в такой же мере еще и высшая рецепторная и last not least высшая эффекторная деятельность. Поведение есть результат совместной работы всех трех моментов и все три одинаково важны. Уж если бы за каким-нибудь из них необходимо было признать первенство, то это выпало бы на долю эффекторного момента.

Но никак нельзя выдвигать на первый план работу головного мозга. Воистину правы те авторы, которые считают такое преувеличение роли центральных процессов, „ипостазирование первой системы“, пережитком мистических настроений. Вместо души, которая где-то сидела в теле и его приводила в движение, вместо сознания, которое, как *imperium in imperio* (Ллойд-Морган) извне руководило организмом, такая же по существу роль теперь приписывается головному мозгу, или его большому полушарию, или коре больших полушарий. Так же, как прежде „душа“, так теперь головной мозг управляет поведением; в нем происходят какие-то автономные процессы, от которых зависит поведение, реакции организма „объясняются“ при помощи представления об „очагах возбуждения“ в головном мозге. В действительности же не может быть никакого центрального процесса, если нет эффекторного, если вся цепь не замкнута, если импульс от рецептора не дошел до эффектора. Кто себе представляет, что он при помощи мозговых схем и мозговых „механизмов“ может объяснить поведение организма, на самом деле отдает дань своим скрытым мистическим тенденциям. Ультрамеханист подает руку идеалисту. Крайности, по обыкновению, сходятся.

Философ Авенариус ставил себе в заслугу, что в то время, как до него говорили только о роли центральных процессов в самосохранении организма, он ввел представление о самосохранении самой центральной системы. Он изображал эту центральную систему, как нечто замкнутое, самодовлеющее, самообороняющееся, и рассматривал ее деятельность как самосохранение среди изменяющихся внешних условий. Все это коренным образом расходится с современными биологическими взглядами. Не только центральную систему, но и организм в целом никак нельзя считать чем-то в себе замкнутым. Я позволю себе привести следующие слова интересного американского биолога Чайльда: „Мы приходим к заключению, что организм, строго говоря, не есть сохранение какого-то неизменного равновесия, как противодействие внешним вмешательствам, он скорее—непрестанное видоизменение и уравнивание, как реакция на внешние факторы. Он не „замкнутая система“, самосохраняющаяся среди всего остального мира, а система во всех пунктах открытая и состоящая в непрерывном и необходимом взаимодействии со средой: и то же самое верно и для взаимоотноше-

¹ Надо еще иметь в виду, что я здесь совершенно не касаюсь биосоциальной ценности реакций, изучение которой тоже входит и понятие изучения поведения, но которая не стоит в связи с нервной деятельностью, поскольку одинаковые по своему нервному механизму реакции могут иметь совершенно различную биосоциальную ценность

ний ее отдельных частей. Только тот факт, что организм—открытая система, делает возможным развитие и эволюцию“.

Самый организм, по Чайльдсу, есть не что иное, как продукт реакции специфического материала на те внешние условия, в которых он развивался, и всю его дальнейшую деятельность надо понимать, как ряд все изменяющихся реакций на внешние условия, а не как какое-то „внутренними“ силами обусловленное самосохранение, выполнение самостоятельных компенсаций.

Развивая дальше свое ложное представление, Авенариус изображает центральную систему, в сущности, как какое-то „государство в государстве“. Так, она, по его мнению, способна производить „самоустановку“, благодаря которой она может переходить от компенсации менее существенных внешних воздействий к компенсации более существенных. Но мало того, в тех случаях, когда на центральную систему одновременно действуют различные изменения ситуации, из которых одни сравнительно более, другие менее существенны, то центральная система может посредством иной, внутренней („эндосистемной“) самоустановки пренебречь всеми менее существенными стимулами и реагировать только на более существенный. Такую самоустановку центральной системы, при которой она производит компенсацию наиболее существенного внешнего воздействия, Авенариус называет *доминантой*; ею обуславливается общее поведение индивида (Кр. ч. оп., нар. 863). Поскольку представление об организме, как замкнутой и обороняющейся против всего мира системе, для нас совершенно неприемлемо, постольку и в еще большей мере неприемлемо и представление о том, что поведение организма обусловлено какими-то „эндосистемными“ центральными процессами. Оно неприемлемо потому, что в корне искажает существующие на самом деле взаимоотношения между эффекторными, рецепторными и центральными функциями организма, которые мы пытались выяснить вначале. Если рассуждать по Авенариусу, то не рука и речь вели бы за собой мозг, а как раз наоборот, их деятельность зависела бы от каких-то установок внутри замкнутой центральной системы.

Не знаю, от кого из современных ему физиологов заимствовал Авенариус физиологические основы для своих воззрений—да это сейчас может нас и не интересовать. Но нельзя пройти мимо того факта, что у нас в последние годы появилось одно физиологическое течение, которое непосредственно связывается с представлениями Авенариуса¹ и заимствует у него понятие о „доминанте“. Проф. Ухтомский, в Ленинграде, со своими сотрудниками стремится задним числом подвести физиологическую базу под это понятие. Мало того, в нашей марксистской литературе появилась статья, которая доказывает соответствие авенариусовской доминанты общим принципам диалектического материализма!

Думаю, что исходная позиция настоящего достаточно ясна. Отнюдь нет желания отрицать важную роль нервной системы вообще и головного мозга в частности, нет желания умалить эту роль. Но все-таки

¹ А. А. Ухтомский, „Доминанта, как рабочий принцип нервных центров“ (Русск. физиол. ж., т. 6, 1923), примечание 4, стр. 43.

нервная система *не все*, а только *один из трех* одинаково важных моментов. Мне кажется, лучшим средством поставить центральные процессы на подходящее им место должно быть рассмотрение нескольких примеров из того фактического материала, который собран за последние годы по вопросу о функциях головного мозга и роли его в поведении организмов. Только зная, что в самом деле выполняет головной мозг, можно отбросить то, что неосновательно ему приписывается. Сейчас такая задача в полном ее объеме еще не разрешена. Поэтому здесь ставится более скромная задача: выяснить, что в имеющихся у нас представлениях о работе головного мозга основано на научно проверенных фактах, а что является гипотетическими к ним добавлениями, или.—пользуясь выражением доктора Н. А. Бернштейна,—отделить зо-лото фактов от бумажной эмиссии спекулятивных построений.

2. Наибольшее место среди работ, относящихся к выдвинутой нами теме, т.-е. ко взаимоотношению между головным мозгом и поведением, занимают такие исследования, в которых у животного удалялся или разрушался головной мозг или известная часть его.—Затем поведение оперированных животных сравнивалось с поведением нормального, либо путем общего наблюдения или наблюдения над различными рефлексамии у того и другого, либо путем выработки у них новых условных рефлексов или более или менее сложных навыков.

В первую очередь я намерен изложить результаты ¹ большой серии работ, проведенных частью совместно, частью по отдельности двумя американскими исследователями: Franz и Lashley.

Я начинаю именно с этих работ, главным образом, потому, что, во-первых, здесь всегда совершенно точно устанавливалось, какая часть головного мозга была разрушена. Достигалось это тем, что по окончании экспериментов животные убивались, изготовлялись гистологические препараты—срезы головного мозга —и реконструировалась разрушенная область. Только таким путем и можно иметь уверенность в том, что наблюдаемые явления зависят от такого именно вмешательства, какое намеревались произвести; что при удалении, например, части коры не пострадали подкорковые образования и т. п. Во-вторых, в этих работах сравнивались довольно сложные навыки, притом такие, которые со всех сторон очень хорошо изучены у нормальных животных. Исследовались навыки зрительные и кинестетические различной степени сложности. Эксперименты производились над крысами, а мозг крысы, отчасти благодаря его относительной простоте, известен лучше, чем, может быть, мозг всех других млекопитающих. Анатомически кратко охарактеризовать мозг крысы можно, сказав, что мы в нем можем узнать все крупные области, которые известны в мозге человека, но и не более чем „узнать“, т. к. они здесь только-только намечены.

Первый вопрос, на котором мы остановимся, следующий: имеется ли и, в положительном случае, насколько выражена в мозге крысы так называемая *локализация*, т.-е. в какой степени отдельные элементы

¹ По Herrick, C. F.— „Brains of rats and men“.

поведения крысы связаны с работой определенных, фиксированных участков головного мозга.

Эксперименты со зрительным навыком производились по методу Иеркса. Имелся довольно простой аппарат: из пусковой камеры крыса попадала в помещение, из которого два хода вели в кормовую камеру. В каждом отдельном опыте один из ходов был освещен и соединен с кормовой камерой, а проход через другой, темный—был закрыт. Порядок ходов чередовался без всякой правильности, так что не мог установиться кинестетический навык. Крысы дрессировались, следовательно, на выбор более светлого из двух возможных ходов. Всего было проведено 150 животных. В нормальных условиях такой навык устанавливался несколько менее чем в сто опытов. После того, как он был прочно выработан, удалялась какая-нибудь часть коры, затем, когда крыса оправлялась от шока, ее вновь пускали в тот же аппарат, чтобы выяснить, насколько сохранился выработанный раньше навык. Оказалось, что при сохранении затылочного полюса мозга удаление любой другой части коры: лобной, теменной, орбитальной, вовсе не отражалось на зрительном навыке.

Удалявшиеся области охватывали в сумме до двух третей всего большого мозга—все же навык полностью сохранялся. Но повреждение затылочной трети сказывалось на успешном выполнении навыка, а при полном ее удалении он исчезал совершенно. Если удалялась часть затылочной трети коры, то нарушение навыка оказывалось приблизительно пропорциональным размеру повреждения, т.е. внутри затылочной трети коры можно было удалить какую угодно часть (определенного размера) с совершенно одинаковым эффектом. Стало быть, если навык был выработан при участии затылочного полюса коры, то удержание навыка и дальнейшая работа после операции уже невозможны. Переходя к толкованию этого результата, авторы представляют себе, что при выработке навыка в затылочной области образовались какие-то „связи“, которые затем операцией разрушались. (Конечно, навык был бы также разрушен, если бы мы перерезали проводящие пути, в нем участвующие, не в этом месте, не в затылочной области, а в любом другом пункте на их протяжении).

Если после удаления затылочного полюса и, следовательно, после разрушения ранее выработанного зрительного навыка крысу вновь тренировали в том же самом аппарате, то новый навык у нее вырабатывался не хуже, чем первый; для его выработки требовалось не большее число опытов, чем и до операции. Гипотетическое объяснение таково, что в том случае, когда „связи“ не могут установиться там, где они образуются нормально, т.е. в затылочной области, они устанавливаются в какой-то другой. Спрашивается, в какой именно?

Ответ дает новый ряд экспериментов, в которых сначала разрушался затылочный полюс, затем вырабатывался зрительный навык (все тот же), после этого производилась вторая операция, во время которой удалялась еще какая-нибудь треть коры из разных мест. В сумме всех экспериментов были удалены все остальные области—после любой вторичной операции навык сохранялся. Факты говорят, что для сохра-

нения зрительного навыка, выработанного без участия затылочной области, никакая другая область не необходима. Гипотеза предполагает, что в отсутствии затылочного полюса „связи“ устанавливаются в подкорковой сфере, вероятно, в зрительном бугре.

Кроме зрительного навыка были, как сказано выше, исследованы кинэстетические различной сложности.

а) Применялся очень простой лабиринт. Т-образный, в котором имелся один тупик и один правильный ход в кормовую камеру, или же самая простая проблемная клетка, запиравшаяся одним рычагом, который крыса должна была приподнять, после чего дверка открывалась и крыса могла забраться внутрь клетки, где был помещен корм. После окончательной выработки навыка он не нарушался после удаления любой трети коры, не нарушался или только частично нарушался после удаления всей лобной трети. Когда навык вырабатывался после операции, то не препятствовало полное отсутствие всего лобного полюса, или всякой другой трети коры, или даже всей дорзальной выпуклости мозга. Предполагается, что такие простые кинэстетические навыки образуются вообще без участия коры.

б) С более сложным навыком (проблемная клетка с наклонной плоскостью) получился уже несколько другой результат. Здесь крыса должна была влезть на верх клетки, наступить там на наклонную плоскость, чем отпиралась дверка, затем слезть на пол и войти в клетку, где был приготовлен корм. Удаление височных долей не отражалось на навыке. Удаление всей лобной трети уничтожало навык, часть ее должна была быть оставлена, но какая именно часть (лобной трети)—безразлично. Даже после полного удаления лобной трети навык можно было более или менее восстановить.

Выше говоря о зрительном навыке, мы затронули уже второй вопрос (первый—локализация), а именно: соотношение между образованием навыка и количеством удаленного мозгового вещества. Эксперименты с кинэстетическими навыками показали, что они могли образовываться после удаления от 14 до 50 процентов всей коры; при этом было совершенно безразличным, удалялось ли одно целое полушарие или же симметричные части обоих полушарий. Как повлияло бы удаление свыше 50 процентов мозга—не было исследовано. Полная экстирпация мозга у крыс до сих пор не удавалась.

Новые эксперименты с другим сложным двигательным навыком дали интересный результат. Здесь применялась проблемная клетка с двумя платформами: крыса должна была сначала зайти с левой стороны клетки, наступить здесь на одну платформу, затем зайти справа и наступить на вторую, после этого дверка открывалась, и крыса могла, зайдя спереди, войти в нее и взять корм. Оказалось, что те крысы, у которых были удалены симметричные части коры из лобной области, вырабатывали навык *скорее*, чем нормальные крысы, и притом в некоторых случаях даже вдвое скорее. То же самое получилось и для зрительного навыка. Разрушение коры в размере свыше 60 процентов ее общей массы задерживало его образование. В то же время после разрушения одной только затылочной части навык, как мы видели,

устанавливался не медленнее, чем нормально. Наоборот, он обычно образовывался быстрее, а иногда даже вдвое быстрее, чем у оперированных крыс. Такой результат звучит несколько парадоксально. Но парадоксальность только кажущаяся. Надо принять во внимание два момента.

Во-первых, по словам некоторых американских ученых, вовсе не в *увеличении скорости* образования навыков мы обычно видим основную роль коры. Мы чаще приписываем ей функцию увеличения того свойства навыков, в которых она участвует, которое можно назвать их *вариативностью*. Эволюция коры шла совместно именно со все большим развитием вариативности навыков, т. е. с расширением возможности для организма видоизменять свое поведение при отклонениях в обычной ситуации.

Во-вторых, интересующий нас результат хорошо согласуется с выводами многих других исследований. Я напомню, например, довольно уже старые (1912 года) эксперименты Барнетта над лягушками с разрушенным головным мозгом (при этом надо иметь в виду, что никогда неизвестно, что собственно и в каком объеме у лягушек разрушалось). Но наблюдениям Барнетта нормальная лягушка успешнее ловила мух, чем оперированная. Однако, когда он обеих лягушек вместе посадил в стеклянную банку и пустил туда же считанное количество мух, то оказалось, что большая доля досталась оперированной лягушке и меньшая — нормальной. Это произошло потому, что первая все время смирно сидела на дне банки и систематически схватывала всех мух, вызывавших у нее соответствующие рефлексы, а вторая не столько занималась ловлей мух, сколько попытками выпрыгнуть из банки. Стало быть, имелись посторонние раздражители, на которые оперированная лягушка не реагировала, а реакции нормальной на эти раздражители препятствовали ей в ловле мух. Так же, может быть, посторонние раздражители препятствовали нормальной крысе при выработке навыков.

Еще больше света на этот вопрос проливают очень интересные эксперименты Роджерса над голубями. Роджерс занялся проверкой и разработкой некоторых давно известных фактов, относящихся к поведению децереброванных голубей. Оказалось, что хотя факты сами по себе и подтвердились, но толковались они раньше совершенно неадекватно. Очень важно для нас сейчас такое наблюдение: у децереброванных голубей описывалось крайне беспокойное поведение; описывалось, что такой голубь постоянно суетится, перелетает с места на место и т. д.

В связи с новыми данными Роджерса приходится представить себе дело следующим образом: у взрослого нормального голубя в течение его индивидуальной жизни несомненно выработан ряд условных пищевых рефлексов, реакций, навыков. Значительная часть этих навыков после экстирпации больших полушарий у него, наверное, исчезла так же, как исчез зрительный навык у крыс после удаления затылочного полюса. Это, конечно, должно было сильно отразиться на нахождении голубем пищи. На самом деле, Роджерс выяснил, что децереброванный голубь плохо питается сам, плохо находит пищу, он всегда голоден и

описываемое у него поведение есть не что иное, как обычное беспокойное „ищущее“ поведение всякого голодного животного, обусловленное ритмическими сокращениями его голодного желудка. Когда Роджерс принимал меры к тому, чтобы голубь был накормлен в обычную норму, то беспокойное поведение полностью исчезало.

Здесь, кстати, можно привести еще одно наблюдение Роджерса. Было известно ранее, что голубь, у которого при удалении полушарий была повреждена область бугра, не обнаруживал беспокойного поведения, а, как раз наоборот, неподвижно нахолившись, сидел на одном месте. И это явление теперь разъяснилось. Оказывается, что такое поведение вызывается понижением температуры тела голубя, которая после повреждения бугра не сохранялась на постоянном уровне, а падала при охлаждении воздуха. Когда Роджерс помещал таких голубей в помещении, температура которого соответствовала нормальной температуре тела голубя, то у них появлялось известное уже нам „беспокойное“ поведение всякого децереброванного голубя.

Основываясь на первом наблюдении Роджерса, мы можем предположить, что и крысы после удаления лобных долей хуже питались и были более голодны, чем нормальные, а вследствие этого и более активны, чем нормальные. А по наблюдениям многих экспериментаторов мы очень хорошо знаем, что быстрота образования двигательных навыков в высокой степени зависит от большей активности. Отсюда прямо следовало бы, что крыса, у которой удалены лобные доли, должна скорее образовать навык, чем нормальная. Но экспериментально вовсе не трудно выяснить, верно ли, что такая крыса более активна, чем нормальная. Лэшли поставил соответствующие исследования при помощи метода, обычно применяемого для этой цели,—у него были подвижные вращающиеся клетки с автоматической регистрацией суточных циклов активности. Эти исследования показали, что крысы, у которых было удалено одно целое полушарие или теменные доли обоих полушарий, обнаруживали меньшую активность, чем нормальные, а крысы, у которых были удалены лобные доли, были более активны, чем нормальные, что полностью подтверждает вышеприведенное объяснение „парадоксального“ результата.

Из изложенных пока экспериментов Лэшли выводит заключение, что все добытые ими факты однозначно заставляют нас признать „полную функциональную заменяемость отдельных частей коры“. Хотя такое утверждение высказывается только по отношению к крысам, все же здесь приходится считать его несколько преувеличенным. Herrick правильно отмечает, что самые эксперименты Лэшли доказывают, что зрительные навыки находятся в каких-то более тесных отношениях с затылочным полюсом коры, чем с другими, а некоторые более сложные кинестетические навыки с лобным полюсом. Но совершенно очевидно, что *не имеется такой точной мозаики в коре*, как ее себе раньше представляли некоторые авторы: связь известных функций с определенными участками коры выражена гораздо менее резко, чем это предполагалось. Следующий вывод делается также исключительно по отношению к крысам. На основании того, что двигательные навыки могли быть

восстановлены после удаления любой трети коры, Лэшли выставляет следующее положение. „Хотя электрическое раздражение показывает нам, что двигательная область коры связана с определенными движениями определенных мускулов, но отходящие от нее волокна пирамидного тракта не являются общим конечным путем для всех приобретенных реакций“. Я хочу присоединить здесь еще один вывод Лэшли, имеющий уже более общий характер. Он говорит, что в каждом действии нормального организма сотрудничают все нейроны центральной нервной системы. Поведение, по его словам, есть „продукт взаимодействия многих отдельных нервных систем, а функция каждой такой системы зависит от того, как сложатся в данный момент ее взаимоотношения со всеми другими системами“. Это полностью подтверждает представление о том, что организм всегда функционирует как единое целое.

3. Кроме двух вышеизложенных вопросов (локализации и массовых соотношений) Лэшли задался еще третьим, также очень важным для понимания роли головного мозга в поведении.

Существует такое довольно распространенное представление, что пока навык находится в стадии выработки, в этом процессе участвует кора, а когда навык уже установился, то он как-то переходит в „нижний этаж“ и производится уже посредством подкорковых центров. Правда, кто-то совершенно правильно отметил, что такое представление пользовалось гораздо меньшим признанием среди физиологов, чем среди ученых, дальше стоящих от физиологии. Теоретически—разбираемое представление тоже уже часто вызывало сомнения. Так, один автор писал, что оно кажется ему так же мало правдоподобным, как если бы кто-нибудь предположил, что можно, обучившись французскому языку, затем сразу передать свое вновь приобретенное знание другому человеку.

Как сказано, Лэшли решил экспериментально исследовать этот вопрос, пользуясь той же методикой, что и в первых экспериментах. Мы знаем, что для выработки данного зрительного навыка требовалось около ста повторений и что он исчезал после удаления затылочного полюса. Если бы участвующие в нем пути проходили не через кору, а только через подкорковые центры, то, очевидно, удаление коры не могло бы устранить навыка.

Теперь Лэшли проделал следующее: после того как навык был выработан, он давал крысам *overtraining*, т. е. заставлял их повторять ту же процедуру еще по 1200 (!) раз. После этого производилось удаление затылочного полюса и вновь вырабатывался навык. Оказалось, что такое многократное повторение никак не влияло на вторичную выработку навыка устанавливался несколько не скорее обычного. Следовательно, длительная тренировка совершенно не влияла на подкорковые центры. От разбираемого представления приходится начисто отказаться как по теоретическим соображениям, так и по данным описанного эксперимента.

4. От крыс нам теперь надо перейти к собакам. Взаимоотношение между головным мозгом и рефлекторной деятельностью составляет

основную задачу нашей крупнейшей и наиболее значительной физиологической школы—школы Павлова. Мы имеем недавно появившуюся книгу, вышедшую из-под пера самого И. П. Павлова—„Лекции о работе больших полушарий головного мозга“.—Казалось бы, что наличие новой книги, объединяющей работу всей школы, должно было бы облегчить ту задачу, которую мы себе поставили, задачу отделить в наших представлениях о роли головного мозга для поведения фактический материал от гипотетических надстроек. Однако, это не так. На самом деле задача здесь неизмеримо труднее.

Во-первых, здесь исследуется не поведение животных, а образование условных рефлексов, т.-е. исследуются реакции отдельных органов или, может быть, системы органов. (Хотя во всякой реакции организмов участвуют все их органы, мы все же, конечно, можем изучать отдельно долю участия одной системы).

Павлов говорит об изучении деятельности нервной системы помощью условных рефлексов. Обобщения, предположения о мозговых механизмах, участвующих в реакциях организма, как целого, т.-е. в его поведении, могут здесь строиться только на основании законов, выведенных для функционирования механизмов, обслуживающих части этого целого. Путь методически довольно опасный. Другими словами, представим себе, что удалось установить законы для процессов в головном мозге, участвующих в образовании рефлексов слюнных желез или, допустим, задней лапы. Это еще не дает права распространить эти законы на центральные процессы, участвующие в поведении организма, как целого. А для нашей темы только эти последние и интересны. Во-вторых, некоторые представления павловской школы за 20-летний период так тесно переплелись с самой постановкой новых проблем и с изложением фактов, что приобрели все нрава гражданства просто по давности, хотя по существу они и сейчас так же гипотетичны, как были при возникновении. В связи с этим иногда берется за исходное положение то, что, собственно говоря, еще только следовало бы доказать. (Я не буду говорить о некоторых специфических трудностях книги Павлова, так как не собираюсь здесь заниматься ее критикой).

Попытаемся прежде всего найти ответ на те вопросы, с которыми мы имели дело у крыс, т.-е. на вопросы о локализации и о количественных соотношениях.

Эксперименты с экстирпациями не дополнялись последующим гистологическим исследованием, так что размер разрушения устанавливался только очень приблизительно. Павлов и не пытается точно указывать, что именно было удалено: обыкновенно, он говорит: „собака без полушарий“ или „удалено одно полушарие“. Такие выражения не позволяют выяснить самого существенного вопроса: была ли удалена только кора, или же при этом могло пострадать и полосатое тело, а если оно было задето, то в какой степени.

Изучение условных рефлексов на зрительные раздражители также дает указания на особую роль затылочных долей в зрительных навыках.

Подтвердилась и возможность выработки новых условных рефлексов, даже сравнительно сложных, как, например, на определенное распре-

деление света и тени в зрительном поле (стр. 298/9) после удаления затылочных долей. По отношению к крысам было указано, что при отсутствии затылочного полюса выработке зрительных навыков способствовало сохранение какой-либо другой части коры, но *безразлично какой именно*.

Предполагалось, что навыки в таких условиях устанавливаются при посредстве подкорковых центров, а кора оказывает активирующее действие на последние. У собаки, по Павлову, после удаления затылочных долей имеется еще другая область, не равноценная всем прочим, а более важная—в передней половине больших полушарий. Конечно, между крысой и собакой должны быть расхождения. Эффекторные возможности у собаки много богаче, чем у крысы, она может дифференциально реагировать на такие различия стимулов, которые у крысы вызывают одинаковые реакции. А так как, по нашему представлению, с развитием эффекторного дифференцирования не мог не быть связан соответствующий прогресс в головном мозге, то вполне возможно (на это указывают и старые данные), что отдельные реакции связаны у собаки с более тесно ограниченными участками, чем это было у крысы, и что имеются особые участки для таких дифференциаций, которых там вообще не было. „Особые“ надо понимать так же, как и выше, т. е. что в нормальных условиях „связи“ устанавливаются при их посредстве, что, конечно, не мешает этим связям установиться в другом месте, в случае отсутствия этих „особых“ участков. Повидимому, такое именно заключение можно сделать на основании экспериментов с условными рефлексами: нормально условные рефлексы с каждого рецента образуются при участии определенных областей коры. Если эта область коры отсутствует, то условные рефлексы все же можно выработать: тем труднее, чем более сложная и точная дифференциация реакций требуется для них. По отношению к тому, где происходит замещение, Павлов придерживается точки зрения противоположной гипотезам американских авторов: Павлов считает, что новые „связи“ устанавливаются не в подкорковой области при активирующем влиянии сохраненной коры, а в самой оставшейся части коры. (Также и Фурсиков см. ниже.) Обе точки зрения пока одинаково гипотетичны.

Мы знаем, что Лэнли говорил о „полной функциональной замещаемости отдельных частей коры“, это, по нашему мнению, несколько преувеличено, но, во всяком случае, лучше согласуется с результатами всех экспериментов, чем прежние теории о мозаичной локализации. В том же смысле я понимаю и слова проф. Фурсикова, относящиеся к собакам: „Частичные экстирпации различных отделов коры головного мозга приводят к заключению, что оставшаяся часть коры может до некоторой степени заместить функцию удаленного участка. Аналогичную мысль можно найти и в сборнике Павлова „Двадцатилетний опыт“. Он там по поводу некоторых экстирпаций говорит, что ими обосновывается положение о *равноценности* с точки зрения общего механизма всех отделов полушарий“ (стр. 226).

В тринадцатой лекции из новой книги Павлова кора сначала изображается как „грандиозная мозаика“, но вывод в конце главы ясно

говорит, что мозаика имеется только в **каждый** данный момент: „Если с одной точки зрения кору больших полушарий можно рассматривать как мозаику, состоящую из бесчисленной массы отдельных пунктов с *определенной физиологической ролью в данный момент*, то, с другой—мы имеем в ней сложнейшую динамическую систему, постоянно стремящуюся к объединению (интеграции) и к стереотипности объединенной деятельности“ (стр. 202, подчеркнуто мной. В. М. В.).

В **каждый** момент отдельная точка коры, конечно, исполняет одну определенную функцию, но в следующий момент, оказывается, может исполнять уже другую в зависимости от общей динамики работы всей коры в целом.

Последняя формула построена не на основании опытов с экстирпацией, а на результатах выработки условных рефлексов у нормальных собак. Несмотря на это, она, в общем, хорошо согласуется с теми представлениями, которые были выведены выше. Конечно, это тоже гипотетическая схема относительно того, что происходит в коре большого мозга при некоторых фактически наблюдаемых реакциях.

Что же дает нам такое представление? Если роль, которую в **каждый** данный момент будет выполнять известная область мозга, не постоянна (в динамической системе), то она, наверное, зависит, главным образом, от физиологического состояния организма и от предшествующих реакций, т.-е., иными словами, от всего предыдущего поведения. Вот наш вывод: не поведение зависит от процесса в головном мозге, а, наоборот, тот или иной ход этих процессов зависит от поведения. Вернее, имеется и то и другое, поскольку для осуществления данной реакции нужны известные функциональные механизмы головного мозга, нужны соответствующие его возможности.

Переходя к таким сторонам нашей проблемы, которые не изучались в экспериментах над крысами, мы находим у Павлова целый ряд очень интересных данных относительно действий различных раздражителей и, в особенности, относительно их сочетаний. Понимание явлений сочетания реакций (рефлексов) нам крайне необходимо для понимания образования навыков (навык—сочетание условных и безусловных реакций), а чем выше животное, тем более его поведение основано на навыках. Поведение взрослого человека, можно сказать, на 99% основано на навыках. Как известно, сочетание безусловных рефлексов происходит и без головного мозга, но для более сложных сочетаний условных рефлексов между собой и с безусловными мы в праве предположить необходимость его участия. Принципиальной разницы между первым и вторым процессами, повидимому, не имеется, так что, в общем, можно во втором констатировать те же явления, которые хорошо известны по отношению к сочетаниям спинномозговых рефлексов: имеются союзные рефлексы и рефлексы—антагонисты, одновременное и последовательное сочетание рефлексов и явления так называемой индукции.

Я здесь могу привести только несколько отдельных примеров из этой большой и усердно разрабатываемой области.

А) Предположим, что выработан условный рефлекс на какой-либо внешний раздражитель. После этого испытывается действие второго однородного раздражителя. Тут могут быть разные комбинации.

а) Если разница между раздражителями сравнительно велика, так что нормальная (безусловная) реакция на второй чем-нибудь отличается от безусловной реакции на первый, то применение второго раздражителя после достаточной паузы не вызовет условного рефлекса. Если же он будет дан одновременно с первым раздражителем, то опять могут получиться различные комбинации: либо окажется союзное действие, тогда условный рефлекс усилится или появится раньше, чем он появлялся до того (напр., в запаздывающих рефлексах), либо же обнаружится антагонизм,—тогда, в зависимости от относительной мощности реакции на второй раздражитель, условный рефлекс будет ослаблен или даже вовсе устранен (последний случай Павлов называет „внешним торможением“).

б) Если разница между раздражителями настолько мала, что животное первоначально реагирует на них одинаковым образом, то второй раздражитель даст тот же эффект, что и первый, т.-е. вызовет условный рефлекс.

В двух рассмотренных случаях мы имеем явления, вполне аналогичные сочетаниям однородных спинно-мозговых рефлексов. Например, два рефлекса почесывания у спинальной собаки складываются, если раздражительные точки близки, но препятствуют друг другу, если эти точки отстоят далеко. Но всего интереснее

в) третий случай, промежуточный. Если разность раздражителей была достаточной для того, чтобы не вызывать одинаковых безусловных реакций, но все же не слишком отчетливой, то эффект второго раздражителя будет двойным, он будет иметь черты как первого (а), так и второго случая (б).

Доказывается это тем, что оба свойства второго раздражителя удавалось разделить. Это достигалось простым его повторением. Благодаря тому, что безусловная реакция на него не имела никакой биологической ценности в данной ситуации, мощность ее при повторении быстро уменьшалась: если эта реакция первоначально была антагонистом условному рефлексу и притом достаточно мощным, чтобы его устранить, то теперь эта сторона (это свойство) эффекта второго раздражителя уже не проявлялась. Тогда выступало второе его свойство: его достаточно близкое сходство с первым раздражителем, и он начал вызывать условный рефлекс.

До большой точности доводились такие сочетания условных рефлексов (по Павлову: дифференцировки), в которых должны были одновременно иметься один положительный условный рефлекс на какой-нибудь раздражитель (испытывались самые разнообразные воздействия на всевозможные рецепторы) и несколько отрицательных на близкие к первому раздражителю; после длительной тренировки эффекторы животного начинали дифференциально реагировать на такие схожие раздражители, на которые они первоначально реагировали одинаково. Для того, чтобы достигнуть различия между близкими раздражителями,

приходилось начинать с менее близких и затем постепенно все более и более уменьшать разницу. Изучались также сочетания последовательных отрицательных и положительных рефлексов—в явлениях, обозначаемых Павловым, как запаздывающие рефлексы.

Б) Большой интерес для понимания сочетаний реакций представляют явления *последствия и индукции*. Повидимому, и эти явления здесь происходят принципиально так же, как они описывались для спинно-мозговых рефлексов, только здесь могут быть более сложные комбинации, большее количество осложняющих моментов.

а) Последствие может обнаружиться после каждого раздражителя. вызывает ли он положительную или отрицательную условную реакцию. Величина его, повидимому, зависит от интенсивности раздражителя и от точности (и-прочности) выработки условной реакции. Последствие раздражителя совершенно так же может комбинироваться с эффектом других раздражителей, как и его непосредственное действие: вообще говоря, могут иметь место все те комбинации, которые были намечены в предыдущем пункте, т.-е. последствие может не отличаться от близкого родственного раздражения или может вызывать реакцию, как особое раздражение, или и то и другое одновременно и т. д. Вот наиболее часто цитируемый Павловым пример: если воспользоваться механическим раздражением кожи и выработать отрицательный условный рефлекс на раздражение одной точки и ряд положительных на раздражение других (или наоборот), то мы увидим следующее. По прекращении действия отрицательного раздражителя наблюдается его последствие. Если оно достаточно мощно, то оно вытесняет положительные реакции, и все не слишком удаленные места (чем ближе, тем лучше) теперь будут давать отрицательные реакции, т.-е. такие же, какую вызывает последствие. Последствие постепенно затухает и раздражение более отдаленных точек кожи начинает давать свою собственную реакцию, в данном случае положительную.

В таком же эксперименте может при некоторых условиях получиться как раз противоположная картина. Если интенсивность отрицательного раздражителя очень высока, а условные реакции не слишком прочны, то вместо последствия отрицательного раздражителя может вдруг оказаться такой эффект, который вызвал бы положительный раздражитель, если бы таковой действовал в той же точке. Стало быть, один и тот же раздражитель вызвал сначала отрицательный эффект, а после прекращения действия вызвал в той же точке положительный эффект. Павлов совершенно правильно проводит параллель между этим явлением и тем, которое описал в свое время Шеррингтон под именем „последовательной спинномозговой индукции“. Отчего зависит то, что в некоторых случаях вместо простого последствия проявляется индукция противоположной фазы,—точно неизвестно. Можно предполагать влияние гормональных выделений. Особенно при резко задержанных реакциях мы в праве предполагать секрецию адренина, всегда имеющуюся в условиях, соответствующих такому поведению, которое мы в сравнительной психологии обозначаем как эмоцию ярости.

Явления сочетаний, последействия, индукции спинномозговых рефлексов несомненно „центральные“ явления. Тем паче, конечно, должны мы это признать там, где участвуют условные рефлексы. Именно на этих явлениях и основана динамичность в функциях коры, т.-е. влияние предшествовавшего поведения. Но через какие центры они производятся? Только ли в коре или частично в подкорковой области? И какую именно роль играют те или другие центры во всех этих явлениях?

На все эти вопросы мы пока можем отвечать только гипотетическими предположениями—никаких строго доказанных фактов у нас не имеется. Мы видели, что у крыс для образования некоторых кинестетических навыков нужны только подкорковые центры. Павлов считает, что у собак такая возможность мало вероятна, хотя и нельзя ее отрицать. Все факты, которые добыты при изучении условных рефлексов, Павлов стремится использовать для построения мозговых схем. Не всегда эти построения оправданы фактами и не всегда удачны—это участь гипотез во всех науках. Нас здесь детали этих схем и гипотетических механизмов могут не интересовать. Но мы не должны забывать того положения, которое было выставлено вначале. Никакие мозговые механизмы не могут объяснить поведения. Это только один из трех моментов и не самый важный. У Павлова несомненно есть тенденция преувеличивать роль центральных процессов, недаром он—совершенно незаконно—отождествляет „высшую нервную деятельность“ и поведение организмов. Надо сказать, что фактически Павлов редко применяет свои схемы для объяснения поведения и большей частью не выходит из области физиологических явлений. Но на почве павловских гипотез другие авторы строят самые фантастические спекуляции, которые обычно тем шире и грандиознее, чем менее основательно знакомство автора с физиологией.

5. Еще много хуже в этом отношении обстоит дело с так называемым „учением о доминанте“, которого выпие уже пришлось коснуться. Конечно, не то плохо, что понятие доминанты¹ заимствовано у Авенариуса. Но, с одной стороны, учение это крайне слабо обосновано физиологически, а, с другой, на принципиально неправильной позиции этого учения строятся многочисленные обобщения. Псевдо-физиологические параллели и схематические упрощенные аналогии придают какую-то видимость научности совершенно, по существу, беспочвенным спекуляциям.

Принципиально неправильно „объяснять“ поведение, исходя из гипотетических процессов в мозгу. Это все то же извращение, с которым мы имели дело с самого начала. Кроме того, предположим, что на данный раздражитель животное производит какую-то реакцию, а при одновременном действии второго раздражителя эта реакция усиливается. Неужели кому-либо факты станут яснее, если скажут, что в мозгу нашего животного что-то переливается из одного „очага“ в другой. Das klingt sehr gelehrt, но ничего не объясняет, тем более.

¹ Нельзя смешивать его с другими схожими терминами, как „доминирующий рефлекс“ в т. п., часто применяемыми физиологами (например, Шеррингтоном).

что ведь на самом деле, нам абсолютно неизвестно, что именно происходит в мозгу. Как раз такого характера фактами обосновывается учение о доминанте. Наблюдали, что у теплокровного животного начавшиеся движения, связанные с глотанием или дефекацией, усиливаются такими посторонними раздражителями, которые в другой момент вызвали бы реакции другого типа. (Неизвестно, участвуют ли вообще корковые центры в этом процессе; вернее—не участвуют). По всей вероятности, в данных условиях оказываются союзными такие рефлексы, которые в других случаях не суммируются. Явления союзного действия рефлексов физиологии хорошо известны—много таких примеров имеется у Шеррингтона. (Сюда же относится и формула Иксюля: „тонус течет к растянутым мускулам“). Другого рода сочетание рефлексов (усиление последующего предыдущим) мы имеем в эксперименте Иеркса, в котором у лягушки складываются механические и слуховые раздражения: сгибательный рефлекс ее задней лапы усиливается, если перед соответствующим раздражением (с определенным интервалом) дан слуховой раздражитель, который сам по себе не вызвал никакой видимой реакции. Но если увеличить интервал, то звук даст уже обратный эффект, т. е. ослабит сгибательный рефлекс. Так же и в коленном рефлексе у человека. Все эти случаи, так же как и случаи антагонизма рефлекс, не менее часты, чем первые, но под „закон доминанты“ не подходят.

В пользу учения о доминанте пытались использовать также давно известный факт, что обнимательный рефлекс лягушки-сампа, появившийся в сезон спаривания, усиливается от воздействия таких стимулов, которые в другое время вызвали бы совершенно иной эффект. Можно, например, жечь кожу лягушки или сильно давить на ее лапку—не проявится обычный двигательный рефлекс, а только усилится обнимательный. Школа Ухтомского, как сказано, „объясняет“ и это явление переливаниями в очагах возбуждения. Но такое „объяснение“ уже очевидно не годится для такого случая, где отрезан мозг. А между тем прекрасно известен факт, что обнимательный рефлекс усиливается также после перерезки продолговатого мозга (Шрадер, Штейнах, Лангганс). Гипотеза Штейнаха,—что в обычное время обнимательный рефлекс тормозится влиянием каких-то мозговых процессов, а в период спаривания гормоны его растормаживают,—кажется мне много более ценной, чем „доминанты“. Во всяком случае следовало бы ее сначала опровергнуть. Напомню, что, по Шрадеру, рефлекс хватания пищи (Schnarpreflex) у лягушки также усиливается после перерезки мозга ниже уровня мозжечка. Все это, следовательно,—явления спинномозгового сочетания рефлексов, и Ухтомский говорит о спинномозговой доминанте. Так что большинство перечисленных фактов происходит без участия головного мозга, но, как будто, ни одного случая (или только единичные случаи) физиологи пока не описали, где в таких же процессах с несомненностью участвовала бы кора больших полушарий. Между тем, сплошь и рядом у нас даже в поведении человека описываются „доминанты“, при чем авторы искренне убеждены, что они дают поведению человека физиологическое объяснение.

Здесь опять, как и по отношению к обнимательному рефлексу лягушки, поражает игнорирование старых, но отнюдь не опровергнутых экспериментов. Ведь для человека мы знаем целый ряд исследований, где испытуемый должен был выполнять какую-нибудь постоянную работу и в то же время с известными интервалами ему давались добавочные раздражители. Я имею в виду работы Тичинера, Бинэ, Ястро и множество более новых. На основании этих исследований мы до сих пор представляли себе дело следующим образом: возможны три случая: 1) Добавочный раздражитель может вовсе не помешать работе, а она может даже повыситься,—обычно говорят, что добавочный раздражитель не только компенсируется, но и перекомпенсируется. 2) Качество работы может в течение некоторого времени не пострадать, а затем эффективность ее быстро понизится—как бы часть энергии будет затрачена на компенсацию добавочного раздражителя. 3) Может произойти более или менее серьезное понижение качества работы или даже полное нарушение.

Только первый случай мог бы быть истолкован с точки зрения учения о доминанте. Спрашивается, что же нам делать с двумя остальными? Отрицать ли их существование? Но где опровергающие их эксперименты?

Как будто физиология пока не имеет абсолютно никаких данных, позволяющих применить „принцип доминанты“ к человеку. И опять же, если бы физиологи и нашли в коре подобные процессы, то эти процессы объяснились бы деятельностью соответствующих эффекторов, а не наоборот. На самом деле, все, что сейчас пишется о „доминантах“ у человека,—это такие же спекуляции, как и те, что когда-то преподавала субъективная психология, только выраженные на другом языке.

Один автор утверждает, что „сознание“ человека это не что иное, как доминанта, а так как физиологи находят доминанты, то тем самым можно объективно констатировать психические процессы. Другой отождествляет „внимание“ и доминанту и тем находят „физиологическую базу“ для мифической и мистической душевной способности и т. д. и т. д.

Там, где нет физиологической базы, следовало бы обождать с широкими обобщениями. Где золотой фонд так мал—надо быть осторожным с эмиссией, чтобы не обесценить всей бумажной массы.

6. Затронув вопрос о сознании, мы получаем удобный переход к следующей очень важной области: роли головного мозга в речевом поведении человека.

В разных вариациях и под разными масками процветают до сих пор представления, развитые когда-то (1898—1905) Мак-Дагалом в его „дренажной теории“. Здесь нет необходимости развешивать во всем объеме критику этого коренным образом дуалистического учения. Мы рассмотрим только два относящихся к этой области вопроса.

а) Мак-Дагал представлял себе, что нейрин (гипотетическая жидкость), переливаясь по нервной системе, встречает какое-то сопротивление в синапсах (синапсы—места, где соприкасаются отростки двух соседних нервных клеток, переход из одной нервной клетки в следующую). При задержке нейрина вследствие сопротивления, часть его переходит в энергию другого рода—в „энергию сознания“, никаких следов которой,

правда, пока не обнаружено физиологией, но которая, может быть, будет обнаружена когда-нибудь впоследствии¹. „Сознание“ возникает, следовательно, там, где свободное протекание нервного импульса наталкивается на какую-либо задержку. Так же, по существу, представление некоторые авторы у нас выражают формулой: „мысль есть заторможенный рефлекс“. Исторически (ретроспективно)—это одностороннее развитие некоторых идей, высказанных Болдуином, а до него Бэнном и Спенсером. Продолжим то же представление до конца². Если сознание (или мысль) возникает при задержке нервного импульса, то наибольшее сознание должно быть там, где импульс вообще не может проникнуть, где, следовательно, нет никакого процесса. Иначе говоря: когда организм совсем не реагирует, тогда он наиболее сознателен; он лучше всего сознает те ситуации, на которые он вовсе не реагирует. Вот так физиологическое объяснение! Мы, как раз наоборот, считаем, что наиболее активный организм наиболее сознателен. Да и нет надобности доводить эту теорию до предела. Совершенно очевидно, что когда организм попадает в затруднительное положение, тогда он разворачивает наибольшую активность; экспериментирует, производит „пробы и ошибки“, реагирует всеми своими возможностями, чтобы избавиться от затруднения; тогда он мыслит; тогда он сознателен; тогда его рефлексы отнюдь не заторможены, а, наоборот, быстрее всего сменяют один другой. Мысль никоим образом не пассивное состояние организма; мысль мы называем субъективную сторону очень активной деятельности человека—экспериментирования всеми его органами, связанными с речью. Конечно, субъективную сторону могут иметь различные физиологические процессы, а не отсутствие процессов. Там, где рефлексы на самом деле заторможены, где процесс ослаблен или отсутствует, там непременно ослаблена или отсутствует и субъективная сторона (мысль, сознание). Где импульс не дошел до эффектора, где не функционируют все части рефлекторной дуги, там не может быть рефлекса, нет и мысли, нет сознания. Сознание связано с рукой и речью (в широком смысле), а не с центральными процессами. Я считаю вполне правильным сказать, что сознательна именно эффекторная деятельность, а не рецепторная и не центральная. Если эта формула звучит парадоксально, то осторожно выразиться так, как это сделано выше, т.-е. сказать, что *не может быть сознания там, где импульс от рецептора не дошел до эффектора*, где нет хотя бы малейшей (может быть скрытой от нашего глаза) реакции. Представление о том, что „мысль“—это заторможенный рефлекс, вне всякого сомнения, связано с представлением о переходе заторможенного импульса в мифическую „энергию сознания“, т.-е. с какой-то формой сношений с потусторонним миром³. Эту мистику давно нора выкинуть за борт.

¹ Ср. Holt—„The concept of consciousness“.

² Ср. мою статью—„Метафизика в сравнительной психологии“ в журнале „Под знаменем марксизма“, № 7—8, 1927 г.

³ Holt говорит: из-за того, что это метафизическое привидение назвали „энергией“, оно не стало менее дуалистичным.

Holt приводит еще следующее возражение против „дренажной“ теории. Если сознание зависит от задержки в передаче импульса через синапсы, то в тех случаях, где никакой задержки нет, где импульс протекает быстро и гладко, там не должно быть сознания. Следовательно, такие реакции, которые мы производим ежедневно в течение всей нашей жизни, должны были бы протекать бессознательно. „Каким образом чаевед или химик-парфюмер не становятся нечувствительными ко вкусам и запахам, или колорист—к краскам? Наоборот, они их сознают все лучше и тоньше.—Да, но они постоянно приобретают новые координации.—Верно, но если старые координации, становясь привычными, *passi passu* теряются для сознания, то они человеку ничуть не помогают в его работе: для того, чтобы тоньше различать, у него должны сохраниться старые координации и на ряду с ними вырабатываться новые для осознания новых качеств. Иначе его способность к различению оттенков не совершенствовалась бы“.

И еще одно соображение¹. Если какой-нибудь навык у человека установился очень прочно, то он уже не встречает сопротивления в синапсах и согласно „дренажной теории“ не должен протекать сознательно. Возьмем для примера опытного пианиста—все его движения „автоматизировались“ и производятся бессознательно. Что же будет, если он захочет на минуту представить себе те самые привычные движения, которые он производит, захочет проделать их сознательно? По дренажной теории нужно, чтобы эти движения для того, чтобы быть сознательными, наткнулись на сопротивление, чтобы импульсы, следовательно, прошли через какие-то новые синапсы, через другие центры.—Иначе говоря, для того, чтобы сознательно произвести привычные движения, надо их в одно мгновение переучить. Вывод, очевидно, неправдоподобный. Несомненно, нам надо окончательно отказаться от представления о том, что мыслительное поведение человека совпадает с центральным торможением рефлексов, такое представление несовместимо с нашими взглядами на мышление, как на субъективную сторону речевой деятельности и, в более общей форме, на сознание, как на субъективную сторону некоторых реакций человеческого организма.

б) Второй вопрос, который нам надо рассмотреть,—это как раз вопрос об „автоматизации“. Только предварительно надо несколько выправить перспективу: в предыдущем примере пианиста дренажная теория как будто очень хорошо соответствовала тому факту, что изученные действия им производятся бессознательно. Историческая перспектива—как раз обратная. Раньше пользовалась признанием такая схема, что при образовании навыка первоначальные действия производятся сознательно, впоследствии же они начинают производиться бессознательно. А затем позже была придумана „дренажная теория“, главным образом, специально для объяснения этой схемы. Потому-то она к ней так хорошо и подошла.

¹ Holt 1.

Сейчас надо задуматься над самой схемой. Приходится признать что это чисто—спекулятивное построение, под которым нет ни малейшей экспериментальной базы. Напротив, все эксперименты, которые можно привлечь по, этому поводу, категорически его опровергают.

В сравнительной психологии мы имеем ряд экспериментов над животными, из которых нам совершенно ясно, в чем заключается автоматизация при образовании ими навыков. Автоматизация здесь не что иное, как переход от руководства экстероцепторами к руководству проприоцепторами. Это значит, что когда животное начинает обучаться какому-либо навыку, то оно первоначально ориентируется на зрительные признаки, обонятельные, тактильные, а впоследствии, по мере усвоения, оно постепенно переходит где только можно на кинестетические признаки. Когда останутся только последние, мы скажем, что все движения животным выполняются „автоматически“. Конечно, образование навыка у человека нельзя непосредственно сравнивать с навыками животных, так как у него всегда участвуют речевые процессы¹. Все же по существу автоматизация у человека преимущественно означает то же самое—переход от экстероцепторов на проприоцепторы. Мы должны по отношению к человеку различать два случая. Может происходить образование навыка либо с предварительной словесной инструкцией, либо без такой внешней словесной инструкции. Второй случай ближе подходит к навыкам животных, хотя и в нем, конечно, у человека участвуют внутренне-речевые стимулы. Этот второй случай был сделан предметом специального экспериментального исследования, в результате которого автор пришел к заключению, что сознание не играло никакой особо активной роли в начальной стадии процесса, как это предполагалось разбираемой нами схемой. Что же все-таки отличает начальную стадию образования навыка у человека от конечной, помимо большего участия в последней кинестетических признаков? По-видимому, вначале имеется не большая или особого типа сознательность, а особая эмоциональная окраска. Такого же рода окраска, как она бывает в затруднительных положениях, при необходимости разрешить какую-нибудь проблему и т. п. Это, следовательно,—элемент, зависящий не от деятельности головного мозга, а скорее от какой-нибудь внутренней секреции. Головной же мозг производит одинакового типа работу как в начале образования навыка, так и дальше, только что в начале устанавливаются связи между экстероцепторами и эффекторами, а затем образуются условные связи последних с проприоцепторами.

Раньше мы убедились, что автоматизация не означает перехода от работы коры к работе подкорковых центров, теперь мы видим, что она не означает и перехода от сознательной деятельности к бессознательной. Первое из этих представлений несомненно обязан своим происхождением второму. Мы спокойно можем выбросить их вместе. Судя по тем экспериментам, которые нам известны, *автоматизация есть*

¹ Ср. параграф „Человек и животное“ в моей книге „Введение в сравнительную психологию“.

переход от экстероцепторов к проприоцепторам, связанный с постепенным исчезновением некоторой эмоциональной окраски. Роль головного мозга при „автоматизации“ навыка, повидимому, ничем принципиально не отличается от роли его в выработке навыка.

7. Чем же отличается процесс выработки навыка, а с ним и роль головного мозга, у низших и у высших форм? На основе сравнительно-физиологических и сравнительно-психологических данных мы можем себе представить дело приблизительно следующим образом. Если речь идет о каком-нибудь беспозвоночном или низшем позвоночном животном, то его навыки отличаются своим более или менее фиксированным характером. Это значит, что не только точно в той ситуации, при которой навык был образован, но и при различных и не слишком резких ее изменениях животное будет производить все ту же усвоенную им реакцию (отвлекаясь от последствий простого повторения). Это вытекает из того, что эффекторы низших животных реагируют одинаковым образом на близкие стимулы, как это уже было отмечено. Несколько выше стоящее животное при всяком обучении усваивает не один навык, а два или несколько схожих навыков одновременно. И чем оно выше развито, тем больше их количество—в зависимости от его больших эффекторных возможностей. Поэтому оно в схожих ситуациях реагирует на каждую из них не одинаковым образом, а похожим, может быть, но все же различным образом. Возможность дифференциально реагировать на близкие ситуации мы обозначаем как *вариативность* поведения данного животного. Или, иначе говоря, под вариативным поведением мы понимаем такое наблюдаемое нами поведение животного, при котором на один и тот же фактор животным производятся различные реакции в зависимости от общей ситуации, в которой предлагается данный фактор. Сейчас нас интересует не вариативность поведения вообще, которая может иметься и у животных, вовсе не образующих навыков, а вариативность навыков, и мы можем сказать, что *навыки высших животных отличаются большей вариативностью от навыков низших форм*¹. Теперь мы слышали, что, во-первых, простые навыки

¹ Интересно проследить дальнейшее развитие вариативности навыков, когда мы переходим в область речевого поведения человека. Речевые навыки несравненно много сильнее возрастают их вариативность, так как она простая функция числа. Вариативность речевых навыков человека не только количественно несоизмерима с той, которая имеется в неречевых навыках, но обнаруживает и качественно новое явление, которое мы называем „абстрагированием“. Зерно этого явления заложено в вариативности навыков у животных, но оно, выросши, уже с нею несравнимо. Появление абстрагирования обусловлено, с одной стороны, количественным ростом вариативности, зависящей от роста числа навыков, а с другой стороны, особым свойством высоко организованной материи, которое мы здесь вынуждены констатировать. Как только появилось абстрагирование, оно чрезвычайно увеличивает компактность групп навыков, увеличивает тем самым емкость, способность к образованию большого количества новых навыков. Новое качество тем самым переходит в количество.

На такой биологической основе—вариативности, перешедшей в абстрагирование,—строится социальный язык абстрагировать свое „я“ и соотносить к нему некоторые реальные явления. Этот выработанный воспитанием навык группировать явления вокруг „я“, ставить их в особую „субъективную“ связь, мы называем созданием.

у крысы образуются без посредства коры, а более сложные теснее связаны с ее определенными участками, и, во-вторых, что у собаки такая связь выражена еще теснее и детальнее. Повидимому, такими фактами и обосновано то приводившееся нами положение американских авторов (Carr, Haggick), что именно *вариативность* связана с лучшим развитием коры. Для того, чтобы животное могло дифференциально реагировать на схожие ситуации, у него должен быть выработан репертуар соответствующих возможностей, должны иметься многочисленные и разнообразные связи между рецепторами и эффекторами: очевидно, условные связи, так как они неизмеримо богаче безусловных. Для таких связей и соединений должны быть палицо соответствующие чрезвычайно сложные структурные образования, а гистология нигде не находит их в такой степени сложности, как в коре. Мы приходим к заключению, что роль головного мозга сводится к предоставлению структурных и функциональных возможностей для большей дифференцированности реакций. Недаром так часто сравнивали головной мозг (конечно, очень грубо) с автоматической центральной телефонной станцией. Но правильно было сказано, что коммерческие сделки в каком-нибудь большом торговом городе часто заключаются по телефону, но делают их люди, сидящие на периферии у телефонных аппаратов, а не механик на центральной станции и не телефонистки. Так же, по нашему убеждению, и труд человека производится на периферии его эффекторами—руками и речевыми органами, а уже для их работы требуются как рецепторы раздражений, так и соответствующие центральные механизмы. От эффекторной деятельности зависит жизнь организма и ею определяется то, что происходит в его мозгу. От поведения зависят центральные процессы и развитие головного мозга совершенно так же, как труд человека сделал его из обезьяны человеком.

В. М. Боровский.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Прения по докладу В. Боровского не могли быть напечатаны по недостатку места.

III.—КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ВИЛЬГЕЛЬМА ГУМБОЛЬДТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ проф. Г. Г. ШПЕТА ¹

Язык есть условие и орудие, причина и следствие общечеловечности.
(Антонио Лабриола).

I

В гуманитарных науках современности проблемы теоретического языкознания занимают всё более видное место. Рост языкознания сказывается не только в накоплении специальных работ, посвященных *эмпирическому языкознанию*, но также—и это наиболее замечательно—в повороте *принципиального* внимания *всей* науки и *всей* философии к языку. Язык—одна из *фундаментальнейших* тем и задач современной научной и философской мысли. Современная *логика*, *поэтика*, *эстетика* выдвигают—каждая внутри *своей* области, со *своей* «точки зрения»—ряд вопросов—и притом вопросов *капитальных*,—которые могут быть удовлетворительно разрешены только под условием *принципиального анализа* структуры языка. Так, некоторые логики видят в *логике* не что иное, как *науку о слове*, т. е. методологическое учение об общих и специальных принципах выражения, изложения и доказательства. Так, в современной *теории искусства* развивается направление, которое определяет эстетику, как «общую лингвистику» (Карл Фосслер, Бенедетто Кроче). Так, в русской науке идущая от Потебни традиция возводит к лингвистике *поэтику*.

Утверждение мысли, что в феномене языка мы имеем источник тем, которые должны быть признаны капитальными для всех «наук о духе», имеет результатом новый «пердел» научных задач. С одной стороны, сама лингвистика стремится к осознанию теоретических принципов собственной работы. Уже старая, неудачная в своем эклектизме, работа Пауля «*Principien der Sprachgeschichte*» знаменовала некий утешительный поворот. Всё же в ней шла речь о «принципах». С другой стороны, философия стремится включить тему языка в число своих важнейших тем.

Объем тематики, обязательной для современного «философа», заметно отягчается включением в него ряда проблем, коренящихся в явлениях языка. Даже индивидуальная история научного и литературного «стажа» современных философов отражает этот процесс: в различных странах представители различных

¹ Густав Шпет. «Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта)». Изд. Государственной Академии Художественных Наук. М. 1927, стр. 219, цена 2 руб. 50 коп.

философских течений и позиций, начавшие с проблем онтологии, логики, последовательно перешли затем к проблемам философии языка, чтобы прочно в них укорениться. Логике этого процесса подчиняются мыслители самого различного толка и калибра: старый Вундт завершает свою многолетнюю философскую работу объемистой «Психологией народов», в которой анализу языка отводится почетное место; Бенедетто Кроче в основу своей главной книги кладет эстетику, понятую, однако, в качестве «общей лингвистики» (*linguistica generale*); у нас в России последнее по времени звено в этом ряду—рецензируемое исследование проф. Г. Г. Шпета «Внутренняя форма слова».

Книга проф. Г. Г. Шпета не есть историческая монография обычного типа. Согласно собственным разъяснениям проф. Г. Г. Шпета, целью его не были ни биография Гумбольдта, ни историко-социологическое объяснение материальных и духовных условий выращивания Гумбольдта эпохи (стр. 31). Целевую задачу книги проф. Г. Г. Шпета составляет «уразумение смысла высказанных Гумбольдтом идей и диалектическое истолкование их, сперва в общем идейном контексте его времени», а затем и «последующего времени, вплоть до определения места его идей в современном научно-философском мышлении» (стр. 31). Итак, задача книги проф. Г. Г. Шпета—*интерпретация*. Предметом интерпретации служит в ней учение Гумбольдта о внутренней форме слова в том виде, в каком оно изложено в основном *посмертном* труде Гумбольдта «О различии в строении человеческих языков и о его влиянии на духовное развитие человечества»¹.

Целесообразность интерпретирующего анализа теоретических идей Гумбольдта неоспорима. Несмотря на то, что за Гумбольдтом прочно установилась репутация основоположника всего новейшего языкознания, идейное содержание его работ до настоящего времени использовано далеко не в полной мере. Высокий философский стиль исследований Гумбольдта оказался не по плечу языковедам XIX века с их узким эмпиризмом. С другой стороны, сам Гумбольдт мало способствовал укоренению собственных идей. «Изложение у Гумбольдта—трудное, спутанное и даже противоречивое» (стр. 7). Названное сочинение Г.—основное по своему теоретическому значению—было издано не самим автором, но его братом, и было лишено «последней авторской редакционной заботы» (стр. 7).

Целевой задачей книги проф. Г. Г. Шпета определяется её метод. В свете основной—интерпретативной—задачи для проф. Г. Г. Шпета существенным оказались «не *genesis* идей и не место их в связи причин и следствий, а *смысл* их, место их в *логической* системе идей и их *диалектическая функция*» (стр. 31 курсив мой. В. А.). Задачи самой интерпретации проф. Г. Г. Шпет понимает весьма широко: «Выводы интерпретации—указывает он—здесь могут и должны идти дальше того, что *explicite* заявлено самим автором, они могут даже вступать в видимое противоречие с открытыми заявлениями автора, но их оценка и критика может и должна иметь в виду только одно: *признание внутренней плодотворности или пустоты самих идей и чисто логическую возможность интерпретативных видов*» (стр. 31, курсив мой. В. А.)

¹ Wilhelm v. Humboldt—«Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts», 1836. Есть русск. перевод П. Биллярского. (Журн. Мин. Нар. Просв., гг. 1858—1859 и отдельно).

Интерпретативный характер исследования сообщает книге проф. Г. Г. Шпета большой принципиальный теоретический интерес. И действительно: взгляды Гумбольдта служат проф. Г. Г. Шпету не только предметом анализа, но также и предметом критики, не только поводом для интерпретации, но также—исходным пунктом для сообщения и обстоятельной аргументации его собственных положительных воззрений. Все эти особенности делают книгу проф. Г. Г. Шпета интересным теоретическим произведением. Состав теоретических утверждений самого автора легко может быть выделен из основного корпуса интерпретирующих изложений и пояснений. Черта, отделяющая взгляды проф. Г. Г. Шпета от взглядов Гумбольдта, проведена совершенно отчетливо. Пограничная линия между ними обозначена обильными критическими анализами построений Гумбольдта, обличением имманентных противоречий и далеко идущими дополнениями и экскурсами. Поэтому книга—несмотря на связанность автора материалом—представляет стройное, согласованное в пропорциях частей теоретическое произведение. Тем больший интерес представляет для нас вопрос о том направлении, в котором идет у проф. Г. Г. Шпета интерпретация теории Гумбольдта.

Вместе с Гумбольдтом проф. Г. Г. Шпет видит в языке основное явление внутри той сложной системы *надстроек*, которую мы, в неотчетливом, но правильном сознании её единства, искони именуем *культурой*. Язык есть *прототип, образец и аналог* всякого культурного и социального становления. «Такие обнаружения культурного сознания, как искусство, наука, право и т. д.,—не новые принципы, а модификации и формы единого культурного сознания, имеющие в языке архетип и начало. *Философия языка есть в этом смысле принципиальная основа философии культуры*» (стр. 37, курсив мой.—В. А.).

В строении и формах языкового сознания получает наиболее концентрированное, наиболее типическое выражение диалектика культурного становления. Языковое сознание в форме слова имеет целью выражение действительного предмета. Но действительность, как такая, в её сущей и реализуемой полноте, составляет предмет несравненно более полный, чем самый адекватный коррелат языкового сознания. В состав языкового «воспроизведения» действительности не могут войти многие, ускользающие от языкового сознания, стихии. В сравнении со своим коррелатом в языковом сознании действительность обладает преимущественно безусловной конкретностью. Даже в тех случаях, когда слово обозначает *чувственно-воспринимаемый предмет*, оно есть не эквивалент чувственного предмета, а *постижение его в звуковом образовании в определенный момент словозобретения*. В этом—источник многообразия выражений для одного предмета. Так, в санскрите «слон» называется то «дважды пьющим», то «двузубым», то «одноруким» и т. д. *Предмет* здесь подразумевается один, но *понятий* обозначается несколько. Язык воспроизводит не *предметы*, а *понятия* о них, самостоятельно образованные в языковом порождении (стр. 22). Поэтому словопонятие *принципиально никогда не может быть всецело адекватным своему предмету*. Мыслимое в понятии предметное содержание «никогда не есть все содержание предмета, а есть содержание, целесообразно и планомерно подобранное в соответствии с намерением и замыслом сообщения и выражения» (стр. 98). В словесном выражении содержание подразумеваемого под понятием предмета раскрывается всегда только с большей или меньшей степенью исчерпываемости, и до конца раскрывается лишь в некотором идеально-мыслимом пределе (стр. 82).

И всё же, будучи неустранимой до конца, неполнота предмета языкового сознания—крайне своеобразна. Будучи *полным*, слово имеет тенденцию, хотя бы потенциально, покрывать *все* объективное содержание подразумеваемого под ним предмета. Логическое выражение *не соответствует* своему предмету, ибо оно осуществляется не иначе, как воплощенное в формах *слова*, с его принципиальным несоответствием предметному корреляту, и в то же время оно—*подлинно ему соответствует*, ибо, направленные на предмет, логические акты *всегда объективны* (стр. 96—97). Таким образом, в соотношении между предметом и постигающей деятельностью направленного на предмет языкового сознания существует противоречие. Противоречие это—не тупик, но подлинный *диалектический* ключ познания. «Противоречие, которое открывается между заданною полнотою конкретного предмета и наличною неполнотою его для каждого данного момента, разрешается его собственным становлением, самим путем, непрерывным осуществлением» (стр. 38). Культура, как предмет языкового сознания, необходимо несет в себе указанное противоречие, но «в ней же самой, в собственном её движении, в её жизни и истории, лежит и преодоление противоречия» (стр. 38). Метод движения сознания предписывается самим предметом. Метод этот есть метод *диалектический*: «языковое сознание, по предположению своего предмета, есть сознание диалектическое» (стр. 38, курсив проф. Г. Г. Шпета).

Установление *диалектической* природы языкового сознания, соответствующего диалектике культурного предмета, имеет решающее значение для *всей теории культуры*, ибо в составе культуры язык выполняет совершенно особую и—по своему значению—совершенно исключительную роль. Характер этой роли станет нам ясен, как только мы учтем основную формальную особенность культурного сознания.

Всякая социальная «вещь», всякое культурное явление, учреждение или становление, в своей *формальной* структуре, представляет для направленного на него культурного сознания не просто «природную» вещь, но некоторый *знак*, требующий истолкования и уразумения. Возьмем, для примера, *историю*. Предмет исторического познания нигде не дан прямо и непосредственно, как он может быть дан чувственному восприятию. Всё, что дано истории, есть только *знак*. Раскрытие этого знака—задача истории. Так назыв. «документы» и «памятники», с которыми имеет дело историк, *суть знаки*, требующие прежде всего уразумения некоторых действий. В свою очередь действия эти сами *суть знаки*, прикрывающие некоторые движущие историей силы, которые опять-таки должны быть постигнуты с помощью уразумения¹. В этом—формальном—смысле история есть наука *интерпретативная*. К своему предмету она идет путем филологической, технической, исторической и т. д. интерпретации, последовательно *раскрывая смысл знаков*, в виде которых только и предстают пред ней её собственные объекты. Всё, что сказано здесь об истории, можно было бы—*mutatis mutandis*—применить к другим видам культурного становления. *Вот эта-то интерпретация культурно-социальных вещей, которые не просто «улавливаются» или «воспринимаются» нами, но всюду и всегда предстают нам, как знаки, требующие соответствующего истолкования и уразумения, и превращают язык в анализ и прототип всех феноменов культуры*. Ибо, рассматриваемое в своей *формальной* структуре, слово языка есть единственный совершенно

¹ Г. Шпет.—«История как проблема логики», т. I, стр. 23.

всеобщий знак, которым может быть заменен всякий другой знак! Поэтому формальные признаки слова, как культурно-социальной вещи, суть существенные признаки всякой культурно-социальной вещи. «Слово, со стороны своих формальных качеств, есть такой член в общем культурном сознании, с которым другие его члены—гомологичны» (стр. 140, курсив проф. Г. Г. Шпета). Какие бы модификации ни вносились в структуру социальной вещи её содержанием и функциями, формально она всегда—гомологична словесной структуре, подобно тому, как признаются гомологичными руки, плавники и крылья позвоночных (стр. 140—141).

Обычному сознанию язык представляется только, как средство культурного общения, и язык подлинно есть такое средство. Но, будучи средством, язык вместе с тем есть и условие этого общения. Более того. Язык есть во-первых—условие и лишь во-вторых—средство. «Язык есть образующий орган мысли» (стр. 15). Благодаря звуку речи интеллектуальная деятельность становится внешней и чувственно воспринимаемой. «Без связи с звуком речи мышление не могло бы достигнуть отчетливости и представление не могло бы стать понятием» (стр. 15). Сама предметность—эта существеннейшая характеристика сознания—находит в языке условие своего уразумления: «Как невозможно без языка понятие, так не может быть без него для души никакого предмета; даже внешние предметы получают для нее свою полную существенность лишь благодаря посредству языка» (стр. 16). В этом смысле можно сказать, что то, что мы называем «духом», не могло бы для нас существовать, если бы не было языка: «язык есть такая форма воплощения духа и идеи, без существования которой для нас не было бы ни духа, ни идеи». (стр. 33). Но, признавая, таким образом, в языке «первую необходимую ступень в примитивном образовании человеческого рода», Гумбольдт в то же время со всей энергией настаивает на том, что язык и интеллектуальность не существуют обособленно друг от друга. «Язык и дух идут вперед не друг за другом и не друг обособленно от друга, но составляют безусловно и нераздельно одно действие интеллектуальной способности. Мы разделяем интеллектуальность и язык, но в действительности такого разделения не существует» (стр. 12). Метафизическому пониманию взаимоотношений между языком и интеллектуальностью, которое либо утверждает, что язык есть причина интеллектуальности, либо, наоборот, что интеллектуальность—причина языка, Гумбольдт противопоставляет свое—конкретно-диалектическое—воззрение. По этому воззрению, духовные особенности и оформление языка народа только в абстракции могут противопоставляться друг другу, как причина и следствие. По сути же они образуют конкретное единство, «ибо интеллектуальность и язык допускают и поддерживают лишь взаимно пригодные формы: «Язык есть как бы внешнее явление духа народов,—их язык есть их дух и их дух есть их язык» (стр. 13).

Нельзя не отметить здесь, что послегумбольдтовское развитие языкознания не смогло удержаться на высоте этого диалектического тезиса Гумбольдта. В знаменитом споре между «грамматикой» и «логикой» обе спорящие стороны проявили односторонность и абстрактность метафизического мышления. Метафизический идеализм упорно и бесплодно держался мысли, что язык есть следствие и продукт самостоятельной силы духа. Ограниченный эмпиризм специалистов-языковедов, напротив, сбивался на теорию о том, что сама мысль есть только продукт и следствие формирующей силы языка. К сожалению,

профессор Г. Г. Шпет не отметил в своей книге, что *марксистская* теоретическая мысль в этом вопросе стояла на верной—диалектической—позиции. Так, Антонио Лабриола, полемизируя с социологическим натурализмом, настаивал на диалектическом характере связи между языком и мыслью и даже шире: между языком и социальностью вообще: «Язык—утверждал Лабриола—является условием и орудием, причиною и следствием общественности»¹.

Признание факта, что в языке мы имеем не только следствие, но также условие и прототип социальности, подрывает основы *натуралистического* подхода к проблеме языка. Непреходящая заслуга Гумбольдта состоит в том, что его учение о внутренних формах речи, частью *explicite*, частью *implicite*, намечают основы для принципиальной критики *лимингвистического натурализма*. Интерпретация основ этой критики и диалектическое развертывание имплицитно заложенных в ней положений составляют ценное качество исследования профессора Г. Г. Шпета.

Лингвистический натурализм является составною частью *вульгарного социологического натурализма*. Говоря коротко, сущность его состоит в убеждении, будто ключ к уразумению структуры языка и его функций в культуре лежит в *генетическом* исследовании происхождения языка по методам *естественных наук*. Целый ряд языковедов потратил не мало времени и энергии, чтобы объяснить рождение языка и развитие его форм из трудовых действий, эмотивных реакций и т. д. И, однако, как бы ни были в частностях любопытны и ценны все эти домыслы и гипотезы, в основном они были построены на ложной догматической предпосылке или, вернее, на предрассудке. Корневая ошибка языковедческого натурализма—та же, что и натурализма социологического². Софизм социологического натурализма—вовсе не в его убеждении, что общественные явления могут быть предметом натуралистического изучения. Никто не может отрицать за естествознанием его права включать все «социальное» в общую закономерность природного развития. В физическом строе природы «социальное» не составляет автономной области. Природа химических, биологических и физиологических процессов—всюду одна и та же и ни в какой мере не зависит от того, совершаются ли они в материи животных или людей, в движениях и реакциях личностей или масс. С другой стороны, нет ни одного социального явления, которое, *поскольку оно реализуется в системе физических движений организмов, именуемых людьми*, не могло бы стать предметом натуралистического рассмотрения. Но в этом *поскольку*—вся суть!

Бедна натурализма—в его роковой неспособности понять, что, рассматривая социальные явления как сумму физических, химических, биологических, физиологических и т. д. актов, реакций и рефлексов, натурализм рассматривает их уже не как социальные факты, но лишь, как факты природные, продолжая, в то же время, выдавать результаты своей работы за исчерпывающую характеристику «социального». То, что натурализм в социальных фактах может усмотреть или вычитать, бесспорно, обладает значимостью, но не по отношению к «социальному», как такому. Когда натурализм пытается распространить свои методы, перенести их в сферу изучения социальных явлений, остается непо-

¹ Антонио Лабриола.—«Исторический материализм». Гиз. 1926, стр. 71.

² Нетрудно было бы показать, что социологический натурализм сводится к вульгарному механистическому материализму.

нитным; какую выгоду он имеет ввиду. Для самого натурализма тут нет никакой выгоды; ибо, рассматривая социальные факты, как природные, он не видит в них ничего для себя нового. Для него включение «социального» в сферу изучаемого означает только бессмысленное количественное умножение «иллюстраций», «примеров» все того же «природного». Напротив, с точки зрения социологии, такое распространение—неправомерно, ибо оно не касается—и не может коснуться—самого предмета социологического изучения. Натурализм не может приложить свои методы к изучению социального предмета по той простой причине, что он самого-то предмета, не видит и при помощи своих средств увидеть не может. Генетизму натуралистического рассмотрения социология противопоставляет убеждение в *несводимости, первоначальной данности* «социального», как такого. Не следует только этот тезис понимать абстрактно или в духе метафизического идеализма! «Социальное» не предвечно. Оно, конечно, имеет свою естественную, физическую и биологическую, историю¹. Но эта история: 1) не может быть восстановлена—в существенной части своих звеньев—за отсутствием достаточных данных; 2) даже при условии полной генетической реконструкции не могла бы объяснить *специфику* социального. Социология может найти путь к своему предмету только через уразумение *первичной данности социального* (первичной, повторяю, не в онтологическом, но в методологическом смысле понятия). Не рассуждать об «обществе вообще» и об его воображаемых праотцах и причинах в доисторической биологической жизни людей должна социология, а изучать, анализировать конкретную структуру *известных нам исторических общественных укладов*, твердо помня при этом, что даже наиболее примитивные из известных нам человеческих обществ *заклучают в себе всю сложность и все принципиальное своеобразие*, какие только вообще могут быть найдены в существе социального.

Методологически правомерный социологический *историзм* не имеет ничего общего с натуралистическим *генетизмом*. Социологический историзм метода Маркса и Ленина не есть метод натуралистического генетизма. Тенденции развития капиталистического общества Маркс выводит не из генетических теорий о происхождении общества, но из анализа структуры наличных форм капитализма, какие он имел возможность изучать в Англии и других странах Европы.

Социологический натурализм был опровергнут всем движением научной работы XIX века. Мощные удары ему нанес уже Плеханов; Антонио Лабриола с несравненной тонкостью подвел ему его печальный итог. Критика Лабриола глубоко проникает в самое «сердце» социологического натурализма. «Если мы можем,—писал Лабриола,—при помощи воображения воссоздать человека *ferus primaevus*, строя и комбинируя для этой цели различные догадки, то мы не в состоянии получить о нем знание, основанное на опыте, подобно тому, как мы не можем определить и происхождение того hiatus'a, т.-е. того интервала и перерыва, вследствие которых жизнь человечества отделилась от жизни животных, чтобы начать подниматься затем все выше и выше. Все люди, живущие в настоящее время на поверхности земли, и те, которые жили на ней в прошлом и относительно которых существуют достоверные сведения, находятся и находились уже довольно далеко от того момента, когда жизнь чисто животная для

¹ Сказанным в корне устраняется метафизическая доктрина А. А. Богданова о социально организованном опыте, как основе мира.

них уже прекратилась»¹. Известная общественная жизнь, даже если речь идет о самой элементарной из известных нам форм, отделяет длинным интервалом жизнь человеческую от жизни животной. История,—говорит Лабриола,—т.-е. та часть процесса общего развития человечества, предания и воспоминания о которой зафиксировались в его памяти,—история начинается с момента, когда искусственная почва является обрабатываемой уже более или менее продолжительное время. На искусственной почве, «находящейся на самом краю горизонта известной нам истории, жили, как живут и теперь, не бесформенные массы отдельных индивидов, а организованные группы людей, организация которых заключается в известном распределении между ними обязанностей (т.-е. работы) и в вытекающих отсюда определенных формах сотрудничества и подчинения. Эти отношения, связи и образы жизни не были и не являются результатом закрепления привычек, сложившихся под непосредственным влиянием борьбы за существование»². Там, где люди прогрессируют или регрессируют, и там где они застывают в той форме, которую они оказывались не в состоянии изжить, «нигде и никогда они уже больше не возвращаются к животной жизни и не теряют окончательно своей искусственной среды»³.

Но в то время, как в области истории и социологии натурализм был подвергнут заслуженной критике, в языкознании натуралистический генетизм свил себе прочное гнездо. Причины его длительного давления на лингвистику весьма сложны, и говорить о них в данной связи неуместно. Во всяком случае в числе этих причин немалую роль сыграла узость специальных интересов языковедов, а также соблазн соединиться через эмпиризм историко-сравнительного метода с общим течением эмпирического естествознания. А между тем все скандалнее выше об истории и социологии сохраняет все свое значение и даже приобретает особо внушительную силу по отношению к языку. Генетические теории, пытающиеся «свести» явление языка к происхождению из рефлексов, реакций, эмоций и т. д., строго говоря, лежат вне пределов науки о языке. Язык, каким мы его знаем, точно так же, как и общество, есть продукт исторического развития огромной давности. Даже наиболее примитивные из известных нам языков—языки самых некультурных племен Австралии и Африки, представители которых едва умеют считать до пяти,—суть весьма сложные продукты социальной жизни людей и предполагают в своем прошлом огромный период развития, не поддающийся никакому наблюдению, никакой исторической реконструкции. Между неизвестным нам моментом, вернее — периодом—возникновения языка и между самими древними стадиями наиболее примитивных языков, какие только могут быть восстановлены на основе всех доступных лингвистике методов исторической редукции, зияет hiatus, не меньший того, который, по словам Лабриолы, отделяет последний момент животной жизни человека от древнейших из известных нам исторических состояний общества. В светлое поле научного исторического познания языки вступают—если даже иметь в виду наиболее архаические из всех известных нам и притом в наиболее архаических фазах их развития—не как простая сумма естественных реакций и рефлексов, но как сложнейшее явление, запечатленное всеми признаками социальной вещи

¹ Лабриола.—«Исторический материализм», стр. 70.

² Там же, стр. 71—72 (курсив мой. В. А.).

³ Там же, стр. 72.

составляющее одновременно и продукт, и условие, и следствие, и причину культурного становления. «Ни один лингвист—пишет проф. Альфред Мейе—в настоящее время не может думать, чтобы сравнительная грамматика индо-европейских языков бросала хотя бы малейший свет на первые ступени языка»¹. «Конечно, народности, говорившие на индо-европейском языке, должны были стоять на уровне цивилизации, близком к уровню африканских негров или северо-американских индейцев; но языки негров и индейцев не имеют ничего «первобытного» или «органического». Каждый из говоров этих языков имеет уже сложившуюся форму, и их грамматическая система часто оказывается очень тонкою и сложною»². «То, что мы знаем о развитии языков, показывает, что факты слишком сложны и не допускают догадок»³.

Непререкаемая заслуга проф. Г. Г. Шпета состоит в том, что в своей последней книге он с большой обстоятельностью и убедительностью показал теоретическую несостоятельность натурализма в эстетике и в языковедении. Но именно в силу того, что язык, по собственному же убеждению проф. Г. Г. Шпета, есть преимущественный аналог и прототип всякого культурно-социального бытия,—нам странным и удивительным кажется, что проф. Г. Г. Шпет не упоминает о том философском течении, которое впервые выступило с суровой методологической критикой натурализма в социологии. Течение это—диалектический материализм. Разрушительная критика социологического натурализма была впервые дана Плехановым и Лабриолой.

Исходную точку критики, с какою проф. Г. Г. Шпет обращается против натурализма в языкознании, составляет учение Гумбольдта о посредствующей функции языка в культуре.

«Язык посредствует не только между человеком и мыслимой им действительностью, но также между человеком и человеком, передавая мыслимое от одного к другому в виде и в формах общественной речи» (стр. 41). Как посредник, «язык не есть чистый дух, но он не есть также и природа, телесная или душевная» (стр. 41). В качестве эмпирической социальной вещи, в качестве средства язык должен рассматриваться, как объективированная субъективность и вместе как субъективированная объективность (ср. стр. 178). Язык можно рассматривать «не только как субстанцию, но и как субъект, не только как вещь, как продукт, произведение, но и как производство, как энергию» (стр. 35). Язык есть субъективированная объективность. Один из плодотворнейших постулатов учения Гумбольдта требует, чтобы язык рассматривался «не как мертвый продукт производства, а, скорее, как само производство»... Язык в своей действительной сущности есть нечто, всегда и во всякое мгновение проходящее. Это есть не *ἔργον* (вещь), а *ἐνέργεια* (деятельность), вечно повторяющаяся работа, направленная на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли. В этом смысле можно сказать, что язык собственно заключается в акте своего действительного порождения (стр. 13). Историческая оценка идеализма, данная Марксом в первом тезисе о Фейербахе, с полным основанием может быть приложена к Гумбольдту. «Подобно тому, как для Гегеля—говорит проф. Г. Г. Шпет—всё сводилось к тому, чтобы истинное понимать не как

¹) А. Мейе.— «Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков», стр. 45.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 45.

субстанцию только, но в такой же мере и как *субъект*, для Гумбольдта было величайшим откровением, что язык есть *энергия*. К этому у него также «всё сводилось» (стр. 35).

Но, будучи субъективированной объективностью, язык есть, в то же время, объективированная субъективность. Носитель языковой деятельности (*энергия* Гумбольдта) есть субъект, но сам субъект, «как социальный субъект, *полностью выражается, объективируется в продуктах своего труда и творчества, во всех актах, которые материально запечатлеваются и только в силу этого социальны существуют*» (стр. 195, курсив мой. В. А.). И эта объективация языковой энергии обладающего языком общественного человека заходит так далеко, что по отношению к говорящему язык есть как бы—чуждый объект, независимо от него существующий. «С точки зрения общественной природы языка,—говорит проф. Г. Г. Шпет,—если иметь в виду, как язык дается говорящему на нем поколению, над^о признать, что язык для него, действительно,—чуждый объект, и его действие происходит из чего-то иного, чем то, на что он воздействует. Таким образом, язык имеет своеобразное существование, которое осуществляется в каждом отдельном случае мышления, но которое в своей целостности от этого последнего независимо» (стр. 17, курсив мой. В. А.). В этом аспекте сам субъект, как носитель актов языкового, поэтического, вообще культурного творчества, становится для нас объектом. «Субъекты—говорит проф. Г. Г. Шпет—не что иное, как те же объекты, их особый класс, со своими особыми качествами и свойствами: кто среди что» (стр. 177—178). Субъект есть *sui generis*, специфический объект. Субъект сам актуален лишь в реализации идеи, становящейся вещью—объектом: «без этого воплощения в культурной реальности субъект лишен своих качеств *sui generis* и принимается, как простой объект природы, как задача естественно-научного изучения» (стр. 178)¹.

¹ Центр тяжести аргументации проф. Г. Г. Шпета—в мысли, что субъект есть не просто объект, но объект *специфический*. Действительно, с точки зрения социологии важно не только то, что субъект есть объект. Тезис этот—необходим, но недостаточен. Важно, что объект, именуемый нами субъектом, имеет специфическую структуру, исключающую возможность простого и грубого отождествления его с другими видами объектов. Эта—специфическая—структура субъекта должна быть проанализирована, установлена, выражена в соответствующем описании. Но хотя, таким образом, руководящая идея анализируемого контекста проф. Г. Г. Шпета состоит в подчеркивании своеобразной природы социальных объектов, не следует забывать, что учение о субъекте, как о *sui generis* объекте, было впервые разработано *материалистом-идеалистом* Людвигом Фейербахом. Между тем о Фейербахе проф. Г. Г. Шпет совершенно умалчивает! Конечно, учение Фейербаха о субъекте запечатлено недостатками *антропологического натурализма*. Спецификум социального предмета не был ясен Фейербаху. Но—в онтологическом аспекте—формулы Фейербаха, по всей справедливости, должны почитаться *классическими*. И если в данной связи умолчание о Фейербахе может быть объяснено стремлением проф. Г. Г. Шпета отмежеваться от *всяческого* социологического натурализма, в том числе и от *фейербаховского*, то это умолчание уже совершенно непонятно в другом месте его книги, где проф. Г. Г. Шпет утверждает, что «субъект должен иметь собственную онтологию» (стр. 178) и что «начало такой онтологии положено Авенариусом»—в его непонятном, и не оцененном, феноменалистически истолкованном учении о «зависимом жизненном ряде» (стр. 176). Оставляя открытым вопросом возможности иной, нефеноменалистической интерпретации Авенариуса, отметим, что начало «онтологии субъекта» было положено не им, но именно Фейербахом.

Но так как объекты, с которыми мы имеем дело в культуре: произведения языка, искусства, научные понятия, всяческие культурные установления и т. д., сами суть продукты деятельности, то отсюда следует, что в социологическом аспекте субъект исследуется не как *объект вообще*, а как субъект, *опосредствующий* эти продукты. «Так, с одной стороны, понятие и звук, выступая, как слово и речь, создают между внешним миром и духом нечто от них обоих отличное, и, с другой стороны, благодаря изображенному акту, из отражающегося в человеке мира возникает, между человеком и миром, человека с миром связывающий и мир человеком оплодотворяющий, язык» (стр. 28). В искусстве, знании, языке, культуре субъект культурного творчества, который, как мы видели, есть не что иное, как специфический *объект*, воздвигает между собой и природой новый мир—социально-культурный и своим действием преобразует себя самого из вещи природной в вещь социальнo-культурную (стр. 178).

С признанием в языке социальнo-культурной вещи, посредствующей между природой и человеком, с одной стороны, и между человеком и человеком, с другой стороны, падают окончательно натуралистические тенденции в языкознании. «Лишь только мы признали—говорит проф. Г. Г. Шпет—самого субъекта, и, следовательно, *все* его субъективное, за категорию социальную, само естествознание, в своем значении для нас, претерпевает как бы метаморфозу: чисто чувственное превращается на его глазах в «чувственно-сверхчувственное»¹, и мы заставляем естествознание служить нам совсем по-новому. *Биологическое* и *психофизическое*—сами приобретают *социальный смысл*, и притом величайший социальный смысл. Все акты биологической особи, известные под абстрактными названиями рефлексов, реакций, импульсивных движений, оказываются социальнo-значимыми, как акты социального подражания, симпатии, интонации, жестикуляции, мимики и т. д. Психофизический аппарат превращается в социальнo-культурный знак. Два конца одной цепи: действительности-реальности—соединились» (стр. 188—189).

Мы характеризовали исходную точку зрения проф. Г. Г. Шпета на язык и его функцию в культуре. Подробный разбор и критику интерпретативных выводов по весьма важным вопросам о соотношении логических форм речи и форм эстетических, о «фигуральных» формах и т. д. мы надеемся дать в особой статье. Пока же отметим общее направление, в котором идет у автора интерпретация идей Гумбольдта. В историко-философском смысле эта интерпретация представляет большой интерес. Проф. Г. Г. Шпет показал в своей книге, что в целом вся теоретическая работа Гумбольдта была направлена к *преодолению кантианства*, от которого Гумбольдт сам находился в терминологической зависимости. Гумбольдт пользуется преимущественно философской и психологической терминологией Канта. Но вводит он эту терминологию в свои работы «не как готовые схемы распределения и обработки материала», а скорее «как эвристический прием, как вспомогательный опорный пункт, дающий ему возможность более или менее точно фиксированным термином запечатлеть собственную мысль» (стр. 32). Отсюда—замечательная черта произведений Гумбольдта. В контексте его учения кантовские термины *неизбежно модифицируются*, переходят в противоположность к терминам ортодоксального кантианства.

¹ Здесь проф. Г. Г. Шпет пользуется термином К. Маркса в анализе процесса труда и понятия фетишизма товара (в I томе «Капитала»). Ход мыслей Маркса проф. Г. Г. Шпет воспроизводит на стр. 179.

Конечно, зависимость Гумбольдта от Канта сказалась *не только в усвоении кантовской терминологии*. В целом ряде вопросов Гумбольдт исходит *из той же установки*, что и Кант. Само учение Гумбольдта о внутренней форме слова изложено Гумбольдтом *в духе кантовского концептизма* (стр. 99—100). В своей теории Гумбольдт связан условным *противопоставлением формы и содержания* в кантовском смысле (стр. 86—87). В духе же Канта Гумбольдт полагает, что *языковые категории*, которыми конституируются конкретные смыслы, суть категории *субъективно-предметные* (стр. 43). Но, отметив таким образом зависимость Гумбольдта от Канта, проф. Г. Г. Шпет вместе с тем обстоятельно показал, что 1) там, где влияние Канта на Гумбольдта имело место, влияние это *препятствовало* плодотворному развитию лингвистических теорий Гумбольдта и 2) что, несмотря на известное влияние Канта, мысль Гумбольдта, в целом, *успешно преодолевала* исходные кантовские точки зрения, приходя к новым и действительно плодотворным научным понятиям.

Тормозящее влияние кантовской философии сказалось у Гумбольдта в восприятии *ложной* кантовской проблемы, которая сводится к вопросу о том, как связать «понятие» со «звуком», «чувственное» с «духовным» (стр. 49—50). Вместе с Кантом Гумбольдт видит в области «понятий» область только абстрактно-логическую, концептивную, а не область *конкретного слова* (стр. 44). Отсюда— неверное представление Гумбольдта о том, что мышление, как таковое, имеет *свои логические формы*, отличные от форм языковых (стр. 44). Эта—кантовская по сути—постановка проблемы встречает резкую и справедливую критику в книге проф. Г. Г. Шпета. Софизм предпосылки Канта состоит, как указывает проф. Г. Г. Шпет, в том, что у Канта рассудок с самого начала—глухонемой, бессловесный (слова оторваны от смысла, мышление от чувственности)¹. Ошибка Канта—в том, что он сначала абстрактно отрывает рассудок от чувственности, смысл от слова, а затем уже ищет для них объединяющий момент в чем-то третьем (стр. 136). Кант отрицал наличие актов, объединяющих «логическое» и «наглядное» (стр. 50). В противовес Канту (и в данном случае—Гумбольдту) проф. Г. Г. Шпет указывает, что проблема единства «должна быть *первой*, до всякого разделения» (стр. 136). Именно идея этого единства была «основной заботой послекантовского идеализма Шеллинга и Гегеля», составляя «основное и естественное условие самой возможности диалектики» (стр. 136). И все же, как ни были велики затруднения, какие сам Гумбольдт воздвигал, усваивая кантовские ложные представления, но понятие внутренней формы слова, какое им было выработано, будучи продумано до конца, давало средства радикально покончить с затруднением Канта. И действительно: «внутренние формы» Гумбольдта суть характерные для каждого данного языка и в каждом языке—особые *отношения между языковыми эмпирическими формами слова и его принципиальным смыслом*. Эти отношения образуют постоянный и единообразный принцип в действии языковой энергии и в этом смысле могут быть *уподоблены алгоритмам*, как некоторой совокупности и последовательности приемов и методов, при помощи которых артикулированный звук делается способным к выражению мысли (стр. 60—61). Эти внутренние формы речи суть формы *логические*. Одна из основных идей книги проф. Г. Г. Шпета состоит в отождествлении внутренних форм слова Гумбольдта с логическими формами. *Логическое*—неотъемлемая

¹ Густав Шпет. «Внутр. форма слова», стр. 138.

характеристика слова. Логическое разлито по всей сфере языка и проникает всю его структуру вплоть до самых последних, неразложимых далее элементов. «Примем всерьез положение—говорит проф. Г. Г. Шпет,—что и самый последний, далее неразложимый языковой элемент содержит в себе все то, что содержится в любой развитой форме языка, тогда ясно, что *если в последней мы констатируем органическую наличность логического, оно должно быть и во всяком элементе*» (стр. 45; курсив мой. В. А.).

Это усмотрение тождества внутренних форм слова с формами логическими надо приветствовать. Оно совершенно устраняет ложные кантовские проблемы, основанные на антидиалектическом, абстрактном противопоставлении «рассудка» «чувственности». Оно в корне разрушает концептизм кантовского учения о «чистых» формах.

Логические формы—как концептивные формы—плод дурной абстракции. Как «чистые» формы, они отвлечены от собственного содержания. «В этом «чистом» виде—говорит проф. Г. Г. Шпет—они, строго говоря, и не логические, а только логистические,—и наука правильно отличает теперь логику от логики»¹. Поэтому настоящие логические формы должны мыслиться лежащими между *морфемами* слова, как формами называемой вещи, и между формами ее подразумеваемого *предметного* содержания. Они сами конкретны².

В свете этого воззрения очевидна несостоятельность кантовской проблемы. Кант вопрошает: «как подвести чувственное многообразие под чисто-интеллектуальное понятие?» Но искомый Кантом «посредник» между чувственностью и рассудком вовсе не требуется—за ненадобностью. *В намерении слова*—выразить мысль «и лежит та единая интенция слова, как целого, которая и объединяет в конкретности слова лишь отвлеченно различные его стороны—«чувственную» и «логическую»³.

Тенденция к преодолению кантовского субъективизма и концептизма, заложенная в учении Гумбольдта о внутренней форме слова, дает проф. Г. Г. Шпету основание для сопоставления Гумбольдта с Гегелем. «Может быть, меньше всего—гласит вывод проф. Г. Г. Шпета—Гумбольдт был последователем *Гегеля*, но по смелости замысла, по широте захвата мысли, по глубине проникновения он должен быть поставлен рядом именно с Гегелем. Порою прямо кажется, что философия языка Гумбольдта призвана завершить собою систему философии Гегеля» (стр. 33).

В настоящей краткой рецензии—скорее регистрирующей, чем критической—мы не имели возможности коснуться ряда весьма важных вопросов, обсуждаемых в книге проф. Г. Г. Шпета. Они заслуживают специальной статьи. Оставляя подробный разбор и критику воззрений проф. Г. Г. Шпета до специальной работы, которую мы предполагаем дать в ближайшей книжке «Вестника», отметим, что книга проф. Г. Г. Шпета, несомненно, сыграет положительную роль в борьбе с вульгарным языковедческим натурализмом, составляющим один из участков на фронте вульгарного социологического натурализма, с которым—увы!—еще приходится бороться. Также необходимо приветствовать ту решительную борьбу, какую проф. Г. Г. Шпет ведет на всем протяжении своей книги со всеми видами философского субъективизма. «Я отрицаю—заявляет проф. Г. Г. Шпет—

¹ Ср. Густав Шпет. — «Эстетические фрагменты», II, стр. 47.

² Там же

³ Густав Шпет. — «Внутр. форма слова», стр. 50—51.

не только чистый философский субъективизм, по которому объективное определяется субъективным, но и вообще необходимую соотнесенность объекта и субъекта (объекты без субъектов прекрасно могут быть); равным образом, я ни в коем случае не отождествляю субъекта с так называемым «я» (из того, что познающее, мыслящее и проч. «я» есть субъект, не следует, что всякий субъект есть «я»); наконец, я не определяю субъекта, как «единство сознания» (которое и есть единство сознания, а больше ничего, тогда как действительный субъект включает в себя обширную сферу без- и подсознательно)¹. Признание во внутренних формах слова форм *логических* также весьма удачно разрешит множество трудных вопросов, частью снимая их, частью указывая направление, в котором следует искать их разрешения. Констатирование органической наличности логического во всяком, даже последнем, далее неразложимом элементе слова приводит к выводу, что специфичность языкового сознания состоит именно в его логичности. Отпадает пресловутая кантовская проблема синтеза рассудочных категорий и гетерогенных им чувственных созерцаний: логическое понятие, выраженное в слове, и есть подлинный синтез синтезов. Слово необходимо есть *материя* мысли, а мысль необходимо стремится воплотиться в материальном, чувственном организме слова. Наконец, ценным следует признать и историко-философские выводы автора «Внутренней формы слова». Диалектика послекантовского идеализма, выводившая научную мысль из бесплодных границ кантовского концептизма в простор более диалектического и более реалистического учения о слове и об отношении форм слова к формам мысли, к формам поэтическим, весьма поучительно продемонстрирована проф. Г. Г. Шпетом на примере Гумбольдта.

В целом основная задача автора «Внутренней формы слова» — интерпретация философии языка Гумбольдта — выполнена весьма интересно, содержательно и должна оказаться весьма плодотворной для постановки ряда основных проблем логики, лингвистики, поэтики, эстетики и социальной психологии.

Со всем тем книга проф. Г. Г. Шпета изобилует положениями, которые стоят в прямой связи с основными философскими воззрениями автора и с которыми никак нельзя согласиться. Откладывая подробный их анализ до специальной статьи, отметим все же следующее. Весьма удачно критикуя попытки натуралистического генетизма решать посредством гипотез и теорий о происхождении проблемы, которые, по самому смыслу, требуют иных методов и установок, проф. Г. Г. Шпет склоняется, по видимому, к мысли, что *всякое* генетическое объяснение, как такое, есть заблуждение и в качестве такого бесплодно для науки. Более того. Вся книга проф. Г. Г. Шпета, насколько я понял, насквозь пронизана, во всех разделах, во всех анализах, твердым убеждением, что не только *генетические* объяснения натуралистического типа в социологии, но и *всякие* объяснения вообще, как такие, натуралистичны и потому несостоя-

¹ Густав Шпет. — «Внутренняя форма слова», стр. 177. Пользуемся случаем и здесь напомнить читателю, что решительная борьба со всеми разновидностями философского субъективизма давно велась и в наши дни ведется представителями *диалектического материализма*. О том, что «объекты без субъектов прекрасно могут быть», говорит вся традиция диалектического материализма от Энгельса до Плеханова и Ленина, не говоря уже о нынешнем дне. Могучий отпор, оказанный Лениным теориям о «необходимой соотнесенности объекта и субъекта», также достаточно известен. Напоминаем об этом в виду того, что проф. Г. Г. Шпет обходит молчанием эти факты.

тельны. В глазах проф. Г. Г. Шпета только те научные задачи и проблемы имеют ценность, которые для их постановки и разрешения не требуют *вообще объяснения*. Иначе говоря, проблематика, допускаемая проф. Г. Г. Шпетом, не выходит из круга *описания, анализа, констатирования* того, что изучаемые объекты дают в целом, в своей объективной конкретности. *Такое сужение научных задач было бы терпимо, если бы в нем можно было бы видеть только личное самоограничение*, если бы оно было оговорено, как выражение *личных* вкусов проф. Г. Г. Шпета, его *личного* выбора и *личных* пристрастий. Никто не в праве помешать проф. Г. Г. Шпету заниматься теми проблемами, которые его интересуют, и никто не станет принуждать его заниматься теми проблемами, которые для него лично представляют меньший интерес. Важно только, чтобы самые эти проблемы действительно существовали, были бы действительно плодотворными и положительными научными проблемами. К сожалению, самоограничение проф. Г. Г. Шпета, его поразительное воздержание (*éloxi*) от *всяких* объяснительных теорий имеют источник вовсе не в личных предпочтениях ученого, но запечатлены всеми признаками *принципиального воззрения*. Упорное уклонение от всяких объяснительных задач вытекает у проф. Г. Г. Шпета из *принципиальной* крайне отрицательного, крайне резко, со всей возможной чувствительностью и остроумием выраженного, отношения ко всякому объяснению, как такому. По собственным словам проф. Г. Г. Шпета, объяснительных теорий надо бояться, как чумы или глупости¹. Во-первых, потому, что это—объяснения. Во-вторых, потому, что это—теории. Проф. Г. Г. Шпет, повидимому, весьма мало ценит *теорию*. Так, по поводу распространенного представления, будто связь повторяющихся сочетаний со значениями есть связь «ассоциативная», проф. Г. Г. Шпет замечает: «Утверждение, будто эта связь есть связь так называемой «ассоциации», по меньшей мере поверхностно,—оно просто *теоретично* и, как гипотеза, прикрывает незнание и лень узнать². Я отлично знаю, что фразу эту надо брать в целом контексте, я вовсе не стою за критикуемую здесь ассоциационистскую теорию, я понимаю, наконец, что здесь—лишь тонкий оттенок мысли, но в этом оттенке, думается мне, все же запечатлено такое недоверчивое, я бы сказал даже—презрительное отношение к теории, которое заслуживает самого решительного отпора. Спору нет—гипотеза «прикрывает» незнание, (потому она—и гипотеза), но сказать, как говорит проф. Г. Г. Шпет, что гипотеза *всегда прикрывает лень узнать*, можно только при условии полного отрицания *объяснения*, как научной задачи. *Воздержание от объяснительных задач*, столь упорно проводимое проф. Г. Г. Шпетом, само есть *теория*, а именно: *теория о ненужности теории!* Здесь—не личное самоограничение, но подлинно «скромность паче гордости». Отстранение объяснительных задач, очевидно, есть вывод из внутреннего Гуссерлем различения *знания* (*Wissenschaft*) и *мнения* (*Doξα*). Вместе с Гуссерлем проф. Г. Г. Шпет—за *знание* против *мнения*. Не стану и тут спорить: «знание» *лучше* «мнения». Было бы очень хорошо, если бы могли только «знать», не составляя ни о чем никаких «мнений». Но вот, что делать, если существует ряд проблем, и притом проблем реальных, фундаментальных, которые опрокидывают эту «чистую» дистинкцию «знания» и «мнения». Что делать, если существуют такие «знания», которые

¹ См. «Эстетические фрагменты», II, стр. 22. Ср. еще III, стр. 42.

² «Эстетические фрагменты», II, стр. 24.

в борьбе «мнений» рождаются и в этой же борьбе почерпают критерий своей достоверности? Повидимому, проф. Г. Г. Шпет думает, что всякое «мнение» — всегда метафизика, психологизм и тому подобные скверные вещи. На это мы должны возразить со всей решительностью: *объяснение* — такая же *положительная* задача науки, как и *анализ, описание, констатирование* и т. д. Объяснение вовсе не должно быть непременно психологическим или метафизическим¹. Если же проф. Г. Г. Шпет боится, что, ступив на путь объяснения, он будет вынужден с незапятнанных высот «знания» снизиться до малодостоверного мнения, то я напомню ему его же собственные слова, по другому поводу и в другом месте сказанные: «Но философ не боится ошибок, ибо знает, что это — *его* ошибки, *его* временные неудачи, не зависящие от самой истины; скептик боится их, потому что уверен, будто сама истина зависит от его познавательных дарований, и он предпочитает вовсе воздержаться от суждений». Так как профессор Г. Г. Шпет очень делек от скептицизма, то остается признать, что его «воздержание» от объяснительных исследований и теорий «прикрывает», конечно, не «лень и нежелание узнать», но весьма большую «гносеологическую» гордость..

В заключение — два слова о *стиле* книги. Характер *изложения* в книге проф. Г. Г. Шпета в известной мере определяется задачами интерпретации. Отсюда — некоторые, самим автором возвешенные и оговоренные, повторения, возвращения — в новой связи — к уже изложенным тезисам. По заявлению самого автора, книга его рассчитана на внимание специалистов, а не учащихся или самоучек. Со всем тем изложение — не трудное, формулировки местами — чрезвычайно выразительны. В сравнении с другими книгами проф. Г. Г. Шпета «Внутренняя форма слова» лишена присущей этому автору остроты стиля. Может быть, общий тон интерпретации тому причиной, а может быть «мягкость» стиля отражает невольное подчинение автора стилевому обаянию самого Гумбольдта. Как писатель, проф. Г. Г. Шпет представляется мне натурой артистической, перемчивой, впечатлительной. Так, первая часть «Эстетических фрагментов», на мое впечатление, местами отражает стиль «Кризисов» Андрея Белого. Высказываю это отнюдь не в виде упрека и не в качестве безапелляционной истины, но просто, как личное впечатление, не как догадку даже, но скорее как вопрос.

Издана книга хорошо, корректура тщательная, цена — доступная.

В. Асмус.

¹ Знаменательно, что взгляд проф. Г. Г. Шпета на объяснение не находит поддержки даже среди тех современных русских философов, которые разделяют вместе с ним высокую оценку феноменологии. Так, А. Ф. Лосев, в предисловии к своей «Философии имени», не называя проф. Г. Г. Шпета по имени, но имея в виду, очевидно, именно его воззрения, резко критикует воздержание «русской феноменологической школы» от задач объяснения («Философия имени», стр. 7—8).

Г. Яковин. «*Политическое развитие современной Германии*». Из-во «Прибой». Стр. 294.

Германия является страной, с судьбами развития которой теснейшим образом связаны судьбы развития мировой революции, стало быть, и СССР. Анализ политического развития послевоенной Германии является потому задачей весьма сложной и ответственной. Автор рецензируемой книги не справился с этой задачей. В основных проблемах он отходит от *партийной* точки зрения, обнаруживает болезненную склонность к оригинальничанию. Рассмотрение основных проблем, затронутых в книге, покажет, что политическая линия автора и его теоретический уровень находятся в противоречии с задачами, которые стоят перед автором книги о политическом развитии современной Германии.

Автор начинает свою работу с анализа экономики страны. Каковы же, по мнению автора, основные противоречия послевоенного германского капитализма, каковы его основные характерные черты?

«Послевоенное развитие народного хозяйства Германии характеризуется двумя фактами: ростом численности народонаселения (а значит, и рабочей силы) и еще больше—техническим ростом производственного аппарата и производственных возможностей германской промышленности».

Рост численности народонаселения Германии на ряду с разросшимся производственным аппаратом является, по мнению автора, *исходным пунктом всех трудностей и противоречий* современной Германии. Сие открытие автор делает на 10-й странице своей книги:

«Людской состав Германии увеличился на 5 миллионов. Развивалась и росла поэтому и численность наличной рабочей силы. Этот факт следует крепко запомнить. *Вместе с другим фактом—абсолютным ростом производственного аппарата Германии, ее производственных возможностей—он образует исходный пункт всех трудностей и противоречий хозяйственного и политического развития капиталистической Германии*» (Курсив автора).

Автор обвиняет авторов плана Дауэса в том, что они не заметили этого роста численности народонаселения, а, значит, и необходимости в рынке для возросшего количества рабочей силы.

Нетрудно заметить, что «оригинальные» рассуждения автора являются не марксистскими, находятся в несоответствии с *партийной* точкой зрения, выраженной, например, в докладе тов. Бухарина на VII пленуме ИККИ.

«В марксизме до сих пор господствующим являлся взгляд, что развитие народонаселения *есть производное* от развития производительных сил и *производственных отношений, а не наоборот*».

Эту правильную мысль автор книги высказывает, поучая меньшевика Войтинского. Но здесь-то и кстати поговорка: врачу, исцелился сам. На 40-й странице, поучая Войтинского, автор на протяжении первых 30 строк сам же повторяет ошибки Войтинского.

Как может марксист утверждать, что рост численности народонаселения (при чем народонаселение вообще) образует *исходный пункт всех трудностей и противоречий* хозяйственного и политического развития капиталистической Германии? Так ставить вопрос может не марксист, а нео-мальтузианец. Так ставить вопрос вообще бессмысленно, ибо в Германии мы имеем *нормальный* прирост населения.

Можно было бы еще понять, если бы автор поставил вопрос о быстром росте *пролетарского* населения Германии, как исходном пункте затруднений, иначе говоря, о *пролетаризации* Германии. Но, поставив этот вопрос, автор вынужден был бы признать правильной ту точку зрения, которая считает, что послевоенная пролетаризация Германии (важнейшей чертой которой является обнищание масс) является одним из исходных пунктов *всех* затруднений и противоречий современной Германии. Но автор категорически против *такой* точки зрения. «Мы не можем признать правильным взгляд, будто центр всех трудностей современного германского капитализма заключается только (*или главным образом*) в сузившемся, по сравнению с довоенным уровнем, потреблении масс» (17 стр.). Такой взгляд автор считает не марксистским. Нужно быть достаточно развязным в области теории, чтобы выступать в роли ортодоксального марксиста, проповедуя нео-мальтузианские теории!

Отвергая решающее значение снижения уровня масс (как пролетарских, так и мелкобуржуазных), стало быть, сужения внутреннего рынка для *современной* экономики Германии, автор отвергает тем самым решения *VII пленума*; решения, которые являются исходным пунктом в оценке узловых моментов империалистических противоречий, противоречий между капиталистическим миром и СССР.

В своем докладе VII пленуму т. Бухарин, например, писал:

«Известно, что именно это противоречие (между производством и потреблением) лежит в основе и обыкновенных капиталистических кризисов, однако диспропорция между производством и потреблением может обнаружиться в результате *различного* сочетания между динамикой производства и потребления».

«Что же мы имеем теперь? Мы имеем теперь такое положение вещей, когда диспропорция между производством и потреблением сложилась не столько потому, что вырос производственный аппарат (есть ряд данных, на основании которых можно заключить о том, что производственный аппарат действительно вырос в ряде отраслей), сколько потому, что *война* (именно война!) вызвала совершенно невероятное обнищание и крайне сузила внутренний рынок».

«Наш анализ делает вполне понятным и тот кардинальный факт, что перед буржуазией в настоящее время встал с такой остротой вопрос о рынках *внешних*. В самом деле, если главным основанием теперешнего кризиса перепроизводства является обнищание масс, т.-е. крайнее сужение внутренних рынков, то со всей силой должна быть поставлена проблема внешних рынков».

Только стоя на почве *марксистских* решений VII пленума, можно понять противоречия современного капитализма и предсказать линии развития борьбы как между империалистическими группировками, так и между капиталистическим миром, с одной стороны, и СССР—с другой.

Нео-мальтузианская же, высмеянная еще Марксом, теория, поднятая на щит т. Яковинным, является в настоящее время прямо бессмысленной, к тому же антипартийной теорией.

Вторым доказательством того, что линия автора находится в явном противоречии с линией нашей партии и Коминтерна, является рассуждение автора о *германском империализме*. Известно, что уже «открытое письмо» ИККИ (август 1925 г.) установило факт возрождения германского империализма и в связи с этим факт роста независимости Германии, ее переориентировки на Запад. Западная ориентация германской буржуазии явилась ориентацией воз-

рождающегося империализма, явилась переходом от обороны к известному наступлению против стран-победительниц. Эта ориентация была порождена стремлением более активно участвовать в борьбе империалистически-групп, была порождена растущими противоречиями между СССР, как страной пролетарской диктатуры и крупнейшим рынком, и возрождающимся германским империализмом, для которого монополия внешней торговли в СССР становится одним из главных препятствий к дальнейшему под'ему.

Все эти процессы (возрождение германского империализма, переориентировка на Запад и т. д.) не могли быть быстрыми, ибо они переплетались с процессами обратного порядка: дальнейшего давления победителей на Германию, ростом хозяйственных связей между Германией и СССР и т. д. Но эти тенденции развития определились уже осенью 1925 г. и становились с каждым годом все более явственными. Анализ этих тенденций, имеющих первостепенное значение как для судеб СССР, так и для судеб всего международного революционного движения, стоял в порядке дня VI пленума ИККИ (март 1926 г.), XV конференции партии (ноябрь 1926 г.) и в центре работ VII пленума (ноябрь декабрь 1926 г.).

Книга Яковина была написана *после* VI пленума, а предисловие намечено январем 1927 г., стало быть написано *после* VII пленума. Чему же поучает наш автор? Если верить автору, то оказывается, что возвращение Германии к самостоятельной внешней политике *в ближайшие годы невозможно* (См. 83 стр.). Германия может включиться в одну из империалистических группировок лишь в качестве *вспомогательной силы*. Германского империализма в природе не существует. В Германии имеется лишь «своеобразный трусливый империализм». Мечты о колониях остаются пока-что *фантазиями* трусливых «империалистов» (автор столь невысокого мнения о германских капиталистах, что даже само слово империалисты ставит в кавычки). По мнению автора, Германия является полуколонией. Больше того. *«Германия характеризуется рядом признаков, присущих колониальной стране: она является страной ввоза капитала, она разоружена, ее государственные доходы, государственный банк и железные дороги находятся под иностранным контролем; она обязана уплачивать ежегодную дань»* (курсив наш, 27 стр.). Германская буржуазия, оказывается, сама (в лице народной партии Штреземана) «является застрельщицей и руководительницей этого превращения Германии в колонию». В другом месте автор вновь утверждает, что программа партии Штреземана—*«открытое подчинение Германии англо-американскому капиталу—является программой буржуазной Германии на ближайшие годы»* (курсив наш, стр. 83).

Читая эти рассуждения автора, не знаешь, чему больше удивляться: *развязности*, с которой автор ставит вверх ногами партийные решения (при этом он о них вообще не упоминает), *слепоте* (ибо только слепой в 1926—27 г. не видит факта возрождения германского империализма) автора, или его политико-экономическому *невесельству*.

Можно допустить, что летом 1926 г., когда автор решил выступать в роли прорицателя будущего Германии, он еще не успел разглядеть новых тенденций (хотя уже были налицо «открытое письмо» и решения VI пленума, указывавшие на эти тенденции). Допустим, что для автора тогда более вескими были не эти документы, а речи Троцкого о «пайке», о подчинении Европы американскому капиталу и т. д. Но неужели автор не понимал, что в январе 1927 г. оставлять

в книге свои пророчества о превращении Германии в колонию, о ее роли при-датка и т. д.—значило уподобить себя унтер-офицерской вдове? Неужели в ян-варе 1927 г. уже не было ясно, что троцкистская схема о пайке оказалась скоро-спелой, неверной, непомерно раздувшей значение некоторых фактов?

Троцкистская установка автора, находясь в противоречии с решениями партии и Коминтерна, является установкой *ультра-левых*. Кто отрицает *новый этап* германского капитализма, у кого автор взял на прокат термин «трусливый империализм»? У идеолога ультра-левых—Маслова. Масловы и Рут Фишер раз-вращают сознание немецких пролетариев, доказывая, что никакого немецкого империализма нет, что Бухарин, строго отличающий современную Германию от Германии 1923 г., якобы извращает ленинизм. Масловы и Рут Фишер об'ек-тивно играют роль агентов *возрождающегося* немецкого империализма, ибо они замазывают факт перерождения буржуазной Германии из угнетенной в импе-риалистическую (не говоря уже об их травле Советского Союза и нашей пар-тии). Неужели эти антипартийные теории ультра-левых ренегатов должны быть к нам импортированы?

Но рассуждения автора о германском империализме не только политически ошибочны, но и политически невежественны. Только политически невежествен-ный человек может утверждать, что партия Штреземана является застрельщицей и руководительницей превращения Германии в колонию. По автору выходит таким образом, что сама германская буржуазия является застрельщицей пре-вращения Германии в колонию. Но это же ведь курам на смех. Автор просто не понимает разницы между тактикой и стратегией немецкой буржуазии. Гер-манская буржуазия, побежденная в 1918 г., не могла не перейти на оборонит-ельные позиции, исподволь накапливая силы, используя как противоречия между СССР и победительницами, так и противоречия внутри последних.

Германская буржуазия согласилась на план Дауэса, рассматривая его как временное зло и одновременно как одно из средств стабилизации своего хо-зяйства. На протяжении всех послевоенных лет германская буржуазия никогда не отказывалась от своей стратегической задачи—возрождения *империалисти-ческой* Германии. В первые годы она мечтала о реванше в союзе с... СССР. В последние два года она настолько экономически окрепла, что уже пытается выступить в роли инициатора континентальных трестов. В момент, когда империалистические вождедения германской буржуазии расцветают пышным цветом, заявлять, что ее руководящая партия является застрельщицей превра-щения Германии в колонию, значит попасть, действительно, пальцем в небо.

Неграмотным в политико-экономическом отношении является попытка автора доказать, что Германия характеризуется рядом признаков, якобы присущих колониальной стране. Неужели автор не понимает, что ввоз капитала в совре-менную Германию имеет принципиально-отличное значение, чем, скажем, ввоз капиталов в Китай или Индонезию? Почему автор забыл о такой мелочи, как *вывоз* капиталов из самой Германии, как ее успешная борьба за экономическое завоевание новых рынков и отвоевание старых рынков? Страна, вывозящая капиталы борющаяся за рынки—в роли колониальной страны! Не слишком ли это даже для такого «оригинального» автора, как т. Яковин.

Стремление к «оригинальничанию» и схематизму прямо губит автора, когда он приступил к характеристике *современных политических* партий Германии. По схеме автора в Германии существуют три группы политических партий:

1) буржуазные (монархические) партии в лице националистов и народной партии, 2) мелкобуржуазные (республиканские) партии в лице центра и демократов, 3) пролетарские (социалистические) партии в лице с.-д. и коммунистов.

Эта «оригинальная» схема ошибочна от начала до конца. *Эта схема метафизична, неверна фактически, вредна политически.* Эта схема метафизична, ибо в реальной политической жизни, в германской в частности, не существует такой классификации партий, при которой классовый признак целиком совпадал бы с таким, напр., признаком, как отношение к монархии и республике. В реальной действительности грани гораздо более подвижны. Иллюстрировать метафизичность схемы автора можно как раз на примере Германии. Ярко монархический характер в Германии имеют две партии: националисты и народная партия. Но первая не является буржуазной партией. Националисты—партия юнкеров, генералитета, бюрократии, ведущих за собой широкие массы *монархически-настроенной мелкой буржуазии города и деревни.* Относя националистов к буржуазной партии, автор, таким образом, явно изнасиловал факты¹.

К республиканским партиям автор отнес партию центра и демократов, характеризуя их, как партии мелкой буржуазии. Но и в данном случае автор насиловал факты. Демократы—это партия торгового и банковского капитала, высококвалифицированной буржуазной интеллигенции и части старых промышленников. В этой партии крупную роль играет еврейская буржуазия (в свое время, напр., Ратенау), настроенная республикански. Характеризовать эту партию, как мелкобуржуазную, может лишь тот, кто не знает элементарных фактов из политической жизни Германии. Но относя демократов к мелкобуржуазным партиям, автор ничтоже сумняшеся сам же пишет на 63-й стр. следующее: «Немецкая демократическая партия торгового капитала и легкой обрабатывающей индустрии (известный берлинский электропромышленник Сименс и др.)» (курсив наш). Имея столь твердые взгляды по вопросу о политических партиях, вряд ли нужно было писать работу о «политическом развитии современной Германии»!

Теперь о партии «католического центра». Автор также относит ее к мелкобуржуазным и республиканским. Республиканской партией «центр» может считать социал-демократ, но не коммунист. Партия, которая была одним из столпов монархии Вильгельма, одной из партий германского империализма,—в роли носительницы республиканских идей!

Необычайно упрощен вопрос и о социальном лице «центра». Оценка «центра», как партии мелкобуржуазной, является оценкой не нашей, а с.-д. Верно, что «центр» ведет за собой широкие массы мелкой буржуазии и отдельные слои рабочих. Но сказать это значит сказать лишь часть правды. Вся же правда состоит в том, что руководящую роль в «центре» играет католическая буржуазия города и деревни плюс верхи церкви. Партия «центра», использующая огромный и великолепно поставленный аппарат церкви, является главным приводным ремнем немецкой буржуазии, связывающим ее с мелкой буржуазией и рабочим классом. Но как может коммунист-марксист на этом основании говорить о ней, как о партии мелкой буржуазии?

¹ Характерно, что автор сам же ломает схему, когда переходит к выявлению социального лица националистической партии, характеризуя ее, как партию помещиков. Заголовок «помещичья партия националистов» поставлен буквально через строчку после следующей фразы: «В этой борьбе мы рассмотрим две монархические партии буржуазии» (курсив наш). Пойми, кто может.

Наш беглый обзор политических партий показывает, какой метафизичной, упрощенной является схема автора. Мы имеем помещичье-монархические партии (например, националисты), партии, ведущие за собой *миллионы мелкой буржуазии*, и *буржуазные* партии (демократы), являющиеся республиканскими. Мы имеем партии («центр»), временно прикрывающие свое монархическое лицо республиканской маской, через которые буржуазия города и деревни тащит на поводу рабочих и крестьян.

Эта сложная, полная противоречий, действительность не укладывается в те схемы, которые искусственно создал автор.

Мы утверждали, что схема автора *политически вредна*. Это можно, иллюстрировать на примере с «центром» и отнесением с.-д. к категории пролетарских (социалистических) партий. Всякий, кто следит за политической жизнью Германии, знает, что вопрос об оценке «центра» служит предметом повседневных дискуссий между социал-демократами и компартией. Рекламуя «центр», как партию республиканскую, как партию демократическую, *социал-демократические вожди оправдывают этим коалицию в Пруссии*. Рисуя «центр», как республиканскую мелкобуржуазную партию, социал-демократические вожди оправдывают этим перед массами идею коалиции вообще. Наша братская немецкая партия всячески борется с этой социал-демократической точкой зрения. Наша партия каждодневно доказывает массам, что «центр» ничем не лучше партии Штреземана, что «центр», по существу, — монархическая партия, одна из партий империалистической гинденбургской Германии¹.

Каковой же выглядит схема т. Яковина, согласно которой «центр» является республиканской, мелкобуржуазной партией? Ясно, что *социал-демократической*. *Схема Яковина льет воду на мельницу с.-д.*

Не лучше обстоит дело и с кьялификацией самой с.-д. партии как партии социалистической, как партии рабочей. Ленин нас учил тому, что с.-д. является *буржуазной* рабочей партией, т.-е. такой партией, членами которой состоят рабочие, а вождями — люди, подкупленные (прямо или посредственно) и прирученные буржуазией. Ленин нас учил, что с.-д. является не социалистической, а *социал-предательской* партией. Теперь же, в 1927 г., приходит Яковин и поучает, что с.-д. «к социалистическим партиям приходится тем не менее причислять потому, что формально ее целью остается социализм и ее агитация окрашена в социалистический цвет», хотя, потупив глаза, заявляет автор: «именно она явилась главным тормозом в деле осуществления социализма». Можно ли лучше разбить аргументацию автора, чем это делает сам же Яковин?²

Не меньше путаницы и «оригинальных» схем мы находим и в главах, посвященных *истории рабочего движения Германии и его современному положению*.

¹ С точки зрения коммунистов неверно, например, утверждение автора, что «центр» будет «плестись за монархическими партиями». На деле же «центр» не плетется, а *идет рядом* с националистами, подготавливая реванш на внешнем фронте и вводя реакционные законы внутри страны.

² Мотивировка того, почему автор назвал с.-д. рабочей партией, столь же логична. «К рабочим партиям ее приходится причислять потому, что ее состав в большинстве рабочих, что не мешает ей однако (как тут не вспомнить ленинскую оценку подобных «однако и но»), *быть буржуазной по своей политике*» (65 стр.). Это, называется, объяснил.

Возьмем для примера анализ течений в предвоенной с.-д. Автор устанавливает 3 течения:

«Правое ревизионистское, или реформистское, течение возглавлялось Бернштейном и сводилось к отрицанию классовой борьбы и защите идей классового сотрудничества с буржуазией с целью добиваться отдельных частичных реформ, к которым политика социаллистов и должна сводиться, по мнению Бернштейна, 2) «Центр», или оппортунистическое течение, возглавлялось Каутским и стояло на почве защиты идеи классовой борьбы и обостряющихся классовых противоречий, но считало, что классовая борьба отнюдь не должна носить характера массовой насильственной борьбы пролетариата. 3) Лево-радикальное, или революционное, крыло возглавлялось Розой Люксембург» (курсив наш, 157 стр.).

Какова же социальная база этих течений? Если характеризовать эти течения по их классовой линии политики, то первое (реформистское) течение можно считать буржуазным, т.е. ориентирующимся на политику сотрудничества и коалиции с буржуазией, второе—мелкобуржуазным, т.е. строящим свою политику под углом зрения приспособления политики социалистической партии к мелкой буржуазии, а третье—пролетарским, т.е. в первую очередь заботящимся о проведении пролетариатом самостоятельной линии политической борьбы» (стр. 157—158).

Итак, бернштейнианство—буржуазное течение, а каутскианство—мелкобуржуазное. Но сконструировав эту схему на 157—158 стр., автор со скромностью гениального изобретателя преподносит на 164—165 стр. новую схему: согласно этой последней мелкобуржуазным является уже бернштейнианское крыло, а каутскианство характеризуется как идеология рабочей аристократии. Эти замечательные во всех отношениях идеи сформулированы следующим образом:

«Если мелкобуржуазные южные государства породили и укрепили в партии влиятельное бернштейнианское крыло, то преобладавшая в руководящих органах партии рабочая аристократия выработала себе каутскианскую идеологию, с ее пассивностью, боязнью борьбы и революционных потрясений, поисками спокойного, размеренного темпа политической жизни» (стр. 164—165).

Пойми, кто может!

Мы не знаем, кто вдохновлял автора, когда он конструировал свои бесчисленные схемы. Но мы знаем одно: что, творя свои схемы, автор забыл о... Ленине. Если бы автор исходил из ленинского учения об оппортунизме и центризме, он не наговорил бы таких, скажем прямо, глупостей. Каковы же ленинские взгляды по данному вопросу? В своем знаменитом «проекте платформы пролетарской партии» («Задачи пролетариата в нашей революции»), анализируя течения в международном рабочем движении, Ленин писал:

«Социал-шовинисты—наши классовые противники», буржуа среди рабочего движения. Они представляют слой, группы, прослойки рабочих, объективно подкупленных буржуазией (лучшая плата, почетные места и т. д.) и помогающих своей буржуазии грабить и душить мелкие и слабые народы, бороться из-за дележа капиталистической добычи».

«Центр»—люди рутинные, изъеденные гнилой легальностью, испорченные обстановкой парламентаризма и пр., чиновники, привыкшие к теплым местечкам и к «спокойной» работе. Исторически и экономически говоря, они не представляют особого слоя, они представляют только переход от изжитой полосы

рабочего движения, от полосы 1871—1914 годов, от полосы, давшей много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической, организационной работы в широком и широчайшем размере,—к *полосе* новой, ставшей *объективно* необходимою со времени первой всемирной империалистской войны, открывшей *эру социальной революции*» (Ленин, том XIV, стр. 54).

Итак, по Ленину каутскианство *не* представляло *особого* слоя, стало быть не являлось идеологией рабочей аристократии. Идеологией рабочей аристократии был в годы войны *социал-шовинизм*, а перед войной—оппортунизм. Но что было главным в оппортунизме? «Главное в оппортунизме есть *идея сотрудничества классов*» (Ленин, т. XIII, стр. 166). Яковин же на 157 стр. пишет, что предвоенное каутскианство «стояло на почве защиты *идеи классовой борьбы*». Чем же объяснить, что одновременно он квалифицирует каутскианство как оппортунизм? Чем же объяснить, что автор, характеризуя *бернштейнианство* как течение, защищающее «идею классового сотрудничества с буржуазией», отказывается квалифицировать его, как оппортунистическое течение¹, как идеологию рабочей аристократии? *Только тем, что автор, повидимому, не знаком с ленинским учением об империализме и расколе в социализме, не знаком с ленинским учением об оппортунизме.*

Чтобы покончить с вопросом о предвоенных течениях, нужно еще рассеять тот туман, который автор напустил в вопросе о бернштейнианстве. Бернштейнианство было наиболее цельным и законченным оппортунистическим, реформистским, ревизионистским учением. Следует ли отсюда, что оно отражало *лишь* настроения рабочей аристократии и рабочей бюрократии? Нет. Бернштейнианство было достаточно «широким» учением, чтобы стать знаменем и рабочей аристократии, и мелкобуржуазных попутчиков. Бернштейнианство с его ревизией марксизма—проповедью мирного вращения в социализм путем реформ, учением о притуплении классовых противоречий, о демократизации капитала, о замедлении темпа вытеснения мелкого хозяйства как в городе, так и в деревне; бернштейнианство с его учением о сотрудничестве классов в одинаковой степени отвечало интересам и настроениям *как* рабочей аристократии, *так* и мелкобуржуазных попутчиков. «Социалистические ежемесячники», идейным вождем которых был Бернштейн, символизировали это слияние *двух* потоков—реформизма и оппортунизма. В этом журнале участвовали как вожди мелкобуржуазных попутчиков в роде Давида, Кольба, так и вожди профбюрократии и рабочей аристократии в роде Легина, Эльма, Зюдекума, Носке. Автор не заметил этого двуликого лица бернштейнианства. Для него бернштейнианство—лишь идеология южно-германского крестьянства и мелкой буржуазии вообще. Конечно, такая характеристика бернштейнианства не верна, ибо она односторонняя и в то же время противоречит всему историческому развитию бернштейнианства. Если бы

¹ Иллюстрацией всей той путаницы, которая царит в голове автора, является характеристика бернштейнианства как *реформистского* течения, а каутскианского—как оппортунистического. Здесь что ни слово, то путаница. Всякий, знающий азы ленинизма, понимает, что между реформизмом и оппортунизмом никакой разницы нет, что, следовательно, реформистское течение было в то же время оппортунистическим и наоборот. Но признать это—значит похоронить всю схему автора, ибо по его схеме оппортунистическое течение признает идею классовой борьбы, а реформистское ее отрицает.

бернштейнианство было лишь идеологией южно-германской мелкой буржуазии, оно, конечно, не стало бы вытеснять каутскианство (которое, как мы знаем, автор характеризует, как идеологию рабочей аристократии), не стало бы, напр., социал-шовинистской идеологией¹. Социал-шовинизм был, по мнению Ленина, созревшим оппортунизмом, был *прежде всего* идеологией рабочей аристократии и рабочей бюрократии, сросшейся с буржуазным государством. Отсюда понятно, что Ленин несколько иначе расценивал бернштейнианство, чем Яковини. Отсюда ясно, что, прежде чем одарить читателей «оригинальными» схемами, автору не мешало бы заглянуть к Ленину. Или Ленина уже нужно ревизовать и в данном вопросе?

В исторической справке автора о рабочем движении налицо и ряд других ошибок, в своей совокупности свидетельствующих о склонности автора к реабилитации левых реформистов и правых коммунистов. Так, напр., автор замазывает ошибки Союза Спартака, не вскрывает его ошибок во всех основных вопросах рабочего движения, не сопоставляет его взглядов с ленинскими. Ленина он вообще замалчивает, зато рекламирует брошюру Троцкого—«Война и революция».

Когда автор переходит к периоду революции, он замазывает антиреволюционную роль *независимых* в германской революции. Если верить автору, то роль слуг германской буржуазии сыграли лишь шейдемановцы, взявшие на себя роль кровавых собак. Независимых же автор рисует, как революционную партию, стремившуюся к пролетарской революции (см., напр., 49 стр.).

Когда автор переходит к истории Коминтерна, он опять-таки обеляет Брандлера, замазывает борьбу Ленина с правыми. Так, например, III Конгресс автор рисует как конгресс борьбы с левыми (*выгораживая* здесь роль Троцкого), забывая упомянуть, что 3-й конгресс, подтвердив исключение Леви, был также направлен и против правых уклонов немецкой и др. секций. Период 1922—23 г. автор рисует в излишне-розовых красках, недостаточно подчеркивая его отрицательную сторону—сползание на реформистскую линию.

Анализируя лозунги партии, автор защищает правый, брандлеровский лозунг конфискации части реальных ценностей буржуазии. Автор защищает также и последующие лозунги немецких правых, например, рабочего контроля, отвергнутый позже эссенским партейтагом.

Обеляя правых², автор в то же время сердобольно относится к ультра-левым, скрывая одновременно перед читателем успехи КПГ при *ленинском* руководстве партии.

Свою главу о послеоктябрьской (имеется в виду октябрь 1923 г.) тактике КПГ автор начинает хвастливым заявлением, что он еще в 1925 г. изложил

¹ Тот факт, что сам Бернштейн в годы войны был в рядах умеренной оппозиции, не имеет сколько-нибудь существенного значения. *Основным* является тот факт, что вся группа «Соц. ежемесечника» стала составной частью господствующей клики в немецкой с.-д.

² Известно, что до 7 пленума *троцкистская* оппозиция еще надеялась, что бывшие правые пойдут вместе с ней.

ряд положений, ныне общепринятых¹ в Коминтерне и ВКП. Эта развязность автора нас теперь уже не удивит.

Вся мудрость автора сводится к охам и вздохам по поводу отсутствия товарищеской критики в КППГ, к рисованию мрачными красками состояния дел в КППГ. В книге, написанной перед эссенским партийтагом, автор не нашел ничего лучшего, как советовать «создать внутри партии условия товарищеского сотрудничества и взаимной товарищеской критики на основе внутрипартийной демократии». *Политический* смысл этой фразы ясен. Он заключается в требовании свободы разложения партии ультра-левыми. Эссенский съезд прошел мимо подобных сердобольных обращений. Эссенский съезд сплотил КППГ, одерживающую в последние месяцы (вопреки предсказаниям Яковина и др.) блестящие успехи. КППГ пожинает ныне плоды своей новой тактики, принятой вопреки ультра-левым друзьям Яковина. КППГ неуклонно идет вперед, несмотря на бешеную кампанию против нее ультра-левых ренегатов, нынешних политических союзников Яковина.

* * *

Что же сказать о книге в целом? Можно сказать лишь одно: ни по своему теоретическому уровню, ни по своей политической выдержанности она не заслуживала того, чтобы ее издавать.

Н. Ленцнер.

Alfred Ammon. Grundzüge der Volkswohlstandslehre: Erster Teil. Der Prozess der Wohlstandsbildung (die Volkswirtschaft). Deskriptive und theoretische Volkswirtschaftslehre. Jena, Gustav Fischer, 1926, стр. 403.

Alfred Ammon. Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. Zweite, erweiterte Auflage, Leipzig und Wien, Franz Deuticke, 1917, стр. 424.

Недавно вышедший в свет курс политической экономии Аммона представляет большой теоретический интерес. В названной книге впервые дано полное и подробное выражение теоретической концепции Аммона. Последний касается в курсе целого ряда важнейших проблем, как ценности, денег, кредита, заработной платы, процента, кризисов. Читателя может смутить заголовок книги Аммона. Вместо обычного «Volkswirtschaftslehre» Аммон говорит о «Volkswohlstandslehre». По существу мы имеем дело в данном случае лишь с терминологическим новшеством весьма сомнительного качества, как правильно отметил Диль в своей рецензии на данную книгу². Замену терминов Аммон объясняет тем, что термин «Volkswohlstandslehre» охватывает как теоретическую экономию, так и экономическую политику и поэтому включает в себе более широкое содержание, чем обычный термин «Volkswirtschaftslehre».

¹ Автор столь поверхностно знаком с послеоктябрьским периодом КППГ, что утверждает следующее: открытое письмо ИККИ якобы в свое время вызвало радость в стране врагов коммунизма. Тот, кто следил за буржуазной печатью Германии, знает, что германская буржуазия иначе расценивала «открытое письмо». Никакой радости она не проявляла, и такие органы, как «Биржевая Газета», открыто писали о неизбежности наступления КППГ на с.-д. С.-д. печать пыталась сделать веселую мину, но все понимали, что это веселая мина при плохой игре.

² «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft» 1927, 83 Band, 2 Heft, стр. 246.

Основные положения, выраженные в данном курсе, в фрагментарной и краткой форме были высказаны Аммоном в очерке, посвященном Рикардо «Ricardo als Begründer der theoretischen Nationalökonomie», 1924, стр. 100—122. Поэтому в настоящее время получается возможность выявить эволюцию взглядов Аммона, сопоставить его новейшую работу с первым его теоретическим произведением, вышедшим в этом году вторым изданием «Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie». Мы ограничимся в этой статье рассмотрением теории ценности нашего автора.

Аммон начинает свое исследование с анализа субъективной ценности. В данном вопросе он целиком солидаризуется с австрийцами¹, Высота субъективной ценности (во многих местах Аммон говорит просто о ценности, но имеет в виду субъективные оценки) определяется уровнем предельной полезности². Субъективная оценка производительных благ определяется субъективной оценкой предельного продукта³, т.-е. наш автор целиком принимает закон Визера. Точно также *Kosten* он понимает в чисто психологическом смысле, как связанную с утратой данной вещи утрату определенной величины полезности. Но ошибочно было бы сделать вывод, что Аммон солидаризуется во всех основных вопросах теории ценности с австрийцами. Его скорее можно отнести к математической школе. Теория субъективных оценок в системе Аммона играет вспомогательную роль при объяснении кривых спроса. При объяснении механизма и процесса ценообразования Аммон полностью повторяет положения Касселя и приводит уравнения последнего⁴. Мы не будем приводить здесь этих уравнений. Ограничимся лишь указанием на основную идею уравнений Касселя и Аммона. Спрос на предметы потребления наши авторы рассматривают, как функцию цены. Каждой определенной цене соответствует определенная величина спроса. С изменением цены изменяется спрос. От чего же зависит цена потребительских товаров? Последняя зависит от *Kosten*, от издержек производства (включая сюда и прибыль) или от цены необходимых производственных элементов или производительных товаров (в последние включаются труд, капитал). Вся задача теории ценности сводится к объяснению образования *Kosten*. Тут на помощь приходит упрощающее предположение, что количество первичных производственных элементов (*Originäre Produktionsmittel*, т.-е. таких, которые не могут быть сведены к другим, напр., труд в отличие от машины) является постоянным для данного периода⁵. Иными словами, первичные производственные элементы рассматриваются, как редкие блага, имеющиеся в ограниченном количестве. Цена этих редких благ определяется по принципу спроса и предложения, т.-е. она зависит от двух моментов—от предложения первичных производственных элементов и от спроса на последние, который, в свою очередь, зависит от спроса на предметы потребления. Таким образом, полагает Аммон⁶, противоречие между законом издержек производства (*Kosten*) и законом спроса—предложения устраняется. Первый закон есть частное проявление второго закона, поскольку цены предметов потребления определяются непосредственно издержками, которые

¹ Этому вопросу посвящен § 18 *Grundzüge*, стр. 126—134.

² Стр. 129—130.

³ Стр. 130.

⁴ Стр. 156—158.

⁵ Стр. 163.

⁶ Стр. 166.

в конечном счете, объясняются на основании теории спроса и предложения. Отсюда вытекает, что в случае свободного воспроизводства «редкость» не устраняется окончательно, а переносится лишь из области предметов потребления и средств производства в область первичных производственных элементов (напр., на труд, землю), которые имеются в ограниченном количестве. Отсюда вытекает, что нельзя говорить о примате какого-нибудь одного ценообразующего фактора. Средний уровень цен зависит и от субъективных моментов (характера функций спроса, находящихся в известной зависимости от индивидуальных потребностей) и от объективных моментов (от количества первичных производственных элементов и от технических условий, выражающихся в так наз. коэффициентах производства).

Таким образом, Аммон целиком принимает эклектическую теорию Касселя и отказывается от построения монистической теории ценности. Единственный пункт, в котором Аммон уклоняется от своего учителя, Касселя, состоит в объяснении функций или кривых спроса. Кассель принимает функции спроса за данные и не считает нужным входить в детальное изучение природы закономерности спроса. Аммон же считает необходимым заполнить этот пробел на основе углубленного психологического анализа¹. Тут на помощь нашему автору приходит теория предельной полезности. Аммон исходит из закона «выравнивания предельных полезностей»², получившего по инициативе Лексиса название 2-го закона Госсена. Сущность этого закона сводится к тому, что при наиболее рациональной организации потребления покупатель должен получить с каждой части товаров, купленных на последнюю денежную единицу, равную предельную полезность. Если известен характер потребностей, выражающихся в функциях полезности, цены товаров и платежная способность покупателя, то можно определить величину спроса на отдельные товары. Аммон в данном вопросе не является оригинальным—он следует, не зная того, учителю Касселя—Вальрасу. Отличие теории Касселя от Вальраса состоит в том, что Кассель непосредственно оперирует с функциями спроса, между тем, как Вальрас считает необходимым дедуцировать их из функций полезности. Кассель заимствовал у Вальраса все основные элементы своей системы, но значительно ослабил элемент психологизма. Поскольку Кассель устранил анализ спроса, он элиминировал понятие предельной полезности. Таким образом, новаторство Аммона состоит в том, что он считает необходимым вернуться назад к Вальрасу. Сам Аммон заявляет о своей солидарности с Вискеллем³, который является одним из наиболее верных учеников Вальраса. Единственное отличие Аммона от Вальраса можно видеть в том, что Аммон выражает сомнение в возможности точного измерения предельной полезности. Но такие сомнения высказывались столь авторитетными математиками, как Парето. Поэтому мы считаем возможным причислить Аммона к математической школе, несмотря на то, что применение математики ограничивается у Аммона лишь приведением уравнений Касселя.

Встает вопрос—как примирить горячую защиту Аммоном социального метода и социального понимания экономических явлений в «Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie» с признанием психологической теории

¹ Стр. 173.

² Стр. 173—174.

³ Стр. 175—176.

ценности. На эту эволюцию взглядов Аммона обратил внимание Рубин в своих очерках «Современные экономисты на Западе»¹. «Можно опасаться,—пишет Рубин,—что появившийся в 1924 году новый труд Аммона «Ricardo als Begründer der theoretischen Nationalökonomie» знаменует собой шаг назад от социального метода к традиционным натуралистически-психологическим теориям буржуазных экономистов». «Автор (Аммон. И. В.) не сделал ни малейшей попытки согласовать воспринятую им от Касселя «теорию редкости» со своим собственным—социальным методом, развитым в его более раннем труде». Нам представляется, что расхождения между старым и новым Аммоном нет. Во 2 издании своей книги «Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie», вышедшей после появления в свет его «Grundzüge», Аммон полностью повторяет все основные положения, высказанные в 1 издании, и не вносит никаких существенных поправок. При решении этого вопроса необходимо учитывать, что Аммон, как и Кассель и Вальрас, дает эклектическую теорию ценности. Этим он существенно отличается от австрийцев, которые в своей погоне за созданием монистической теории должны были ярко подчеркнуть индивидуалистически-субъективные моменты. В теории ценности Аммона субъективные моменты выступают лишь, как один из факторов ценообразования, влияющих лишь косвенно через величину общественного спроса. Основная теоретическая ошибка Аммона в его первой книге, превосходно вскрытая Рубиным, и выражающаяся в том, что он отрывает анализ социальных моментов от анализа производственных моментов, объясняет нам тот факт, что Аммон рыночную ценность (отождествляемую с ценой), с одной стороны, рассматривает, как социальную категорию, а с другой стороны, ставит в частичную зависимость не только от производственно технических моментов, но и от индивидуальных потребностей. Поскольку Аммон отрицает примат производства (хотя и не признает примата потребления), его точку зрения можно сформулировать следующим образом: теоретическая экономия занимается изучением социальных явлений, которые находятся в зависимости от целого ряда моментов, в том числе и субъективно-психологических.

В «Objekt und Grundbegriffe», в параграфе, посвященном анализу понятия ценности и цены, Аммон считает необходимым разграничить *Problemstellung* (постановку проблемы) и *Problemerkklärung* (объяснение проблемы)². Объектом теоретической экономии является рыночная или меновая ценность, как категория социальная. Но рыночная ценность в последнем счете может быть объяснена на основании субъективной ценности, которая является психологической категорией³. Последняя категория, добавляет Аммон, может быть причислена к основным понятиям политической экономии потому, что она является конечным основанием, объясняющим ценность (*in dem Sinne eines letzten elementaren Erklärungsprinzipes*)⁴.

Необходимо отметить, что такое сочетание социального подхода с признанием психологических моментов ценности не впервые встречается в истории экономической мысли. Достаточно упомянуть о наиболее крупных американских

¹ Стр. 203—209.

² «Objekt und Grundbegriffe», стр. 301.

³ *Ibid*, стр. 299.

⁴ *Ibid*, стр. 309.

экономистах, Кларке и Зелигмене. Они очень настойчиво подчеркивают социальный характер ценности¹ и вместе с тем признают влияние потребностей на ценность. Признание социального характера ценности сводится у них к триумфу, что нужно учитывать не индивидуальные потребности и индивидуальные издержки, а—общественный спрос и общественно-необходимые издержки. Можно привести другой пример—теорию Петри. Последний дает очень яркое выражение социального характера ценности, что не мешает ему в вопросе о причинах количественной определенности ценности солидаризоваться с теоретиками предельной полезности².

Обе работы Аммона иллюстрируют факт признания наиболее вдумчивыми теоретиками буржуазной экономики социального метода, с одной стороны, и недостаточность понимания этого метода, с другой стороны. Необходимо отметить, что в своем курсе в очень популярной и сжатой форме Аммон дает изложение взглядов, широко распространенных в буржуазной экономике. Новых больших теоретических идей этот курс не дает.

И. Блюмин

Большая советская энциклопедия, т. I—VII. Отдел искусства.

Основная цель Б. С. Э.—охватить все стороны человеческого знания, пользуясь единым материалистическим методом, и с этой точки зрения и должно прежде всего рассматривать рецензируемую ее часть.

Мы подходим к статьям по искусству Б. С. Э. с методологической точки зрения и лишь отчасти, фактической. Их можно разбить в этом отношении на 3 группы: 1-я дает материал выдержанный методологически. Искусство в них рассматривается в плане марксистской методологии (Гаузенштейн и Федоров-Давыдов); 2-я, не проводя марксистской точки зрения, пытается все же изыскать для объяснения искусства какие-либо социологические предпосылки (Ф. Шмит, Дж. Шмидт, А. Сидоров, поверхностно—А. Эфрос и в некоторых статьях В. Лазарев); 3-я вообще не считается с требованиями марксистской методологии, чаще всего ограничиваясь применением до головокружительных размеров беспочвенной, формалистической теории «влияний» (М. Алпатов, Н. Брунов. И Грабарь, В. Лазарев, Ю. Анисимов и почти все остальные авторы).

Попробуем рассмотреть материал, следуя этим разделам. Наиболее ценной и выдержанной статьей является, несомненно, «Барокко» Гаузенштейна (IV, 741—753). Несмотря на то, что перед автором стояла достаточной трудности задача—охарактеризовать стиль, выросший на основе довольно сложного экономико-классового переплетения,—задача эта выполнена блестяще. С точки зрения методологической это—лучшая статья из всех помещенных в 7 томах. Статьи Федорова-Давыдова—«Агитационный плакат» (I, 415—418) и «Ампир» (II, 508—509)—приемлемы вполне методологически, но имеют фактические дефекты. Так, в первой статье не рассмотрено развитие и применение агитационного плаката современной Европы (использование при парламентских выборах, агитация империалистических войн и т. д.) и развитие агитационного плаката в СССР в послевоенные годы

¹ Зелигмен в своей ранней статье «Social element in the theory of value» в «Quarterly Journal of economics», vol XV, стр. 346—347 обвиняет даже Маркса в недостаточно последовательном социальном подходе к ценности.

² «Der Soziale Gehalt der Marxschen Werttheorie», стр. 55—59.

(агитация хозяйственного и культурного строительства). Ни слова об Америке, где плакат наиболее распространен. Развитие плаката до 80-х г.г. нужно было обрисовать хоть в двух словах. В статье «Ампир» автор исходит из оценки социальной значимости этого стиля у Гаузенштейна. Сама оценка эта оспаривалась, кроме того, нужно полагать, что отождествление социально-политических условий России и Франции начала XIX в. является известной натяжкой. Нет четкого разграничения ампира и классицизма (см. напр., о Бруни).

Обращаясь ко 2-й из намеченных нами групп, упомянем прежде всего статью Ф. И. Шмита «Архитектура» (III, 560—563). В методологическом отношении она довольно близка к только-что упоминавшимся, хотя вместо одного понятия состояния производительных сил, определяющих, в конечном результате, развитие архитектуры, нагроможден ряд иных категорий (строительные материалы, уровень развития техники и организация труда, физические особенности страны). Между тем ясно, что при низком уровне развития производительных сил нет реальной возможности уйти от местного материала, но также очевидно, что при высоком уровне этого развития местный материал часто заменяется привозным. Гораздо важнее было подробнее указать, каким образом классовая структура данного общества определяет архитектурный стиль.

Далее отметим статьи Дж. Шмидта—«Болонская школа» (VI, 809—900) и «Брейгель» (VII, 416—418), который, иногда с довольно хорошими результатами, пытается объективно объяснить то или иное явление и поставить его в связь с общественным развитием. К этому же стремится и А. А. Сидоров в статье «Английское искусство». Но богатая и интересная фактически она страдает не всегда обоснованными обобщениями (II, 705—711). Едва ли можно сказать, что «известный практицизм, производственное начало и декоративность, стремление украсить жизнь и ее обстановку при явной реалистичности и трезвости—характерны для всего английского искусства». Сам автор впоследствии характеризует ряд эпох, где эти признаки, в той или иной мере, выпадают. «Блестящий» расцвет английского портрета в XVI в. вовсе еще не объясняется «влиянием знаменитого швейцарского мастера Гольбейна» и т. д. Но в общем статья представляет значительную ценность, в особенности при отсутствии литературы об английском искусстве на русском языке.

Относительно статьи Н. Флитнер: «Ассирийское искусство» (III, 613—616) нужно заметить, что автор имел все возможности точнее определить зависимость этого искусства от строя восточной деспотии, а не только от царской власти, тем более, что вопрос о характере развития хозяйства и культуры восточных деспотий был в свое время затронут еще Марксом и Энгельсом.

Интересна статья Яворской «Беспредметное искусство» (V, 780—783), дающая достаточно удовлетворяющее объяснение социальной обусловленности и значимости беспредметничества.

Гораздо хуже обстоит дело у А. Эфроса и В. Лазарева, статьи которых скорее попадают в 3-ю из намеченных нами групп, ибо у них налицо лишь некоторая легкая словесность, долженствующая играть роль объективного критерия. Так, например, А. Эфрос в заметке о «Барбизонской школе» (IV, 698—700) указывает: «Этим историческим периодом, от иконойской монархии до преддверия Парижской Коммуны, определяется социальная почва, питавшая искусство барбизонцев». Но ведь это тавтология—сказать, что социальная почва этого года питала искусство этого года. Дальнейшее упоминание о том, что

«революция 1848 года, способствовавшая оформлению буржуазного демократизма, была переломным этапом и для общественного признания» этой школы, не спасает статью от этих наших упреков. Так и В. Лазарев («Боттичелли»—VII, 255—258; «Борромини»—там же 195—197; «Брунеллески»—там же 659—663) характер творчества Боттичелли склонен объяснять в первом периоде увлечением античностью, а затем проповедью Саванароллы и, в конечном результате, не идет дальше попыток объяснения творчества этих мастеров или необъяснимо-фатальными влияниями, или делает это слишком расплывчато («борьба феодализма с возрождением»—в отношении Брунеллески и т. д.). Упомянутые необъяснимые «влияния» господствуют во всех статьях 3-й группы. Поэтому такая статья, как «Армянское искусство» Н. И. Брунова (III, 441—443), богатая фактическим материалом, методологически едва ли приемлема. Все армянское искусство сводится к перекрещивающимся влияниям художественных культур других стран, без малейшего указания на причины этих влияний. Влияние понимается как имманентная, себе довлеющая величина, при чем родословная каждого влияния в его формальной стороне прослеживается с редким усердием. «Армянский архитектурный стиль, говорит автор, образовался под перекрещивающимся влиянием зодчества восточных областей византийского государства, возникшего на почве эллинизма и персидской архитектуры». Итак, не только армянская архитектура не имеет объективной оправданности, но даже и византийская архитектура возникла, оказывается, не на почве хозяйственно-общественного развития Византии, а на почве «эллинизма и персидской архитектуры». В дальнейшем «формы армянских церквей имеют много общего с романским и ранее готическим зодчеством Зап. Европы». Но читатель ошибся бы, если б захотел объяснить это наличием сходных общественных формаций или взаимодействием хозяйственным, а за ним и культурным,—нет: «отмеченное сходство объясняется общим источником» (т.-е. эллинистической и персид. архитектур.). Как некий фетиш господствует над всем факт влияния. То же нужно сказать и о статье Алпатова «Болгарское искусство» (VI, 767—773). И здесь «влияния», и их «перекрещивания», и даже влияния те же—константинопольское и восточное, античное, эллинистическое и западное. Они перечисляются, конечно, без указания на причины, их вызвавшие. Многие памятники характеризуются одной лишь аналогией—такой-то «напоминает» то-то и т. д. Форма рождает форму—независимо от чего-либо. Так, «копирование миниатюр ввело в монументальную живопись свободные жесты фигур» и т. д. Между тем фактический материал исключительно богат. Но это фактическое богатство не спасает от методологической слабости. Хоть автор и в совершенстве знает материал, однако не он им владеет, а наоборот.

В статье Стрелкова «Буддийское искусство» (VII, 792—803) последнее не рассмотрено, прежде всего, в его эволюции (конечно, не формальной только); вся же «социологическая» дифференциация заключается, как утверждает автор, в том, что в росписях Аджанты «мы найдем, наравне с изображением утонченной придворной жизни, сцены, где мы видим *дервишей* и рабов, *хунцов* и *брахманов*, воинов и гетер. Не то мы наблюдаем в центрально-азиатской стенописи: тут налицо изображения мелких феодалов, чиновников, *хунцов*, *монахов*, словом всех тех слоев населения, которые входили в состав небольших центрально-азиатских государств» (курсив наш. А. М.). Что можно заключить из этой «социологии» вне времени и пространства? Было бы очень легко объяснить живопись перечислением изображенных персонажей,—а в приведенном перечислении автора,

к тому же, наличествуют и в том и другом случае одни и те же социальные группы (жупцы, монахи и т. д.). А ведь мы знаем, что буддийское общество (а следовательно, и искусство) прошло стадию феодализма, торгового капитала и т. д.

Варшавский в заметке о «Бубновом Валете» (VII, 765) не идет дальше констатирования борьбы с эстетизмом. Он же в «Батальной живописи» (V, 52—53) совершенно верно указывает, что в наши дни изживается батальная живопись старого порядка, но интересно было бы указать, в чем это усматривается. Ясно, что основные принципы нашей батальной живописи противоречат старым принципам. В изображение вводятся организованные массы и сцены борьбы и сражений приобретают новую значимость осмысленной и понятой самими действующими на полотнах массами классовой борьбы. Вместе с тем каждая из наших батальных картин есть протест против бессмысленной империалистской бойни. Этот протест предполагает уничтожение батальной живописи, как таковой, в будущем.

Г. Котов («Арабское искусство» III, 207—213) не имел оснований выводить возникновение и развитие арабского искусства из ислама. Знаток арабского искусства должен знать, что в исламе мы имеем лишь юридическое оформление социально-бытовых норм, которые определили и искусство. Исходя из этого, можно было объяснить и специфически бытовой, прикладной, ремесленный характер искусства арабов. Также нужно было бы указать и на общественный смысл запрещения изображения человека и живых существ. В общем в статье господствует формалистический подход. То же можно сказать и о статьях Щекатихина («Белорусское искусство» V, 416—421) и А. Коршун («Бельгийское искусство» там же, 457—461).

В заметке об Арзамасской школе живописи (III, 321) не указано, что эта школа была крепостной,—а ведь только в этом, прежде всего, ее специфичность.

«Барокко Русское» — Торопова (IV, 759—760) помещено вслед за упоминавшейся блестящей статьей Гаузенштейна, и насколько последняя производит благоприятное впечатление, настолько первая возвращает к грустным размышлениям. Барокко для автора — «стиль в русской архитектуре, сложившийся под влиянием обще-европейского барокко», хотя он принужден сказать, что до Петра был период «самобытного барокко», но чем определялся данный период — неизвестно. Начало послепетровского барокко «положено теми европейскими разными национальностей зодчими всех рангов, которых пригласил Петр для создания европейского города — столицы среди болот».

Это, конечно, красиво сказано, но, во-первых, были русские мастера барокко, а, во-вторых, и до Петра принципы барочного искусства были налицо в России, следовательно, имели более объективную, чем приезд иностранцев, причину. И, наконец, в третьих — чем объяснит автор, что Петровское время более предпочитало простой и незамысловатый облик «бюргерской», деловой архитектуры. в то время как дальнейшее развитие повело (при преемниках Петра) к требованиям прежде всего чисто внешнего эффекта — пышности и т. д. Очевидно: только различными запросами определенных русских общественных групп. И лишь поэтому Петровское время довольствовалось архитекторами-голландцами, в то время как немного позже потребовались итальянцы, удовлетворившие этим новым требованиям.

Мы полагаем, что не только в определении художественных стилей или эпох должно требовать объективного, научного подхода. При оценке творчества отдельных художников—моменты этого творчества и его общий итог также не могут рассматриваться иначе, как та или иная ступень или фаза диалектического развития художественной культуры определенного класса или общественной группы. Невыполнение этого требования лишает научной ценности даже самую коротенькую заметку. Между тем, большинство статей об отдельных мастерах, начинаясь стереотипной фразой: такой-то «знаменитый русский художник», или «архитектор»—указывают лишь внешние, чаще всего маловажные события его жизни (см. напр. ст. Грабаря «Баженов» т. IV с. 326—327). Что двигало его творчеством, кого он обслуживал, какова социальная значимость его искусства для той эпохи—все эти вопросы оставлены в стороне. Подобный характер носит статья Грабаря: «Антропов» (III, 107—108), где подробно перечисляется, что и где художник расписывал, с кого писал портреты; социальная же характеристика, очевидно, исчерпывается упоминанием, что он был сыном солдата и бедствовал. Его статьи «Благовещенский собор» и «Бове» (VI, 453—455 и 564—565) страдают теми же недостатками.

Не посчастливилось и Брюллову со всей его школой (VII, 692—694 и 694). Автор не указывает, почему эта школа «уходила от жизни, ища необычайных сюжетов, эффектных сопоставлений, театральных группировок», почему Брюллов не был воспринят передвижниками и воскрешен «Миром искусства». Зато в других отношениях автор необычайно словоохотлив. Совершенно неуместно звучит, например, в его статье «Беклин» (V, 271—272) величайшее восхваление и восхищение творчеством этого упадочного, в высшей степени чуждого нашему времени, художника. Упадочность возводится, однако, автором в великое достоинство («Природа Беклина столь непохожа по краскам и формам на привычную природу и в то же время так убедительно реальна (! А. М.) в ее великом оыжании и ее чудесных мелочах». Курс. наш. А. М.). В его же статье о А. Н. Бенуа недостаточно и неверно определено значение книги Бенуа «Русская живопись XIX в.», являющейся, прежде всего, одним из этапов развития классовой эстетики.

Ю. Анисимов в статье «Борисов-Мусатов» (VII, 149), давая не столь существенные биографические подробности, не выясняет—какие причины вызвали ретроспективизм в творчестве художника, что побудило его идеализовать определенные эпохи прошлого и т. д. Зато он подробно рассказывает о французском влиянии.

Не лучше поступает Стрелков, характеризуя творчество Боровиковского (VII, 168—169). Он не говорит, что это мастер дворянского искусства, эпохи его наивысшего расцвета, что характер и оформление его портретов именно этим обусловлены. Вместо этого фразы о том, что «Б. создал свой (! А. М.) тип женщины, часто некрасивый, слегка жеманный,—тип глубоко-индивидуальный и своеобразный, несмотря на всю свою кажущуюся разнообразность». Это м. б. и интересно, но не объясняет творчества Боровиковского (зато дает наглядное представление о творчестве автора). Весьма посредственна и не удовлетворяет статья об Антокольском—Домогацкого (III, 89—90), где после упоминания некоторых биографических факторов при отсутствии объективной оценки, автор делает печальный вывод, что слава Антокольского «не соответствовала его значению в истории русской скульптуры. Его успеху способствовала банальность и элементарность его исторических образов, которым он никогда не мог найти

вполне художественного скульптурного оформления». Это, конечно, неверно. И, наконец, в ответ на утверждение Машковцева, характеризующего творчество Бруни (III, 664—665) тем, что оно «связано с ранними флорентийцами»—мы можем спросить—а не связано ли было это творчество с русским обществом того времени?

Мы постарались рассмотреть материал, посвященный изобразительным искусствам в Б. С. Э., и если сделали ряд замечаний, то исключительно из желания посылить Б. С. Э. набезать этих недочетов в будущем.

А. Михайлов.

М. Борн. «Vorlesungen über Atommechanik». Berlin. 1925, стр. 358.

М. Борн. «Probleme der Atomdynamik». Berlin. 1926, стр. 183.

Первая книга Борна является опытом рационального—или, как выражается Борн, дедуктивного—обоснования учения о квантах, развивавшегося все время по преимуществу формально.

Рациональное обоснование мыслится Борном как синтез механики и теории квант. Сущность синтеза в том, что в обычное механическое изображение процессов вводится принцип прерывности, фигурирующий в учении о квантах.

Так как атомы обнаружили поразительное структурное сходство с солнечной системой, то естественно, что Борн пытается сначала использовать для построения атомной механики метод механики небесной, изобретенной Ньютоном и доведенной до высокой степени совершенства Лапласом.

Основной прием Борна можно выяснить на примере *боровской* теории водородного атома. В этой теории частота излучаемого атомом света определяется разностью уровней энергии стационарных круговых орбит, при чем уровни, помимо констант, зависят исключительно от квадратов целых квантовых чисел, характеризующих различные орбиты.

Отсюда ясно, что задача квантовой механики сводится к нахождению выражения энергии, которое зависело бы лишь от определенных параметров.

Для решения этой задачи Борн воспользовался давно известным в механике методом так называемой теории Гамильтона-Якоби, которая дает возможность придать выражению энергии соответствующую форму. В случае круговых орбит теорий Бора выражение энергии приводится к зависимости от одного переменного (переменное действие—*Wirkungsvariable*), которое и «квантуется», т.-е. приравнивается произведению целого числа на константу Планка.

Для эллиптических орбит Зоммерфельда выражение энергии можно опять-таки преобразовать в функцию одного параметра, но для полного определения орбиты (эксцентриситета, малой полуоси) необходимо еще одно квантовое число.

Первая глава «Лекций по атомной механике» излагает теорию Гамильтона-Якоби в ее существенных чертах. Вторая глава посвящена методу «квантования» простых и сложных периодических движений вообще, а третья—систем с одним световым электроном (водород и водородоподобные атомы); здесь же рассматривается проблема возмущенных движений (эффекты Зеемана, Штарка), которая подробно освещается в главе четвертой («Теория возмущений»).

Проблема возмущенных движений имеет большое значение в квантовой механике. Пока мы имеем дело с централизованной системой из ядра и одного

наружного электрона или с системами, которые можно приблизительно считать таковыми (водородоподобные атомы), все обстоит более или менее благополучно. Но как только мы переходим к системам с многими электронами, теория дает осечку. Это объясняется тем, что современная механика не в состоянии еще строго решить задачу трех тел, а система электрически заряженных тел, повидимому, сложнее, нежели обычная механическая система, и подчиняется более сложным законам.

Борн, проанализировав движение в системе атома гелия (два наружных электрона), приходит к заключению, что в этом случае теория явно расходится с опытом. Борн объясняет это тем, что для излучения классические дифференциальные законы заменяются квантовыми, но для взаимодействия самих электронов попрежнему оперируют с обычными дифференциальными.

Эта принципиальная непоследовательность приводит, по мнению Борна, к неудаче теории.

Чтобы найти выход из положения, Борн в «Проблемах атомной динамики» развивает изобретенную им (а также Гейзенбергом, Иорданом и по существу Дираком) *матричную* теорию квант. Мы ограничимся здесь оценкой принципиальных основ этой «новой квантовой механики».

В первой вступительной лекции Борн выступает со следующим характерным заявлением: «согласно новейшим исследованиям химические атомы имеют чрезвычайно запутанную структуру из меньших элементарных телец. Эти тельца—атомы электричества, отрицательные электроны и положительные протоны. Можно было бы думать, что дальнейшее развитие науки преодолет и это воззрение и придет к еще меньшим единицам. В этом случае *философское значение атомизма было бы не очень высоким*; последние единицы были бы не чем-то абсолютным, а лишь символом определенной ступени научного познания».

Таким образом одно из положений диалектической теории познания квалифицируется Борном как философски никчемное. Не уясняя себе правильного соотношения относительной и абсолютной истины, Борн естественно скатывается к формализму. Матричная теория квант и является в известной мере продуктом этого формализма. Борн выставляет следующий тезис (9-я лекция. Введение в новую квантовую теорию): «истинные законы природы устанавливают соотношения между величинами, которые должны быть принципиально доступными наблюдению». Что это значит? А вот что: «в нашем случае атомной теории мы ввели в качестве существенных составных частей теории величины, возможность наблюдения которых вызывает серьезные сомнения, например, место, скорость, время обращения электрона».

«Принципиально доступными наблюдению» величинами являются для Борна прежде всего уровни энергии и косвенно выводимые отсюда (при помощи закона Планка-Бора) «частоты», имеющие лишь формальный смысл (частное от деления разностей энергий на константу Планка); затем амплитуды, фазы и поляризация, которые опять-таки определяются чисто формально и независимо от каких-либо теорий на основании экспериментальных данных.

Этими «принципиально доступными наблюдению» величинами и оперирует Борн в своем матричном исчислении, располагая их в квадратные схемы (матрицы), содержащие бесконечное число членов—возможные физические случаи (например, амплитуды, и фазы колебаний). Борн формально пользуется при

своих операциях каноническими уравнениями механики и механическими законами сохранения энергии и вращательного момента, надлежащим образом приспособляя старые понятия к новым. Формализм теории обнаруживается в совершенно произвольных, но ведущих к желаемой цели, так называемых правилах замены (*Vertauschungsregeln*) при вычислениях с матрицами: определенные сочетания матриц заменяются определенными величинами и сочетаниями других матриц. Но раз установленные правила замены уж непосредственно дают результаты, обоснование которых встречает в старой теории большие затруднения, например, половинные квантовые числа, формула Ланда для эффекта Зеемана, проблема движения в скрещенных электрических и магнитных полях и др.

Достижения новой теории пока еще не очень велики—многие важные вопросы—и в первую очередь точное вычисление атома гелия—остаются открытыми.

Борн усматривает, однако, значение новой теории не столько в полученных уже результатах, сколько в методе оперирования с «принципиально доступными наблюдению» величинами.

Метод этот является в известной мере методом Маха, но не развитым последовательно и до конца. История науки неопровержимо доказала, что с принципом чистого описания явлений далеко не уедешь. Борн поэтому не отвергает реальности атомов, электронов, скоростей, времен обращений, орбит,—но заявляет, что «мир нашего воззрения в своей логической структуре уже, специальное, нежели мир физических вещей, а потому микрокосм подчиняется иным законам пространственно-временных отношений, нежели макрокосм». Что законы атомного мира иные, нежели законы мира планет, это совершенно верно, но незнание диалектики приводит Борна к тому неправильному выводу, что единственный путь познания законов атомных движений—это оперирование с нашими ощущениями, каковыми по своей тенденции, в сущности говоря, и являются «принципиально доступные величины» Борна. Если бы Борн имел понятие о диалектике, он твердо помнил бы не только о различии, но и об единстве мировых процессов. Законы микрокосма отличны от законов макрокосма, но вместе с тем едины с ними. Вот почему В. И. Ленин, цитируя замечание Больцмана об единстве природы, которое обнаруживается в «поразительной аналогичности дифференциальных уравнений, относящихся к разным областям явлений», пишет: «люди, признающие «теорию всеобщей подстановки», никак не вернуться от вопроса—кто же это так единообразно догадался «подставить» физическую природу» («Мат. и эмпир.», стр. 394). Вот почему теория Борна, несмотря на все его желание оперировать исключительно величинами, «принципиально доступными наблюдению», сводится в конце концов к «статистической» теории атомных движений. Невозможность фиксировать моментальные положения и движения электронов приводит к статистической теории движения, аналогичной классической кинетической теории газов. В этом именно положительное значение новой квантовой механики. Это, по существу статистическое, рассмотрение процессов, вполне правильное и законное для сложных систем, необходимо лишь дополнить ясным пониманием значения простых моделей, в роде модели Бора-Зоммерфельда атома водорода. Природа бесконечно сложна, но в простых моделях обнаруживается единство ее законов. Борн называет *поразительным* тот факт, что законы классической теории (геометрии, кинетики, механики и электродинамики) в простейших случаях ведут к пра-

вильным результатам (стр. 46), но здесь поразительно лишь борновское незнание диалектики сочетания простого и сложного, единого и многого. Правильное разрешение вопросов теории квант лежит не на пути выдумывания «новых принципиальных основ», на пути абсолютного разрыва (который фактически невозможен) с историческим развитием физики, а на пути этого исторического развития, т. е. ясного понимания того, каким образом старое переходит в новое, многообразие связывается с единством. Для этого именно и необходимо сознательное диалектическое мышление.

Укажем в заключение, что чтение книг Борна требует известной подготовки. Более доступны «Лекции по атомной механике», «Проблемы же атомной динамики» излагают очень сжато в первой части содержание «Лекций», во второй—матричную теорию квант, в третьей—решетчатую теорию твердых тел. Более подробное изложение матричного исчисления в статьях Борна, Иордана и Гейзенберга—*Zeitschr. f. Phys.*, т. т. 34 и 35, 1925—26 г.г.

З. Цейтлин

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Дзюбачинский, Ш. М., Деборин, А. М., Крицман, Я. Н., Милутин, В. П.,
Покровский, М. Н., Ротштейн, Ф. А.

ПЕЧАТАЕТСЯ

и в начале января выходит 24-я книга

„Вестника Коммунистической Академии“.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Статьи:

Деборин, А. — Октябрьская революция и диалектический материализм.

Блюмин, И. — Теория Вальраса. (Окончание).

Хмельницкая, Г. — Государственно-монополистический капитализм. (Германия 1914—1918 гг.).

Тележников, Ф. — Проблема причинности с точки зрения диалектического материализма.

Дынный, М. — Инструментализм Джона Дьюи.

Залманзон, А. — Теория условных рефлексов по книге И. Павлова. „Лекции о работе больших мозговых полушарий“.

Лихтенбаум, Л. — О числе измерений.

II. Стенограммы докладов, читаемых в Комакадемии:

Луппол, И. — Пути философской мысли в СССР.

Торжественное заседание, посвященное 35-летию литературной деятельности М. Горького. (С участием гг. Фриче В. М., Когана П. С., Переверзева В. Ф., Горбова Д. А., Нусинова И. и других).

III. Критика и библиография.

ЦЕНА 2 р. 50 коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ

В Издательство КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва 19, Волхонка, 14. Тел. 3-59-48.